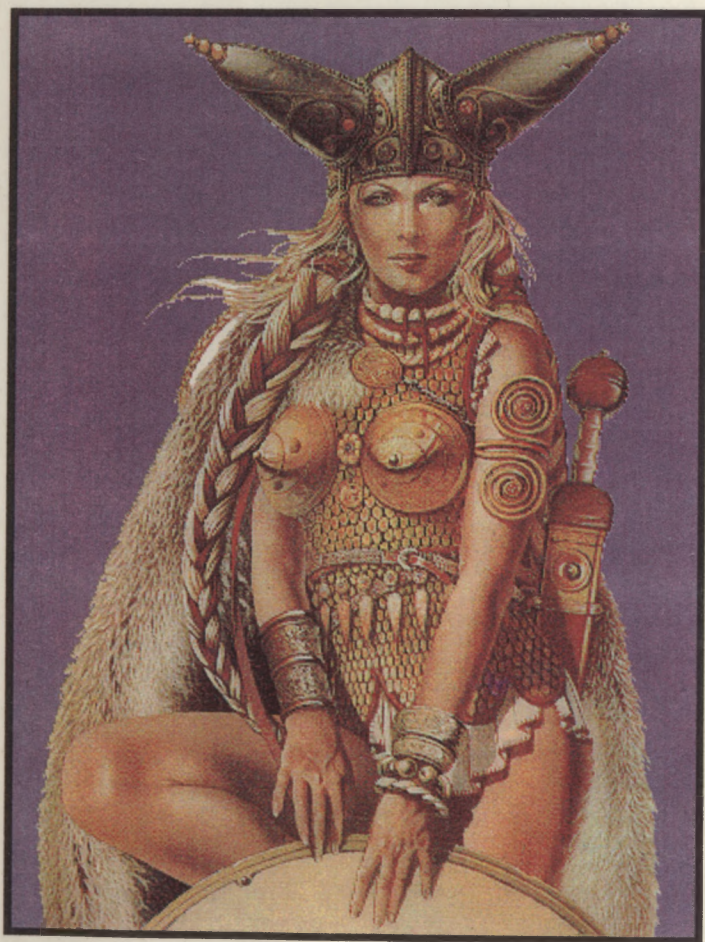
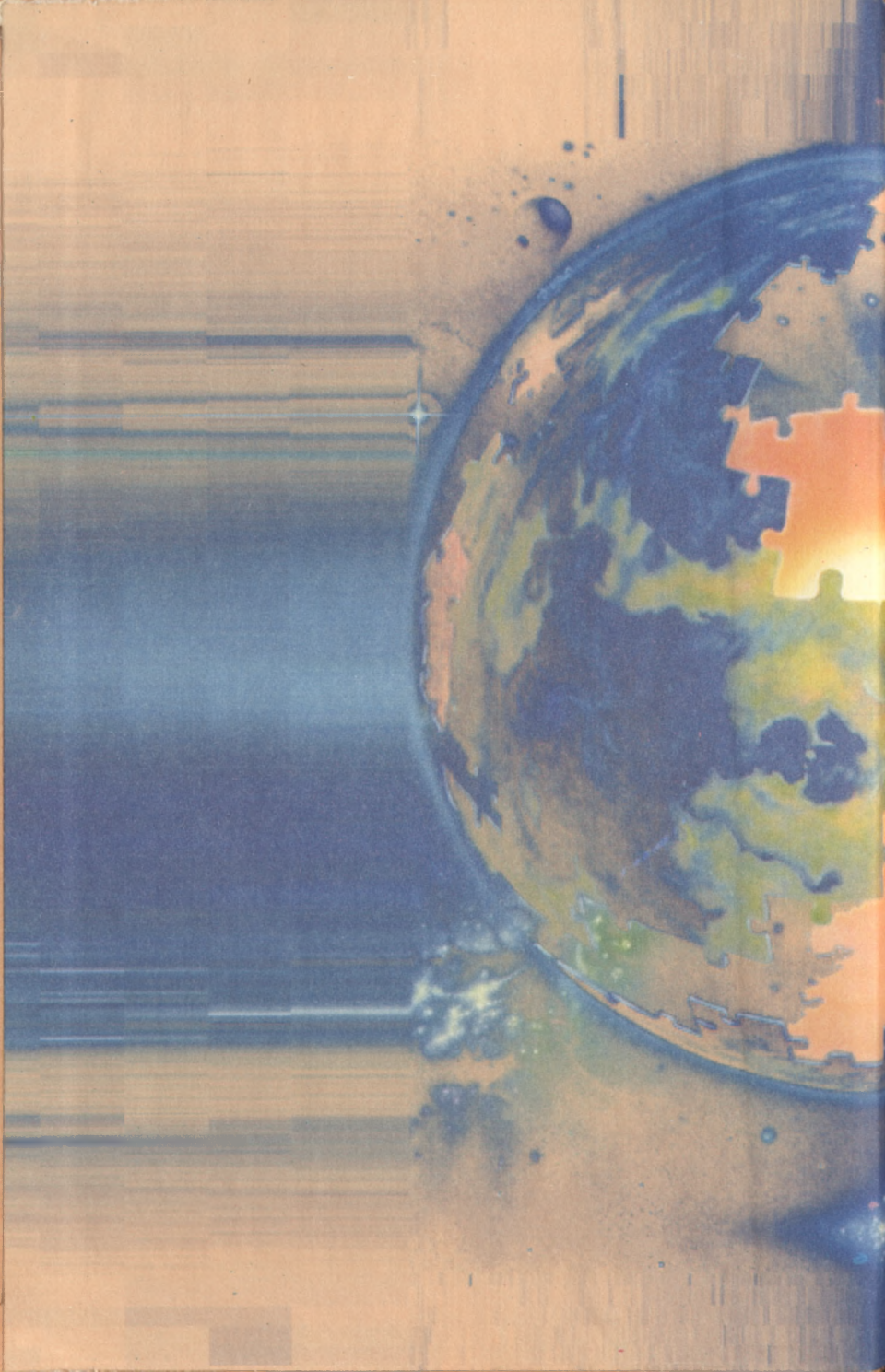

МИРЫ ПОЛА АНДЕРСОНА

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПОЛЯРИС»**

WORLDS OF POUL ANDERSON

Volume eight

OPERATION CHAOS

**THE DANCER
FROM ATLANTIS**

«POLARIS» PUBLISHERS
1996

МИРЫ ПОЛА АНДЕРСОНА

Том восьмой

ОПЕРАЦИЯ «ХАОС»

**ТАНЦОВЩИЦА
ИЗ АТЛАНТИДЫ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1996

**Миры Пола Андерсона. Т. 8 / Пер. с англ. — Рига:
Полярис, 1996. — 383 с.**

В восьмой том собрания сочинений вошли два романа «фэнтези». В первом из них — «Операция “Хаос”» — оборотень Стив Матучек оказывается вынужден сражаться с силами ада за жизнь своей дочери. А в романе «Танцовщица из Атлантиды» трое мужчин из разных эпох оказываются перенесены в далекое прошлое, в эпоху минойской цивилизации, которой грозит гибель от извержения вулкана...

Произведения, включенные в данное издание, охраняются законом об авторском праве. Перепечатка отдельных романов и всего издания в целом запрещена без разрешения издателя и переводчика. Всякое коммерческое использование данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издателя.

Operation Chaos
Copyright © 1971 by Poul Anderson
The Dancer from Atlantis
Copyright © 1971 by Poul Anderson
© Издательство «Полярис»,
перевод, 1996
© Издательство «Полярис»,
*оформление, составление,
название серии, 1995*

ISBN 5-88132-161-8

МИРЫ ПОЛА АНДЕРСОНА

собрание фантастических произведений
в тридцати томах

ТОМ ВОСЬМОЙ

Уважаемые читатели!

Издательство «Полярис» благодарит вас
за интерес к нашим книгам

и поздравляет с удачным вложением денег.

В каждом томе «Миров Пола Андерсона»
(кроме последнего)

вы найдете аналогичный призовой купон.

Мы рекомендуем сохранить эти купоны

до окончания выхода в свет всего собрания
фантастических произведений Пола Андерсона.

Потому что...

Внимание!!!

Потому что читатели, которые вышлют нам

29 разных купонов (по одному из каждого тома),

получат последний том «Миров Пола Андерсона»

БЕСПЛАТНО!

Каждому, кто соберет и вышлет

в адрес издательства 29 призовых купонов,

мы гарантируем получение по почте бесплатно

последнего тома «Миров Пола Андерсона».

НАШ АДРЕС:

Латвийская Республика, LV-1039, Рига, а/я 22

«МИРЫ ПОЛА АНДЕРСОНА»

собрание фантастических произведений
в тридцати томах

1	«Зима над миром» «Огненная пора»	Терранская империя — 3 Рассказы и повести	16
2	«Победить на трех мирах» «Тау — ноль» «Полет в навсегда»	Терранская империя — 4 «День, когда они возвратились» «Рыцарь призраков и теней»	17
3	«Орион взойдет»	Терранская империя — 5	
4	«Челн на миллион лет»	«Игра империй» «Камень в небесах»	18
5	«Враждебные звезды» «После судного дня» «Ушелец»	«Ночной лик» «Орбита не ограничена» Рассказы	19
6	«Планета, с которой не возвращаются» «Война двух миров» «Мир без звезд» «Самодельная ракета»	«Звездные нивы»	20
		«Звезды тоже из огня»	21
7	«Волна мозга» «Сумеречный мир»	Патруль времени — 1	22
8	«Операция «Хаос»» «Танцовщица из Атлантиды»	Патруль времени — 2	23
9	«Три сердца и три льва» «Буря в летнюю ночь»	«Щит времени»	24
10	«Сага о Хрольфе Жердинке» «Дети морского царя»	Психотехническая лига — 1 «Психотехническая лига» «Снега Ганимеда»	25
11	Торгово-техническая лига — 1 Рассказы и повести	Психотехническая лига — 2 «Бескровная победа» «Звездные пути»	26
12	Торгово-техническая лига — 2 «Сатанинские игры» «Обитель мрака»	Психотехническая лига — 3 «Звездолет» «Планета девственников»	27
13	Торгово-техническая лига — 3 Рассказы и повести	«Аватара»	28
14	Терранская империя — 1 «Дети ветра» «Мичман Флэндри»	Рассказы	29
15	Терранская империя — 2 «Все круги ада» «Восставшие миры»	Рассказы	30

*В содержании отдельных томов после двадцатого
возможны незначительные изменения.*

От издательства

В восьмой том собрания сочинений Пола Андерсона вошли два широко известных его романа в жанре «фэнтези» — «Операция “Хаос”» и «Танцовщица из Атлантиды», написанные в 1971 году.

Первый из них, «Операция “Хаос”», создавался как цикл рассказов и лишь позднее был переработан в роман. Проявляется это и в композиции — роман как бы распадается на слабо связанные между собой главы — и в легком, словно бы несерьезном тоне повествования. Герой «Операции “Хаос”» не видит ничего необычного в том, что на работу он добирается на помеле, что силы стихий давно поставлены на службу промышленности и даже в военных действиях участвуют василиски, единороги, драконы и ифриты. Мир, в котором магия заменяет технологию, — не новость в фантастике. Этим приемом пользовался и Хайнлайн в «Магии, Инк.», и многие другие, но Андерсон придает достоверную жизненность литературной условности.

Однако и это юмористическое на первый взгляд произведение ставит весьма серьезные вопросы — о верности и чести, о противостоянии тому злу, которое Андерсон, следуя традиции, персонифицирует в облике Врага, искусителя и лжеца. Когда дочери Стива Матучека угрожает опасность, он не колеблясь отправляется за ней в ад, к самому Сатане — и с помощью друзей побеждает. И в этом контексте новый, глубокий смысл приобретает заключительная фраза романа о том, что «Враг лишен чувства юмора. А Господь любит посмеяться».

Во втором романе — «Танцовщица из Атлантиды» — писатель использует популярную теорию, связывающую миф о гибели Атлантиды со взрывом вулкана на острове Санторин близ Крита, погубившим так называемую минойскую цивилизацию, одновременно находя в истории древнего Крита параллели с мифом о Тесее. При аварии машины времени в прошлое затягивает трех человек из

разных эпох и стран — Олега Васильевича из древнего Новгорода, гунна Улдина из донских степей и Данкена Рида, плывшего на пароходе по Тихому океану в тот миг, когда воронка времени захватила его. Втроем они должны подать знак спасателям времени — и не только уцелеть, когда расколется земля, поглотив страну минойцев-атлантов, но сохранить те ростки критской цивилизации, что через много веков станут основой цивилизации классической Греции.

Каждого из троих невольных путешественников меняет время, но больше всего — Данкена Рида, который находит в себе и новые, скрытые до того силы, и новую любовь.

ОПЕРАЦИЯ «ХАОС»

Эй, там, привет!

Если вы существуете — привет!

Мы можем никогда не узнать, есть ли вы. Это всего лишь отчаянный эксперимент, проверка дикой гипотезы. Но это еще и наша обязанность.

Я сейчас лежу, наполовину погруженный в странный сон, едва осознавая окружающий мир. Именно мне предложили сделать попытку докричаться сквозь потоки времени и пространства — потому что случившееся со мной много лет назад оставило следы во мне, где-то в самой глубине; именно поэтому было решено, что мое мысленное послание имеет больше шансов добраться до вас, если оно вообще может прийти куда-либо.

Нельзя сказать, чтобы шансы эти были слишком уж хороши. Моя заурядная натура подавляет ту небольшую странную силу, ту ману, что таится внутри моей души. Да и в любом случае вполне может быть, что я передаю свои мысли — и скорее всего так оно и есть — просто в никуда.

Идея о существовании многих параллельных времен — всего лишь философская идея; предполагается, что может существовать одновременно сколько угодно самостоятельных вселенных и одни из них полностью чужды друг другу, а некоторые различаются лишь в мелочах... Почему я мыслю во сне на этом языке? Это не мой родной язык. Подготовка к эксперименту ввергла меня в странное состояние. Черт побери, когда я проснусь завтра, я буду, конечно, самим собой — но не совсем... а вот сейчас я — это точно я... Но есть ли эти миры — где генерал Ли выиграл битву при Геттисберге, а Наполеон — при Ватерлоо; миры, где культ бога Митры победил христианство во времена Римской империи; миры, в которых Рима вообще не существовало; миры, где совсем иные животные, не похожие на человека, обрели разумную душу — или в которых вовсе нет разума; миры, все законы природы которых ничуть не похожи на наши, где возможно то, о

чем мы и помыслить не умеем, но где недостижимо то, что с легкостью дается нам...

Впрочем, мне объяснили, что в основании этой гипотезы лежит не одна лишь философская идея. Есть кое-какие намеки в современной физике, слишком непонятные для меня. Есть странные случаи появления или исчезновения людей, или того и другого одновременно, и эти факты заставляют предполагать, что иной раз материальные тела способны спонтанно переноситься сквозь потоки времени — Бенджамин Батурст, Гаспар Хаузер... Со мной и моими близкими тоже произошло подобное, хотя, конечно, тут несколько иное дело. Но именно в моем приключении — причина сегодняшней попытки.

Видите ли, если параллельные миры существуют, они должны, конечно, опираться на некое общее для всех фундаментальное основание; в противном случае все наши гипотезы оказались бы недоступными для проверки, а потому и не имеющими смысла. Но если миры эти произошли из одного источника, если они созданы по сходным матрицам, у них в определенном смысле должна быть и общая судьба. И какие бы конкретные формы они ни принимали, война между Законом и Хаосом наверняка пронизывает каждый из них.

Мы здесь кое-чему научились. И мы должны послать вам наше знание и наше предостережение.

Для вас, таящихся где-то в неизвестности, все это может показаться не более чем сном. Мне иной раз и самому так кажется, хотя я вспоминаю о реальных событиях. Мы сомневаемся, что вы — кто угодно из тех, до кого мы сможем докричаться, — сумеете ответить, если даже захотите. Ведь если бы вы могли — мы давно уже получили бы хоть какое-то сообщение из иных миров. Так что просто обдумайте то, что услышите. И спросите себя, может ли всего лишь пригрезиться подобное.

Мы не имеем ни малейшего представления, на что вы можете быть похожи, мы лишь предполагаем, что наш зов не уходит в вакуум. Но, наверное, ваш мир не полностью чужд нашему, ведь тогда связь между нами была бы невозможна. Разве можно общаться с абсолютно чужеродными существами? Нет, вы должны быть такими же людьми, с развитой культурой и технологией. Вы тоже должны помнить Галилея, Ньютона, Лавуазье, Ватта; и есть даже шанс, что и вы — американцы. Но в каком-то пункте дороги мы разошлись. Были у вас Эйнштейн? А если был — чем он занялся после первых своих работ, после исследований броуновского движения молекул, после создания специальной теории относительности? Такие вопросы можно задавать бесконечно.

И, само собой, вы можете задать нам такие же вопросы. Так что я просто расскажу вам свою историю — пусть даже она прозвучит немного нескладно (трудно рассуждать связно, будучи погруженным в такие сонные сумерки, как те, в которых сейчас плаваю я). Без сомнения, вы услышите и то, что вам самим хорошо известно. Если вы давно знаете, как работает электрический генератор или как закончилась первая мировая война — ну потерпите. Лучше излишек информации, чем ее полное отсутствие. Ведь то, что я должен сказать, жизненно важно для вас.

Если вы вообще существуете.

С чего же начать? Полагаю, для меня все закрутилось во время второй мировой войны, хотя, конечно, корни проблемы лежат гораздо глубже; ведь это борьба такая же старая, как сам мир...

Глава 1

Либо нам отчаянно не повезло, либо их разведка работала куда лучше, чем нам казалось, — но в результате вылазки, предпринятой врагом, мы были отброшены назад, а наша погодная защита разметана подчистую. Сразу возникли проблемы с пополнением, и мы неделями не имели ни малейшей возможности передохнуть, а тем временем враг захватил контроль над погодой. Наш единственный специалист по выживанию, майор Джексон, делал все, чтобы с помощью оставшихся в его распоряжении элементарей защитить нас от молний; иначе, пожалуй, они могли бы произвести немалое опустошение в наших рядах. Да к тому же начался дождь.

Ничего не может быть более обескураживающего, чем холодный ливень, не прекращающийся неделю напролет. Земля превратилась в жидкое месиво; оно заползало в башмаки, облепляло их снаружи, и вы едва могли вытащить ноги из грязи... Форма превратилась в мокрую тряпку, прилипшую к покрытой мурашками коже, паек пропитывался влагой, винтовки требовали постоянного внимания, и капли дождя ежеминутно колотили по шлему, доводя до одурения. Нет, никогда не забыть тех бесконечных дней прополаскивания и отступлений; даже и десять лет спустя дождливая и ветреная погода способна будет свергнуть вас в глубочайшую депрессию.

Думаю, единственным утешением нам тогда служила мысль, что во время дождя нас не могут атаковать с воздуха. Конечно, в те моменты, когда враг намеревался устроить воздушный налет, облачный покров снимался — но наши метлы взлетали и двигались куда быстрее, чем их ковры. Тем временем мы упорно тащились вперед — вся наша дивизия вместе со вспомогательными войсками; в частности, с нами шли укротители... гордость американской армии, превратившаяся в компанию мокрых и несчастных людей и драконов, плетущихся по Орегонским холмам.

Я неторопливо шел через лагерь. Вода стекала с палаток и булькала в окопах. Наши часовые, само собой, были одеты в плащи-невидимки, классические тарнкаппены, однако я отлично видел следы ног в грязи и слышал хлюпанье вытягиваемых из жижи ботинок и непрерывные однообразные ругательства.

Я миновал взлетно-посадочную полосу; воздушная группа разбила бивак рядом с нами, чтобы в случае необходимости оказать поддержку. Двое мужчин стояли на страже-возле разборного ангара, не слишком заботясь о том, чтобы сохранять невидимость. Их голубые форменные френчи выглядели такими же грязными и промокшими, как мой оливковый китель, но эти ребята все же были тщательно выбриты, а их знаки различия — крылатые метлы и шарики «глаз, отводящих зло», — блистали свежей полировкой. Часовые отсалютовали мне, и я небрежно поднял руку в ответ. *Esprit de corps**...

За ангаром виднелся наш арсенал. Там парни возвели укрытия для своих бестий, и я мог видеть лишь пар, струящийся сквозь щели, и чувствовать отчаянную вонь рептилий. Драканы ненавидят дождь, и их погонщикам приходилось тратить чертову уйму времени на то, чтобы управиться со своими подопечными.

Неподалеку расположилась группа психологических атак — на их территории, в загоне, шипели и извивались василиски, пытавшиеся укусить кормивших их солдат. Лично я всегда сомневался в пользе этого подразделения. Ведь нужно подвести василиска чуть ли не вплотную к человеку — чтобы василиск мог взглянуть ему прямо в глаза, и лишь тогда противник окаменеет; а шлемы и формы из алюминиевой фольги, которые защищают погонщиков, представляют собой отличную мишень для снайперов врага. Кроме того, когда углерод человеческого тела превращается в кремний, выделяются радиоактивные изотопы, и вы вполне можете схватить дозу, так что медикам придется пользоваться вас сусликом святого Иоанна, собранным в безлунную ночь на кладбище.

Да, кстати, на тот случай, если вам это неизвестно: кремация не просто отмерла как обычай. Указом министерства национальной безопасности она признана незаконной. Теперь у нас множество старомодных кладбищ. В общем, век науки еще раз урезал наши свободы.

Миновав компанию техников, управлявших группой зомби, копающих новые дренажные траншеи, я подошел к большой палатке генерала Ванбруга. Часовой, увидев значок разведкорпуса — священное слово из четырех букв — и полосы на

* Корпоративный дух, чувство общности интересов (*фр.*).

моих погонах, отдал мне честь и впустил в палатку. Я прошагал напрямиком к столу и поднял руку:

— Капитан Матучек явился, сэр.

Ванбруг хмуро глянул на меня из-под лохматых седых бровей. Генерал был здоровенным мужиком, с лицом, похожим на выветренную скалу; и хотя в армию он был призван из запаса — мы все любили нашего заслуженного генерала.

— Вольно, — сказал он. — Садись. Погоди немножко.

Я нашел складной стул и устроился на нем. Возле стола уже сидели двое незнакомых мне людей. Одним из них был пухлый мужчина с круглым красным лицом; на его форме красовались майорские погоны и знаки службы связи — хрустальные шары. А второй была молодая женщина. Несмотря на всю мою усталость, я встряхнулся и уставился на нее. Она того стояла — высокая, зеленоглазая, рыжеволосая, с точеным высокоскулым лицом и с фигурой слишком хорошей для того, чтобы напяливать на нее военную форму — будь то форма женского вспомогательного корпуса либо какая-то другая. Капитанские нашивки, кавалерийские колеса в петлицах... ну, не колеса, а слейп-ниры, если быть точным.

— Майор Харриган, — проворчал генерал. — Капитан Грэйлок. Капитан Матучек. Ну, к делу.

Он расстелил на столе перед нами карту. Наклонившись, я всмотрелся в нее. На карте были обозначены и наши, и вражеские позиции. Противник все еще удерживал Тихоокеанское побережье — от Аляски до центральной части Орегона, хотя это уже было и не то, что год назад; битва на Миссисипи в корне изменила обстановку.

— Итак, — сказал Ванбруг, — я обрисую вам обстановку в целом. Задание весьма опасное, вы можете и отказаться, но я хочу, чтобы вы знали, насколько это важно.

Насчет «отказаться» или «согласиться», честно говоря, я просто ничего не знал. Мы были в армии, война шла нештучная, и в принципе я просто не имел права отказываться от любого задания. Хотя, конечно, в тот момент, когда Сарацинский калифат напал на нас, я был вполне преуспевающим голливудским актером... И больше всего на свете мне хотелось вернуться к той спокойной жизни — но это могло произойти лишь после окончания войны.

— Как видите, мы заметно их потеснили, — сказал генерал. — А на оккупированных территориях жители поднимают восстания при малейшей возможности. Британцы организовали партизанские отряды и вооружили их — пока сами готовятся к переброске через пролив. Русские успешно надвигаются с севера. Но решающий удар должны нанести мы — прорвать линию

фронта и заставить сарацин окончательно отступить. И если мы добьемся успеха — война закончится в этом году. А в противном случае, пожалуй, затянется еще года на три.

Я это знал. Вся армия знала это. Официальных сообщений еще не поступало, но каким-то образом всегда чувствуется, если готовится крупный прорыв.

Короткий, толстый палец генерала ползал по карте.

— Девятая бронедивизия — здесь, двенадцатая воздушная — здесь... четырнадцатая кавалерийская, тут — саламандры, напротив тех позиций, где, как нам известно, они сконцентрировали своих огнедышащих. Морская пехота готова высадиться возле Сиэтла, и теперь у наших моряков вывелось достаточно кракенов* для хорошей драки. Один славный удар — и мы заставим их уносить ноги.

Майор Харриган фыркнул в бороду и уныло уставился на хрустальный шар. Шар был туманным, непрозрачным; неприятель создавал помехи для наших кристаллов, так что проку в них сейчас не было никакого — хотя, само собой, и мы в долгу не оставались. Капитан Грэйлок нетерпеливо постукивала по столу отлично наманикюренными ноготками. Она выглядела такой чистенькой, такой накрахмаленной и самоуверенной, что в конце концов я решил — капитан мне не нравится. Ну, по крайней мере — не нравится сейчас, когда на моем подбородке красуется трехдневная щетина.

— Но, похоже, что-то идет не так, сэр? — осмелился предположить я.

— Точно, черт побери, — ответил генерал. — Дело в Троллбурге.

Я кивнул. Сарацины удерживали этот город; он являлся ключевой позицией, и засевший там противник не давал нам пройти к Салему и Портланду.

— Насколько я понял, сэр, мы намерены захватить его? — неуверенно произнес я.

Ванбруг нахмурился.

— Это задача сорок пятой дивизии, — буркнул он. — Но если они потерпят неудачу, враг сможет сделать вылазку против девятой дивизии, отрезать ее — и устроить полный беспорядок. А теперь вот еще майор Харриган и капитан Грэйлок явились, чтобы сообщить — гарнизон Троллбурга обзавелся ифритом!

Я присвистнул, чувствуя, как по моей спине пробежал холодок. Калифат всегда слишком беспечно относился к использова-

* Кракены — морские чудовища из скандинавских мифов. (Здесь и далее примеч. пер.)

нию Особых сил... это, кстати, было одной из причин, по которым остальной мусульманский мир считал сарацин еретиками и ненавидел их так же сильно, как мы, — но мне и в голову не могло прийти, что они способны зайти так далеко, что они готовы сломать печать Соломона. А ифрит, вырвавшийся на свободу, может учинить такие разрушения, что и вообразить невозможно.

— Надеюсь, он у них только один, — прошептал я.

— Да, второго нет, — сказала капитан Грэйлок. Голос у нее был низкий и, пожалуй, звучал бы приятно, если бы леди говорила не так энергично. — Они долго тралили Красное море в надежде отыскать еще одну бутылку Соломона, но, похоже, эта была последней.

— И одной за глаза хватит, — сказал я, стараясь говорить как можно спокойнее. — Как вы об этом узнали?

— Мы приписаны к четырнадцатой дивизии, — без всякой надобности пояснила капитан Грэйлок.

Я это и сам понял — хотя, надо сказать, кавалерийский значок меня удивил, — ведь ездить на единорогах соглашались, как правило, только школьные учительницы с кислыми физиономиями и тому подобная публика.

— Ну, я-то всего лишь офицер связи, — торопливо сказал майор Харриган. — Я езжу только на метле.

Я усмехнулся. Ни один американский мужчина, если он не носит духовный сан, ни за что не признается, что умеет управлять единорогом. Майор заметил мою усмешку и покраснел от злости.

Грэйлок продолжила, четко произнося слова, ровно и без выражения:

— Нам повезло, мы захватили в плен сарацинского офицера — во время небольшой вылазки. Я его допросила.

— Они вообще-то довольно молчаливы, эти знатные сыны... э-э... сыны пустыни, — сказал я. В общем и целом я поддерживал Женевскую конвенцию о военнопленных, и мне не нравилась мысль об ее излишнем нарушении — даже если наш противник не был так же точен в ее соблюдении.

— О, никакой жестокости! — сказала Грэйлок. — Мы его неплохо устроили, отлично кормили. Просто в какой-то момент, когда кусок еды был уже у него в горле, я превратила его в свинину. Он тут же сломался и рассказал все, что знал.

Я расхохотался, и генерал Ванбруг хихикнул; но лицо капитана Грэйлок оставалось бесстрастным. Конечно, органо-органические превращения, требующие всего лишь перестановки молекул — без изменения атомов вещества, — не представляют собой риска, поскольку не сопровождаются излучением,

но зато требуют блестящего знания химии. Это, кстати, было одной из причин, по которым пехота люто ненавидела технические части: они просто завидовали людям, способным превратить походный паек в отличный бифштекс или французское жаркое. А армейским квартирмейстерам хватало забот и с тем, чтобы просто наварозить достаточное количество еды; им было не до деликатесов.

— Ну хорошо, вы узнали, что в Троллбурге держат ифрита, — сказал генерал. — А какие там еще силы?

— Там лишь небольшой дивизион, сэр. И если обезвредить демона — можно будет без труда захватить город, — сказал Харриган.

— Да, понимаю. — Генерал покосился в мою сторону. — Ну что, капитан, играете с нами? Если поможете проделать этот фокус — считайте, Серебряная звезда... простите, я хотел сказать — Бронзовая.

— Ну-у... — промямлил я. Конечно, меня бы больше заинтересовало продвижение по службе — но и орден, в конце концов, не помешает. И тем не менее... были у меня и более серьезные причины для сомнений. — Сэр, я черт знает как мало знаю обо всем этом... я чуть не завалил экзамен по демонологии в колледже.

— Это я беру на себя, — сказала Грэйлок.

— Вы! — Захлопнув рот, открывшийся от изумления, я замолчал, не найдя что сказать.

— Я была ведущей ведьмой в агентстве Сокровенных тайн в Нью-Йорке, до самого начала войны, — холодно сообщила она. (Теперь я понял, где она нахваталась таких манер: она была типичной деловой девицей из столицы. Я таких терпеть не мог.) — Я знаю все, что только можно знать об управлении демонами. Ваша задача — благополучно доставить меня на место и помочь вернуться.

— Да-а, — едва смог выговорить я. — Да, только и всего!

Ванбруг откашлялся. Ему совсем не по душе было отправлять женщину с таким заданием, но время поджимало, и выбора просто не оставалось.

— Капитан Матучек — один из лучших наших вервольфов, — польстил он мне.

«Ave Caesar, morituri te salutant!» *, — подумал я. Нет, вообще-то я подумал немножко иначе, но это неважно. Я придумую фразочку получше после того, как меня прикончат.

* «Здравствуй, Цезарь, идущие на смерть приветствуют тебя!» (лат.)

Если быть точным — я не боялся. Во-первых, на меня были наложены чары, отгоняющие страх; а во-вторых, я считал, что шансов у меня ничуть не меньше, чем у тех пехотинцев, которые попадают под обстрел. Да к тому же генерал Ванбруг не стал бы рисковать личным составом, отправляя людей на задание, которое сам счел бы невыполнимым. Но я испытывал куда меньший оптимизм, нежели генерал.

— Я полагаю, два адепта сумеют прорваться сквозь их посты, — продолжил генерал. — А уж на той стороне вам придется импровизировать, исходя из ситуации. И если вы сумеете обезвредить монстра, мы атакуем завтра в полдень. — И мрачно закончил: — А если я не получу к рассвету хороших известий, мне придется перегруппировать войска и начать отступление, чтобы спасти то, что можно... Ладно, вот тут подробная топографическая карта города и окрестностей...

Он не стал тратить время понапрасну и спрашивать, в самом ли деле я добровольно иду на это задание.

Глава 2

Мы с капитаном Грэйлок пришли в палатку, которую я делил с еще двумя офицерами. Сквозь холодные косые струи дождя уже подбиралась темнота. До палатки мы дошли молча, тяжело шлепая по грязи. Мои товарищи по жилью были на дежурстве, так что мы могли поговорить наедине. Я зажег огонек святого Эльма и сел прямо на влажные доски, настланные на земле.

— Садитесь, — сказал я девушке, указывая на наш единственный складной стул.

Это была одушевленная вещица, которую мы купили в Сан-Франциско; стул был не слишком сообразителен, однако справлялся с тем, чтобы таскать наши вещевые мешки, и подходил, когда его звали. Он немного покряхтел, осваиваясь с незнакомым весом, и снова уснул.

Грэйлок достала пачку «Уингза» и вопросительно глянула на меня. Я благодарно кивнул, и сигарета порхнула к моим губам. Вообще-то в полевых условиях я предпочитаю «Лаки»: самозагорающийся табак удобен тогда, когда ваши спички могут отсыреть. Но когда я был штатским человеком — и мог себе это позволить, — я выбирал «Филип-Моррис», потому что крохотный эльф в красной курточке, сидящий в пачке, может заодно смешать вам коктейль.

Какое-то время мы курили, прислушиваясь к шуму дождя.

— Ну, — сказал я наконец, — полагаю, у вас есть какой-то транспорт?

— Моя личная метла, — ответила Грэйлок. — Я не люблю армейские «виллисы». Ну, и в любое время я могу взять «кадиллак». Хотя всегда увеличиваю его мощность.

— И у вас при себе необходимые снадобья и порошки, и что там еще положено?

— Только мел. Материальные вещества не слишком-то влияют на мощных демонов.

— Вот как? А зачем тогда восковая печать на бутылки Соломона?

— Но ведь ифрита удерживает не воск, а сама печать. Главное тут — чары; по сути, это просто вера ифрита в запрет. — Она глубоко затянулась дымом, и я залюбовался изысканными линиями ее щек. — Сегодня ночью у нас есть шанс проверить одну теорию.

— Ну ладно, и все же вам понадобится пистолет с серебряными пулями; у них ведь тоже есть оборотни, и вам это известно. Я возьму «сорок пятый» и несколько гранат.

— Как насчет водяного пистолета?

Я нахмурился. Мысль об использовании святой воды в качестве оружия всегда казалась мне святотатственной, хотя священники и считали это позволительным при схватках с тварями из Нижнего мира.

— Пользы не будет, — сказал я. — У мусульман нет сходного ритуала, а потому, естественно, они и не используют такие существа, которыми можно управлять при помощи святой воды. Да, не забыть мою магическую вспышку... Вот и все.

В палатку просунулся большой нос Айка Абрамса.

— Может, вы и леди капитан хотите перекусить, сэр? — спросил он.

— А почему бы и нет! — воскликнул я, подумав, что зачем тратить последний вечер в Мидгарде на то, чтобы торчать в очереди у кухонного раздаточного окна. Когда Аик исчез, я объяснил девушке: — Аик — не военнообязанный, но мы были друзьями в Голливуде... он служил реквизитором, когда я играл в «Зове пустыни» и «Серебряном вожде», а теперь любезно помогает мне. Он принесет нам ужин сюда.

— Знаете, — заметила она, — это, на мой взгляд, одна из положительных сторон века технологий... Вам известно, что в этой стране был очень распространен антисемитизм? И не только среди чокнутых иоаннитов; нет, среди самых обычных благополучных обывателей.

— В самом деле?

— В самом деле. Особенно почему-то было крепким убеждение в том, что иудеи — трусы и что их никогда не увидишь там, где опасно. Ну а теперь, когда большинство из них соблюдают запрет их религии на чары, а ортодоксы вообще не могут пользоваться никакой магией, очень многие из них служат в пехоте и в рейнджерах, и это просто нельзя игнорировать.

Мне лично давно надоели комиксы, герои-супермены в которых носили однообразные иудейские имена — как будто англосаксонских имен просто не осталось! — но девушка сделала очень верное замечание. А значит, она не была просто автоматом, зарабатывающим деньги... далеко нет!

— Чем вы занимались до войны? — спросил я просто так, чтобы заглушить непрерывный шум дождя.

— Я же вам говорила, — огрызнулась она, мгновенно рассердившись. — Я работала в агентстве Сокровенных тайн. Реклама, связи с общественностью и все такое.

— Ох, ладно, — сказал я. — В Голливуде тоже все — сплошная липа, так что не мне над вами насмехаться.

Но ведь в голливудской липе моей вины не было. Все эти типы с Мэдисон-авеню причиняли мне сплошные огорчения. Они использовали настоящее Искусство, чтобы рекламировать самонадеянных ничтожеств или чтобы продавать товар, главным достоинством которого было полное сходство с аналогичным товаром другой фирмы. Компания «Искусство магии» не раз терпела крах — например, когда пытались научить русалок пускать фонтаны или запихать юных саламандр в стеклянные трубки для освещения Бродвея... но я и теперь думал, что можно было бы найти лучшее применение для говорящей бумаги, нежели прославление духов «Ma Chère». Конечно, духи очень хорошие — но кому неизвестны почтовые инструкции?..

— Вы просто не понимаете, — сказала она. — Это часть нашей экономики... часть социального устройства. Неужели вы всерьез думаете, что обычный провинциальный оборотень способен починить... ну, скажем, машину для полива газонов? Нет, конечно, — он просто выпустит водных элементарей и затопит половину городишки — если в машину не заложены ограничительные чары. А мы в агентстве как раз тем и занимались, что внушали гидрам уважение к нашим символам. Я ведь вам говорила, тут главное — психосоматическое влияние; но с этими существами можно управиться, несмотря на их силу. Иной раз мне приходилось гоняться за ними в акваланге!

Я посмотрел на нее куда более уважительно. С тех пор как человечество научилось преодолевать разрушительное влияние холодного железа и началась эра магии — мир весьма нуждал-

ся в отчаянных, дерзких людях. И, похоже, эта девушка была как раз из таких.

Абрамс принес две тарелки с едой. Выглядел Абрамс грустно, и я бы хотел пригласить его посидеть с нами — если бы нам не нужно было обсудить детали секретной миссии.

Капитан Грэйлок превратила кофе в мартини — не слишком сухой, а неаппетитную кашу — в отличные бифштексы; и это был мой лучший ужин за последний месяц. После бренди девушка немного расслабилась, и я понял, что ее жестокая деловитость — просто форма самозащиты; ведь ей приходилось иметь дело со всякими типами... и мы стали звать друг друга по имени — Стивен и Вирджиния. Но вот стало темно — и нам пришлось отправляться в путь.

Глава 3

Вы можете подумать, что это чистое безумие — посылать всего двух человек (один из которых — женщина) во вражеские расположения с заданием, подобным нашему. Тут бы следовало вызвать бригаду рейнджеров — по меньшей мере. Но в наши дни благодаря науке война очень изменилась — так же как промышленность, медицина, да и просто обычная наша жизнь. Но, конечно, предприятие наше было отчаянным — однако не из тех, в которых может дать результаты численное превосходство.

Видите ли, несмотря на то что практически любой человек может научиться незатейливой ворожбе, с помощью которой он управится с модернизированной метлой, или пылесосом, или револьверным станком — лишь немногие становятся истинными адептами. Тут недостаточно многолетней учебы и практики, тут нужен прирожденный талант. Это то же самое, что быть человекозверем, оборотнем: если у вас есть необходимые хромосомы, вы оборачиваетесь в родственное вам животное почти инстинктивно; а в противном случае вы можете трансформироваться лишь с помощью сил, направленных на вас извне.

Мои друзья-ученые объясняли мне, что Искусство магии чем-то сродни теории неопределенностей Кантора. При некоторых условиях часть равна целому, и так далее. Одна хорошая ведьма может справиться с делом — а большее число людей просто увеличит риск обнаружения; тем самым подвергнется опасности слишком ценный персонал. Поэтому Ванбрут был абсолютно прав, отправляя нас вдвоем.

Да, в армейских правилах заложен здравый смысл — беда лишь в том, что иногда вам приходится испытывать его действие на себе.

Мы с Вирджинией переоделись, повернувшись друг к другу спиной. Она надела брюки и походную куртку, а я — эластичный костюм, который не помешал бы мне, обернись я волком. Мы надели шлемы, обвешались оружием и взглянули друг на друга. Даже в мешковатом зеленом костюме девушка выглядела отлично.

— Ну, — ровным голосом сказал я, — отправляемся?

Разумеется, я не испытывал страха. На каждого новобранца налагают специальные военные чары против страха. Но мне все же не нравилось то, что нам предстояло сделать.

— Чем скорее, тем лучше, — ответила она. Подойдя к выходу из палатки, девушка свистнула.

Откуда-то сверху спланировала метла и приземлилась точно перед Вирджинией. Несмотря на модную отделку хромом, метла была просто отличной. Сиденья из вспененной резины, противоударное устройство, удобное заднее сиденье — все это ничуть не напоминало армейский транспорт. Помощником Вирджинии оказался гигантский кот, похожий на пушистый густок мрака — с недобрыми желтыми глазами. Он выгнул спину и негодующе фыркнул. От дождя кота прикрывали особые чары — но ему не нравился чертовски сырой воздух.

Вирджиния пощекотала его под подбородком.

— Ох, Свартальф, — сказала она. — Хороший котик, умница мой, принц тьмы... если мы переживем эту ночь, ты будешь спать на подушках, мягких, как облака, и лакать сливки из золотой чашки.

Кот вздернул уши и замурлыкал басом.

Я устроился на заднем сиденье, вдел ноги в стремяна и откинулся назад. Девушка села впереди и напевно забормotalа чары, управляющие метлой. Метла со свистом рванулась вверх, земля исчезла из виду, лагерь растворился во тьме. Но мы оба обладали ведьмовским зрением — по сути, это инфракрасное видение, — так что не нуждались в фарах.

Поднявшись над облаками, мы увидели гигантский свод, усыпанный звездами; а внизу бурлила тусклая белизна. Я приметил и парочку П-56, патрулирующих неподалеку; они были нагружены до отказа автоматическими ружьями. Мы оставили их позади и помчались на север. Я пристроил на коленях автоматическую винтовку Браунинга и сидел неподвижно, слушая свист рассекаемого воздуха. Далеко внизу, в густой тени холмов, я отметил вспышки артиллерийской дуэли. Но вспышки были слишком частыми... никто не смог бы с такой скоростью

бросать чары, запускающие и взрывающие снаряд. Я припомнил доходившие до меня слухи о том, что генерал Элтрик разработал систему, позволяющую произносить нужные формулы за микросекунды...

Троллбург находился всего в нескольких милях от наших позиций. Я увидел впереди бесформенную, мрачную громаду города. Вот где пригодилось бы атомное оружие! Но пока в Тибете вращались антиядерные молитвенные колеса, атомная бомба оставалась лишь научной фантастикой. Я почувствовал, как напряглись мои мышцы. Вирджиния плавно направила метлу вниз.

Мы приземлились в небольшой роще. Девушка обернулась ко мне.

— Их заставы должны быть где-то поблизости, — прошептала она. — Я побоялась опускаться прямо в городе, на крыши — нас слишком легко могли заметить. Придется нам начать отсюда.

Я кивнул:

— Хорошо. Дай мне минутку.

Я направил на себя магическую вспышку. Трудно поверить, что еще каких-то десять лет назад трансформация полностью зависела от полнолуния! А потом Вайнер доказал, что вся суть процесса в том, чтобы направить поляризованную волну определенной длины на шишковидную железу — и корпорация «Полароид» сделала очередной миллион долларов или около того, запустив в производство «линзу оборотня». Да, в нашем ужасном и прекрасном веке жить нелегко — но я не захотел бы жить в другое время.

Меня охватили знакомые ощущения: вибрация, короткое пьянящее головокружение и почти экстатическая мгновенная боль... Атомы менялись местами, создавая новые молекулы, нервы прорастали в новых направлениях, кости на долю секунды стали текучими, мускулы обвисли... А потом я стабилизировался в другом обличье, встряхнулся, просунул хвост в клапан облегающих штанов и обнюхал руку Вирджинии.

Она потрепала мою шею, пониже шлема.

— Хороший мальчик, — шепнула она. — Давай, вперед!

Я повернулся — и растворился в кустах.

Многие писатели пытались изобразить, как чувствует себя оборотень, — и все они потерпели неудачу, потому что в человеческом языке просто нет нужных слов. Мое зрение потеряло прежнюю остроту, звезды надо мной превратились в размытые пятна, и мир стал выглядеть бесцветным и плоским. Но зато я слышал все так резко, что ночь казалась мне наполненной гро-

хотом, я улавливал даже ультразвук; и целое море запахов заполнило мои ноздри — запахи травы и жидкой грязи, горячая сладкая струйка запаха полевой мыши, пробежавшей неподалеку... резкий чистый запах машинного масла и ружей, дух табака... О бедное глупое человечество, не способное ощутить всю красоту этого мира!

Труднее всего при обращении сохранить психологические характеристики человека. Я стал волком — с волчьими нервами, железами, инстинктами, и мой интеллект — высокий для волка — все же был ограничен. Я помнил о цели, которую преследовал как человек, но теперь она казалась мне нереальной, надуманной. И мне пришлось приложить всю мою тренированную волю, чтобы делать то, что нужно, — вместо того чтобы пуститься в погоню за первым попавшимся кроликом. Нечего и удивляться тому, что в былые времена оборотни имели никудышную репутацию, — и лишь постепенно люди осознали, что нужно учитывать изменения в ходе мыслей при обращении, и оборотням стали с детства прививать необходимые привычки.

Как человек я весил сто семьдесят фунтов, и, поскольку при обращении масса полностью сохраняется, я был весьма крупным волком. Но я легко скользил между кустами, через поляны и овражки — и казался просто еще одной тенью. И лишь при входе в город я почуял человека.

Мех на моей спине поднялся дыбом, я распластался в траве — и замер, ожидая. Мимо шел часовой. Это был высокий бородастый тип с золотыми серьгами в ушах — серьги слабо поблескивали в свете звезд. Тюрбан, обернутый вокруг шлема, казался на фоне Млечного Пути чудовищно большим.

Я пропустил его мимо и стал красться следом — пока не увидел следующего часового. Они расположились вокруг всего Троллбурга; под надзором каждого из них была дуга около ста ярдов длиной, и они шагали туда-сюда, встречаясь на границах своих участков. Непросто будет...

До моего слуха донесся новый звук. Я припал к земле. В небе проплыла одна из летающих крепостей противника. Я увидел двоих солдат и пару автоматических ружей. Ковер летел низко, неторопливо, описывая круги. Да, Троллбург охранялся хорошо.

Но как бы то ни было, нам с Вирджинией необходимо прорваться сквозь пикеты... И как мне хотелось в тот момент, чтобы трансформация не лишала меня способности рассуждать по-человечески! Волчья натура побуждала меня просто прыгнуть на ближайшего человека — но тогда на меня набросится весь гарнизон...

Стоп... может, как раз это и нужно?

Я метнулся назад, в заросли. Кот Свартальф цапнул меня когтями и тут же взлетел на дерево. Вирджиния Грэйлок вскочила, схватившись за пистолет, но тут же расслабилась и нервно засмеялась. Я, конечно, мог и сам справиться с магической вспышкой, висящей у меня на шее, но у Вирджинии это вышло быстрее.

— Ну? — спросила она, когда я вновь стал человеком. — Что ты узнал?

Я описал ситуацию и увидел, как девушка нахмурилась и плотно сжала губы. Ну, надо сказать, ее губы были слишком хороши для этого.

— Ничего хорошего, — задумчиво сказала она. — Я как раз и боялась чего-то в этом роде.

— Послушай, — сказал я, — ты ведь сможешь быстро отыскать этого ифрита?

— О да! В Конго я научилась магии поиска. А в чем дело?

— Я нападу на одного из стражей, устрою большой шум и отвлеку их внимание. Ты сможешь незаметно пересечь линию постов, а в городе наденешь тарнкаппен...

Она покачала рыжей головой:

— Я не взяла плащ-невидимку. Их поисковые системы ничуть не хуже наших, так что в нем нет смысла.

— М-м-м... да, пожалуй, ты права. Ну, все равно, ты сможешь в темноте проскользнуть к дому, где прячут ифрита. А уж там — действуй по ситуации.

— Я боялась, что нам придется поступить именно так, — сказала она. И добавила с удивившей меня мягкостью: — Но, Стив, ведь ты подвергаешь себя большой опасности...

— Нет, если они не подстрелят меня серебряной пулей. Но ведь большинство их зарядов из простого свинца! Они используют схему заряда «один к десяти» — из серебра у них лишь каждая десятая пуля. А значит, у меня девяносто шансов из ста благополучно добраться домой.

— Ты лжец, — сказала она. — Но храбрый лжец.

Но это совсем не было храбростью. Можно, конечно, воодушевляться, размышляя о долине Фордж, или Аламо, или холмах Сан-Юан, или о Касабланке, где наша армия остановила три дивизии «пантер» фон Огерхауса из Африканского корпуса — но лишь когда вы сами сидите в тепле и уюте. Однако на меня были наложены военные чары, снимающие страх, хотя и они не избавляли от холодного кома где-то в животе. Но я не видел другой возможности выполнить задание; а если наша попытка провалится — меня ждет трибунал.

— Я им пооткусываю ноги, если они вздумают за мной погнаться, — объяснил я Вирджинии. — А когда я их хорошенько встряхну — постараюсь присоединиться к тебе.

— Хорошо. — Внезапно она поднялась на цыпочки и поцеловала меня, едва коснувшись моей щеки губами.

Мгновение-другое я молча смотрел на нее. Потом, чуть замедлившись, спросил:

— Что ты делаешь вечером в субботу?

Она рассмеялась:

— Забудь об этом, Стив! Я служу в кавалерии!

— Да, но война ведь — не навсегда!

Я беспечно усмехнулся, и ее взгляд вдруг изменился. Да, нападение — лучшая из возможных тактик.

Мы обсудили детали операции, насколько это было возможно. Вирджинии предстояла нелегкая задача: скорее всего, ифрита хорошо охраняли, да и сам он представлял немалую опасность. Так что у нас обоих было не слишком много шансов встретить рассвет.

Я снова обернулся волком и лизнул руку девушки. Она взерошила мою шерсть — и я скользнул во тьму.

Я выбрал того часового, что стоял на шоссе, — но по обе стороны дороги тоже должны стоять солдаты... Да, я увидел людей поодаль, справа и слева от моей жертвы; они медленно шагали взад-вперед. Я притаился за пеньком, ожидая, когда часовой подойдет ближе.

И вот я прыгнул. Я успел заметить глаза и белые зубы на бородатом лице, я услышал крик и, налетев на часового, почувствовал вонь отчаянного страха. Он упал на спину, молотя руками, — и я вцепился в его горло. Мои челюсти сомкнулись, и мой язык ощутил горячую соль крови.

Я знал, что его крик услышали другие стражи. Два ближайших сарацина бросились на помощь. Я выпустил кишки первому из нападавших и сцепился со вторым.

Он выстрелил. Пуля обожгла меня, заставив пошатнуться. Но сарацин явно не знал, как обращаться с вервольфами. Ему следовало бы стрелять без передышки, пока не дойдет очередь до серебряной пули; ему следовало оттолкнуть меня, может быть, ткнуть штыком, лишь бы выпустить нужный заряд. А он просто бросился на меня, призывая своего еретического Аллаха.

Моя простреленная мышца мгновенно сомкнулась, сростаясь, — и я бросился на сарацина. Увернувшись от штыка и от прицела, я ударил его — довольно сильно, чтобы он выронил оружие, но недостаточно для того, чтобы сбить его с ног. Он устоял, схватил меня за шею и приподнял.

Я двинул его задней лапой по лодыжке. Он, продолжая держать меня, упал навзничь — и я оказался в наилучшей для ближнего боя позиции. Крутанув головой, я стянул его руку и рванул ее зубами.

Но не успел я окончательно расправиться с ним, как на меня навалились еще трое. Но до чего же паршиво тренировали этих ребят! Я вырвался из свалки, в которой участвовало уже с полдюжины сарацин, — и очутился на свободе.

В запахе горячих тел и крови я уловил слабую струйку аромата «Шанели №5», и что-то внутри меня засмеялось. Мимо места схватки промчалась Вирджиния, ведя метлу в футе над землей, — и очутилась в Троллбурге. Теперь мне нужно было уйти от погони — и не дать серебряной пуле настичь меня при этом.

Я взвыл, насмехаясь над людьми, высыпающими из ближайших домов, и, прежде чем помчаться в поле, позволил им как следует разглядеть меня. Я бежал легко и не слишком быстро, чтобы они не потеряли меня из виду; я бросался из стороны в сторону, чтобы не дать им возможности прицелиться. Сарацины бежали за мной, спотыкаясь и вопя.

Конечно, они восприняли случившееся как обычную диверсионную вылазку. Теперь сарацины заменят пострадавшие пикеты, гарнизон насторожится... но ведь наверняка никто, кроме нескольких старших офицеров, не знает о существовании ифрита, и никому в голову не приходит, что мы могли раздобыть такие сведения. А значит, у них нет особых причин беспокоиться и они не подозревают о наших подлинных планах. Так что, *может быть*, нам и удастся завершить операцию...

Что-то внезапно пронеслось над моей головой... Один из их чертовых ковров. Он спикировал на меня, как коршун, и ружья выплюнули огонь. Я бросился к ближайшей купе деревьев.

Еще несколько мгновений, и я укроюсь в роще...

Но у меня не оказалось этих мгновений. Я услышал за спиной тяжелый топот, уловил едкий запах... Тигр-оборотень несли следом за мной.

На мгновение я вспомнил своего проводника по Аляске. Он тоже был оборотнем — белым медведем. Если бы он мог очутиться здесь!.. Я развернулся навстречу тигру.

Это был очень крупный тигр и весил по меньшей мере пятьсот фунтов. Глаза его пылали, как раскаленные угли, огромные клыки сверкали... он взмахнул лапой такой величины, что она могла бы переломить мою спину, как сухую былинку. Я налетел на него, рванул зубами и отскочил назад, прежде чем он успел меня ударить.

Краем уха я слышал, как сквозь кусты ломаются сарадины, ищущие нас. Тигр прыгнул. Я увернулся и помчался к зарослям. Может быть, мне удастся укрыться... Он яростно топал следом, громко рыча.

Между двумя гигантскими дубами я увидел щель, слишком узкую для тигра, и поспешил к ней. Но она оказалась слишком узкой и для меня. И меньше чем через секунду я застрял в ней — а тигр настиг меня. В моих глазах вспыхнули огни — и наступила тьма.

Глава 4

Я плыл в нигде и в никогда. Мое тело отделилось от меня — или я от него. Но как я мог думать о бесконечной и вечной тьме, и холоде, и пустоте, когда у меня не было чувств? Как мог я чувствовать отчаяние, если был лишь точкой в пространстве и времени?.. И даже меньше, чем точкой, а вокруг не было ничего — ничего, что можно любить, или ненавидеть, или бояться, или желать на пути неизвестно куда. Смерть была бы меньшим наказанием, потому что сейчас я был единственным, что вообще существовало.

И *от этого* я отчаялся.

Но через мгновение, или через квадрильон лет, или спустя и то и другое — я кое-что понял. Я был во власти Великого Солипсизма. Беспомощный и ничего не понимающий, я уловил его эгоизм — такой беспредельный, что он не оставлял даже маленького местечка для надежды. Я закружился в водовороте мыслей — таких непонятных, таких чужих, таких огромных для меня, что я словно окунулся в волны ледяного океана...

...опасен, именно этот... он и те двое... каким-то образом он может стать смертельной опасностью... не сейчас (презрительно), когда рухнули их планы... нет, позже, когда они осуществят другое намерение, и эта война станет в сравнении с ним сущей мелочью... почему-то от них исходит волна опасности... если бы я мог рассмотреть будущее!.. их нужно отвлечь, уничтожить, что-то сделать с ними, пока угроза не стала реальностью... но я не могу создать для них опасность... может быть, они будут убиты во время войны... если нет, я должен помнить о них — и попытаться позже... сейчас у меня слишком много дел, мне нужно помочь прорасти тем семенам, что я посеял в мире... птенец противника не пролетит над моими полями, их сторожат голодные вороны и коршуны... (и — с бесконечной ненавистью) да, ты попа-

дешься в мои капканы, птенчик... и есть лишь Один, Кто сможет освободить тебя!

И так велика была сила злорадства в последних словах, что я внезапно освободился.

Глава 5

Я открыл глаза. Какое-то время меня не отпускал бесконечный ужас. Но меня спасла физическая боль, отогнавшая эти воспоминания куда-то вглубь, туда, где живут давние ночные кошмары. Лишь мелькнула мысль, что все это, наверное, было кратким безумием.

Природный оборотень — в его зверином обличье — совсем не так неуязвим, как это кажется большинству людей. Если даже оставить в стороне серебро (биохимический яд для метаболизма в промежуточном состоянии) — существуют и проклятия, способные остановить работу жизненно важных органов, а значит, и жизнь; и утрата какой-то части тела тоже может стать необратимой, если поблизости не окажется хирурга, чтобы пришить ее обратно, пока не погибли клетки... ну и так далее, и так далее. Но мы, оборотни, все-таки, безусловно, крепкие ребята. Мне достался удар, который, похоже, сломал мою шею. Но спинной мозг не был полностью разорван, и рана зажила с обычной для звериного облика скоростью.

Плохо было лишь то, что сарадины схватили меня и воспользовались магической вспышкой, чтобы вернуть мне человеческий облик, прежде чем раны окончательно зарубцевались. И теперь у меня отчаянно болела голова и мучила тошнота.

— Встать! — Чей-то ботинок ткнул меня в ребра.

Я с трудом поднялся. Они забрали все, что у меня было при себе, включая и магическую вспышку. Не меньше двух десятков сарадин направили на меня свои ружья. Преобразовавшийся тигр стоял рядом. Это был человек почти семи футов ростом и чудовищно жирный. Преодолевая головную боль, я присмотрелся к нему и увидел, что он носит знак эмира, который в те дни был скорее воинским званием, нежели титулом, и все же представлял немалую значимость.

— Идем! — скомандовал он и пошел вперед. Я с трудом потащился следом за ним.

Я видел ковры сарадин, кружащие в небе, слышал завывание их оборотней, отыскивающих следы других американцев. Но я слишком плохо себя чувствовал, чтобы интересоваться всем этим.

Мы вошли в город и зашагали к центру, и наши шаги гулко звучали на пустынных улицах. Троллбург был небольшим городком; наверное, до войны в нем обитали около пяти тысяч жителей. Но сейчас на улицах никого не было видно. Я заметил лишь несколько сарацинских батарей; стволы орудий смотрели в небо... с гроыханием протащился дракон, изрыгающий огонь, с бронированным паланкином на спине. И никаких следов гражданского населения. Но я знал, куда оно подевалось. Симпатичные женщины находились в офицерских гаремах, а все остальные либо перебиты, либо сидят под стражей в ожидании того дня, когда их погрузят на корабли и повезут продавать в рабство.

Когда мы добрались до отеля, в котором расположилась вражеская штаб-квартира, головная боль у меня поутихла, сознание прояснилось. Но в этом были и положительные, и отрицательные стороны. Мы поднялись по лестнице и вошли в один из гостиничных номеров. Мне было велено встать у стола, за который уселся эмир. Полдюжины стражей выстроились вдоль стен, а молодой паша из разведкорпуса сел неподалеку от эмира.

Эмир обратил к паше огромное лицо и что-то сказал ему — мне показалось, он говорил о том, что ему пришлось лично ловить меня. Потом эмир уставился на меня. Его глаза были бледно-зелеными, как у тигра.

— Итак, — заговорил он на хорошем английском, — мы вам зададим несколько вопросов. Пожалуйста, назовите свое имя.

Я машинально произнес, что я — Шерринфорд Микрофт, капитан армии Соединенных Штатов, и назвал воинский номер.

— Но это ведь не настоящее ваше имя, не так ли?

— Разумеется, нет, — ответил я. — Я знаю Женевскую конвенцию — вы не сможете навести на меня чары имени. Шерринфорд Микрофт — мой официальный псевдоним.

— Калифат не подписывал Женевскую конвенцию, — вежливо произнес эмир. — И во время газавата, священной войны, жесткие меры иной раз просто необходимы. С какой целью был предпринят ваш рейд?

— Не вижу необходимости отвечать на этот вопрос, — сказал я. Мое молчание помогало тянуть время — а оно так нужно было Вирджинии... но все равно времени было маловато.

— Мы можем заставить вас ответить, — сказал эмир.

Если бы это была сцена из кинофильма, то я, пожалуй, ответил бы ему, что просто ходил собирать маргаритки, и продолжал бы острить, пока сарадины не притащили бы в кабинет какое-нибудь орудие пытки, вроде пальцедробилки. Но я ответил совершенно примитивно.

— Ладно, — сказал я, — я ходил на разведку.

— Один?

— Нет, со мной было еще несколько человек. Надеюсь, им удалось ускользнуть. Пусть пошарят в кустах, поохотятся...

— Вы лжете, — бесстрастно произнес эмир.

— Если вы мне не верите — я тут ни при чем.

Он прищурился.

— Я скоро буду точно знать, говорите ли вы правду, — сказал он. — Если вы солгали — молитесь богу Иблису о милосердии.

Что я мог поделывать? Я чуть вздрогнул, пот выступил на моей коже... Эмир расхохотался. Смех у него был очень неприятный — похожий на утробное рычание где-то в глубине жирного горла... словно тигр забавлялся со своей добычей.

— Подумайте как следует, — посоветовал он и занялся бумагами, лежавшими на столе.

В комнате наступила полная тишина. Стражи стояли совершенно неподвижно, словно отлитые из бронзы. Молодой офицер задремал, кивая тюрбаном. За спиной эмира в большое окно заглядывала ночь. Слышно было лишь тиканье часов да еще шуршание бумаги. Но эти звуки только подчеркивали тишину.

Я устал, у меня болела голова, во рту появился отвратительный привкус, и очень хотелось пить. Но приходилось стоять, что при моем состоянии меня особенно утомляло. Я подумал, что, если уж эмир поднял такой шум из-за одного-единственного пленника, — он, похоже, здорово чем-то напуган. Это делало честь американским войскам, но лично меня ничуть не утешало.

Я осторожно огляделся по сторонам. Особо рассматривать было нечего — обычная обстановка гостиничного номера. Но стол эмира загромождала масса предметов: тут был хрустальный шар — бесполезный, поскольку наши глушители продолжали работать, — нарядный кубок резного стекла, явно украденный в чьем-то доме, несколько хрустальных бокалов, кварцевая шкатулка для сигар и графин, наполненный, похоже, недурным «скочем». Судя по всему, эмиру нравился хрусталь.

Эмир небрежно шевельнул рукой — шкатулка открылась, из нее выскочила «гавана», подлетела к губам эмира и зажглась. Ползли минуты; пепельница время от времени вспархивала, чтобы подобрать пепел. Нетрудно было понять, что все вещи, окружавшие эмира, были соответствующим образом заговорены и обладали способностью легко двигаться. Что ж, эмир нуждался в подобном удобстве — он ведь был чрезвычайно жирным для того, чтобы оборачиваться в огромного тигра.

В номере было очень тихо. Сквозь окно на нас таращились звезды. И мне было неприятно видеть стандартные огоньки святого Эльма на сарацинских тюрбанах...

Но вот в моем мозгу слабо зашевелилась идея. Я еще не знал, как ее осуществить, но время шло — и я начал составлять кое-какие чары.

Наверное, прошло с полчаса — хотя мне показалось, что минула по меньшей мере половина столетия, — когда дверь наконец открылась и вошел фенек, маленькая ушастая лисичка африканских пустынь. Фенек забрался в большой стенной шкаф — для превращения ему требовалась темнота, — эмир проводил его взглядом. Парень, вышедший из шкафа, оказался карликом ростом в один фут. Он распростерся перед эмиром и торопливо что-то пробормотал высоким, чуть дрожащим голосом.

— Ясно, — сказал эмир. И медленно обернулся ко мне: — Итак, из доклада ясно, что ничьих следов, кроме ваших, не обнаружено. Вы солгали.

— А разве я вам не объяснял? — удивился я, чувствуя, как у меня пересохло в горле. — Мы использовали сов и летучих мышей. Волк был один, это я.

— Угомонитесь, — сказал он без всякого выражения. — Я не хуже вас знаю, что среди летучих мышей оборотнями бывают только вампиры, а они... как это у вас называется? Что-то вроде пятой колонны в любой армии.

Да, он был прав. И, между прочим, всякие штабные генералы постоянно приставали к нам с вопросом, почему мы не организуем боевую единицу из дракул. Ответ всегда звучал одинаково: они слишком легкомысленны и слабосильны; они не выносят солнечного света; если им не давать постоянно свежую кровь, они вполне способны наброситься на своих же товарищей; их нельзя использовать в непосредственной близости от итальянских частей. Я обругал себя за собственные слова, но я просто слишком одурел, чтобы как следует соображать.

— Я уверен, вы что-то скрываете, — продолжал эмир.

Он шевельнул пальцем — стакан подлетел к графину, наполнился «скочем», впорхнул в руку эмира, и эмир принялся не спеша прихлебывать спиртное. Сарацинский калифат исповедовал еретическое отношение к спиртному; сарацины утверждали, что пророк, запретив пить вино, ничего не сказал о пиве, джине, виски, бренди, роме и тминной водке.

— Нам придется применить более строгие меры, — сказал наконец эмир. — Я надеялся избежать их. — Он кивнул своим стражам.

Двое схватили меня за руки. Паша принялся меня бить. Он явно был специалистом в этом деле. Фенек-оборотень не отрывал от меня жадного взгляда; эмир, попыхивая сигарой, продолжал листать бумаги. После нескольких мучительных минут эмир отдал приказ — меня оставили в покое и даже дали стул, что оказалось весьма кстати.

Я сел, тяжело дыша. Эмир оглядел меня с сожалением.

— Мне очень неприятно, — сказал он. — Поверьте, я не люблю подобного. — И, как ни странно, я ему поверил. — Позвольте выразить надежду, что вы образумитесь до того, как вам будет причинен непоправимый вред. Ну а пока... хотите сигару?

Старые штучки, допрос третьей степени. Сначала избить человека — потом проявить доброту. Вы бы удивились, если бы узнали, как часто люди впадают от этого в умиление и ломаются.

— Мы хотим узнать все о ваших частях и планах, — сказал эмир. — Если вы начнете сотрудничать с нами и примете истинную веру, то сможете занять у нас весьма высокое положение. Калифату нужны смелые люди. — Он улыбнулся: — После войны вы сможете, если захотите, набрать гарем из актрис Голливуда.

— А если я не стану доносчиком... — пробормотал я.

Он развел руками:

— Тогда вам не понадобится гарем. Выбор за вами.

— Дайте подумать, — сказал я. — Это нелегко.

— Пожалуйста, думайте, — вежливо ответил он и вернулся к бумагам.

Я устроился на стуле как можно удобнее, затягиваясь дымом и постепенно восстанавливая силы. Армейские чары можно снять, если только я добровольно дам на это согласие, чего я делать не собирался. Я уставился на окно за спиной эмира. Второй этаж... не так уж и высоко.

Конечно, я мог и разбиться. Но это лучше того, что мне предстояло здесь.

Я стал составлять чары, которые мог бы прочесть вслух достаточно быстро. Для этого нужно знать один из сокровенных языков — латынь, греческий, классический арабский, санскрит, древненорвежский и так далее — на этом строится вся наука. Парасестественные силы неохотно откликаются на обычную речь. Но в повседневной жизни постоянно приходится управлять разными мелочами, и, конечно, я не был новичком в этом деле.

К тому же я достаточно хорошо знал один эзотерический диалект. Трудно сказать, сработает ли это сейчас, но можно попытаться.

Я напряг мускулы и как бы случайно переменял позу. Потом протянул руку к пепельнице, чтобы стряхнуть пепел с сигары, — к ее кончику прилип пепел с сигары эмира.

Найдя наконец не слишком удачные рифмы, я поднес сигару к губам и тихо произнес:

*Пепел — вниз упади,
Уголь — путь свой найди,
По дуге полети,
Прямо в глаз попади!*

Я закрыл правый глаз и поднес тлеющий кончик сигары почти к самому веку.

Сигара эмира взлетела — и ткнулась в *его* правый глаз.

Он заорал и упал на спину вместе с креслом. Я вскочил и одним прыжком очутился возле фенека. Свернув его подлую шею, я сорвал с оборотня магическую вспышку.

Стражи взвыли и бросились ко мне. Я перепрыгнул через стол, прихватив по пути графин, и оседлал эмира. Одурев от боли, он колотил и царапал меня, а я, размахивая графином, выкрикивал:

*Ну-ка, стекла, вперед!
Первым цель кто найдет —
Первым в кость попадет?
Ну-ка, стекла, в полет!*

Закончив, я запустил в стражей графином. Стихи, конечно, были никудышные, и они не сработали бы, если бы все предметы, окружавшие эмира, не были одушевлены. Но стекло оказалось очень послушным... и вслед за графином в стражей полетели хрустальный шар, пепельница, кубок, стаканы, шкатулка для сигар и оконные стекла. Воздух наполнился летящим стеклом.

Я не стал задерживаться, чтобы увидеть результаты, а просто мгновенно выскочил в окно. Я приземлился на тротуар — тут же поднялся и бросился бежать.

Глава 6

Возле гостиницы было множество солдат — и вслед мне градом посыпались пули. Я побил все рекорды, промчавшись до ближайшего переулка с невероятной скоростью. Ночное зрение помогло мне найти разбитое окно в одном из домов, и я проскользнул в него. Притаившись за подоконником, я слушал, как погоня несется мимо.

В задней комнате разгромленной бакалейной лавки, куда я попал, было темно. Я обернулся, повесил на шею магическую вспышку, направил ее на себя — и сменил обличье. Солдаты вернутся через минуту-другую, а мне совсем не хотелось нарваться на серебряную пулю.

Став волком, я быстро нашел второй выход. Задняя дверь была полуоткрыта. Я выбрался во двор, заваленный старыми упаковочными ящиками, и спрятался среди них, изо всех сил стараясь сдержать тяжелое звериное дыхание, пока сарацины рыскали вокруг.

Когда они наконец удалились, я попытался обдумать ситуацию. Конечно, прежде всего мне хотелось как можно скорее удрать отсюда. Наверное, я мог это сделать, потому что формально моя задача была уже выполнена. Однако дело пока не завершилось полностью, и Вирджиния оставалась наедине с ифритом — если вообще была еще жива... и...

Когда я попытался вспомнить девушку, воображение нарисовало мне волчицу с ароматным мехом. Я сердито встряхнул головой. Крайняя усталость подавляла мой разум, высвобождая животные инстинкты. Надо поскорее что-нибудь предпринять.

Я побежал, описывая круги. Городские запахи сбивали меня с толку, но вскоре я все же уловил слабую струйку сернистой вони и помчался следом за ней, стараясь держаться в тени. Однако меня все же заметили дважды — но почему-то не окликнули. Должно быть, приняли за своего. Запах серы становился все сильнее.

Ифрита держали в здании суда — солидном, крепком доме. Я миновал небольшой парк, разбитый перед ним, принюхался — и бросился напрямик ко входу. На верхних ступенях валялись четыре вражеских солдата с перерезанными глотками, а у самой двери стояла метла. В рукоятке метлы скрывался двенадцатидюймовый нож на пружине — и Вирджиния использовала его...

Человеческая сторона моей натуры, склонная иной раз к романтизму, ужаснулась, но волк радостно ухмыльнулся. Я толкнул дверь. Вирджиния, похоже, отперла ее чарами — да так и оставила. Я сунул в щель нос — и чуть не лишился его, потому что Свартальф не сразу меня узнал. Он нервно взмахнул хвостом, когда я вошел и направился через вестибюль. Едкая сернистая вонь текла с верхнего этажа. Я поднялся по темной лестнице.

Сквозь щель в одной из дверей сочился свет. Я приоткрыл дверь и заглянул внутрь. Вирджиния была там. Она опустила шторы и зажгла огоньки святого Эльма. Девушка все еще занималась приготовлениями; мельком взглянув на меня, она про-

должала напевать заклинания. Я устроился возле двери и стал наблюдать.

Вирджиния начертила на полу обычные фигуры — пятиугольник в семиугольнике, а внутри их — звезду Давида. Соломонова бутылка стояла в центре. Особого впечатления она не производила — обычная бутылка Клейна с изогнутой ручкой, старая, потрепанная временем. На горлышке виднелась печать Соломона. Вирджиния распустила волосы, и они рыжим облаком окружили ее бледное прекрасное лицо.

Волчья сторона моей личности задала вопрос: а почему бы не схватить этот глиняный черепок и не удрать с ним подальше отсюда? Человеческая половина напомнила, что эмир, без сомнения, принял меры предосторожности на сей счет и сможет издали откупорить бутылку, если ее кто-то попытается унести. Мы должны лишить демона возможности действовать... каким-то образом... но в наших войсках было не слишком много специалистов, разбирающихся в натуре подобных демонов.

Вирджиния закончила произносить магические формулы, вытащила из бутылки пробку и выпрыгнула за пределы начерченных на полу фигур. Из бутылки вырвались клубы дыма — ифрит выскочил наружу. Я поджал хвост и зарычал. Вирджиния тоже испугалась, хотя и старалась не подавать виду; но я уловил запах адреналина.

Чтобы не стукнуться о потолок, ифриту пришлось согнуться чуть ли не вдвое. Это было чудовище серого цвета, голое, более или менее похожее на человека, но с крыльями, рогами, длинными ушами, клыками, торчащими из пасти, и с глазами, похожими на раскаленный янтарь. Главными в ифрите были сила, подвижность и почти полная физическая неуязвимость. Если бы он вырвался на свободу, ему бы ничего не стоило отбить любую атаку генерала Ванбруга, разрушить любые укрепления и разнести все вокруг. Он может опустошить все побережье, и управиться с ним тогда будет нелегко. Но сарацин это не тревожило. Они, конечно, наложили на ифрита заклятие (или собирались это сделать), и он в обмен на свободу остался бы их слугой.

Ифрит проревел что-то по-арабски. Каждое слово сопровождалось клубом дыма, валившего из пасти демона. Рядом с полураскрытыми крыльями, похожими на крылья летучей мыши, Вирджиния казалась совсем крошечной. И голос ее прозвучал совсем не так холодно и спокойно, как ей самой того хотелось бы:

— Говори по-английски, Марид. Неужели ты так необразован?

Демон негодуя фыркнул:

— О ты, отродье бабуина! — (Мне показалось, что мои барабанные перепонки вот-вот лопнут.) — О бледная и бесцветная язычница, которую я могу переломить самым маленьким из своих пальцев, подойди поближе, если осмелишься!

Я здорово перепугался — не того, что он вырвется за пределы магической фигуры, а того, что поднимет слишком сильный шум. Ведь его могли услышать за добрую милю!

— Потихе, проклятый Богом! — ответила Вирджиния.

Демон едва заметно вздрогнул. Как и большинство порождений ада, он не выносил, когда при нем упоминались святые имена, но для настоящего воздействия на демона с помощью таких имен нужны особые условия, которые здесь воспроизвести невозможно. Вирджиния подбоченилась и, вскинув голову, встретила взглядом с пылающими глазами демона.

— Сулейман-ибн-Давид, да пребудет он в мире, не стал бы заключать тебя в бутылку без особой причины. А потому вернись в свою тюрьму и никогда больше не выходи оттуда, иначе гнев Небес падет на тебя!

Ифрит презрительно скривился.

— Мне известно, что мудрейший Соломон умер три тысячи лет назад, — возразил он. — Долго, очень долго я сидел, скорчившись, в этой узкой клетке, я, прежде бушевавший на свободе — и на земле, и в небе, и теперь я наконец освобожден и могу отомстить ничтожным сынам Адама! — Он ткнулся в невидимый барьер, однако Вирджиния установила стену мощностью в несколько миллионов психических единиц. Ее нельзя было проломить, ее мог снять лишь адепт магии. — О ты, бесстыдная, с непокрытой головой, с волосами цвета ада, знай, что я — Рашид Могучий, славный своей силой, сокрушитель скал! Войди сюда, поборемся!

Я продвинулся ближе к девушке, и шерсть у меня на загривке встала дыбом. На мою голову легла холодная рука.

— Параноидальный тип, — шепнула Вирджиния. — Большинство из этих созданий Нижнего мира — психопаты. И глуп к тому же. Единственная возможность для нас — обман. Чарами его не угомонить. Но... — И она продолжила громко, обращаясь к ифриту: — Заткнись, Рашид, и послушай меня. Я принадлежу к твоей расе, и потрудись относиться ко мне с должным почтением.

— Ты?! — Ифрит разразился ухающим хохотом. — Ты — из племени Маридов? Ты, рыболицее ничтожество? Зайди сюда, и я тебе покажу... — Остальное прозвучало весьма выразительно, однако джентльмен не может повторить это вслух.

— Слушай! — прикрикнула девушка. — Внимай каждому моему слову!

Она начертила в воздухе знак и пробормотала формулу. Я узнал самозаклятие против лжи в частной беседе. Наши суды его не признают — это нарушение пятой поправки к Конституции, однако в других странах оно используется при дознании.

И демон тоже узнал формулу. Похоже, сарацинский адепт, обучавший его английскому, заодно сообщил ифриту кое-какие сведения о современном мире. Демон притих и сосредоточился.

Вирджиния выразительно произнесла:

— Я не могу сказать ничего, кроме правды. Ты согласен, что имя и вещь — одно и то же?

— Д-д-да, — пробурчал ифрит. — Это все знают.

Я почувствовал, что девушка чуть расслабилась. Первый барьер взят! Ифрит не знал современной научной магии. Имя, конечно, состоит в родстве с предметом, и эта связь лежит в основе именных чар... однако уже в нашем столетии Корзибски доказал, что слово и обозначаемый им предмет не полностью идентичны.

— Очень хорошо, — сказала девушка. — Мое имя — Джинни.

Ифрит изумленно уставился на нее:

— Ты в самом деле владеешь Искусством?

— Да. Ну, теперь ты будешь меня слушать? Я пришла, чтобы дать тебе совет, как джинн джинну. Ты видишь, я владею Силами, но использую их для службы Аллаху, всемогущему, всезнающему, всемилостивому.

Демон раскалился от злости, но, признав в ней равную себе, изо всех сил старался соблюдать приличия. Она ведь не могла солгать, сказав, что хочет дать ему совет. Но ему и в голову не пришло то, что она не добавила — «хороший» совет.

— Так продолжай же, коли тебе так хочется, — прорычал он. — Но известно ль тебе, что завтра я уничтожу войско язычников? — И, не удержавшись, он начал хвастать: — О, я помчусь на них, и растопчу, и сломя их, и выпущу им кишки, и сдеру с них кожу! Они узнают, какова сила Рашида Яркогокрылого, огненного, безжалостного, мудрого...

Вирджиния выслушала все эти определения, потом мягко сказала:

— Но, Рашид, зачем тебе все это делать? Ты не заслужишь так ничего, кроме ненависти.

В гроыхающем басы демона слышались вдруг хнычущие нотки.

— О, в твоих словах — истина! Весь мир ненавидит меня. Все устраивают против меня заговоры. Если бы не помощь грязных предателей, Соломону никогда не удалось бы запереть ме-

ня! И все мои замыслы всегда пресекались злобными завистниками... О, но завтра настанет день расплаты!

Вирджиния твердой рукой достала сигарету, прикурила и пустила дым в ифрита.

— Да как ты можешь доверять эмиру и его прислужникам? — сказала она. — Он тоже твой враг. Он хочет наложить на тебя лапу. А потом, когда ты сделаешь то, что ему нужно, запрет тебя снова в бутылку!

— Что?... Что?..

Ифрит раздулся так, что невидимый барьер затрещал. Из ноздрей демона вылетели молнии. Ничего подобного до сих пор просто не приходило ему в голову; его племя не отличается особой сообразительностью. А Вирджиния была опытным психологом и знала, как следовать параноидной логике.

— Разве ты забыл о вражде, преследовавшей тебя всю твою долгую жизнь? — быстро продолжила Вирджиния. — Припомни, Рашид! Разве грубая злоба и зависть — не первое, что приходит тебе в голову?

— О... да! — Демон кивнул волосатой головой и жалобно забасил: — В тот день, когда я вылупился из яйца... о, крыло моей матери ударило меня так, что я завертелся на месте!

— Может, это была лишь случайность? — предположила Вирджиния.

— Нет! Она любила только моего старшего брата... оболтуса!

Вирджиния села на пол по-турецки.

— Расскажи мне обо всем, — попросила она, и в ее голосе демон услышал сочувствие.

Я ощутил, как мощная сила, плескавшаяся внутри невидимого барьера, немного успокоилась. Ифрит, согнув мощные ноги, сел на корточки, прикрыл глаза и погрузился в потоки тысячелетней памяти. Вирджиния вела его, бросая намеки то там, то тут. Я не понимал, какова ее цель, и думал, что незачем половину ночи заниматься психоанализом с подобным монстром, но...

— Ай, едва я разменял третье столетие, как упал в яму, которую мои враги, должно быть, нарочно выкопали для меня!

— Уверена, ты мог легко взлететь из нее, — пробормотала Вирджиния.

Ифрит выпучил глаза. Лицо его скривилось, покрывшись отвратительными морщинами.

— Это была огромная яма, я же сказал!

— А может, это было озеро? — поинтересовалась Джинни.

— Нет! — Ифрит загремел крыльями. — Ни черта подобного... там было темно и сыро, но... нет, не слишком сыро, но там было жутко холодно...

Я начал смутно догадываться, к чему клонила девушка. Она опустила длинные ресницы, чтобы прикрыть вспыхнувший в глазах огонь. Даже волчьими мозгами я мог понять, какое потрясение испытал воздушный демон, которого едва не утопили, и как страшно было ему вспоминать пар, в который превращалось его огненное дыхание, и как он старается выбросить это событие из памяти. Но какая в том польза Вирджинии?..

В комнату с шипением ворвался Свартальф и резко затормозил около меня. Глаза кота бешено сверкали, шерсть стояла дыбом. Он что-то профырчал и рванул за дверь, и я следом за ним.

Внизу, в вестибюле, раздавались голоса. Выглянув за дверь, ведущую на площадку, я увидел несколько солдат. Они, похоже, проходили мимо, услышали шум, вошли — и увидели убитых стражей; теперь, должно быть, они послали за подкреплением.

Что бы там ни пыталась сделать Джинни, ей нужно время. Я одним прыжком вылетел за дверь и сцепился с сарацинами. Мы превратились в галдящую кучу. Они чуть не задавили меня, но я пустил в ход клыки и вырвался. А потом над нами пролетел на метле Свартальф, разя кинжалом направо и налево.

Мы с котом перетащили сарацинское оружие в глубь вестибюля, к лестнице, и уселись в ожидании. Я прикинул, что лучше мне остаться пока волком, дабы избежать многих опасностей, — хотя я и лишал себя удобства пользования человеческими руками и оружием. Свартальф задумчиво разглядывал пистолет-пулемет, потом прислонил его к стене и улегся рядом с ним.

Я сидел совершенно спокойно. Каждая минута, протекающая в ожидании неминуемой атаки, работала на Джинни. Я положил голову на лапы и задремал. Но уже очень скоро до моего слуха донесся топот кованых башмаков по тротуару.

Наверное, там была добрая сотня солдат. Я видел темную движущуюся массу, отблески звезд на металле оружия. Солдаты потоптались снаружи, разглядывая убитых стражей. Внезапно они загикали и бросились по ступеням в вестибюль.

Свартальф подобрался и нажал на курок пистолета. Отдача бросила его через весь вестибюль, и он, ругаясь, перевернулся через голову — но парочку солдат все же уложил. Я встретил остальных в дверном проеме.

Шлеп, цап, кланг... прыжок туда, прыжок обратно... рвать их, кромсать, насмешливо воя! После короткой атаки они отступили, оставив с полдюжины убитых и раненых.

Я вгляделся сквозь стекло и увидел моего приятеля эмира. Поперек лица у него красовалась повязка, прикрывающая глаз, но двигался он куда энергичнее, чем я мог ожидать. По его

команде несколько небольших групп солдат направились в разные стороны. Ясно было, что они попытаются проникнуть в здание через окна и другие двери.

Я вдруг взвыл, сообразив, что мы оставили метлу снаружи. Теперь никому из нас не сбежать отсюда, даже Джинни! Но, услышав звон разбившихся стекол и лязг затворов винтовок, я разозлился так, что забыл все остальное.

Свартальф оказался на редкость сообразительным котом. Он снова схватился за пистолет-пулемет и, хотя ему не так-то легко было управляться с оружием, умудрился перестрелять лампочки. И мы с ним отступили к лестнице, ведущей наверх.

Сарацинам пришлось идти в атаку в полной темноте — а они, как и большинство людей, почти ничего не видели без света. Я позволил им потоптаться вокруг, но первый же, который попытался вступить на лестницу, был мгновенно и бесшумно убит. Второй успел взвизгнуть. И вся толпа повалила следом за ним.

В темноте они не могли стрелять без риска уложить своих. Обезумев от ярости, они кидались на меня с ятаганами, которые я терпеть не мог. Свартальф отыскивал ноги сарацин, а я рвал их зубами — вжик, цап, клац, Аллах Акбар и зубы в ночи!

Лестница была достаточно узкой, и нам удавалось удерживать ее, да и раненые сарацины валялись под ногами, однако мне приходилось понемногу отступать — просто из-за того, что на меня давила масса в сотню храбрых воинов. Если бы я не уступал, то в конце концов кто-то из них мог бы схватить меня, а уж тогда навалилась бы сразу дюжина. А так с каждым потерянным футом мы отправляли в рай к гуриям по несколько субъектов.

Я не слишком хорошо помню эту схватку. Такое не запомнить. Но прошло, должно быть, не меньше двадцати минут, прежде чем они со злобным рычанием откатились назад. Сам эмир стоял у подножия лестницы, хлеща хвостом и морща полосатую шкуру.

Я устало встряхнулся и собрался с силами для последнего раунда. Одноглазый тигр медленно направился вверх по ступеням. Свартальф шипел и плевался — а потом вдруг молнией метнулся по перилам, мимо громадной кошки — и исчез в темноте. Ну почему бы ему и не подумать о собственной шкуре...

Мы сошлись уже почти нос к носу, когда эмир поднял лапу, когти на которой напоминали острые мечи, и ударил. Я как-то увернулся и бросился к его глотке. Моя пасть наполнилась мягкой шерстью, но я повис на эмире и упорно старался вгрызться глубже.

Он заревел и встряхнул головой так, что я заболтался из стороны в сторону, словно язык колокольчика. Закрыв глаза, я

изо всех сил стиснул зубы. Эмир двинул меня когтями по ребрам. Я вертелся во все стороны, но зубы не разжимал. Тогда он со всего маху упал на меня, его челюсти щелкнули, и острая боль пронзила мой хвост. Я поневоле взвыл.

Он сбросил меня и прижал одной лапой, занеся вторую, намереваясь сломать мне спину. Но я, обезумев от боли, как-то вывернулся и прыгнул вверх по лестнице. Его единственный глаз горел, глядя на меня, — но я вырвал этот глаз!

Как он заорал! От удара его лапы я взлетел и врезался в перила. Я упал, почти бездыханный, а ослепший тигр крушил все в бешеной ярости. Звериная натура полностью поглотила человека, и он бросился вниз, сея опустошение в рядах своих собственных солдат.

Над местом схватки с жужжанием пронеслась метла. Старина Свартальф! Он удрал лишь для того, чтобы забрать наше транспортное средство. Я видел, как он пролетел к двери, за которой скрывался ифрит, — и, пошатываясь, встал, чтобы встретить следующую волну сарацин.

Но они пока еще пытались управиться со своим боссом. Я глубоко вдохнул и замер, наблюдая, принимаю ли я, вслушиваясь. Мой хвост жгло, как огнем. Половины его как не бывало.

Наверху забормотал пистолет-пулемет. Я услышал, как булькала кровь в легких эмира. Он был не из тех, кого легко прикончить. *«Ну, теперь-то тебе конец, Стив Матучек, — подумала моя человеческая часть. — Теперь-то они сделают то, что должны были сделать с самого начала, — встанут напротив тебя и начнут поливать огнем, пока тебя не достанет серебряная пуля».*

Эмир наконец упал и испустил последний вздох. Я ждал, когда его люди вспомнят обо мне.

На площадку вылетела Джинни, верхом на метле. Мне показалось, что голос девушки донесся до меня из невероятной дали: — Стив! Быстро! Сюда!

Я изумленно встряхнул головой, пытаюсь понять, в чем дело. Я слишком устал, устал до одурения. Она сунула пальцы в рот и свистнула. Это привело меня в чувство.

Джинни бросила меня к себе на колени и держала изо всех сил, пока Свартальф управлял метлой. Снизу палили наугад. Мы вылетели через окно второго этажа и взвились в небо.

Внезапно на нас напал ковер. Свартальф выгнул спину дугой и нажал на ускоритель. Мы рванули вперед, оставив врага далеко-далеко, — и я потерял сознание.

Глава 7

Очнувшись, я обнаружил, что лежу на госпитальной койке. Снаружи был ясный день; от теплой влажной земли поднимался пар. Я застонал, и стоявший неподалеку врач обернулся.

— Привет, герой! — сказал он. — Лучше вам пока не двигаться. Как вы себя чувствуете?

Я наконец пришел в себя.

— Что со мной? — шепотом спросил я. (Само собой, медики вернули мне человеческий облик.)

— Ничего особенно страшного, учитывая обстоятельства. В вашу рану проникла инфекция — стафилококк; он поражает и людей, и зверей... но мы этих паразитов выгнали, у нас теперь есть новая антибиотическая техника. Ну а в остальном — шок, потеря крови, да еще самое обычное переутомление. Через недельку-другую будете в полном порядке.

Я лежал, и мои мысли скользили, ни на чем особенно не задерживаясь... в основном я думал о том, какой вкусный мне дали бульон. Но меня заинтересовало и другое. Полевые госпитали не могут таскать за собой громоздкое оборудование, необходимое для того, чтобы втыкать булавки в модели бактерий. Зачастую у них нет даже больших манекенов, на которых хирурги делают симпатические операции. А тут — стафилококк...

— О какой это технике вы говорите? — спросил я.

— У одного из наших парней — «дурной глаз». И он смотрит на микробы в микроскоп.

Я не стал расспрашивать дальше, зная, что смогу обо всем прочесть в «Ридерз Дайджесте» — они наверняка будут мусолить эту тему еще не один месяц. Но еще кое-что меня мучило.

— А нападение... атака началась?

— Ата... О! Это было уже два дня назад. Все это время мы вас держали под асфоделью. Мы отбросили сарацин по всей линии фронта. Последнее, что я слышал, — они миновали границу штата Вашингтон и продолжают отступать.

Я вздохнул и погрузился в сон.

Джинни явилась на следующий день; на ее плече восседал Свартальф. Когда девушка откинула клапан палатки, внутрь ворвались солнечные лучи и превратили ее волосы в горячую бронзу.

— Привет, капитан Матучек! — сказала она. — Я заглянула узнать, как вы тут.

Я приподнялся на локте и свистнул, подзывая сигарету, которую она мне предложила. А потом сказал:

— Оставь формальности, Джинни. Хотя мы и не на свидании были той ночью, но все-таки, кажется, мы уже достаточно хорошо знакомы.

— Да. — Она села на край койки и взъерошила мои волосы. Свартальф мурлыкал — и мне тоже захотелось мурлыкнуть.

— Как там дела с ифритом? — спросил я наконец.

— Сидит в бутылке. — Девушка усмехнулась. — Сомневаюсь, чтобы кому-то теперь удалось выманить его оттуда — ну если, конечно, кому-то вообще этого захочется.

— Но как ты этого добилась?

— Простейшее применение принципов папы Фрейда. Если об этом когда-нибудь напишут, все фрейдисты и юнгисты накинутся на меня... но это сработало. Я позволила ему погрузиться в воспоминания, освободить воображение — и быстро обнаружила, что он страдает комплексом гидрофобии — он боится воды... но это не водобоязнь в смысле бешенства, это комплекс пирата...

— Можешь меня звать Пиратом, — проворчал я. — Но если назовешь меня Фидо — не забудь почесать за ухом.

Она чуть порозовела и продолжила:

— Ну а когда я нашла ключ к его личности, то просто сыграла на этой фобии. Я напомнила ему, что вода — весьма распространенная субстанция и уничтожить ее слишком трудно. Он пугался все сильнее и сильнее. А когда я сообщила ему, что все животные ткани, включая и его собственные, почти на восемьдесят процентов состоят из воды, — это был конец. Он нырнул в бутылку и впал в кататонию. — Немного помолчав, она задумчиво добавила: — Мне бы хотелось поставить эту бутылку на свой камин... но, пожалуй, несчастный ифрит просто окаменел. В общем, я написала небольшую инструкцию по военному применению принципов психоанализа.

— Разве нам не хватает без этого ужасов — бомбы, драконы, болезни, насылаемые эльфами? — сказал я, слегка содрогнувшись.

Бедные, незатейливые существа-элементали, подумал я... они-то считают себя ужасно жестокими и зловредными, но им стоило бы поучиться у человеческой расы.

Что касается меня, то, конечно, я прекрасно понимал, какие могут возникнуть сложности, обзаведись я женой-ведьмой, но...

— Сядь-ка поближе...

Она послушалась.

Я сохранил не слишком много воспоминаний о войне. Это было отвратительное время, и лучше всего — постараться его забыть. Но кое-что навсегда осталось при мне, вопреки всем

усилиям лучших хирургов-косметологов. Когда я становлюсь волком — у меня куцый хвост, а когда я человек — мне очень не нравится сидеть в сырую погоду.

Черт знает как достался мне орден Пурпурного Сердца!..

Глава 8

Пришел момент для одного из отступлений. Я постараюсь разделаться с ним поскорее. У нас с Джинни было много куда более интересного, чем те эпизоды, когда мы сталкивались с Врагом. Ведь главное в человеческой жизни — отнюдь не борьба и не опасность, и не мелодрама; человек просто живет, и работает, и получает удовольствие от своего дела; он отдыхает и влюбляется, и шутит, и пускается в маленькие безобидные приключения.

Но ни к чему рассказывать вам о мелких событиях нашей жизни. Вам и своих забот хватает. Более того, наши дела касаются только нас, и никого больше.

А вот дела серьезные вас должны интересовать. Ведь Враг рода человеческого — и ваш враг.

Поэтому — позвольте мне в этом отступлении очертить общий ход событий. Годится?

Первый период занимает около двух лет. Сначала, еще несколько месяцев, мы с Джинни оставались на армейской службе, хотя нам и не доводилось уже принимать участия в сражениях. И нам почти не приходилось видеться, что было для меня самым неприятным. Нас развели служебные дела.

Война, правда, не затянулась. Персов вышибли из калифата. Сам калифат рассыпался, как разбитое зеркало, — там начались революции, мятежи, религиозный раскол, вендетты, бандитизм... в общем, калифат капитулировал. Америке и ее союзникам не пришлось вторгаться на вражескую территорию. В том просто не было нужды. Но без оккупации все же не обошлось — только с другой целью. Необходимо было остановить голод и страшные эпидемии, разразившиеся на многих территориях. И наши с Джинни особые таланты заставили нас мотаться по всему миру — но, к сожалению, не вместе.

Наши почтовые расходы были ужасающи. И я улучил-таки момент, чтобы сделать ей официальное предложение; но, хотя ее ответ прозвучал мягко и нежно, она ответила отнюдь не «да». Джинни осиротела в раннем детстве и всю жизнь нуждалась в тепле — и обладала сама огромными его запасами, — но ей пришлось спрятаться в скорлупу деловой жесткой женщины, чтобы защититься от душевных травм. И она не намеревалась

выходить замуж до тех пор, пока не убедились бы, что этот брак — на всю жизнь.

Я вышел в отставку немного раньше Джинни и отправился домой — чтобы попытаться восстановить то, что разрушила война. Соединенные Штаты изменились на удивление мало. Хотя захватчики добрались почти до середины страны, на большинстве территорий они пробыли слишком недолго и были в то время слишком заняты схватками с нашими войсками, стараясь причинить какой-то особый вред... им было не до разрушений, и пострадали всерьез лишь немногие города. Гражданское правительство не отставало от армии и сразу же принималось за работу по восстановлению. Да и сама по себе наша цивилизация оказалась надежной и основательной. Развита технология, конечно, может и сама по себе причинить немалые опустошения — но она же умеет и воссоздавать погибшее.

Таким образом, я вернулся в страну, которая, если забыть о нехватке многих вещей, выглядела вполне знакомой. То есть внешне, я хочу сказать. Но в самих людях появилось что-то новое. Наверное, все случившееся потрясло их гораздо сильнее, чем они сами понимали, и значительная часть населения утратила душевное равновесие. И лишь благодаря невесть откуда взявшимся многочисленным шутам страна избежала социального взрыва. Вдруг появилось множество демагогов, самозванных проповедников, тайных некромантов, чудных обрядов в религии, политике и науке, новые течения в диетологии и образе жизни и Бог знает что еще, и все это сражалось между собой. И некоторые новшества зловеще разрастались — как церковь иоаннитов, о которой я расскажу подробнее потом.

Во всяком случае, возникновение этой церкви не стало революционным событием, нет. Те из нас, кто не был склонен к фанатизму — а таких было большинство, помните об этом, — просто не замечали ее. Мы занимались тем, что следовали естественному ходу вещей — работали, мечтали о возрождении страны; нам хватало ежедневных забот.

Я вернулся в Голливуд, чтобы снова играть роли вервольфов. Но меня постигло разочарование. Было не слишком приятно нацеплять фальшивый пучок шерсти на укоротившийся хвост — неприятно и для меня, и для студии. Режиссеры оставались недовольны моей игрой — и я сам тоже. Например, несмотря на мои искренние попытки, я уже не мог полностью войти в роль в таких сценариях, как «Дракула», «Франкенштейн», «Человек-волк», «Встреча с Парацельсом». Не то чтобы мне стали неинтересны простые развлечения, нет; но во мне родилось и зрело желание заняться чем-то более серьезным.

Да и студия начала намекать мне об уходе. Наверное, лишь мои военные награды отсрочили кризис. Но героев в те дни хватало с избытком. Кроме того, любому известно, что воинская храбрость — это наполовину результат тренировки и дисциплины, а наполовину — результат действия чар, уничтожающих страх; и чары эти снимаются, когда человек уходит в отставку, потому что лицу гражданскому *необходима* некоторая робость. И я ничем не отличался от других, обладая лишь естественной степенью мужества.

К тому времени демобилизовалась и Джинни. И явилась прямоком ко мне в гости. Увы, это была лишь встреча друзей. На мои вновь и вновь повторяемые предложения она отвечала одно: «Не сейчас, Стив, милый... давай сначала посмотрим, какими мы станем в обычной жизни... разве ты не понимаешь?» — но я уже видел, что скоро все переменится.

В один из тех дней мы всерьез заговорили о будущем. Джинни заставила меня понять, чего же я хочу на самом деле: а я хотел изучать силы огня и воздуха, чтобы в конце концов создать антигравитационные чары настолько мощные, что они смогли бы донести человека до других планет. Я и в самом деле давно хотел стать инженером. Но в юности у меня не было средств для образования, а потом меня заметили на сцене любительского театра — и одно повлекло за собой другое... Как и большинство людей, я просто плыл по жизни, не сопротивляясь ее течению.

А вот Джинни была совсем другой. Но и ей теперь хотелось заняться чем-то новым. Ее с радостью приняли бы вновь в агентство, но она не знала еще, хочется ли ей работать в большой организации. Возможно, если бы она открыла собственное консультативное бюро, это дало бы ей возможность осуществить кое-какие идеи... Но для такого рода деятельности ей нужно было более серьезно изучить Искусство магии, а самый очевидный путь к этому вел через получение степени доктора философии.

И... хорошо подумав, взвесив наши возможности и наши стремления, мы решили, что можем позволить себе продолжить образование.

Исход дела решился сам собой — когда после непродолжительной переписки университет Трисмегистуса предложил Джинни должность инструктора (поскольку она уже получила в Конго степень магистра Искусств); само собой, там Джинни могла продолжить учебу. Я обратился в тот же университет с просьбой о приеме на инженерный факультет — и был зачислен. И несколькими неделями позже Стивен Матучек и Голливудская студия, обменявшись любезностями, расстались; и он вместе с

Вирджинией Грэйлок сел на борт суперковра, держащего курс на Средний Запад.

Поначалу все шло как нельзя лучше. Мы нашли приличные недорогие комнаты, не слишком далеко друг от друга. Занятия были очень интересными. Почти все свободное время мы проводили вместе. Неприязнь Джинни к ранним бракам понемногу таяла, и я надеялся, что к Рождеству она уже примет мое предложение, а после весенних экзаменов мы обвенчаемся.

Но тут нас настиг удар. Прямо под ложечку.

Мы не знали, что в целом неплохой университет возглавляло некое напыщенное ничтожество по имени Бент Мальциус; его главным достижением являлось воспитание целой толпы подхалимов. Любая сказанная им глупость исполнялась. Но, как правило, все это не слишком беспокоило тех, кто непосредственно не касался дел правления, — или беспокоило только изредка. Однако за год до нашего поступления в университет Мальциус издал указ, гласящий, что весь преподавательский персонал без исключения обязан подвергнуться закланию, которое вынуждало повиноваться любому университетскому правилу на все время контракта.

Лишь несколько человек пытались серьезно возражать против этого. Но ведь правила университета в основном были стандартными, а жалованье — высоким; к тому же новое ограничение направлено было в основном против излишне непокорных, излишне заносчивых — и против крайнего нигилизма, растущего в последнее время не только в студенческой среде, но и среди преподавателей. Джинни просто не вникала во все это.

Мы находились в университете всего пару недель, когда кто-то заметил, что мы постоянно бываем вместе, — и донес начальству. Джинни вызвали к президенту. Он показал ей ее собственный отпечаток пальца, стоящий под правилами университета, — но ведь Джинни не потрудилась их прочесть!

А в них было написано, что студенты и преподаватели, в том числе и инструкторы, не имеют права назначать друг другу свидания.

В тот вечер у нас с Джинни состоялся довольно мрачный разговор.

Естественно, на следующий день я ворвался в кабинет Мальциуса, расшвыряв по дороге клерков и секретарей, чтобы поговорить с нашим руководителем. Но все оказалось бесполезно. Мальциус не намеревался ради нас пересматривать текст. «Дурной прецедент, мистер Матучек, дурной прецедент!» Впав в бешенство, я согласился, что у нас и вправду дурной президент. Такие правила нужно уничтожать полностью, раз уж нельзя сделать из них исключений. Ведь для меня не имел смысла даже

перевод в другое учебное заведение — потому что правила учитывали и это.

Мне казалось, что единственное решение для меня — вообще бросить учебу, поскольку контракт Джинни заканчивался в июне. Но Джинни и слышать не хотела об этом. Потерять целый год? Кто я, в конце концов, волк или мышь? Мы здорово поскандалили прямо на публике.

А ведь если встречаться лишь случайно либо по делам официальным — не так-то легко поцеловать и приласкать девушку!

О, разумеется, мы остались «добрыми друзьями» и виделись в курилке, в буфете, на лекциях... воистину *сладкая жизнь*! И хотя я знал, что холодная логика Джинни была лишь формой самозащиты, мне не удавалось прорвать этот барьер... но ведь мы оставались людьми! Когда ей приходилось время от времени встречаться по разным делам со своими холостыми коллегами, Джинни хотела, чтобы на их месте оказался я... а я бродил вокруг, болтая то с одной девушкой, то с другой...

Вот так обстояли наши дела к ноябрю.

Глава 9

Небо заполнили метлы, и полиция теряла голову, пытаясь управлять движением. Игры в честь Дня встречи выпускников всегда собирали необъятную толпу, испытывающую невероятный подъем духа. Я этого настроения не разделял. Свой потрепанный довоенный «шевви» я припарковал возле огромного «линкольна» в две драконьи силы — с небесно-голубыми рукоятками, полиэтиленовой соломой и орущим радио. Владелец «линкольна» окинул меня презрительным взглядом, а я перед его носом занял свободную подставку. Спешившись, я спрятал в карман рунный ключ и уныло, не торопясь стал пробираться сквозь толпу.

Бюро погоды как следует позаботилось о ночи игр. Воздух наполняла острая, живительная прохлада; на тротуарах шуршали сухие листья. Над темным студенческим городком висела полная луна, похожая на большую желтую тыкву. Я думал о полях и лесах Среднего Запада, о влажном запахе земли, о текущих туманах далеко за городом, и моя волчья половина стремилась туда, поохотиться на кроликов. Но при соответствующей тренировке оборотень способен полностью контролировать свои инстинкты, и поляризованный свет полной луны вызывает у него лишь слабое покалывание в теле.

Что касается меня, то мои инстинкты в тот момент были полностью подавлены мыслями. Джинни, моя милая! Ей бы

следовало сейчас идти рядом со мной, подставив лицо ветру, чтобы ее длинные волосы развевались и потрескивали от легкого морозца; но моей единственной подружкой была незаконная фляжка в заднем кармане. Так какого черта я вообще потащился на эти игры?

Проходя мимо молитвенного дома студенческого землячества, я на минутку прислушался к идущей там службе. Трисмегистус был основан уже после рождения современной науки, и его планировка отразила этот факт. Самым большим зданием был языковой факультет, поскольку экзотические языки необходимы для составления наиболее сильных заклятий и чар... именно поэтому сюда приезжало множество африканцев и азиатов — они изучали американский сленг; но было и два английских отделения: одно — для колледжа магии, второе — для инженеров поэтики. Рядом расположилось здание факультета терио-антропологии, где занимались оборотнями; тут частенько случались интересные выставки, посвященные зарубежной технике: в этом месяце, например, была выставка эскимосская, в честь визита знаменитого шамана, доктора Айнигалака. Зоологический факультет находился в сторонке и был тщательно огорожен пятиугольником, поскольку многие из обитавших там длинноногих бестий были не слишком приятными соседями. Медицинская школа имела отличный новенький исследовательский центр, бывший собственностью Рокфеллеровского фонда, — именно в этом центре рождались такие потрясающие открытия, как полароидовские линзы-фильтры, благодаря которым люди, обладающие «дурным глазом», могут вести нормальную жизнь.

Миновав аллею и большую лужайку, я дошел до маленького закопченного здания факультета физических наук как раз в тот момент, когда по ступеням спускался доктор Грисволд, окликнувший меня. Это был невысокий морщинистый человек с козлиной бородкой и добрыми голубыми глазами. В глубине этих глаз таилась постоянная обида; доктор был похож на ребенка, не понимающего, почему никто не интересуется его игрушками.

— А, мистер Матучек! — сказал он. — Вы идете на игры?

Я кивнул, не слишком приветливо, но он потащился следом за мной, и мне поневоле пришлось быть вежливым. Но это не значит, что я старался понравиться ему как профессору. Я, правда, посещал его лекции по химии и физике, но это были факультативы. Нет, я просто не в силах был резко оборвать милого, одинокого старикашку.

— Я тоже туда, — продолжал он. — Насколько я знаю, капитаны болельщиков затеяли какое-то эффектное представление в перерыве.

— Вот как?

Он склонил голову набок и по-птичьему глянул на меня:

— Если у вас какие-то проблемы, мистер Матучек... если я могу чем-то помочь... я всегда рад, вы знаете.

— Все прекрасно, — соврал я. — Но все равно, спасибо, сэр.

— Должно быть, не слишком легко зрелому человеку учиться вместе с хихикающим молодняком, — сказал он. — Я помню, как вы мне помогли... э-э... при том неприятном инциденте в прошлом месяце. Поверьте, мистер Матучек, я вам весьма признателен.

— Ох, черт, о чем тут говорить? Я сюда приехал, чтобы получить образование...

И чтобы быть с Вирджинией Грэйлок. Но сейчас это невозможно. Но совсем ни к чему было взваливать мои проблемы на плечи старого профессора. У него и своих забот хватало.

Грисволд вздохнул — возможно, он почувствовал, как я отдалился от него.

— Я часто ощущаю себя совершенно бесполезным, — сказал он.

— Вы не правы, сэр, — искренне возразил я. — Разве... ну, скажем, алхимия — может обойтись без знания ядерной физики? Ведь тогда вы можете или получить радиоактивный изотоп, который убьет вас, или просто взорвете половину округа!

— Конечно, конечно! Вы-то это понимаете. Вы кое-что знаете о жизни... ну, по правде говоря, куда больше, чем знаю я. Но студенты... ну, полагаю, это вполне естественно. Им хочется произнести несколько слов, сделать несколько пассов — и получить все, что хочется, не напрягаясь над санскритской грамматикой или периодической таблицей. Им и в голову не приходит, что ничто не дается даром.

— Придет. Когда подрастут.

— Даже администрация... в этом университете просто не понимает необходимости физики как науки. В Калифорнии, например, физики получили философский камень в биллион вольт, а здесь... — Грисволд передернул плечами. — Извините. Я поддался жалости к самому себе.

Мы уже дошли до стадиона. Я протянул контролеру свой билет, но отказался от предложенных мне очков ночного видения, потому что сохранил армейское ведьмовское зрение. Мое место находилось на тридцатой линии, между свеженькой первокурсницей и старым выпускником, постоянно бурчащим что-то себе под нос. Мимо пробежал одушевленный поднос, и я схватил горячую сосиску, а заодно взял напрокат хрустальный шар. Но совсем не для того, чтобы следить за подробностями

игры. Я побормотал над шаром, всмотрелся в него — и увидел Джинни.

Она сидела на линии пятьдесят, на противоположной стороне; черный кот Свартальф развалился на ее коленях, ее волосы выделялись на фоне серого окружения огненным рыжим пятном. Джинни была прирожденной ведьмой, и ее знание было старше и сильнее современного Искусства магии — но и в этом Искусстве она была адептом... Даже сейчас, когда я видел ее в дешевом хрустальном шаре, с большого расстояния, — мое сердце бешено колотилось.

Рядом с ней сидел доктор Алан Аберкромби, ассистент профессора сравнительной магии — холерный интересный блондин, герой дамских чаепитий. Он старательно ухаживал за Джинни — в то время как я мучился в одиночестве.

В полном одиночестве... Впрочем, думаю, Свартальф считал бы мою мораль не более устойчивой, чем его собственная. Конечно, я старался хранить верность, но когда вы оставляете свою метлу на залитой лунным светом тропинке и вас встречает милое пушистое существо... и круглые желтые глаза светятся во тьме... как тут устоишь? В общем, я всячески старался избежать прогулок и проводил вечера за книгами или наливаясь пивом.

Вот так-то... Я вздрогнул от порыва холодного ветра и плотнее закутался в куртку. В воздухе ощущалось что-то неприятное... возможно, дело просто в моем плохом настроении, подумал я, но все же мне чудилась близкая опасность.

Выпускник, сидевший рядом со мной, чуть не оглушил меня, заорав во всю глотку, когда на поле появились команды. Команда Трисмегистуса — «Грифоны», команда Альбертус-Магнуса — «Крылатые Драконы». Самые старые из выпускников всегда говорили, что никак не могут привыкнуть к зрелищу этих тварей. Очевидно, до начала века магии в команды входили динозавры? Но Искусство по сути своей интеллектуально и задает особый тон в спорте...

И в этой игре было много интересного. «Грифоны» левитировали, а их крохотный защитник обернулся пеликаном. Душанович, превратившись в кондора, схватил его, заработав очки для наших. Андревски стал здоровенным оленем и удерживал противника довольно долго. А Пилсудский, поймав мяч, превратился в кенгуру. Он отлично работал ногами и уворачивался от перехвата (у парня был еще и тарнкаппен, плащ-невидимка, но следы его ног были хорошо видны), а потом отдал мяч Мстиславу. Драконы кружили над ним, ожидая, что Мстислав обернется вороном, чтобы добраться до ворот, но он отбил их встречные чары (отчего рядом с ним сверкнула молния) и превратился в

свинью... густо смазанную салом! (Конечно, это все были простенькие и веселые трансформации, и чары для них нужны были несложные — совсем не похожие на те грозные и ужасные слова, которые мне пришлось услышать перед рассветом...)

Чуть позже ошибка в игре отбросила нас на пятнадцать ярдов назад: Доминго нечаянно наступил на счетчик очков, бегавший по полю; тот мгновенно засвистел и выкрикнул несколько имен «Драконов». Но в общем никакой беды не случилось, а чуть позже противник тоже схлопотал пенальти — когда Торссон от волнения метнул грозовую молнию. К концу первого периода счет был 13:6 в пользу Трисмегистуса, и толпа зрителей от избытка чувств готова была взлететь в воздух вместе со скамейками.

Я сдвинул шляпу на затылок, одарил крикуна, сидевшего рядом, язвительным взглядом и уставился в хрустальный шар. Джинни веселилась куда больше, чем я; она прыгала и кричала, совсем, похоже, не замечая, что Аберкромби держал руку на ее плече. А может, она ничего не имела против?.. Я достал из кармана фляжку и основательно к ней приложился.

На поле выбежала веселая команда шутов. Их инструменты выделывали в воздухе антраша, гудя и барабана, в то время как шуты совершали традиционный марш к Королеве студенческого городка. Мне говорили, что обычно она выезжает навстречу им на единороге, но в этом году почему-то единорог отсутствовал.

Вдруг волосы на моем затылке встали дыбом и я почувствовал, как меня захватывает слепой порыв — инстинкт превращения в зверя... Я едва успел остановиться и вернуть свое человеческое естество... меня пробрал озноб. Воздух насыщала опасность. Неужели *никто* этого не чувствует?

Я направил хрустальный шар на веселую команду, отыскивая источник, едва слыша вопли болельщиков...

Алеф-гимел-далет-бу!
Номин-домин-хау-ву!
Размягчим мы их огнем,
И булавами проткнем!
И с победою уйдем!

Макилрайт!..

— Эй, мистер, что-то не в порядке? — Первокурсница отпрянула от меня, и я осознал, что рычу.

— О, ничего... надеюсь. — Собрав волю в кулак, я заставил свое лицо остаться лицом человека.

Полноватый блондин, которого я заметил в команде болельщиков, с виду совсем не казался опасным, но вдруг что-то

молнией мелькнуло в моем мозгу... Я ведь прежде имел с ним дело, и...

Я его не выдал в тот раз — но ведь именно он чуть не уничтожил химический кабинет Грисволда. Этот парень учился на подготовительном отделении медицинского колледжа; он совсем не был злым человеком, но в нем самым неудачным образом сочетались способности к магическому Искусству — и полная безответственность. Студенты-медики вообще всегда славились склонностью к шуткам, но шуткам безобидным, вроде той, когда в девичью спальню запускали вальсирующий скелет. И этот блондин стремился быть похожим на своих коллег.

В тот день Грисволд демонстрировал действие катализаторов, а Макилрайт, пробормотав заклятие-каламбур, заставил выскочить из пробирки кота. Вот только он ошибся в количественной части заклятия, и вместо кота в лаборатории появился саблезубый тигр. Поскольку заклятие было несерьезным, тигр хромал и здорово кренился на правый борт — и тем не менее зверь получился злобный, и могла начаться паника. Я бросился в кладовую, обернулся волком и выгнал зверя в окно, а потом загнал на дерево, где он и сидел, пока не явились специалисты из департамента по изгнанию бесов.

Я знал, кто устроил все это, и, отведя Макилрайта в сторону, предупредил его, что, если он еще раз устроит безобразия во время занятий, я ему отгрызу голову в самом буквальном смысле. Шутки вещь хорошая, но не за счет студентов, которые в самом деле хотят чему-то научиться, и не за счет престарелого анахронизма, который изо всех сил старается их научить.

— НАЧАЛИ!..

Предводитель команды шутов взмахнул рукой, и в воздухе рассыпались мелкие цветные огоньки, тут же соединившиеся в длинный язык пламени. Пламя взметнулось выше человеческого роста, переливаясь красным, голубым, желтым, окруженное роением искр... Прищурившись, я всмотрелся в него — и различил в центре огненной ауры гибкий раскаленный силуэт, похожий на ящерицу.

Первокурсница рядом со мной жалобно пискнула. Выпускник с другой стороны потрясенно пробормотал:

— Что это? Демон?

— Нет, это огненная элементарь, — буркнул я. — Саламандра. Чертовски опасная штука, особенно если рядом много дураков.

Я не отводил взгляда от поля, где огненная фигура принялась танцевать, кувыркаться, прыгать, что-то при этом бормоча и выпуская длинные огненные языки. Да, конечно, вокруг поля стояли пожарные в полной готовности и делали пассы, чтобы

обезопасить огненную тварь. Похоже, все было в порядке. Я слегка дрожащими руками достал сигарету. И все же ничего хорошего нет в том, чтобы вызывать детей Локи, бога разрушения... и запах опасности все сильнее мучил меня.

Представление выглядело отлично... Я взглянул в хрустальный шар. Аберкромби аплодировал. Но брови Джинни встревоженно сдвинулись над длинными зелеными глазами. Ей все это нравилось не больше, чем мне. Я снова направил шар на Макилрайта, великого шутника Макилрайта...

Наверное, я был единственным зрителем, понявшим, что случилось. Блондин взмахнул дирижерской палочкой. Огненная тварь выпустила крылья. Толстый пожарный, непрерывно делающий пассы, выглядел совершенно естественной целью для дурацкой шутки.

— И-и-эх!..

Пожарный взмыл вверх. Саламандра заколыхалась... и в то же мгновение стремительно выросла, вытянулась, став выше стен, окружающих стадион. Мелькнула ослепительная вспышка, тут же ставшая расплывчатым пятном — и тварь исчезла.

Моя сигарета превратилась в сгусток пламени. Я отшвырнул ее. И тут же, совершенно машинально, выхватил из кармана флажку и выбросил. Она уже раскалилась так, что я обжег пальцы; и тут же алкоголь вспыхнул голубым огнем. Толпа зрителей вопила, бросая сигареты, хлопая себя по карманам, где вспыхивали спички, швыряя на землю емкости со спиртным. Королева студенческого городка завизжала: ее тонкое платье занялось огнем. Она успела сбросить его, прежде чем получила серьезные ожоги, и с плачем побежала через поле. При других обстоятельствах это могло показаться интересным.

Саламандра материализовалась в воротах, которые тут же задымилась; тварь рычала, источая нестерпимый жар, спаливший траву вокруг. К ней бросился пожарный, выкрикивая истребляющие заклятия. Из пасти саламандры вырвался длинный язык огня, до меня донеслось насмешливое фырканье — и тварь снова исчезла.

Конферансье, которому следовало бы попытаться успокоить зрителей, заорал: саламандра возникла прямо перед его носом. И этот крик послужил сигналом к началу всеобщей паники. Единым движением пять тысяч человек бросились к выходу, давя и топча друг друга, ослепшие и потерявшие разум от страха, охваченные лишь желанием спастись.

Я перемахнул через скамьи и через чьи-то головы и очутился на поле. Мой рев перекрыл вопли толпы:

— Джинни! Джинни, сюда! Здесь безопасно!

Конечно, она не могла услышать меня в этом гаме, но и сама сообразила, куда бежать, и выскочила на поле, таща за руку перепуганного Аберкромби. Мы встали в центре панического водоворота. Джинни достала из сумочки складную волшебную палочку.

Из клеток вырвались кипящие грифоны. Именно кипящие, я не ошибся; саламандра возникла рядом с их клетками и, резвясь, опустилась на водопроводные трубы.

Завыли сирены, и в небе над нами пролетели полицейские метлы; полиция пыталась остановить паническое бегство. Огненная элементаль на мгновение коснулась одной из метел. Полицейский спикировал вниз, прыгнул с метлы — а метла, охваченная огнем, свалилась на траву.

— Черт побери! — воскликнул Аберкромби. — Саламандра вырвалась на свободу!

— Наконец-то заметили, — огрызнулся я. — Джинни, ты ведьма... ты можешь что-то сделать?

— Я могу уничтожить эту тварь, если она постоит на одном месте, пока я прочту заклятие, — ответила Джинни. Растрепанные рыжие волосы падали на ее бледное лицо, на плечи, открытые меховой накидкой. — Это наш единственный шанс... ограничительные чары разбиты, и тварь это знает!

Тут я увидел неподалеку на поле нашего приятеля Макилрайта и, подойдя к нему, схватил за шиворот.

— Твоя работа?! — рявкнул я.

— Да я ничего такого не делал! — заскулил он, стуча зубами.

— Не мели чушь! Я видел!

Он рухнул на траву.

— Я же просто хотел пошутить, — захныкал он. — Я же не знал...

Да, подумал я мрачно, это чистая правда. Он не знал. В том-то и сложности нашего Искусства: опасность исходит из любой силы, используемой человеком, будь то огонь, или динамит, или атомная энергия, или чары. И любой болван может научиться начинать какой-то процесс — ведь при поступлении в колледж он сдает экзамены на третью степень владения чарами... Но далеко не всегда можно с легкостью прекратить начавшееся.

В Трисмегистусе, как и в других университетах, студенческие шалости иной раз превращались в серьезную проблему. Конечно, как правило, они были безобидны — вроде проникновения в женские спальни в плаще-невидимке после вечернего звона и выманивания в окно девичьего белья. Иной раз случались по-настоящему смешные выходы — например, однажды

студенты оживили статую одного из бывших — и весьма уважаемых — президентов университета и заставили ее маршировать по городу, распевая непристойные куплеты. А бывали и неумные шутки, как в том случае, когда сопляки превратили декана Хорнсби в камень и целых три дня никто этого не замечал.

Но сегодняшний случай был из ряда вон. Саламандра могла поджечь весь город.

Я повернулся к пожарному, суетившемуся неподалеку; он пытался привлечь внимание полицейских, пролетавших над нами. Но в тусклом переливчатом свете всадники не замечали его сигналов.

— Что вы задумали? — спросил я.

— Я обязан добраться до начальства, доложить, — хрипло ответил он. — И нам, я так думаю, понадобится водная элементаль.

— Я имею опыт обращения с гидрами, — сказала Джинни. — Пожалуй, мне стоит отправиться с вами.

— И мне, — тут же заявил я.

Аберкромби сердито взглянул на меня:

— *Вы-то* тут при чем?

— Я оборотень! — рыкнул я. — И в волчьем обличье мне не слишком страшен огонь. А это может пригодиться.

— Прекрасно, Стив!

Джинни улыбнулась мне — старой знакомой улыбкой... Не сдержавшись, я схватил ее в объятия и поцеловал.

Джинни не стала тратить энергию на пощечину. Нет, я напоролся на апперкот, сбивший меня с ног.

— Не позволено! — отрезала Джинни.

Ох, эти трижды чертовы служебные чары! Я видел, что в глубине глаз Джинни таится страдание, но ее разум был вынужден повиноваться правилам Мальциуса.

— Здесь... э-э... неподходящее место для женщины, — забормотал Аберкромби. — Для такой очаровательной леди, как вы... Позвольте мне проводить вас домой!

— У меня есть дело, — нетерпеливо бросила она. — Какого черта эти копы не откликаются? Нам нужно выбраться отсюда!

— Ну, тогда и я отправлюсь с вами, — заявил Аберкромби. — Я кое-что понимаю в заклятиях и проклятиях, хотя... хе-хе... подобные пустяки никогда меня не интересовали.

Даже в такой момент, когда вокруг буйствовала толпа и силы ада вырвались на свободу, я был рад отметить, что Джинни не обращает ни малейшего внимания на знаменитого чаровника Аберкромби. Она угрюмо нахмурилась и огляделась по

сторонам. Возле ближайших скамей сидела на земле Королева, завернутая в чье-то пальто. Джинни усмехнулась и взмахнула рукой. Королева сбросила пальто и подбежала к нам. Через тридцать секунд рядом приземлились сразу три полицейские метлы. Пожарный отдал распоряжение, и вся наша компания взлетела над стадионом.

Даже за время нашего короткого перелета я успел заметить три пылающих здания. Саламандра вырвалась в город!

Глава 10

Мы собрались в полицейском участке — измученные, закованные, почти отчаявшиеся. Там уже находились шеф пожарных и шеф районной полиции; за пультом связи сидел молодой офицер с обезумевшими глазами. Джинни по дороге заскочила домой и явилась на собственной метле, со Свартальфом на плече и с «Руководством по алхимии и метафизике» под мышкой. Аберкромби запугивал и без того трясущегося Макилрайта, пока я не разогнал их по сторонам.

— Моя обязанность... — начал Аберкромби. — Я, как вам известно, инспектор-проктор!..

Наверное, в студенческих городках и в самом деле необходим проктор — чтобы студенты не наколдовывали спиртное прямо в общеджитиях и не протаскивали к себе нимф. И, конечно, время от времени кто-то являлся на экзамены с подсказчиком в кармане, чтобы тот шепотом читал шпаргалки... И тем не менее я никогда не любил профессиональных доносчиков.

— Разберетесь с ним позже, — сказал я и вытолкал студента за дверь. — Сначала — саламандра.

В комнату ворвался раздраженный президент Мальциус.

— Что все это значит? — требовательно спросил он. Пенс-не подпрыгнуло над его толстыми щеками. — Позвольте сообщить, сэр, что я как раз занят подготовкой весьма важных адресов! Завтра тотем Льва устраивает ленч, и...

— Ну, если еще будут какие-то ленчи, — хмуро перебил Мальциуса вызвавший его полицейский. — У нас тут саламандра болтается на свободе.

— Сала... Нет! Это не по правилам! Такое определенно запрещено, и...

Человек, сидевший у пульта связи, обернулся и сказал:

— Она только что подожгла методистскую церковь на Фотинс-Элм. А мы задействовали уже все наши силы!

— Это невозможно! — завопил Мальциус. — Демон не может приблизиться к церкви!

— Какой идиот назначил вас на эту должность? — в бешенстве рывкнула Джинни. — Саламандра — *не демон!* Это элементарь! — Взяв себя в руки, девушка продолжила ледяным тоном: — Мы не можем слишком рассчитывать на гидр в борьбе с саламандрой, но надо все-таки вызвать одну — она поможет тушить пожары. Конечно, гидра будет все время отставать, но по крайней мере мы спасем город от полного разрушения.

— Если саламандра не станет слишком сильной, — вмешался Аберкромби. Он был очень бледен и говорил сквозь зубы. — Тогда она испарит гидру.

— Ну так вызывайте две водные элементали, — запинаясь, сказал Мальциус. — Вызовите сотню! Я готов позволить нарушение правил, чтобы...

— Тут есть свои ограничения, сэр, — пояснил Аберкромби. — Способность к повиновению у элементали уменьшается при увеличении массы. И в этом городе вряд ли найдутся адепты, способные справиться одновременно более чем с тремя элементами. И если мы вызовем четыре — мы затопим город, а саламандра просто сбежит куда-нибудь.

— Алан... — Джинни положила свою книгу на стол и торопливо листала страницы. Аберкромби заглянул в руководство через плечо Джинни, не забыв при этом небрежно положить руку на талию девушки. Мне пришлось проглотить такие прекрасные ругательства!.. — Алан, можешь ты для начала вызвать одну гидру и заставить ее просто гасить огонь в городе?

— Разумеется, и самую великолепную! — улыбнулся Аберкромби. — Ха, элементарная задачка с элементарью!

Джинни настороженно глянула на него.

— Гидры могут откалывать фокусы не хуже, чем огненные и воздушные твари, — предостерегла она. — Тут недостаточно знать теорию.

— Ну, у меня есть кое-какой опыт, — хвастливо заявил Аберкромби. — Во время войны... Когда все это кончится, я приглашу вас к себе — мы немножко выпьем, и я расскажу вам о том случае. — И он коснулся губами ее щеки.

— Мистер Матучек! — взвизгнул Мальциус. — Будьте так любезны, спрячьте клыки!

Я встряхнулся и постарался подавить гнев, действовавший на меня с такой же силой, как лунный свет.

— Слушайте-ка, — заговорил шеф полиции. — Я должен знать, что вы собираетесь делать. Кто устроил неприятности? Ваши же, длинноволосики. Я не хочу, чтобы вы натворили еще что похуже.

Поглядывая на Джинни и красавчика Алана, которые наконец-то занялись делом, я вздохнул и свистнул, подзывая сигарету.

— Давайте я вам объясню, — предложил я. — Я во время войны имел возможность немножко разобраться в подобных штуках. Элементали — это совсем не то что демоны. Некоторые из демонов существуют вполне самостоятельно, как вы или я. А элементарь — всего лишь часть базовой силы; в данном случае основная сила — огонь, или, более точно, — энергия. Саламандра оторвалась от базовой энергетической матрицы и приобрела временную самостоятельность, но адепты заставят ее вернуться к основе.

— Хм?

— Ну, это как пламя. Пламя существует потенциально, пока кто-то не зажжет огонь, и возвращается в потенциальное состояние, когда вы, например, заливаете дрова в камине водой. И то мгновение, когда вы поджигаете полено, отличается от следующего мгновения, когда пламя охватывает дерево. Сами по себе элементали не слишком рвутся на свободу. Но если уж случайно освобождаются, то стремятся остаться в этом мире и набраться силы.

— Но как эта тварь сумела поджечь церковь?

— Да ведь у нее нет души, это чисто физическая сила. Любая подлинная индивидуальность, человеческая или иная, находится под определенным давлением... э-э... морального порядка. У демонов аллергия к святым символам. Человек, совершающий дурные поступки, постоянно помнит о том, что в другом мире ему придется за них ответить. Но чего бояться огню? А саламандра и есть просто... ну, большой огонь. Он ограничен лишь физическими законами природы и параприроды.

— Ох... так как же вы с ней справитесь?

— С ней может справиться гидра соответствующей массы, они бы взаимно аннигилировались... Земля может похоронить огонь, воздух может задушить его... Проблема в том, что огонь — самая подвижная из стихий; он может ускользнуть, прежде чем другие стихии сумеют причинить ему существенный вред. Так что нам остаются лишь уничтожающие заклятия. Но их необходимо произнести в присутствии саламандры, и нужно на это не меньше двух минут.

— Да-а... а когда эта тварь услышит ваши слова, она вас сожжет или просто смоеет. *Очень* хорошо. Так что же делать-то?

— Не знаю, шеф, — сказал я. — Только все это похоже на поцелуй бешеной собаки. — Я сильно затянулся и тут же прищелкнул языком. — Но действовать нужно быстро. Каждый пожар, устроенный этой тварью, делает ее сильнее, она

вбирает в себя энергию. Конечно, у нее есть предел... в соответствии с законом кубического объема — но пока она до него доберется, она станет такой могучей, что людям с ней будет не справиться.

— А потом что будет?

— Гибель богов... Ну нет, конечно. Просто придется вызвать элементарей соответствующей силы, вроде гидр. Но подумайте о сложностях контроля над ними, о возможных разрушениях... Пожалуй, сарацины покажутся в сравнении с этим сущей ерундой.

Джинни наконец отошла от стола. Аберкромби принялся мелком чертить на полу пентаграмму, предоставив бормочущему что-то Мальциусу стерилизовать перочинный нож с помощью спички. (Суть была в том, чтобы раздобыть каплю чьей-нибудь крови; она могла в данный момент заменить традиционные магические порошки, поскольку содержала те же самые протеины.) Джинни взяла меня за руку.

— Стив, у нас нет времени, чтобы собрать местных адептов и организовать их, — сказала она. — Пожалуй, не успеют подойти и силы полиции штата или Национальной гвардии. Кто знает, что выкинет саламандра, пока здешние офицеры зовут кого-то на помощь? Мы, то есть ты и я, по крайней мере можем пойти по ее следу — нам грозит меньшая опасность, чем другим. Согласен?

— Само собой, — ответил я. — Она не сможет слишком навредить мне, когда я приму волчье обличье... ну, я надеюсь, если я буду достаточно осторожен.

— Тогда пошли.

Когда мы выходили за дверь, я одарил Аберкромби нахальным взглядом. Он как раз расцарапал себе запястье и принялся напевать чары. Я ощутил, как помещение вдруг наполнилось влажным ветром.

На улице по-прежнему стояла холодная осенняя ночь, луна висела высоко в небе. Крыши домов вырисовывались темными острыми силуэтами на фоне зарева пожаров, пылающих по меньшей мере в дюжине точек; где-то завывали пожарные сирены. Над нашими головами, на фоне блеклых, безразличных ко всему звезд словно неся вихрь сухих листьев: это люди на своих метлах ударили из горящего города.

Свартальф устроился спереди на «кадиллаке» Джинни, а я сел на заднее сиденье. И мы понеслись в небо.

Внизу раздался хлопок, тьму прорезала мгновенная голубая вспышка — и полицейский участок погрузился во тьму. На улицу хлынул стремительный поток воды, в котором, как поплавок, подпрыгивал президент Мальциус.

— Чертов сатана! — воскликнул я. — Теперь-то что случилось?!

Свартальф заставил метлу спуститься пониже.

— Ох, этот идиот! — простонала Джинни. — Он позволил гидре выскочить прямо через пол... кратчайшим путем!

Она сделала несколько пазов волшебной палочкой. Ревущий поток поутих, съезжился, постепенно превращаясь в каплевидное тело футов десять в высоту, поблескивающее в лунном свете. Из дверей участка выскочил Аберкромби и, хлюпая ногами по грязи, повел гидру к месту ближайшего пожара.

Я расхохотался.

— Да, — сказал я, — тебе стоит навестить его и послушать байки о его обширном опыте.

— Тебе бы только лягнуть того, кто споткнулся, — огрызнулась Джинни. — Тебе тоже случалось давать маху, Стив Матучек.

Свартальф снова направил метлу вверх, и мы понеслись над каминными трубами. Охо-хо, думал я, да неужели она влюбилась в это чучело? Красивый профиль, гладкая речь, частые встречи... Меня затошнило от этой мысли, и я принялся оглядываться по сторонам в поисках саламандры.

— Там! — крикнула Джинни, заглушив свист рассекаемого воздуха. Свартальф взмахнул хвостом и зашипел.

Район университета отличался старомодным благородством: учебные и жилые здания соединялись между собой псевдоготическими галереями резного дерева, и лишь кое-где между изысканными строениями были вкраплены современные дома. И все это начинало весело пылать; не меньше двух десятков красных звездочек уже мигали в темноте. Спустившись ниже, мы увидели, как одна из этих звезд превратилась в белую струйку пара. Должно быть, гидра уже действовала здесь. У меня мелькнула еретическая мысль, что саламандра делает доброе дело, уничтожая все эти архитектурные уродства. Но дело касалось еще и человеческих жизней...

Высоченная и ужасная, элементарь колыхалась над зданием, которое она теперь пожирала. Она уже удвоилась в размерах, а сердцевина ее горела таким пожаром, что на нее невозможно было смотреть. Языки пламени вились над ее узкой головой.

Свартальф нажал на тормоз, и мы повисли в нескольких ярдах от твари, футов в двадцати над землей — как раз на уровне разинутой голодной пасти. Джинни приподнялась на стременах и начала произносить заклятие; голос ее почти терялся в грохоте проваливающейся крыши.

— *О Индра, Абадонна, Люцифер, Молох, Локи...*

Тварь услышала. Испуганные глаза устремились в нашу сторону, и саламандра прыгнула...

Свартальф пискнул, когда его усы опалило жаром — хотя ничего страшного с ними и не случилось, — и, резко вывернув метлу, помчался прочь. Саламандра взвыла во весь голос — словно заревела сразу сотня лесных пожаров. Но тут же я почувствовал, как исчез жар, паливший мою спину, — и тварь материализовалась прямо перед нами.

— Туда! — закричал я, вытянув руку. — Вон туда!

Я закрыл руками лицо Джинни, спрятав свое собственное за ее спиной, когда мы прямо сквозь стеклянную панель вломились в пивной бар «Гарден». Язык пламени рванулся следом за нами, отскочил назад, и саламандра бешено запрыгала по ту сторону двери.

Мы соскочили с метлы и огляделись. Таверна была пуста; в темноте мигали отсветы огня. Я увидел на стойке почти полный стакан пива и залпом осушил его.

— Мог бы и мне предложить, — сказала Джинни. — Алан обязательно поступил бы так. — Прежде чем я успел разобратся, издевается ли она надо мной или просто шутит, Джинни продолжила торопливым шепотом: — Она пока не пытается сбежать. Она набралась сил... уверенности... она хочет убить нас!

Но даже в тот момент мне очень хотелось сказать, что рыжий локон, упавший на ее лоб, очарователен... Однако вряд ли Джинни одобрила бы подобное отступление.

— Она не может войти сюда, — тяжело вздохнув, сказал я. — Ничего она не сможет сделать, разве что расплавить здание, раскалив под ним почву, — а на это уйдет много времени. Пока мы в безопасности.

— Почему... о, конечно. Бар огражден холодным железом. Мне говорили, все университетские пивнушки имеют металлический каркас.

— Да, — подтвердил я, всматриваясь через разбитое стекло на улицу. Саламандра в это мгновение заглянула внутрь, и у меня перед глазами запрыгали искры. — Это делается для того, чтобы посетители не добавляли градусов в пиво... Быстрее, произноси заклятие!

Джинни покачала головой:

— Она просто отбежит подальше, чтобы не слышать. Может, попробуешь побеседовать с ней, заговорить ей зубы...

Джинни подошла к окну. Саламандра изогнулась, припала к земле и зашипела. Я стоял рядом с моей девушкой, чувствуя себя глупым и бесполезным. Свартальф, лакавший пролитое на прилавок пиво, скосил на нас глаза и усмехнулся.

— Эгей, дитя света! — окликнула Джинни.

По спине саламандры пробежала дрожь. Тварь нервно хлестнула хвостом, и дерево на другой стороне улицы вспыхнуло. Я не могу описать голос саламандры: это было потрескивание, мычание, шипение огня, обретшего мозг и горло.

— Дочь Евы, что можешь ты сказать такой, как я?

— Именем Творца я велю тебе вернуться туда, где тебе надлежит быть, и прекратить тревожить мир.

— Хо... хо-хо-хо! — Тварь присела на ляжки (асфальт под ней пузырился) и разразилась ухающим смехом, задрав голову. — Ты велишь мне, воспламеняющей!

— В самом малом из моих пальцев таится такая сила, которая может обратить тебя в ничтожную искру, если я отпущу ее на свободу. Остановись и повинуйся, или тебя ждет нечто худшее, нежели просто возвращение к первооснове!

Мне кажется, на какое-то мгновение саламандра искренне удивилась.

— Сильнее меня? — Тут она взвыла так, что таверна затряслась. — Ты смеешь утверждать, что есть нечто сильнее огня? Сильнее, чем я, решившая пожрать землю?

— Сильнее и прекраснее. Подумай. Ты ведь даже не можешь войти в этот дом. Вода может погасить тебя. Земля может задушить тебя. Лишь воздух поддерживает в тебе жизнь. Лучше тебе сейчас уступить...

Я вспомнил ночь ифрита. Должно быть, Джинни задумала тот же трюк — прощупать психику существа, бешено рвущегося сейчас в дверь... но что она рассчитывала там отыскать?

— *Прекраснее меня!* — Хвост саламандры бешено лупил по мостовой. От него разлетались шаровые молнии и каскады искр — красных, голубых, желтых, словно фейерверк в День четвертого июля. Мне вдруг подумалось о ребенке, в раздражении топающем ногой по полу. — *Прекраснее меня! Сильнее!* Ты смеешь сказать... Ха-а-а... — Раскаленные зубы сверкнули в пасти, изрыгающей пламя. — Посмотрим, как прекрасна будешь ты сама, когда превратишься в головешку!

Узкая голова твари метнулась к стеклянному фасаду. Саламандра не могла одолеть барьер из холодного железа, но она принялась со свистом втягивать воздух через разбитое окно. Помещение наполнилось жаром, словно идущим из раскаленного горна, и я отскочил назад.

— Бог мой... она хочет вытянуть весь кислород... Оставайтесь здесь! — Я прыгнул к двери. Джинни взвизгнула, но я едва слышал ее: «Нет» — когда выскакивал наружу.

Меня облил лунный свет, холодный, колющий. Я припал к горячему тротуару и содрогнулся, когда мое тело изменило форму.

Я стал волком, и таким волком, которого мой враг не мог убить... я надеялся. Мой куцый хвост уперся в брюки, и я вспомнил, что бывают и такие раны, которые не заживают даже в зверином облике.

Брюки! Черт бы их побрал! От возбуждения я забыл о них. Вы вообще представляете, как должен чувствовать себя волк в брюках, рубашке, нижнем белье?..

Я принялся действовать носом и зубами. Подтяжки соскользнули и запутались вокруг задних лап. Галстук завязался, похоже, вечным узлом, а пиджак зацепился за брюки...

Взбесившись, я извернулся и клыками разодрал всю одежду в клочья. Саламандра заметила меня. Ее хвост хлестнул меня по спине. На мгновение меня пронзила жгучая боль, шерсть и ткань одежды вспыхнули... но это лишь помогло мне освободиться от всего, что было на мне надето. Подвижные молекулы моего тела в считанные секунды восстановились. А саламандра уже отвернулась, считая, что со мной покончено. Едва соображая, что делаю, я схватил зубами один из своих башмаков, бросил его на раскаленную пятку саламандры и ударил по нему обеими передними лапами.

Тварь замычала и резко развернулась, чтобы снова атаковать меня. Она разинула пасть так широко, что вполне могла бы перекусить меня пополам. Я отскочил в сторону. Тварь помедлила, оценивая расстояние между нами, исчезла — и материализовалась прямо передо мной.

На этот раз мне не удалось ускользнуть. Сбитый с ног, я вдохнул пламя, сжигавшее мою плоть. И от боли потерял сознание.

Глава 11

Лицо, смотревшее на меня, не нарушило одиночества и отстраненности — лицо, о котором я могу сказать лишь то, что оно было огромным, а его глаза казались глазами трупа. Но вообще-то я не видел его и не чувствовал холода, глубокого и пронзительного, более жестокого, чем все, что я знал когда-либо, — не видел с того момента, как в моем мозгу зазвучал голос, идущий сквозь не-пространство и не-время и потрясший чувства, которых я не имел. И это было концом надежд и концом борьбы...

«Гордись, Стивен. Мне пришлось самому заняться твоей гибелью и гибелью твоих помощников. Для этого мне пришлось

самому вложить в голову дурака идею шутки; как известно, лишь такой путь безопасен для нас в вашем мире, и эту работу я не смог доверить своим приспешникам. Но простой физический вред, причиняемый людям, не есть подлинная задача — хотя все служит конечной цели разрушения; и, конечно, мои маневры, направленные на то, чтобы привести вас двоих к гибели, могут дорого обойтись, если вдруг вызовут ответные действия Другой Стороны. Но время идет, и чем ближе некий момент — тем яснее, что вы представляете для нас опасность. Мне не дано знать, когда нам следует ожидать этого момента и каковы признаки его приближения; но я знаю, что вас к тому времени быть не должно».

Пожалуй, я мог бы и испугаться его — будь он чем-то более осязаемым, нежели точка среди ничего.

«И еще, — гудело во мне звоном набата, — и еще, Стивен, знай — тебе не обязательно умирать. Я предчувствую, что та женщина, Вирджиния, может быть худшим врагом, нежели ты. Да, да, я предвижу, что, лишившись ее, ты перестанешь представлять угрозу Плану; но она опасна и без тебя, а уж вдвоем вы слишком сильны. Почему это так — я лишь гадаю. Но отметим, что у нее есть умение и Дар; отметим, что она не попадалась в ловушку дважды, как ты; отметим сильный дух, живущий в ней. Желание отомстить за тебя может заставить ее заглянуть под поверхность явлений, отыскивая суть. Или она пойдет еще каким-то путем... Не знаю. Но я вижу — хотя ты и сгорел, она вовсе не сломлена до конца. Хочешь ли ты жить, и жить хорошо, Стивен?»

Нечто вроде слабейшего отблеска отдаленнейшей звезды мелькнуло во мне: «И что же я должен сделать?..»

«Служить мне. Принять мои идеи. Саламандра отпустит тебя, прежде чем раны станут неизлечимыми. А когда они закроются — тебе не нужно будет ничего делать... просто жить, долго и счастливо. А сейчас — сейчас ты вызовешь женщину наружу и отвлечешь ее, пока саламандра не возникнет прямо перед ней, как возникла перед тобой. Если ты откажешься — вернешься обратно как раз к тому моменту, когда сгоришь заживо».

Вирджиния была лишь чем-то неопределенно-далеким, и у меня не было языка, чтобы сказать «да» или «нет». Но Вирджиния была смыслом моей жизни, и я знал это даже тогда, когда тонул в безысходной муке; и все это превратилось в беспредельную ярость и в беспредельную ненависть, и я вырвался из безвременья... и вспышкой моих чувств он был выброшен в пустоту, из которой явился.

Глава 12

Думаю, я начал бороться именно из-за того, что ярость превысила муку. Мне говорили, что саламандра села на меня — и я вцепился зубами в ее зад с бешеной силой, не разжав клыки даже тогда, когда тварь вскочила. Но боль была так сильна, что кроме этой боли я ничего не помню.

Тогда саламандра исчезла. Улица сразу стала казаться очень темной, несмотря на лунный свет и отдаленные красные сполохи над горящими домами; было тихо, лишь изредка доносилось потрескивание огня пожаров. Когда мое тело восстановилось настолько, что начало действовать обоняние, я прежде всего почувствовал острый запах дыма.

Это заняло несколько минут. Несожженных тканей осталось все же достаточно, чтобы по образцам их ДНК воссоздалось остальное. Наконец я осознал, что моя голова лежит на коленях Джинни. Джинни гладила меня и плакала. Я лизнул ее руку — с трудом, потому что мой язык был подобен пересохшей подошве. Будь я человеком, я не спешил бы изменить позу. Но в облике волка, обладая лишь волчьими инстинктами, я увернулся от ее объятий и сел, хрипло тявкнув.

— Стив... о милостивый Творец, Стив, ты спас нам жизнь! — прошептала Джинни. — Еще пара минут, и мы бы просто задохнулись. У меня до сих пор в горле дерет.

Стуча по полу когтями, подошел Свартальф; вид у него был настолько самодовольный, насколько это возможно для кота с подпаленными усами. Он мяукнул. Джинни нервно рассмеялась и пояснила:

— Ты ему должен пинту сливок или что-нибудь в этом роде. Он ради тебя рисковал шкурой — точно так же, как ты ради нас. Ну, по крайней мере, именно он придумал, как спасти тебя. Я насторожил уши.

— Он умудрился открыть кран на бочке с пивом, — сказала Джинни. — Я наполняла кувшин за кувшином и выплескивала их на саламандру. Ее это встревожило, она передвинулась — и ты смог пустить в ход клыки. — Джинни ухватила меня за загривок. — Но какое это было зрелище, когда ты висел на ней!

Пиво!.. Я с трудом поднялся на ноги и вернулся в бар. Джинни и Свартальф пошли следом за мной, не понимая, в чем дело, пока я, поскуливая, не ткнулся мордой в ближайший стакан.

— О, ясно! — воскликнула Джинни, шелкнув пальцами. — Ты умираешь от жажды. Да нет, ты вообще пересох до полусмерти.

Она налила мне кварту пива. Я выхлебал его в один присест и потребовал еще. Но Джинни покачала головой:

— Хотя ты и заставил саламандру сбежать, но дело еще не закончено. Так что пей воду.

Мой звериный метаболизм почти мгновенно перераспределил жидкость в организме, и здоровье полностью вернулось ко мне. И первой вполне отчетливой мыслью была та, что незачем тратить хорошее пиво на борьбу с элементарью. Но тут же я решил, что использование любых подручных средств — основное условие победы.

Во всем есть своя отрицательная сторона. Оборотень имеет повышенную физическую сопротивляемость — но мозг его по существу своему звериный, в нем сохраняется лишь верхний слой человеческой личности. Или, проще говоря, в виде волка я был очень глупым человеком. У меня хватало ума лишь на то, чтобы сообразить — лучше поскорее вернуть себе человеческий облик... так что я выбежал за дверь, чтобы меня коснулись лунные лучи.

Вы когда-нибудь видели, как хихикает кот?..

— Ох, черт!.. — взвизгнул я и начал снова оборачиваться волком.

— Стой, стой! — сказала Джинни, давась от смеха. — Если тебя так уж тревожит моя девичья стыдливость, возьми это!

Она бросила мне изрядно пообгоревшую, но вполне еще пригодную для практических целей меховую шубку. Сомневаюсь, что кто-то когда-то одевался быстрее, чем я в тот момент. Шубка здорово жала в плечах, но была достаточно длинной... если я двигался осторожно. И хотя ночной ветерок охлаждал мне ноги, лицо мое горело, почти как саламандра.

И это было одной из причин, по которым я просто забыл о посетившем меня видении. Другой причиной была угрожавшая нам опасность — живая и слишком горячая. Кроме того, физическая боль, сопровождавшая возрождение моего сознания, размыла память о невещественном опыте — и, пожалуй, это и было главным. Боль стерла все. Ну и мне просто не хотелось думать об этом.

Но, между прочим, я отметил для себя, что уже дважды меня посещали подобные фантомы, в те моменты, когда я терял сознание. Может, мне следует показаться психиатру? Нет, это было бы глупо. Наверное, это просто реакция на травму.

И я выбросил все из головы.

— Куда мы теперь? — спросил я. — Чертова тварь может оказаться где угодно.

— Думаю, она будет болтаться вокруг студенческого городка, — сказала Джинни. — Там для нее обширное пастбище, а она не слишком сообразительна. Идемте.

Она принесла из глубины бара свою метлу, и мы вылетели на улицу.

— До сих пор, — сказал я, — мы просто даром теряли время.

— Н-ну нет, не совсем. Я поняла ход ее мыслей. Я не могу, конечно, сказать точно, как это выглядит в ее воображении. Но элементарь можно отлить фактически по любому шаблону. Похоже, капитан команды болельщиков вложил в нее знание английского и примитивный интеллект. Добавь сюда непостоянную природу огня — и что ты получишь? Ребенка.

— Та еще деточка, — буркнул я, натягивая шубку пониже.

— Но, Стив, это очень важно! Саламандра обладает детскими чертами характера. Непредусмотрительность, беспечность, неспособность задуматься... Умная саламандра залегла бы где-нибудь, постепенно копя силы. И она бы понимала, что нельзя сжечь всю планету, — да если бы и не понимала, все равно ей бы это не пришло в голову. Потому что в таком случае откуда бы ей взять кислород? И не забывай еще о ее безмерном тщеславии. Она же впала в безумную ярость, когда я заявила, что есть силы более мощные и более прекрасные, чем она, — к тому же на красоте она, похоже, помешалась еще крепче, нежели на силе.

И она не способна подолгу удерживать внимание на чем-то. Ей бы следовало сначала уничтожить тебя... или начать с нас со Свартальфом, чтобы обеспечить себе тылы. Но она раздробила усилия. А ведь она вполне могла воспользоваться своими зубами, когда ты ее укусил, или просто потерпеть боль секундную и окончательно раздавить тебя... — Голос Джинни прервался, но она справилась с собой и торопливо продолжила: — То есть она может удерживать в поле внимания лишь что-то одно, пусть это несущественная мелочь, и при этом не замечает важности целого. — Джинни задумчиво кивнула. Ее длинные волосы, раздуваемые ветром, коснулись моего лица. — Не знаю пока, как именно — но я должна найти точку опоры именно в ее психологии.

Мое собственное тщеславие, наверное, не уступало тщеславию саламандры.

— Нельзя сказать, что я был несущественной мелочью, — проворчал я.

Джинни улыбнулась и, обернувшись, коснулась пальцами моей щеки.

— Да, Стив, конечно. Я тоже так думаю, и теперь я *знаю*, что ты будешь хорошим мужем.

От этих слов я просто растаял, хотя и не совсем понял, что она имела в виду.

Мы заметили внизу саламандру, поджигавшую здание театра, но она ускользнула почти в то же самое мгновение и возникла в миле от нас, возле медицинского исследовательского центра. Стекланные кирпичи не спешили загораться. Когда мы приблизились к твари, она дерзко пнула стену центра, свалив ее, — и снова исчезла. Невежественная и импульсивная... дитя... отродье ада!

Пролетая над студенческим городком, мы увидели свет в административном корпусе.

— Наверное, они там устроили штаб-квартиру, — сказала Джинни. — Давай-ка доложим обстановку.

Свартальф повел метлу к лужайке перед зданием; спешившись, он важно зашагал ко входу впереди нас.

Двери охранял взвод полицейских, вооруженных огнетушителями.

— Эй, стоп! — Полицейский встал у нас на пути. — Куда это вы?

— На собрание, — коротко ответила Джинни, приглаживая растрепанные локоны.

— Да? — Глаза полицейского остановились на мне. — Как раз подходящий для этого костюмчик, а? Ха-ха-ха!

С меня было довольно. Я обернулся волком и спустил с него штаны. Он схватился за дубинку, но Джинни превратила ее в маленького боа-констриктора. Я снова стал человеком; мы предоставили полицейским самим решать свои проблемы и вошли в холл.

Зал собраний был набит до отказа. Мальциус собрал сюда всех профессоров. Когда мы входили, до меня донеслось:

— ...позорно. Власти просто не желают меня слушать. Господа, мы обязаны отстоять честь университета. — Мальциус заморгал, когда вошли Джинни и Свартальф, а при виде меня залился темным пурпуром; я шествовал во всем блеске, едва прикрытый норковой шубкой. — *Мистер Матучек!*..

— Он со мной, — бросила Джинни. — Пока вы тут сидели, мы сражались с саламандрой.

— Но, возможно, в этом деле нужна не простая сила мускулов, даже если это мускулы оборотня, — с улыбкой произнес доктор Алан Аберкромби. — Насколько я понимаю, мистер Матучек не ради шутки остался без брюк.

Аберкромби, как и Мальциус, сменил промокшую одежду на неизменный твидовый костюм. Джинни одарила доктора ледяным взглядом.

— Я-то думала, вы управляете гидрой, — сказала она.

— О, у нас достаточно адептов, чтобы управляться с тремя гидрами разом, — ответил он. — Простенькая работа. Мой долг — быть здесь. Мы готовимся взять огонь под свой контроль...

— Если саламандра не устроит за это время массу новых пожаров, — огрызнулась Джинни. — А каждый пожар делает ее больше и сильнее, пока вы тут сидите и любуетесь собой!

— Ну, дорогая... — рассмеялся он.

Я сжал зубы так, что они заныли. Джинни явно улыбнулась ему в ответ.

— Порядок, порядок! — призвал президент Мальциус. — Пожалуйста, сядьте, мисс Грэйлок. Вы хотели бы что-то обсудить?

— Да. Я теперь понимаю саламандру. — Джинни села в конце стола. Это оказался последний свободный стул, так что мне пришлось пристроиться позади и мучиться мыслью, что на шубке слишком мало пуговиц.

— Понимаете достаточно для того, чтобы ее уничтожить? — спросил профессор ван Линден, алхимик.

— Нет. Но мне ясен ход ее мысли.

— Нам куда более интересен ход ее действий, — сказал ван Линден. — Очевидно, прежде всего нам необходимо выяснить, как ей удастся перемещаться с места на место с такой скоростью...

— Ох, но это так просто, — пискнул было Грисволд, но его заглушил сочный бас ван Линдена:

— А это, разумеется, зависит от всем известного родства между огнем и ртутью. Поскольку в наши дни в каждом доме есть по меньшей мере один термометр...

— Мой дорогой сэр, — вмешался Витторио, астролог. — При всем моем уважении к вам — позвольте заметить, что вы говорите полнейшую чушь. Это просто вопрос соединения Меркурия и Нептуна в Скорпионе...

— Вы не правы, сэр! — возгласил ван Линден. — Абсолютно не правы! Позвольте продемонстрировать вам *«Искусство магии»*...

Он огляделся по сторонам в поисках книги, но она куда-то задевалась, и ему пришлось пробормотать чару-приманку, чтобы найти ее. Тем временем Витторио завопил:

— Нет, нет-нет! Это соединение плюс восход Урана... я могу легко доказать... — Он подбежал к грифельной доске и начал чертить диаграмму.

— Ох, это уж слишком! — фыркнул Джаспер, метафизик. — Просто не понимаю, как вы оба можете так заблуждаться. Как я доказал в докладе, который читал на последнем межфакультетском семинаре, существенное свойство матрицы...

— Это опровергнуто десять лет назад! — рявкнул ван Линден. — Влечение...

— ...если Уран...

— ...вы не понимаете...

Я протянул руку к Грисволду и дернул его за рукав. Он отошел со мной в сторонку.

— Ладно, так как же передвигается эта тварь? — спросил я.

— Ох... это из области волновой механики, — шепотом пояснил он. — В соответствии с принципом неопределенности Гейзенберга фотон имеет лишь ограниченную возможность существования в одной точке пространства. Саламандра использует дифракционный процесс, чтобы изменять пространственные координаты, при этом минуя промежуточные расстояния — как электрон при квантовом переходе — хотя, если быть точным, аналогия не совсем верна...

— Неважно, — вздохнул я. — Это совещание — просто бессмыслица. Не лучше ли нам...

— Заняться настоящим делом, — поддержал меня Аберкромби, подошедший к нам.

Джинни тоже стояла рядом. Страсти вокруг нас накалялись. Ван Линден подбил глаз Витторио, а Джаспер швырял мел в них обоих. Наша небольшая компания направилась к двери.

— Я уже нашел решение проблемы, — заявил Аберкромби. — Но мне понадобится помощь. Заклятие трансформации! Мы превратим саламандру во что-нибудь такое, с чем будет гораздо легче управиться.

— Это опасно, — сказала Джинни. — Вам понадобятся по-настоящему мощные Т-чары, а у них бывает сильная отдача. И последствия могут оказаться непредсказуемыми.

Аберкромби выпрямился с видом оскорбленного достоинства.

— Ради вас, дорогая, никакой риск не покажется излишним.

Джинни одарила его восхищенным взглядом. Нужно было обладать немалой храбростью, чтобы решиться на применение первичных рун.

— Что ж, идемте, — сказала она. — Я помогу.

Грисволд схватил меня за руку.

— Мне это не нравится, мистер Матучек, — сообщил он. — Искусство магии слишком многовариантно. Нельзя забывать о том, что оно базируется на законах природы, и главный тут — закон количества!

— Да, — с несчастным видом откликнулся я. — Ну и что?

Я потащился следом за Джинни и Аберкромби, которые на ходу заглядывали в карманный справочник. Грисволд шагал рядом со мной, а Свартальф сделал не слишком вежливый жест хвостом. Но Джинни и профессор не заметили этого.

Мы миновали разгневанных, но усмирённых полицейских. Факультет естественных наук находился совсем рядом. Мы вошли в его гулкую темноту.

Нашей целью была лаборатория для занятий первого курса — длинная комната, заставленная скамьями для студентов, полками с книгами, — и очень тихая, пустынная сейчас. Грисволд включил свет, и Аберкромби огляделся по сторонам.

— Но нам придется заманить сюда саламандру, — сказал он. — Мы ничего не сможем сделать, если она не будет присутствовать.

— Начинайте и будьте наготове, — сказала Джинни. — Я знаю, как завлечь эту тварь. — Она выставила на стол несколько пробирок с разноцветными порошками и начертила на полу ряд символов.

— Что ты задумала? — спросил я.

— Ох, не мешай, — огрызнулась она. Меня это задело, хотя я и понимал, что Джинни просто пытается одолеть усталость и отчаяние. — Конечно, я сыграю на ее тщеславии. У меня наготове несколько римских свечей, шутих и еще кое-что... мы их подожжем, и она обязательно явится посмотреть и доказать, что она может устроить фейерверк и получше.

Мы с Грисволдом отошли в угол. Начиналась большая игра. Я был по-настоящему испуган, да и тощие коленки старого ученого тоже откровенно дрожали. Даже Джинни... да, на ее гладком лбу выступил пот. Если все это не сработает, нам придется туго: отдача от первичных рун может запросто прикончить нас. К тому же у нас не было времени выяснить, не стала ли саламандра слишком сильной для трансформации.

Ведьма приготовила огненные забавы и, подойдя к окну, выглянула наружу. И вот началось: шипящие голубые и красные шары рванулись в небо, рассыпая потоки золотых искр...

Аберкромби закончил рисовать свои диаграммы. И, улыбаясь, повернулся к нам.

— Отлично, — сказал он. — Все под контролем. Я намерен обратить энергию саламандры в материю. *E* равно mc^2 , вы знаете. Матучек, пожалуйста, зажгите горелку и поставьте

на нее мензурку с водой. Грисволд, погасите эти огни, включите вместо них полароидовский светильник. Нам нужен поляризованный свет.

Мы повиновались, хотя мне противно было видеть, как старый уважаемый человек хлопочет, словно лаборант, выполняя распоряжения этого раздутого ничтожества.

— Вы уверены, что это сработает? — спросил я.

— Разумеется! — просиял он. — У меня есть некоторый опыт. Во время войны я служил квартирмейстером.

— Да, но превращать грязь в походный паек — не то же самое, что трансформировать монстра, — возразил я. — Чтoб вас с вашим опытом!..

И тут вдруг, припомнив, как он управлялся с гидрой, я осознал ужасную правду. Аберкромби был так самоуверен и бесстрашен лишь потому... да, потому, что знал *слишком мало*!

Я словно окаменел на несколько мгновений. Грисволд с несчастным видом перебирал образцы металлов. Он как-то использовал их, чтобы продемонстрировать первокурсникам химические свойства... о Боже, кажется, это было миллион лет назад!

— Джинни! — Я, чуть не споткнувшись на ровном месте, шагнул к Джинни, запускавшей в темный воздух сверкающие радуги. — Джинни, любимая, остановись...

Тр-р-рах!

Саламандра очутилась в лаборатории.

Я, почти ослепнув, шархнулся в сторону.

Саламандра чудовищно выросла, заполнила собой противоположный конец комнаты — и скамьи рядом с ней тут же начали дымиться.

— А, вот как! — Голос огня чуть не порвал наши барабанные перепонки. Свартальф взлетел на самую высокую полку и опрокинул на хулиганку несколько бутылей с кислотой. Но саламандра и не заметила этого. — Так это вы, мокрые надоедливые паразиты, вы пытаетесь превзойти меня!

Аберкромби и Джинни взмахнули волшебными палочками и выкрикнули короткое заклятие трансформации.

Затаившись в углу, я видел сквозь струи воняющего серой дыма, как Джинни пошатнулась и тут же отпрыгнула в сторону. Должно быть, она ощутила отдачу. Потом раздался взрыв, и воздух наполнился летящими во все стороны осколками стекла.

Грисволд оказался прикрыт моим телом, а со мной чары ничего не могли сделать — разве что превратить в волка. Джинни, упав на колени, согнулась за скамьей, наполовину оглушенная... но невредимая, невредимая, да воздастся вечная хвала силам добра! Свартальф... на стеллаже сидел, жалобно подвы-

вая, маленький песик-пекинес. Аберкромби исчез, зато к дверям торопливо ковылял шимпанзе в твидовом костюме.

Перед носом обезьяны пронесся порыв пламени. Шимпанзе взвыл и вскарабкался по трубе парового отопления. Саламандра выгнула спину дугой и разразилась ухающим смехом.

— Вы хотели обмануть меня? Могучую меня, ужасную меня, прекрасную меня? Ха, ваше колдовство отскочило от меня, как капля воды от горячей сковородки! А я, я — я та сковородка, на которой поджаритесь вы!

Почему-то ее низкопробная мелодраматичность не казалась такой уж глупой. Потому что перед нами стояло тщеславное, глупое существо с детской психикой, способное превратить в пепел и людей, и их дома...

В лучах полароидовской лампы я мигом вернулся к человеческому облику и встал. Грисволд открыл водопроводный кран и, прижав его пальцем, пустил в саламандру струйку воды. Тварь зашипела. Да, вода все же раздражала ее, но у нас под рукой было слишком мало жидкости, чтобы залить саламандру, для этого уже понадобилось бы целое озеро... Тварь повернула голову и разинула пасть, нацелившись на Грисволда.

Сплошное тщеславие...

Я одним прыжком очутился возле газовой горелки, на которой до сих пор кипела бесполезная мензурка с водой. Воздух в лаборатории помутнел от жара, пот ручьем стекал по моей спине. Нет, не могу сказать, что меня озарила гениальная догадка, — я действовал чисто инстинктивно, повинаясь вспышке памяти.

— Убей нас! — рявкнул я. — Убей, если осмелишься. Наш слуга сильнее тебя. И он будет тебя преследовать до конца твоего существования.

— *Твой слуга?* — Языки пламени сопровождали слова.

— Да... наш слуга, тот огонь, который не боится воды!

Саламандра, рыча, шагнула ко мне. Она все же не была еще настолько могущественна, что ее перестало смущать упоминание о воде.

— А ну, где он? Показывай! Давай!

— Наш слуга... маленький, но сильный, — сварливым тоном бормотал я. — Ярче тебя, и куда прекраснее, и влажные элементы не могут причинить ему вреда. — Я схватил банку с образцами металлов и щипцы. — Хватит ли у тебя храбрости взглянуть на него?

Саламандра ошетибилась:

— Хватит ли у меня *храбрости*? Лучше спроси, осмелится ли он противостоять мне?

Я мельком бросил взгляд в сторону. Джинни уже поднялась и схватила волшебную палочку. Девушка еще едва дышала, но глаза ее уже воинственно прищурились.

В лаборатории стало очень тихо. И потрескивание огня, обезьянье бормотание Аберкромби, негодующее повизгивание Свартальфа лишь подчеркивали тяжесть этой тишины. Я взял щипцами полоску окиси магния и поднес ее к пламени горелки.

Образец вспыхнул бело-голубым химическим светом, и мне пришлось отвернуться, чтобы не ослепнуть. Саламандре было далеко до этого злобного сияния. Я увидел, как тварь, пытаясь скрыть испуг, кичливо раздулась.

— Взирай! — И я поднял горящую полоску. За моей спиной Джинни быстро произнесла: *«О Индра, Абадонна, Люцифер...»*

Детский ум, способный сосредоточиваться лишь на одном предмете... но надолго ли? Я должен был удерживать ее внимание все те сто двадцать секунд, что необходимы были Джинни.

— Огонь, — нервно сказала саламандра. — Просто еще один огонь, просто маленький кусочек той силы, от которой произошла и я.

— А вот так ты умеешь, поджигательница?

Я окунул горящий образец в мензурку с водой. Над водой вспухли клубы пара, вода кипела и булькала — но металл продолжал гореть!

— Неплохо, неплохо, — одобрительно прошептал Грисволд.

— Киик-иик-иик! — сказал Аберкромби.

— У! — сказал Свартальф.

— Это фокус! — завизжала саламандра. — Это невозможно! Если даже я не умею... Нет!

— Стоять на месте! — рывкнул я в наилучшей армейской манере. — Ты все еще сомневаешься, что мой слуга найдет тебя, где бы ты ни спряталась?

— Я убью это маленькое чудовище!

— Валяй, дубина! — согласился я. — Не хочешь ли устроить дуэль на дне океана?

Резкий свист на мгновение перекрыл шум, поднявшийся в лаборатории. К окнам подлетели полицейские на метлах.

— Я тебе покажу, я тебе...

Рев саламандры стал похож на рыдание. Я нырнул под скамью, толкнув туда же Грисволда. Гейзер пламени вспыхнул на том месте, где я только что стоял.

— Мяу, мяу! — крикнул я. — Не можешь ты меня поймать! Драная кошка!

Свартальф мрачно уставился на меня.

Пол задрожал, когда элементаль погналась за мной — она не пыталась обойти скамьи, она просто прожигала себе путь сквозь них. Меня опалил страшный жар. Я чуть не потерял сознание.

Но все уже было кончено. Джинни торжествующе выкрикнула: «Аминь!» — и воздух с грохотом сомкнулся в том месте, где только что находилась саламандра.

Я, пошатываясь, поднялся на ноги. Джинни мгновенно очутилась в моих объятиях. В лабораторию ворвалась полиция, и Грисволд нервно требовал, чтобы сюда немедленно вызвали пожарных, иначе все здание превратится в уголи. Аберкромби выскочил в окно, а Свартальф спрыгнул со стеллажа. Вот только он забыл, что пекинесы далеко не так проворны, как коты... и праведный гнев Свартальфа отразился в выпученных глазах пса.

Глава 13

Снаружи, на лужайке перед зданием, было прохладно и тихо. Мы сели на покрытую росой траву, посмотрели вокруг, взглянули на луну — и просто радовались тому, что живы.

Служебные чары разделяли нас, но в глазах Джинни светилась нежность. Мы едва замечали, как мимо нас пробегали люди, кричавшие, что саламандра исчезла, и как церковные колокола понесли ту же весть к небу.

Но в конце концов наше внимание привлек лай Свартальфа. Джинни хихикнула.

— Бедняжка! Я тебе верну твой вид, как только смогу, но сейчас — потерпи, есть дело более важное. Идем, Стив.

Свартальф так и сел на месте. Наверное, его до глубины души потрясла мысль, что может быть дело более важное, нежели возвращение ему кошачьего облика.

На полпути нас встретил доктор Мальциус. Лунный свет, просачиваясь сквозь листву вяза, падал на его лицо и отражался в стеклах пенсне.

— Моя дорогая мисс Грэйлок, — начал он, — правда ли то, что вы сумели избавить общество от опасности? Вы заслуживаете поощрения. Примите мои поздравления. Анналы славы университета, коего я имею честь быть президентом...

Джинни, подбоченившись, уставилась на него ледяными глазами.

— Честь победы принадлежит мистеру Матучеку и доктору Грисволду, — заявила она. — И я намерена известить об этом прессу. И, без сомнения, вы найдете необходимым представить доктору Грисволду более подходящие условия для работы.

— Ох, что вы... — забормотал топтавшийся неподалеку ученый. — Это же...

— Помолчите, простофиля, — шикнула на него Джинни. И продолжила громко: — Лишь благодаря его смелой и дальновидной приверженности изучению законов природы... ну, дальше вы сами придумаете, Мальциус. И не думаю, что вы будете слишком уж популярны, если продолжите морить голодом его факультет.

— Ох... ну конечно... в конце концов... — Президент отчасти пришел в себя. — Я уже размышлял об этом. Вообще-то намеревался вынести этот вопрос на обсуждение на следующем заседании Совета.

— Я вам напомню о нем, — сказала Джинни. — Дальше. Насчет идиотского запрета каких-либо отношений между студентами и преподавателями. Мистер Матучек скоро станет моим мужем...

Ух!.. У меня перехватило дыхание.

— Но, дорогая мисс Грэйлок, — забормотал Мальциус. — Приличия... правила... к тому же он слишком нескромен!

Лишь тут я с ужасом понял, что во всей этой суматохе где-то потерял шубку Джинни.

К нам подошли двое копов, таща брыкающуюся волосатую фигуру. Третий полицейский нес одежду, которую растерял шимпанзе.

— Вы уж нас извините, мисс Грэйлок, — благоговейным тоном произнес один из копов. — Но мы тут поймали мартышку...

— А, да! — Джинни рассмеялась. — Нам нужно бы вернуть ему человеческий облик... но не сейчас. Стиву его штаны куда нужнее.

Я нырнул в брюки быстрее, чем перепуганная змея прячется в норку. Джинни снова повернулась к Мальциусу, сияя ангельской улыбкой.

— Бедный доктор Аберкромби, — сказала она со вздохом. — Вот что случается, когда связываешься с параестественными силами. Я уверена, сэр, у вас нет правила, запрещающего сотрудникам университета проводить исследования?

— Ох, нет, конечно! — потрясенно воскликнул президент. — Разумеется, нет! Напротив! Мы всячески поощряем публикации...

— Я так и думала. Ну, я намерена провести одно интересное исследование в области трансформаций. Но — признаю, тут есть кое-какая опасность. Чары могут дать отдачу, как в случае с доктором Аберкромби. — Джинни подняла волшебную палочку и задумчиво уставилась в траву. — Возможно, даже...

да, есть такая возможность... что *вы* превратитесь в обезьяну, дорогой доктор Мальциус. Или, например, в червя. Длинного и скользкого. Но ведь это не может остановить развитие науки, верно?

— Что? Но...

— Но, естественно, — премурлыкала ведьма, — если мне будет позволено обвенчаться с моим женихом, у меня просто не останется времени на другое.

Мальциус изверг целый фонтан слов, но в итоге признал свое поражение. Наконец он, спотыкаясь, побрел прочь, и последние отблески гаснущих пожаров осветили его утратившую величественность фигуру.

Джинни повернулась ко мне.

— До завтрашнего дня правило официально не отменяют, — сказала она. — Ну а завтра... как ты думаешь, можем мы прогулять парочку лекций?

— Киик-киик-иик! — сказал доктор Алан Аберкромби.

Тут появился Свартальф, полный негодования, и загнал профессора на дерево.

Глава 14

Пришло время для краткого отступления. Мы с Джинни от- лично завершили первый учебный год. Джинни гордилась моими успехами в шаманистике и магии чисел и помогала мне одолеть некоторые трудности тайных языков. (Грисволд тоже помогал мне — когда я разбирался в электронике.) Джинни пересмотрела свои планы на будущее — с учетом того, что мы собирались пожениться в июне.

Вы можете подумать, что бывшая высокооплачиваемая ведьма из Нью-Йорка ни в коем случае не могла сохранить невинность. Конечно, в определенном смысле Джинни была весьма искушенной особой. Однако — если даже и не учитывать ее твердое намерение сохранить чистоту для будущего мужа — она еще и специализировалась в тех областях Искусства магии, для которых необходима девственность. Такие специалисты, будучи весьма редкими, получали повышенные гонорары.

А теперь моя огненно-ледяная девушка становилась обычной новобрачной. Но стоило ли из-за этого тревожиться? Через год она приобретет новые знания, которые вполне компенсируют ее замужество.

Мы, конечно, не могли полностью скрыть от средств массовой информации свою роль в изгнании саламандры. Но при горячем участии Мальциуса, трубившего на весь свет, как команда университета спасла наш замечательный город, мы

умудрились избежать излишнего внимания. Грисволд был ошеломлен тем, что ему вдруг стали воздавать почести, которых, как он считал, он не заслуживал, и в то же время негодовал из-за того, что нам с Джинни досталось мало почета. Но мы сумели убедить его, что ему полезно быть на виду, так как это приносит пользу его лабораториям — их начали модернизировать... ну а нам все это не нужно, поскольку мешает нашей личной жизни. Кроме того, если мы хотим добиться отмены глупых правил и создать в Трисмегистусе сносные условия существования, лучше подыгрывать Мальциусу и не напоминать ему, как он праздновал труса.

В общем, зима и весна были чудесными и полными ожиданий. Я мог бы пропустить многое, но... но мне так хочется вспомнить еще раз некоторые моменты!..

— Нет, — сказал я деловому партнеру моей невесты. — Ты не поедешь с нами в свадебное путешествие.

Он закатил глаза и негодуя заявил:

— Мня-а-у!..

— Ты прекрасно проведешь этот месяц здесь, в квартире, — твердо произнес я. — Комендант обещал кормить тебя каждый вечер, когда станет приносить молоко для домового. И не забывай, что ты не должен охотиться на домового. После того как ты три раза кряду устраивал тут погоню за ним, Маленький народец стал подсахаривать мартини нам с Джинни!

Свартальф самодовольно крутанул хвостом и сверкнул желтыми глазами. Но вообще-то я понимал, почему он так относится к домовому: с точки зрения кота, существо ростом с мышь, юркое, как мышь, не может, черт побери, ожидать, что с ним будут обращаться иначе, чем с мышью.

— Он, между прочим, приходит сюда не только вытирать пыль, — напомнил я Свартальфу, — но еще и приводить в порядок твою туалетную коробку. Ты можешь без нас гулять или летать на венике, но домового трогать не смей, грубиян! Если я при возвращении узнаю, что ты снова за ним гонялся, я обернусь волком и устрою тебе головомойку. Понятно?

Свартальф обиженно дернул хвостом.

В гостиную вошла Вирджиния Грэйлок, которая через несколько нестерпимо долгих часов должна была стать миссис Стивен Матучек. Меня настолько захватило зрелище высокой гибкой фигуры в белом платье, аристократических черт лица и огненно-рыжих волос, спадающих на плечи, что голос Джинни

я воспринял лишь как симфонический аккомпанемент к увиденному. Ей пришлось повторить:

— Дорогой, ты действительно уверен, что мы не можем взять его с собой? Это заденет его чувства.

Я опомнился.

— Его чувства — из закаленной стали. Я как-нибудь выдержу, если он полезет в нашу кровать, когда мы вернемся, ну... до известной степени... но пятнадцать фунтов черной кошатины на моем животе во время медового месяца — это слишком. Тем более что он предпочитает твой живот.

Джинни вспыхнула:

— Мне будет не хватать моего помощника, после стольких лет! Ну, если он обещает вести себя хорошо...

Свартальф, стоявший перед нами на столе, потерся о бедро Джинни и мурлыкнул. Я бы тоже не прочь, подумал я. Однако я не собирался отступать.

— Нет, он просто не способен вести себя прилично, — сказал я. — А тебе он не понадобится. Мы намерены забыть обо всем мире, и о работе тоже. Ведь так? Я не собирался ни корпеть над книгами, ни навещать друзей-оборотней — даже ту семью койотов из Акапулько, которая нас приглашала. Мы будем только вдвоем, и никаких кисонек...

Я прикусил язык, но Джинни не обратила внимания на мои слова, продолжая ласково гладить Свартальфа.

— Хорошо, дорогой, — вздохнув, сказала она. И, не удержавшись, съязвила: — Радуйся семейной жизни, пока можешь!

— Я намерен радоваться ей всю жизнь! — хвастливо сообщил я.

Джинни вскинула голову:

— Всю жизнь? — и торопливо добавила: — Нам лучше отправляться. Все уже уложено.

— Вперед, супруга! — согласился я. Она показала мне язык. Я погладил Свартальфа. — Пока, приятель! Надеюсь, не завидуешь?

Он повернулся от моей руки и сказал, что, пожалуй, нет. Джинни крепко обняла его на прощание, подхватила меня под руку и потащила за дверь.

Сюда, в квартиру на третьем этаже дома, расположенного неподалеку от университета Трисмегистуса, мы должны были вернуться после медового месяца. Наше венчание было скромным, в церкви присутствовали лишь несколько близких друзей; потом состоялся скромный ленч в доме одного из знакомых — и мы распрощались со всеми.

Друзья Джинни в Нью-Йорке и мои старые голливудские приятели имели деньги. И, сбросившись, несколько человек

подарили нам персидский ковер. Подарок, конечно, был потрясающий — но где вы видели молодую пару, которой не понравилась бы роскошь?

Ковер ждал нас у дома. Весь багаж был уже сложен в его задней части. Мы уютно устроились на подушках, набитых искусственной морской пеной. Джинни промурлыкала слова команды. Мы взлетели так мягко, что я и не заметил, как мы очутились в воздухе. Ковер, конечно, летел не так стремительно, как спортивные метлы, но три драконьи силы, таящиеся в нем, вынесли нас за пределы города в считанные минуты.

Под нами раскинулись необъятные зеленые равнины Среднего Запада, то тут, то там пересеченные серебряными лентами рек; но мы были только вдвоем среди птиц и облаков. Защитный экран укрывал нас от ветра. Джинни сбросила платье, под которым оказался купальник. Теперь-то я понял теорию транзисторов: отсутствие материи, безусловно, так же существенно, как и ее присутствие. Мы загорали по пути на юг; а в сумерках остановились, чтобы поужинать в прелестном маленьком ресторанчике в Озарксе, но в метлотеле решили не ночевать. А вместо этого полетели дальше. Ковер был мягким, теплым, уютным... Я начал было поднимать вверх, но Джинни сказала, что лучше лететь чуть ниже, там будет теплее. И она оказалась права. В небе роились звезды, а потом взошла огромная южная луна и поглотила большую их часть... и ветерок что-то тихо напевал, и снизу из темноты доносился хор цикад... а остальное — не ваше дело.

Глава 15

Я знал совершенно точно, куда мы направляемся. Мой армейский друг, Ян Фернандес, сумел неплохо использовать свой военный опыт. Он служил в секторе пропаганды и написал массу блестящих сценариев. А теперь, вместо того чтобы сочинять ночные кошмары, которые засылались врагу, он занимался популярными сериями снов, и его наниматели платили ему в соответствии с его талантом. Сны Фернандеса любили все, кроме психоаналитиков, но они вообще уже отживали свое, после того как были найдены научные способы изгнания бесов из одержимых. И вот в прошлом году Фернандес построил загородный дом в стране своих предков. Домик этот располагался на побережье Соноры, в уединеннейшей точке Мидгарда — и в одной из прекраснейших. Фернандес предложил мне пожить в нем этот месяц, и мы с Джинни соответственно назначили дату венчания.

Мы приблизились к дому на следующий день в полдень. На западе лежал Калифорнийский залив, сверкающий бело-голубыми тонами. Прибой набегал на широкий песчаный пляж, за ним громоздились утесы, а вдаль, на востоке, простирались равнины — сухие, окаменевшие, мрачные. Дом Фернандеса, стоявший на высоком берегу, над обрывом, окружала зелень.

Джинни захлопала в ладоши.

— Ох! Я просто поверить не могу!

— Ты же с востока, откуда тебе знать, как велика страна! — самодовольно сказал я.

Джинни прикрылась ладошкой от солнца и всмотрелась в даль.

— А там что такое, вон там?

Я сначала просто уставился на ее указующий палец, но потом опомнился. На вершине утеса — примерно в миле к северу от дома Фернандеса и на несколько сот футов выше — полуразрушенные стены окружали нечто вроде груды камней; там же торчала мрачная башня, похожая на сухую корягу.

— Ла Фортасела, — сказал я. — Испанская постройка семнадцатого века. Какому-то дону взбрело в голову, что он может извлечь прибыль из этой местности. Он воздвиг тут замок, привез из Кастилии жену. Но все получилось не так, как он рассчитывал, и вскоре все пришло в запустение.

— Мы сможем осмотреть эти развалины?

— Если тебе захочется.

Джинни положила руку на мое плечо.

— Стив, что-то не в порядке?

— Ох... нет, просто мне не нравится Фортасела. Даже днем и в человеческом обличье я чувую, там что-то не так. И я там бывал после наступления темноты, в волчьем обличье — так там просто воняло. Не в буквальном смысле, не в физическом... Ох, да ну его!

Джинни рассудительно сказала:

— Но ведь в те времена испанцы держали в рабстве индусов, не так ли? Полагаю, в замке скопилось много человеческих страданий.

— И оставили осадок. Да, наверное. Но, черт побери, это было так давно! Конечно, мы туда пойдем. И сами руины живописны, и вид оттуда открывается невероятно величественный.

— Но если тебя всерьез тревожат привидения...

— Забудь об этом, дорогая! Я не суеверен.

А потом мы приземлились возле дома и в самом деле обо всем забыли.

Дом был выстроен в монастырском стиле — белые стены, красная черепичная крыша, закрытый двор с фонтаном... Но

там был еще и сад, полный зелени и цветов — красных, пурпурных, золотых... И мы были совсем одни. В саду работали элементарии земли и воды, так что в управляющем и садовнике дом не нуждался; другие элементарии поддерживали ровную температуру в самом доме, а еще на дом были наложены очень дорогие чары чистоты. Поскольку Джинни временно выбыла из игры как маг, она взялась за приготовление мексиканского ленча из тех припасов, что мы привезли с собой. Джинни была так прекрасна в коротком домашнем сарафанчике и фартуке, что у меня не хватило духу сказать, что готовить она совсем не умеет. А потом Джинни просто визжала от восторга, глядя на грязные тарелки, которые сами полетели обратно на кухню и принялись плескаться в мыльной воде.

— Вот это автоматика! — кричала Джинни.

Днем мы купались и загорали, а перед закатом поднялись по ступеням, высеченным в скале, — назад, домой, и я приготовил бифштексы на древесном угле. Потом мы вышли в патио, из которого открывался вид на море. Там мы уселись в шезлонги и сидели, держась за руки и глядя на высыпавшие в небе звезды.

— Давай превратимся в лунном свете и устроим хорошую прогулку, — предложил я. — Из тебя выйдет восхитительная волчица!

Она покачала головой:

— Я не могу, Стив.

— Уверен, можешь. Конечно, тебе понадобятся Т-чары, но...

— Не в этом дело. У тебя есть гены оборотня, и все, что тебе нужно, — это поляризованный свет. Но для меня это серьезная трансформация, и... я не знаю... я не ощущаю в себе сил для этого. Я даже не помню формул. Похоже, я утратила все способности. Все мои знания разлетелись, как пух, я и сама не ожидала... Мне придется пройти курсы обучения самым элементарным вещам. А сейчас — лишь профессионал мог бы обернуть меня волчицей.

Я вздохнул. Мне так хотелось надеть волчью личину! Вам не понять всего богатства мира, пока вы не ощутите его кроме человеческих еще и звериными чувствами — а ведь Джинни была частью этого мира... А, ладно!..

— Хорошо, — сказал я. — Займемся этим позже, когда ты снова станешь адептом.

— Конечно. Мне очень жаль, милый. Но если тебе хочется побегать по окрестностям в волчьей шкуре — валяй!

— Без тебя — нет.

Джинни хихикнула:

— Да, ведь ты можешь нахвататься блох!

Она наклонилась ко мне, чтобы поцеловать в ухо, — и вдруг мы услышали шаги.

Я встал, бормоча под нос нечто совсем не похожее на приветствие. Кто-то шел по извилистой тропинке. «Какого черта?» — подумал я. Неужели это человек из деревни, что в десяти милях отсюда? Но... мой нос, ничего не учуявший по волчьим меркам, внезапно уловил слабый запах, который мне здорово не понравился. Хотя его нельзя было назвать неприятным: напротив, в нем была некая острота, благодаря которой красота Джинни, полускрытая тьмой, стала вдруг яркой до нестерпимости. И все же я внутренне ощетинился.

Я шагнул навстречу незнакомцу, вошедшему в наше патио. Это был мексиканец среднего роста — гораздо ниже меня. Он двигался так изящно, так бесшумно, что я подумал, не кугуар ли он? Темный плащ поверх безупречного белого костюма, гибкое тело... Шляпа с широкими полями делала его лицо невидимым; но вот он снял головной убор и поклонился. Из окна на него упал свет. Я никогда не видел более интересного мужчины: высокие скулы, греческий нос, твердый подбородок, широко расставленные глаза зеленовато-серого цвета с золотыми искрами производили впечатление. Его кожа была блее, чем кожа моей жены; гладкие светлые волосы имели пепельный оттенок. Я подумал, что он, наверное, настоящий, коренной мексиканец.

— Buenas noches, señor, — резко сказал я. — Pardon, pero no hablamos español *. — Это была не совсем правда, но мне вовсе не хотелось заниматься светской болтовней.

Голос, ответивший мне, был то ли тенором, то ли контральто — я не мог решить; но, во всяком случае, звучал он очень музыкально.

— О, добрый сэр, ручаюсь — я смог бы говорить на любом языке, если нужно. Умоляю простить меня, но я издали увидел, что в доме появился свет, и, подумав, что вернулся хозяин, пришел с визитом как сосед.

Он произносил слова на древний лад и странно строил фразы. А гласные в его речи звучали на шведский манер, хотя шведского ритма в предложениях не было. Но прежде всего меня удивил сам смысл его слов.

— Сосед?..

— Мы с сестрой обрели жилище в том древнем замке.

— Что? Но... ох. — Я замолчал. Фернандес не упоминал ни о чем подобном, но он и сам не был здесь уже несколько

* Добрый вечер, сеньор. Извините, но я не говорю по-испански (исп.).

месяцев. А Форталеса и прилегающие к нему земли принадлежали мексиканскому правительству. — Вы купили его?

— Несколько помещений в замке оказались вполне удобным обиталищем для нас, — ускользнул он от ответа. — Меня нарекли Амарисом Маледикто. — Полные, но безупречно очерченные губы гостя сложились в очаровательную улыбку. И если бы не запах, тревоживший меня, этот человек покори́л бы меня. — Вы и ваша прекрасная леди — гости сеньора Фернандеса? Счастливи́й познакомиться.

— Мы на время сняли дом. — В голосе Джинни прозвучало что-то по-детски беспомощное. Я украдкой глянул на нее и увидел, что она во все глаза смотрит на гостя. — Мы... мы... Вирджиния. Стивен и Вирджиния... Матучек. — Я вдруг с холодным недоумением и довольно злобно подумал, что она могла бы представиться и несколько иначе. — Очень любезно с вашей стороны, что вы зашли к нам. Ваша... ваша сестра... она с вами?

— Нет, — ответил Маледикто. — И, по правде говоря, хотя она и обрадуется вашему обществу, но, пожалуй, и позавидует вашей красоте.

Как ни странно, его слова, обращенные к чужой жене, не казались ни наглыми, ни фальшивыми — а лишь искренними... но, может, виноваты были мягкая ночь, звезды, утесы?.. В полутьме патио я увидел, как вспыхнула Джинни. Она опустила глаза, ее ресницы затрепетали, и она смущенно пробормотала:

— Вы так любезны... да... не хотите ли сесть?

Он снова поклонился и плавно опустился в шезлонг. Я дернул Джинни за платье, отвел ее к дому и бешено прошипел:

— Какого черта, о чем ты думаешь? Теперь нам от него так просто не отделаться!

Она вырвала руку гневным жестом, так хорошо знакомым мне по нашим прежним ссорам, и вернулась к названному гостю.

— У нас есть немного коньяку, сеньор Маледикто, — указала она, одарив его лучшей из своих улыбок, и ее губы чуть вздрогнули. — Я принесу. И, может быть, вы не откажетесь от сигары? Стив привез несколько «перфекторов».

Она умчалась в дом, а я сел рядом с гостем. Несколько мгновений я от бешенства просто не мог вымолвить ни слова. Маледикто заговорил первым.

— Изумительная девушка, сэр. Достойная самого чистого восхищения.

— Она моя жена, — прорычал я. — И мы приехали сюда отдохнуть.

— О, не сомневаюсь! — Его тихий смешок слился с мягким мурлыканьем волн. Он сидел в тени, и я видел лишь его

расплывчатый силуэт; но я не сомневался, что он следит за мной. — Я все понимаю и не намерен слишком испытывать ваше терпение. Возможно, потом вам доставит удовольствие встреча с моей сестрой...

— Я не играю в бридж.

— Бридж?.. О да... конечно, вспомнил. Это новая игра в карты. — Он небрежно взмахнул рукой. — Нет, сэр, у нас нет намерения навязывать свое общество. На самом деле мы вообще не можем явиться туда, где нет желания видеть нас, пусть даже невысказанного. Просто... что мы можем узнать, не выходя из нашего жилища, если не станем навещать соседей?.. И могу ли я быть таким грубым, чтобы не откликнуться на гостеприимство вашей леди? Но я не задержусь, сэр.

Что ж, он говорил настолько вежливо и мягко, что мой гнев поутих. Конечно, мне не нравился Маледикто, но неприязнь моя смягчилась, когда я поразмыслил над ее причинами. Просто мне не по душе пришелся третий в нашей компании. Да и в самом госте было нечто — может быть, запах? — из-за чего я желал Джинни, как никогда.

Но ярость заново вспыхнула во мне, когда Джинни вернулась с коньяком и принялась вертеться возле Маледикто, болтая чересчур громко, смеясь слишком часто и настаивая, чтобы они с сестрой завтра явились к обеду. Я едва сдерживался, слушая их беседу. Гость говорил складно, остроумно и не ответил ни на один мой вопрос о нем самом. Я мысленно повторял слова, которые намеревался сказать Джинни после его ухода...

Наконец он поднялся.

— Я не должен больше мешать вам, — сказал он. — Кроме того, отсюда к Форталесе ведет слишком крутая тропинка, а я не слишком хорошо ее знаю. Мне придется идти медленно, чтобы не сбиться с пути.

— Ох! Но ведь это опасно! — Джинни повернулась ко мне. — Стив, ты должен проводить его.

— Я не позволю вам так утруждать себя из-за меня, — промурлыкал Маледикто.

— Но это самое малое, что мы можем для вас сделать. Я настаиваю, Амарис! Стив, это не займет у тебя много времени. Ты же говорил, что хочешь погулять под луной, — ну а луна как раз восходит.

— Ладно, ладно! — огрызнулся я, даже не пытаясь быть любезным. Конечно, на обратном пути я мог обернуться волком и немного сбросить напряжение. А если начну спорить с ней сейчас, то, как я чувствовал, наша вторая ночь может превратиться в скандальный Армагеддон. — Идемте!

Он поцеловал Джинни руку. Джинни попрощалась с ним мягким, нежным голосом — словно влюбленная школьница. У Маледикто был фонарик; его луч прыгал перед нами, выхватывая из тьмы камни и кусты полыни. Лунный свет все ярче заливал восточные склоны холмов. Я чувствовал, как он вливается в меня, покалывая нервы. Какое-то время мы шагали молча, и в тишине раздавался лишь скрип гравия под нашими ногами.

— Вы не захватили с собой фонарик, сэр, — наконец сказал Маледикто. Почему я промолчал, не упомянув о своей способности видеть ночью, — не знаю... и не сказал о том, что я — оборотень, которому во втором обличье фонари просто ни к чему? — Ну, возьмете мой, когда будете возвращаться, — продолжал он. — Здесь есть очень опасные участки пути.

Это я и без него знал. Обычный человек мог здесь заплутаться даже при полной луне. Тропинка была заросшей, едва заметной, и под ногами постоянно подворачивались камни. А сбившись с дороги, можно было бродить вокруг до рассвета... или, что более вероятно, можно было просто разбиться, сорвавшись где-нибудь с обрыва.

— А завтра вечером я приду за ним. — Маледикто радостно вздохнул. — Ах, сэр, какая редкая удача — ваш приезд! Новобрачных всегда переполняет любовь, а Сибелита томилась жадой так же долго, как и Амарис.

— Ваша сестра? — спросил я.

— Да. Не хотите ли повидаться с ней сегодня?

— Нет.

Мы снова замолчали. Мы спустились в узкую мрачную лошину, окруженную скалами, и наш дом пропал из виду. На дне лощины смутно поблескивала вода, противоположный склон освещали лунные лучи, над головами едва виднелись ставшие вдруг невероятно далекими звезды... Разрушенные стены Форталесы нависли над нами, венчая утес наподобие острых зубцов древней короны. Казалось, мы с Маледикто остались последними живыми людьми во всем Мидгарде.

Вдруг Маледикто остановился. Его фонарик погас.

— Доброй ночи, сеньор Матучек! — воскликнул он. Его смех, злобный и прекрасный, разнесся по лошине.

— Что?! — Я недоверчиво взгляделся в навалившуюся на меня темноту. — Какого черта, вы о чем? Мы же не дошли до замка!

— Да. Если угодно — можете идти к нему. И если сумеете.

Я услышал, как он зашагал обратно по тропинке. Но камешки не скрипели под его ногами. Он шел мягко и быстро, словно крадущийся к добыче зверь.

Он шел к дому, где осталась Джинни.

На какое-то мгновение я словно окаменел. Я слышал каждое движение воздуха, шорох сухой полыни, далекие вздохи океана... А потом бешеный удар моего сердца заглушил все.

— Джинни! — закричал я.

Я сорвался с места и побежал. Под ногу мне подвернулся камень, и я растянулся на земле, ободрав руки. Но тут же вскочил и полез вверх по склону лощины, проклиная все на свете, продираясь сквозь кустарник и кактусы.

И снова зацепился за что-то ногой и упал. На этот раз я здорово ударился головой о валун. Я не поранился всерьез, но боль была очень сильной, из глаз посыпались искры, и минуту-другую я лежал, наполовину оглушенный.

И тут я ощутил чье-то присутствие в ночи.

И сквозь безнадежное одиночество, проникшее от этого существа в самую глубину моей души, я ощутил напряженное ожидание.

...теперь — успешно, с третьей попытки... оба они, он — мертв, она — развращена... а потом она будет страдать от раскаяния... перестанет угрожать мне, ведь до сих пор от них исходила угроза... наконец-то безопасность...

И тогда меня пронзила мысль, куда более страшная, чем боль: Маледикто не мог сам так повлиять на Джинни, он не настолько силен, чтобы сломить ее любовь, и гордость, и стыдливость... нет, сам искушитель в его лице преследовал мою любимую...

Не знаю, что замышляли силы зла. Но мгновенное видение: Джинни наедине с Маледикто — освободило меня от всего... от боли, от усталости и даже от воспоминания об усмехающемся Наблюдателе. Я взвыл от ярости и отчаяния, вскочил и бросился бежать.

Я словно стал берсеркером. Я совсем не осознавал, что делаю. Конечно, так и было задумано — что я свалюсь с какого-то утеса и расшибусь насмерть. Но полузвериные инстинкты и рефлексy... я так полагаю... спасли меня.

Вскоре я совсем задохнулся и умерил шаг. И эта вынужденная остановка вернула мне здравомыслие.

Я огляделся по сторонам — и не увидел ни замка, ни дома. Я заблудился.

Глава 16

Мой взгляд скользнул вниз по обрыву. Там смутно поблескивало море. Разум окончательно вернулся ко мне. Маледикто ловко устранил меня с пути и почти убил меня: будь я обычным

человеком, а не тренированным оборотнем, Маледикто преуспел бы. Но я умел немного больше, чем он догадывался, — например, видеть в темноте. Я пробормотал соответствующую формулу и почувствовал, как меняется сетчатка глаза. В ту же секунду я увидел все на многие мили вокруг. Конечно, я различал все не слишком четко: человеческая сетчатка не может уверенно воспринимать инфракрасные волны... однако я разобрался в местности и понял, где нахожусь. И направился напрямик к дому.

Но я двигался ужасающе медленно. А Маледикто шел гораздо быстрее, чем человек.

Но вот наконец над холмами взошла почти полная луна.

Я обернулся волком, не успев даже как следует осознать этого. Я не стал задерживаться, чтобы раздеться, а на ходу сорвал с себя одежду и понес ее в зубах. На мне остались лишь эластичные шорты. И я стрелой помчался к дому. Если вы думаете, что огромный волк с куцым хвостом должен выглядеть в шортах смешно, то вы, наверное, правы, — но мне в тот момент было все безразлично.

Волчьи глаза видят не слишком далеко. Но я чуял свой собственный след, проложенный в измятой траве и сломанных кустах. Я отыскал тропинку и нашел другой запах. Теперь я понял, что скрывалось в нем.

Маледикто был демоном.

Мне не приходилось прежде сталкиваться именно с таким представителем адского племени, и мой волчий мозг не мог угадать, каковы свойства этого демона. Тем более я не догадывался, что ему может быть нужно от Джинни. В моем мозгу хватало места лишь для ненависти.

Наконец вдали показался дом. Я домчался до него и прыгнул через заборчик в патио. Там никого не оказалось. Но окно спальни, выходящее на море, было открыто. Я одним махом влетел внутрь.

Он держал ее в объятиях. Она еще отталкивала его, сопротивлялась, но глаза ее были закрыты и силы иссякли.

— Нет, — шептала Джинни. — Нет, помогите, не надо, Амарис, Амарис, Амарис...

Ее руки потянулись к его горлу, но соскользнули на плечи... Они замерли, прижавшись друг к другу в полутьме.

Я взвыл и вцепился в него зубами.

Его кровь совсем не была похожа на человеческую. Она пьянила, как вино, она жгла и пела во мне. Я не осмелился укусить его еще раз. Еще одна капля этой крови — и я, пожалуй, улечся бы у его ног, как собака, умоляя погладить меня. Я обернулся человеком.

Трансформация заняла всего миг; Маледикто успел лишь отпустить Джинни и обернуться. И, несмотря на все его удивление, он не попытался напасть на меня. Лунный луч осветил его волшебные черты, сверкнул золотом в его глазах... он рассмеялся.

Я попытался ударить его кулаком. Но — бедная, медлительная человеческая плоть, ей ли состязаться с быстрым, как ртуть, порождением Мрака? Маледикто скользнул в сторону. И я угодил в стену, костяшки моих пальцев онемели от боли.

Его музыкальный смех раздался за моей спиной.

— И такое бедное, убогое ничтожество заслуживает такой прекрасной женщины, как ты? Одно слово, Вирджиния, — и я прогоню его в собачью конуру!

— Стив... — Вирджиния скорчилась в углу, не пытаясь подойти ко мне.

Я, шатаясь, поднялся на ноги. Маледикто, усмехнувшись, обнял Джинни за талию и привлек к себе. Она содрогнулась и снова попыталась оттолкнуть его. Он поцеловал ее, и Джинни, жалобно вскрикнув, перестала сопротивляться. Я бросился в атаку. Маледикто небрежно взмахнул свободной рукой — и я полетел на пол. Он поставил ногу на мою голову и как следует прижал.

— Мне совсем не хочется ломать твои кости, — сказал он. — Но если ты не станешь относиться с уважением к желаниям леди...

— *Желаниям?!..* — Джинни вырвалась из его объятий. — Боже всемогущественный! — закричала она. — Убирайся!

Маледикто хихикнул.

— Мне положено бежать при звуке святых имен, если моя жертва произносит их с полной искренностью, — пробормотал он. — Но ты хочешь, чтобы я остался здесь. Тебя неодолимо тянет ко мне, Вирджиния.

Она схватила вазу и запустила в него. Он ловко поймал ее, разбил об меня и пошел к окну.

— Увы, теперь чары уже развеялись, — сказал он. — Однако не тревожься, дорогая. Я вернусь в надлежащий час.

Его тело на мгновение словно покрылось рябью — и он исчез за окном. Я бросился следом. Патио, залитое лунным светом, было пустым.

Я сел и обхватил голову руками. Джинни, рыдая, опустилась рядом со мной. Прошло довольно много времени. Наконец я встал, зажег свет, отыскал сигарету и повалился на край кровати. Джинни села ко мне на колени, но я не прикоснулся к ней.

— Что это было такое? — спросил я.

— Инкубус. — Голова Джинни была опущена, и я увидел лишь огненные волосы, падающие ей на спину. Когда мы ушли, она надела свой самый легкий кружевной пеньюар... для кого? Голос ее звучал жалобно и едва слышно. — Он... это... оно, должно быть, поселилось в руинах. Испанцы завезли... Может быть, именно из-за него им пришлось уйти...

Я глубоко затянулся дымом.

— Почему о нем ничего неизвестно? — Я просто размышлял вслух, тупо и медленно. — Ох, да, конечно. Должно быть, у него очень ограниченная зона действия. Семейная вражда и проклятия давно искоренены, и он вынужден пребывать в доме и на землях этого старого дона... А с тех пор никто не забредал в замок после наступления темноты.

— Пока мы... — Шепот Джинни был едва различим.

— Ну, Джон и его жена, их гости... — Я ожесточенно курил. — Ты ведьма. Ты разбираешься в этом. Мне известно лишь то, что инкубус — эротический демон. Объясни, почему он никогда не тревожил Фернандесов?

Джинни снова начала всхлипывать, задыхаясь от горя. Я подумал, что ее отчаяние вызвано еще и тем, что прежние колдовские умения оставили ее. Но я продолжил, пожалуй, слишком безжалостно:

— Поскольку демон, как я полагаю, говорил правду насчет святых символов, защищающих тех людей, которые действительно желают защиты... можно предположить, что он не способен дотянуться до Джона и его жены. Они добрые католики. Когда они приезжают сюда, то вешают распятие в каждой из комнат. И ни один из них не испытывает желание быть неверным другому.

Джинни вскинула голову и бешено уставилась на меня.

— Неужели ты подумал, что я...

— Ох, нет, не сознательно. Если бы мы додумались повесить в доме кресты, когда приехали, или заказали бы мессу, мы тоже были бы в безопасности. И могли никогда не узнать, что поблизости обитает инкубус. Но нам было о чем подумать кроме этого, а теперь уже слишком поздно. Наверное, ты подсознательно развлекалась идеей, что маленькие каникулы от строгой моногамии никому не принесут вреда...

— Стив!.. — Она встала, ноги явно плохо повиновались ей. — В наш медовый месяц! Как ты мог сказать такое!..

— Мог и сказал. — Я затушил сигарету, желая, чтобы вместо пепельницы передо мной очутилась физиономия Маледикто. — А как иначе он мог наложить на тебя чары?

— Но ты... Стив... Стив, я люблю тебя! Только тебя!

— Ладно, лучше разверни ковер, — вздохнул я. — Лети в... ну, по-моему, из крупных городов ближе всего Гуаямас; там должна быть полицейская часть по уничтожению дьяволов. Сообщи им обо всем и попроси помощи. Насколько я помню курс демонологии, он теперь будет преследовать тебя всюду, раз уж ты попала под его влияние.

— Но ничего же не случилось! — Она закричала так, словно я ее ударил... но ведь по сути именно это я и сделал.

— На этот раз — да. А потом? Конечно, если бы ты не потеряла свои магические силы, ты легко отшвырнула бы любого демона простым очистительным заклятием — но твои силы исчезли. И пока ты их не восстановишь, ты нуждаешься в защите специалистов — постоянно, кроме тех часов, что ты будешь находиться в церкви. В противном случае... — Я встал.

— Стив!

Она вцепилась в меня холодными пальцами. Я стряхнул их — я просто одурел от бешенства, от того, что Маледикто ранил мое мужское достоинство и чуть не соблазнил мою жену.

— Стив, что ты задумал?

— Пожалуй, я и сам смогу от него отделаться.

— Ты *не можешь*! Ты не чернокнижник, а он — демон!

— Я вервольф. Это будет недурная схватка.

Я отправился в ванную, чтобы зализать раны. Они были ерундовыми, если не считать распухших суставов пальцев. Джинни пыталась мне помочь, но я резким жестом отослал ее.

Я знаю, что вел себя безрассудно. Меня просто переполняли боль и ярость. Я весьма смутно представлял себе, что же я намерен делать в Форталесе, куда, очевидно, должен вернуться Маледикто. В облике волка я буду таким же стремительным и сильным, как он. Конечно, я не осмелюсь пустить в ход зубы... но если я сумею обернуться человеком в нужный момент и воспользоваться техникой рукопашного боя, которой обучился в армии... План был самым нелепым из всех вообразимых, но мой собственный демон гнал меня вперед.

Джинни почувствовала все; уж настолько-то она оставалась ведьмой, если, конечно, это не было чисто врожденной способностью. В безжалостно ярком свете огней святого Эльма она выглядела невероятно бледной; она дрожала и задыхалась, но немного спустя кивнула:

— Если ты считаешь, что должен... Но мы отправимся вместе.

— Нет! — Рев вырвался из моей глотки совершенно произвольно. — Отправляйся за помощью, тебе говорят! Что, мало нам неприятностей? Оставь меня в покое, пока я не разберусь, хочу ли я вообще возвращаться!

На мгновение ее взгляд остановился на мне. Надеюсь, я никогда больше не увижу таких глаз... Потом она вышла из комнаты.

Я выскочил в патио и стал волком. Зловоние демона висело в воздухе. И я понесся к замку.

Глава 17

Земля ослепительно сияла в лунном свете. Я чувал запахи пыли, шалфея, кактусов, издали доносился острый аромат водорослей и соли; я слышал писк летучих мышей, топот удирающих перепуганных кроликов; мою кожу покалывало от ощущений, которые не опишешь человеческими словами. И я не испытывал той муки, которая терзала меня во втором обличье. В зверином мозгу осталось лишь острое, непреодолимое желание убийства. Это было похоже на новое рождение. Насколько мне известно, многие психиатры добивались неплохих результатов, временно обращая своих пациентов в животных.

Вскоре передо мной выросла старая полуразрушенная башня; ее силуэт четко обрисовался в лунном свете. Каждый мой нерв натянулся до предела перед атакой. Я вошел в развалившиеся ворота. Двор замка был пуст. Веками здесь никто не проходил; ветер нес сюда песок, сорняки пробивались сквозь плиты, обломки камней стен валялись там и тут. В центре возвышалась гора кирпича, бывшая когда-то зданием. Под ним располагались подвалы. Я осмотрел все вокруг в поисках логова инкубуса.

Я зарычал, вызывая его на дуэль.

В проеме двери, ведущей в башню, послышался шорох и показалась белая фигура. Мое сердце подпрыгнуло, я прижался к земле. Если я сумею с первого броска перервать ему яремную вену, то неважно будет, что я наглотаюсь ядовитой крови, все равно он погибнет...

Раздался нежный мягкий смех. Девушка сделала еще шаг, и лунный свет облил ее.

— Добрый вечер, прекрасный гость, — сказала она. — Я и не надеялась на такую удачу.

Ее аромат наполнил мои вены и легкие. Я зарычал, но мой рык тут же обернулся жалобным повизгиванием. Я завилял обрубок хвоста. Она подошла ко мне и почесала за ухом. Я лизнул ее руку; вкус ее кожи ошеломил меня. В глубинах сознания мелькнула мысль, что оставаться волком — ни к чему... меня охватила дрожь превращения. Я стал человеком.

Девушка была так же высока и потрясающе хороша, как Амарис, и у нее было такое же немного странное, с острыми чертами лицо и светящиеся в лунных лучах глаза. Ее светлые волосы, похожие на облако, падали до самой талии, а платье явно ткал слишком скупой паук, и сквозь него просвечивала фигура... о, я даже и пытаться не стану описывать ее. Но, наверное, большая часть очарования таилась в движениях...

— Сибелита... полагаю? — прохрипел я.

— А ты — Стивен. — Нежная рука коснулась моих пальцев. — Ах, добро пожаловать!

Я облизнул губы:

— Э-э... ваш брат дома?

Она прижалась ко мне.

— Разве это важно?

— Я... ух... — Я с ужасом подумал, что мне придется объяснять леди, зачем я явился сюда — убить ее брата... Ну, в конце концов, как-нибудь... — Послушайте, — брякнул я. — Вы, он... вы должны оставить нас в покое!

Сибелита согласно улыбнулась:

— Ах, Стивен, твое горе — мое горе. Но неужели нет в твоём сердце ни капли жалости к нам? Знаешь, в чем главная суть нашей беды? В нас каждый элемент существует сам по себе — огонь желания, ветер порыва... вода капризов и тьма, рожденная глубинами Земли, — и, будучи такими, мы обречены таиться в этих руинах, как крысы, и выть в пустые небеса, и голодать, голодать — три сотни лет подряд! А если ты голодаешь и умираешь от жажды и вдруг рядом появляются двое, излучающие любовь, — неужели ты не попросишь, чтобы тебе бросили несколько крошек с их пиршественного стола?

Я пробормотал что-то насчет ошибочных представлений...

— Ведь это не злоба, — умоляюще произнесла она. Она прижалась ко мне крепче, положив руки на мои плечи, и ее пышная грудь коснулась меня. — Нас гонит нужда. В конце концов, Стивен, вы, смертные, не совершенны. Если бы вы были святыми в своих мыслях — ни один демон не смог бы приблизиться к вам. Нас притягивает лишь то, что подобно нам самим.

— Ну-у... да, — задыхаясь, пробормотал я. — Пожалуй, тут что-то есть... да.

Сибелита снова рассмеялась:

— Но — взгляни, прекрасный юноша! Вот я, стою перед тобой в лунном свете, и в моих объятиях — прекраснейший из обнаженных мужчин в мире...

— Ох, Боже!.. — Я вспомнил, что на мне надеты лишь трусы.

Но Сибелита не отскочила в сторону — значит, мои слова не были восприняты ею как молитва.

— ...и мы рассуждаем о метафизике! О, не красней! — Сибелита отступила на шаг. — Я не хочу иметь преимуществ. Это не по-дружески. Пусть мы будем одеты одинаково.

Она щелкнула пальцами, и ее платье исчезло. Нельзя сказать, что от этого много изменилось — если, конечно, не считать моральной стороны вопроса.

— А теперь идем, идем, милый... Мой волк, ты мой первый оборотень... я жду чуда, я не хочу терять времени... Идем!

Она снова прижалась ко мне. Не знаю, что заставило меня ответить на ее поцелуй. Это было похоже на ливень розовых лепестков...

Но откуда-то из глубины сознания всплыло внезапно...

— Нет! — крикнул я. — Я женат!

На этот раз смех Сибелиты прозвучал не так приятно и музыкально.

— Ха! Да неужели ты думаешь, что Амарис не знает, что ты оставил жену в одиночестве?

Я чуть не задохнулся.

— Теперь это уже случилось, — проворковала она. — А то, что сделано, — сделано! Не порицай свою жену. Она простая смертная. Мог ли ты ожидать другого?

На мгновение перед моими глазами встала ужасная картина. А потом, едва осознавая, что делаю, я обнял Сибелиту и прижал к себе. Я так крепко поцеловал ее, что почувствовал на губах вкус крови демона...

— Идем же, — простонала она. — Любимый, любимый, унеси меня в башню...

Я подхватил ее на руки и понес через двор.

— Стив!..

Голос Джинни прорезал меня, как нож.

Я выронил свою ношу. Сибелита шлепнулась на попку, и у нее вырвалось несколько не слишком вежливых слов. Я устоял на Джинни. Она неслась ко мне на нашем персидском ковре, ее рыжие волосы развевались над обнаженными плечами... и я понял, что она — единственная женщина, которая мне нужна.

Сибелита встала. В лунном свете она выглядела бледной и прекрасной. Но мне она больше не была нужна. Пошла бы она к черту!..

Она усмехнулась, глядя на Джинни, и раскрыла мне объятия. Я сказал: «Защищайся!» — и обернулся волком.

От первого моего броска Сибелита увернулась. Вскрик Джинни донесся до меня, словно из другого мира. Все мое вни-

мание сосредоточилось на суккубе. Тело Сибелиты подернулось рябью, стало серым — и вдруг она превратилась в волка. В волчицу... Волчица бесстыдно усмехнулась, и ее женственность, ее запах ударили меня, как дубиной...

Но я не поддался. Я бросился к ней, метя в горло. Мы покатились, сцепившись. Она была сильной и подвижной, однако не владела техникой ближнего боя. А я и в волчьем обличе умел нанести удар дзюдо. И я добрался до ее глотки.

Кровь демона имела сладкий и ужасный вкус. Но теперь она не возбудила во мне желания. Слишком сильны были Любовь к моей жене и Ненависть к существу, с которым я сражался. Или, выражаясь научно, мои железы выделяли достаточно тестостерона и адреналина, чтобы уничтожить гормоны суккуба.

И я убил ее.

А в последнюю долю секунды я услышал — но не ушами — визг отлетающей нечестивой души. И почувствовал — но не нервами — завихрение пространства-времени, когда она пыталась изменить математическую формулу функции Шредингера, падая в Нижний континуум, к которому принадлежала, и стремясь оставить мне вместо себя обменную массу. Но мои клыки действовали быстро и безжалостно. Тело умерло, и демон перестал существовать.

Задыхаясь, я лег на землю. Тело демона корчилось, изменяясь: оно стало мужчиной, потом женщиной, потом рогатым и хвостатым сатаноидом. Потом последние связующие силы иссякли, и оно превратилось в газ.

Понемногу я пришел в себя. Я лежал на милых коленях Джинни. Все вокруг заливал прохладный лунный свет, звезды добродушно поглядывали на замок, ставший отныне простой грудой камней... Джинни смеялась, всхлипывала, гладила меня...

Я обернулся человеком и обнял ее.

— Все в порядке, дорогая, — сказал я. — Все в порядке. Я ее прикончил. Теперь очередь за Амарисом.

— Что?... — Ее мокрое лицо прижалось к моей щеке. — Разве ты не п-понял? Но ты должен!

— А?..

— Да... Кое-что из моих знаний вернулось ко мне... когда ты ушел. — Она судорожно вздохнула. — Инкубусы и суккубы — одно и то же. Они меняют свой пол в зависимости... в зависимости от... ну, в общем — Амарис и эта шлюха — одно существо.

— Ты хочешь сказать, она не... он не... ты не. .

Я испустил вопль, который зарегистрировали сейсмографы в Калифорнии. И это была самая пылкая из благодарственных молитв, какую наш Творец когда-либо слышал от меня.

Нет, речь шла не о том, чтобы прощать что-то моей любимой... прощать было нечего, и эта мысль словно сбросила гору с моих плеч.

— Стив! — воскликнула Джинни. — Я тоже люблю тебя, но ребра-то у меня не стальные!

— Значит, все кончено? — пробормотал я. И, помолчав, добавил: — Более того... мы, кажется, вообще вышли из игры.

— О чем это ты? — спросила она, сияя.

— Да так... — сказал я. — Похоже, мы получили хороший урок. Оба мы в подсознании не лучше любого среднего обывателя.

Мгновенный холод охватил меня. Я подумал: «Но ни один средний человек не подошел бы так близко к краю пропасти, как мы... на второй день после свадьбы! Да и мы сами... Нет, против нас выступал не мелкий демон. И мы не случайно оказались предметом его охоты. Кто-то другой хотел нашего падения».

Теперь-то я уверен, что злая сила была совсем рядом в тот момент и наблюдала за нами. Но сама она не могла поразить нас. А поблизости не оказалось другого помощника, да и мы были слишком сильны духом и могли противостоять чему угодно. Не было смысла пытаться заново пробудить в нас ревность и подозрительность; мы были свободны от них, насколько может быть вообще свободен простой смертный.

Но ушла ли та злая сила, оставила ли нас?..

Этого я не знал. Я знал лишь, что ночь вдруг стала великолепной, и любовь к Джинни заполнила всего меня, не оставив места для чего-либо другого... и когда много позже я вспоминал ту стычку на утесе у моря, она казалась мне похожей на любую другую схватку; но я не совсем шутил, говоря: «Надо же, каждый крепкий удар по черепку вызывает у меня одну и ту же галлюцинацию!..»

А тогда, среди развалин, я посмотрел на Джинни, прижал ее к себе и сказал... хрипло, едва произнося слова:

— Милая, теперь я знаю, как ты дорога мне... но зачем ты так рисковала? Ты же не знала, что ждет тебя здесь... я просил тебя укрыться в безопасном месте...

Взъерошенная голова Джинни потерлась о мое плечо.

— И я знаю, как ты дорог мне... прекрасное чувство!

Мы уехали на ковер.

— Домой, Джеймс! — приказал я. И когда Джеймс уже поднялся в воздух, добавил: — Ох, представляю, как ты устала!

— Ну, не слишком. Хотя я здорово взвинчена... нет, Бог ты мой, я слишком счастлива! — Она сжала мою руку. — Но ты, бедняжка...

— Я-то себя прекрасно чувствую, — усмехнулся я. — А завтра мы сможем спать допоздна.

— Мистер Матучек! О чем это вы думаете?

— О том же, о чем и вы, миссис Матучек.

В темноте было не разобрать, но, по-моему, Джинни покраснела.

— Очень хорошо, сэр. Кажется, я вас поняла.

Так оно и было.

Глава 18

Когда мы вернулись домой после медового месяца, то в ожидании начала занятий в университете взялись за временную работу. Как и у большинства новобрачных, у нас были денежные трудности — ничего серьезного, но нам, например, пришлось продать ковер, когда выяснилось, что Джинни ждет ребенка. А в остальном в первые два года брака мы вели не слишком интересную жизнь — если не считать тех часов, когда мы оставались вдвоем.

В один прекрасный день сиделка подвела меня к кровати, на которой лежала моя любимая. Джинни выглядела бледной и обессиленной после того, что ей пришлось перенести. Ее рыжие волосы разметались по подушке, но, хотя от усталости она то и дело опускала веки, глаза ее никогда еще не сверкали такой яркой зеленью.

Я наклонился и как можно осторожнее поцеловал ее.

— Привет! — прошептала она.

— Как ты? — Ничего более глупого я просто не мог сказать.

— Прекрасно. — Она взглядела в меня и вдруг усмехнулась. — Но тебя, похоже, полезно было бы уложить в постель.

Ну, вообще-то, некоторые акушеры и в самом деле укладывают в постель отцов, когда рождаются их дети. Но наш доктор придерживался общепринятого мнения и считал, что я принесу куда больше пользы своей жене, если буду обливаться потом в комнате ожидания. В последние месяцы я тщательно изучал этот вопрос, так что стал чем-то вроде признанного авторитета. Первые роды для такой высокой, худощавой женщины, как Джинни, — почти всегда тяжелое испытание. Но Джинни смотрела в будущее с обычным своим спокойствием и даже

отказалась тратить деньги на очень дорогие руны, предсказывающие пол ребенка, — так что мы держали про запас два имени.

— Как тебе понравилась наша дочка? — спросила она.

— Она великолепна!

— Лжец, — хихикнула Джинни. — Не было еще на свете мужчины, который не пришел бы в ужас при виде сморщенного комочка красной плазмы, который он породил на свет. — Рука Джинни потянулась ко мне. — Но она будет очаровательной, Стив. Ей просто некуда деваться. Ведь мы так любим друг друга...

Я напомнил себе, что *нельзя* вопить во всю глотку в этой палате. Меня выручила сиделка, которая решительно сказала:

— Думаю, мистер Матучек, вашей жене лучше отдохнуть. Да и доктору Ашману хотелось бы поскорее управиться с делами и пойти домой.

Доктор ждал меня в своем кабинете. Когда я вошел в звуконепропускаемую дверь, сиделка, закрыв ее за мной, запечатала вход восковой печатью со звездой Давида. Это был очень современный госпиталь, и тут принимались все необходимые меры предосторожности. Томас Ашман был седым здоровенным мужчиной, шести с лишним футов роста, со свободными манерами; сейчас он выглядел утомленным. Я заметил, что под хирургическим халатом, расписанным знаками зодиака, на нем были надеты белые брюки и футболка — и, конечно же, амулеты.

Мы пожали друг другу руки.

— Все в порядке, — заверил он меня. — Я уже получил результат лабораторной проверки. Вы, конечно, понимаете, что раз с материнской стороны нет генов оборотня, то и ни один из ваших детей настоящим оборотнем не будет. Но девочка унаследовала ваши гены в рецессиве, а потому будет легко откликаться на чары трансформации. Это немалое преимущество, особенно если она со временем пойдет по стопам матери. Но это значит также, что следует принять особые меры предосторожности — потому что она более подвержена влиянию параэстических сил, чем большинство людей.

Я кивнул. На нашу с Джинни долю выпало слишком много приключений, которые нам совсем не нравились...

— Если удачно ее просватаете, ваши внучата будут настоящими вервольфами, — пошутил Ашман.

— Ну, если она пойдет в матушку, — сказал я, — то помоги Господь тем несчастным парнишкам, которые вздумают за ней ухаживать!.. Что ж, доктор, мы оба уже устали, так не лучше ли поскорее заняться свидетельством о рождении?

— Конечно. — Он сел за стол. На пергаменте уже были начертаны имена родителей, место и дата рождения и номер свидетельства. — Как вы ее назовете?

— Валерия.

— Да, я так и думал, что ваша жена выберет что-то в этом роде. Это ведь ее идея, правда? Есть и второе имя?

— Да... Мэри. Это в честь моей матери.

— Хорошая мысль. Это имя может дать ей неплохое убежище — если, конечно, она не предпочтет какую-нибудь модную кличку. А такое случается. — Он занес имена в пергамент, расписался и протянул мне документ. Потом, куда более торжественно, взял первичное свидетельство, на котором стояли отпечатки пальцев младенца. — А подлинное имя?

— Виктрикс.

— Хм?..

— Джинни всегда нравилось это сочетание. Валерия Виктрикс. Последний Римский легион в Британии.

Или, как говорила Джинни в те моменты, когда бывала совершенно серьезна, последний легион, противостоявший силам Хаоса...

Ашман пожал плечами:

— Ну, главное, чтобы ребенку не пришлось им воспользоваться.

— Надеюсь, никогда не придется!

— Да, тут подразумеваются неприятные сюрпризы, — согласился доктор. — Но не тревожьтесь. Я повидал слишком много молодых мужей, до того перепуганных тем, что им пришлось перенести, что они начинали воображать всякие ужасы. Но ведь на деле-то это просто одна из разумных предосторожностей, вроде вакцинации.

— Я знаю, — сказал я. — Жаль, что такого не делали в то время, когда я родился.

Конечно, вряд ли кто-то стал бы использовать именные часы против рядового горожанина, однако... в моей жизни было уже слишком много неожиданностей, и мне приходилось постоянно поддерживать защитные чары... и не всегда это помогало. А медицинская наука достигла настоящего прогресса в этом вопросе.

Ашман окунул орлиное перо в чернила, приготовленные из дубового орешка.

— Птицы крылья укроют от дождя, дерево укроет от молнии, — напевно заговорил доктор, — и под их защитой, и под защитой Бога ты, дитя сегодняшнего дня, получаешь подлинное имя, известное на всей земле лишь твоим родителям и твоему врачу; и ты узнаешь его, когда достигнешь нужных лет: Виктрикс. Ты понесешь его с честью и на счастье, до конца

твоих дней. Аминь. — Записав имя, Ашман присыпал чернила песком и встал. — Этот документ будет храниться у меня, — сказал он. И тут же добавил: — Ну, теперь все.

Мы еще раз пожали друг другу руки.

— Мне очень жаль, что вам пришлось встретить ее в несвятой час, — сказал я.

— Мы, медики, ко всему привычны, — ответил он. И тут сонливость слетела с него. Он серьезно взглянул на меня. — Кроме того, в данном случае я и ожидал этого.

— То есть?..

— Мне приходилось кое-что слышать о вас и вашей жене, — пояснил Ашман. — Я внимательно следил... Даже несколько раз бросил руны. Может быть, вы этого и не знаете, но ваш ребенок был зачат в день зимнего солнцестояния. И даже если оставить в стороне ее необычную наследственность — в девочке есть что-то... я не мог разобраться. Но я был почти уверен, что она родится именно этой ночью — потому что луна вошла в ее знак зодиака... Я намерен наблюдать за вашей малышкой, мистер Матучек, и с большим вниманием, и полагаю, вам нужно принять особые меры предосторожности... Ну, спокойной ночи.

Глава 19

В следующие три года в нашей жизни ничего примечательного не произошло. Во всяком случае, со стороны может показаться именно так. Но для нас открылся огромный новый мир, который к тому же постоянно совался под ноги.

Начать с того, что Валерия явилась на свет неожиданно для нас. Когда мы потом провели расследование, то выяснили, что Свартальф снова устроил охоту за домовым, и тот подменил таблетки Джинни аспирином. Лишь гораздо позже мне пришлось в голову, что это могло быть не простой случайностью. Некие Силы упорно направляли нас в нужную им сторону.

Поначалу Джинни предполагала, что мы будем следовать нашему генеральному плану — как только малышка достаточно подрастет, чтобы ее можно было оставлять с няней. И Джинни рассчитывала получить степень доктора Сокровенных наук, и ей уже предлагали отличные должности... Но когда дочка и вправду поселилась в нашем доме — ее мама и думать забыла об эмансипации. Мы не могли позволить, чтобы посторонний человек влиял на Валерию! Только не теперь, когда она учится улыбаться, когда она ползает вокруг, когда ее птичье щебетанье превращается в настоящий смех... после, после!

Я полностью соглашался с Джинни. Но это означало, что на время, если не навсегда, нам придется забыть о том, к чему мы стремились: стать парой молодых специалистов, с приличным доходом, и заниматься интересными делами в компании интересных людей. Я заикнулся было о том, чтобы вернуться в Голливуд, но Джинни и слушать не захотела. «Неужели тебе могло прийти в голову, — заявила она, — что я хочу иметь мужем посредственного актера на ролях вроде Серебряного Шефа, когда ты можешь стать чертовски хорошим инженером?» Ну, вообще-то я считал себя совсем неплохим актером; но в целом ее слова на меня здорово подействовали.

Новоиспеченный бакалавр точных наук едва ли может рассчитывать на участие в сложных и интересных разработках, особенно когда он гораздо старше своих коллег. Я должен был начинать с того, что подвернется под руку. Но, по счастью, — как мы тогда думали, — дела обернулись на редкость удачно.

Корпорация «Скриотроник» принадлежала к тем фирмам, что начали свое бурное развитие после войны; она выпускала различное оборудование и инструменты. Корпорация занималась не только производством, но и исследовательской работой; именно в исследовательский отдел меня и пригласили работать. Это и само по себе было чудесно, но еще и давало мне возможность сделать первый шаг к главной цели. Более того, администрация компании поощряла сотрудников проводить самостоятельные исследования — за приличное жалованье. Все складывалось совсем неплохо. И, кроме того, Барни Старласон был мне не только боссом, но и хорошим другом.

Главным недостатком новой жизни оказалось то, что мы были вынуждены пребывать в довольно скучном городке и терпеть жуткие зимы Крайнего Запада. Но мы купили уютный современный дом... и мы были вместе, и у нас была Валерия. Это были славные годы. Пусть даже без волнующих событий.

Да, время было хорошее — особенно если учесть, что происходило тогда в мире. Мне кажется, человечество всегда болело страстью самоуничтожения — и всегда будет ею болеть. Ну, во всяком случае, некоторые периоды истории заставляют вспомнить старое китайское проклятие: «Чтоб тебе жить в эпоху перемен!»

Мы с Джинни совсем не обращали внимания на пропагандистскую болтовню о том, что теперь, после победы над злобным калифатом, нас ждут вечный мир и вечное счастье. Мы знали, что любая война оставляет слишком тяжелое наследство. И знали, что прошедшая война — не причина болезни мира, а всего лишь ее симптом. Враг не смог бы завоевать половину земного шара и большую часть Соединенных Штатов, если бы не

произошло раскола внутри христианских церквей. В конце концов, калифат был лишь еретической ветвью мусульманства и не имел отношения к истинным последователям учения Аллаха.

Казалось, после всего случившегося следует ожидать, что люди извлекут из войны должный урок, забудут о религиозных распрях и примутся за восстановление разрушенного. И в особенности мы ожидали дискредитации и падения церкви иоаннитов. Конечно, ее представители тоже сражались с калифатом и даже играли ведущую роль в движении сопротивления на оккупированных территориях... Но разве не эта церковь привела к расколу и ослаблению нашу цивилизацию еще до начала войны — бросив вызов старым вероисповеданиям? Разве не ее пример способствовал развитию безумных идей калифата на Среднем Востоке?

Но теперь я знаю, что ожидать от людей разумного поведения — бессмысленно.

Тем более что угроза не была заметна сразу, а назревала постепенно. Сначала лишь немногие пытались предостеречь общество. Они указывали, что иоанниты заняли ключевые посты в политике многих стран, и эти страны стали проявлять к нам откровенную неприязнь; однако вопреки этому иоанниты приобретали все больше сторонников в Соединенных Штатах. Но мы не прислушались к их словам. Мы были слишком заняты послевоенным строительством, своей личной жизнью. И считали тех, кто пытался поднять шум, реакционерами и потенциальными тиранами (ну, кое-кто из них, наверное, и вправду был таким). Да, говорили мы, возможно, идеи иоаннитской церкви и безумны слегка, но разве первая поправка к Конституции не гарантирует свободу вероисповедания? Возможно, из-за иоаннитов Петрова церковь и испытывает какие-то трудности — но разве это не ее собственные проблемы? Да и вообще, в наш век науки рассуждать о коварной, неуловимой опасности, исходящей от философско-религиозной системы... системы, утверждающей свое миролюбие, пожалуй, даже энергичнее, чем квакеры, ставящие любовь к ближнему превыше всего... ну, наше материалистическое, светское общество, пожалуй, лишь выигрывает, соприкоснувшись с идеями иоаннитов.

Таким образом, влияние иоаннитов разрасталось. А потом началась фаза активных действий; и почему-то мирные демонстрации все чаще и чаще превращались в общественные беспорядки, и все больше и больше случалось скандалов, и все выглядело более и более бессмысленным, и студенческие волнения парализовывали одно учебное заведение за другим, и вполне умные люди один за другим повторяли, что пора нарушить безнадежно прогнивший порядок вещей, а на развалинах постро-

ить рай любви... а большинство из нас — то вечное большинство, которое хочет лишь, чтобы его оставили в покое и дали растить свой собственный сад, — просто гадали, что происходит и не развалится ли наша страна в одночасье.

Но это ведь случилось совсем не в одночасье.

Глава 20

В этот июньский день я рано вернулся домой. Улица наша была тихой и спокойной; на ней росли старые огромные вязы; дома, окруженные газонами и лужайками, грелись на солнце. Мне навстречу попались несколько местных леди, везущих корзинки с покупками в багажниках своих метел и одного-двух наследников на детских сиденьях. Наш район был популярен среди молодых супружеских пар, делающих карьеру. Здесь жили в основном деловые люди с прехорошенькими женами, в теплую погоду одевавшимися более чем легко. Но вид дам ничуть не улучшил моего настроения.

Я летел домой, приспосабливаясь к гневу. Однако все на нашей улочке выглядело так мирно... Вот уже показалась крыша моего дома. Там меня ждали Джинни и Вэл. А мы с Барни разработали план, который должен был уже сегодня вечером помочь нам разобраться с нашими проблемами. Перспектива действия взбодрила меня. Да и в конце концов, я был дома!

Я влетел напрямик в открытый гараж, спешил и повесил свой «шевви» рядом с «фольксбесеном» Джинни. Когда я вышел из гаража и направился ко входной двери, нечто вроде пушечного ядра пронеслось в воздухе и врезалось в меня.

— Папуля! Папуля!

Я крепко обнял свою наследницу, расцеловав золотистые кудри и огромные голубые глаза. На Вэл был надет ее херувимский костюмчик, и мне пришлось быть осторожным, чтобы не помять крылышки. Но ведь малышке позволялось летать лишь на длинной привязи и под присмотром Джинни... какого же черта она оказалась одна?

Ох! Из-за угла дома вылетел на венике Свартальф. Он выгнул спину, распушил хвост и ругался от всей души. Очевидно, Джинни оставила его надзирать за девочкой. Свартальф обычно неплохо справлялся с этим делом... но Вэл увидела папу.

— Ну, хватит! — со смехом сказал я. — Довольно. Идем-ка поругаем маму.

— Поедем верхом на свинке?

К прошлому дню рождения Вэл я решил сделать ей особенный подарок и не пожалел денег на дорогие чары... Девочке

очень нравится играть со мной, когда я оборачиваюсь волком, думал я, — ну а что она скажет о свинке, большущей, толстой и расписанной цветочками, — разве не забавно будет кататься на ней?.. Наше местное общество до сих пор обсуждало мою выходку.

— Нет, милая, — сказал я. — Ты нашла, и силы воздуха должны тебя наказать.

Я схватил ее за лодыжки и, пока она брыкалась и визжала, пропел:

*Взлетел птенец — вверх, вверх,
А потом упал — вниз, брык!..*

Мы вошли в гостиную, и тут же появилась Джинни, оставив за собой открытой дверь в кухню. Я понял, почему Вэл осталась под присмотром Свартальфа в часы полета, — Джинни занималась стиркой. За три года у нас накопилось немало одежды, но мы не могли позволить себе покупку самостирающихся вещей. Поэтому Джинни приходилось оживлять каждый предмет по отдельности и следить, чтобы они не позавязывались узлами или не натворили еще чего-либо, пока полощутся в мыльной воде, выжимаются и маршируют взад-вперед, чтобы просушиться. И, уж конечно, подобный парад представлял слишком сильный соблазн для ребенка, и Джинни пришлось оставить девочку с котом.

Мне все-таки показалось, что Джинни проявила беспечность, доверив малышку своему помощнику. До сих пор она занималась стиркой, когда Вэл спала. Конечно, Свартальф вполне заслуживал доверия и обычно неплохо справлялся со своими обязанностями. Но, несмотря на все его параестественные способности, он все же оставался просто большим черным котом, и ему скучновато было выполнять простые ежедневные дела... Но потом я подумал — да какого черта, ведь с тех пор как Джинни перестала быть практикующей ведьмой, у бедняги так мало развлечений... по соседству нет ни собаки, ни другого кота, который решился бы подраться с ним; и, кроме того, Джинни всегда знает, что делает, и...

— ...и я просто идиот, потому что стою тут, разинув рот! — сказал я, обнимая Джинни.

Она была одета так же, как женщины, встреченные мною по дороге домой, но будь она среди них — я бы ни одной просто не заметил.

Джинни ответила на мой поцелуй. Это она умела!..

— Кто такой «тодиот»? — поинтересовалась Вэл. И, подумав, добавила: — Ну, папуля — хороший «тодиот».

Свартальф взмахнул хвостом и окинул меня скептическим взглядом.

Я чуть ослабил объятия. Джинни запустила пальцы в мои волосы.

— Ну-у, — промурлыкала она, — что случилось, тигр?

— Папуля — волк, — поправила ее Вэл.

— Ну, сегодня можете звать меня тигром, — сказал я, чувствуя себя счастливее с каждой минутой.

Джинни хитро скосила глаза:

— Отлично, киска...

— Эй, погоди...

Джинни пожала плечами. Рыжие волосы струились по ним водопадом.

— Ладно, если ты настаиваешь — будешь Хромым Вором из Вайнунги.

Вэл строго взглянула на нас.

— Эй, когда у вас головы путаются — выставляйте их на солнышко, чтоб погрелись! — заявила она.

Мне понадобилось время, чтобы разобраться в ее логике и распутать херувимский костюмчик; и лишь когда наш отпрыск был усажен на полу в гостиной с хрустальным шаром, по которому шел мультфильм, я вышел в кухню, где Джинни принялась уже готовить ужин, и мы наконец смогли поговорить.

— Почему ты так рано вернулся? — спросила Джинни.

— Как ты посмотришь на то, чтобы нынче вечером снова надеть старые мундиры? — ответил я вопросом.

— В каком смысле?

— Матучек и Грэйлок... нет, Матучек и Матучек — специальные уполномоченные по улаживанию нестандартных конфликтов! Имеют лицензию на борьбу с нечестивцами!

Она оставила работу и внимательно посмотрела на меня:

— К чему ты ведешь, Стив?

— Посмотри новости, скоро они начнутся, — сказал я. — Теперь вокруг нас не просто пикеты. Они вторглись на территорию фирмы. Заблокировали все двери. Нашему персоналу пришлось выбираться через световой люк, и снизу в них швыряли камнями.

Несмотря на удивление и негодование, Джинни в общем прохладно отнеслась к событиям, происходящим за пределами нашего дома.

— Почему вы не вызвали полицию?

— Конечно, мы ее вызвали. И полиция выполнит нашу просьбу, если мы того потребуем. Но мы там подумали — может быть, найдется более рациональная идея? Демонстранты уже стали явными правонарушителями: окна в здании побиты,

стены оклеены непристойными лозунгами, ну, и все такое. Юридически тут все ясно. Однако есть и проблемы. Они ведь так и рвутся стать мучениками. И будут сопротивляться любой попытке разогнать их. Как при той потасовке в Нью-Йорке, месяц назад. А многие из этих типчиков — студенты. Представляешь заголовки? «Полицейские жестоко разгоняют юных идеалистов!», «Дубинки и военные заклятия — против мирных демонстрантов!» И не забывай, тут еще одна существенная сложность. Наша корпорация производит немало полицейского и защитного вооружения, вроде светящихся родимых пятен и очков, предохраняющих от взгляда василиска. И мы заключили контракт на изготовление еще кой-чего. А полиция и армия стоят на службе государственной церкви. А государственная церковь есть зло. Следовательно, наша корпорация должна быть уничтожена.

— *Quod erat demonstrandum**... — вздохнула Джинни.

— Шеф заявил, что официальная попытка выставить вторгшихся может привести к кровопролитию, и тогда вспыхнут беспорядки в университете и на Мерлин-авеню... и кто знает, к чему все это приведет. Он предложил нам оставить работу до конца недели — может, все само собой утрясется. Ну, работу нам все равно пришлось бы бросить. Большинство наших людей заявили, что при таком положении вещей они просто боятся быть на рабочем месте.

В глазах Джинни сверкнуло затаенное бешенство.

— Если вы сдадитесь, они примутся за следующих по своему списку.

— Ты это понимаешь, — сказал я, — и мы в корпорации это понимаем. Но не забывай об эффекте мученичества. Эти проповедники-иоанниты готовы совершить любую ханжескую церемонию... им главное — пролить невинную кровь, и они приравняют ее к крови жертвенного агнца. В нашей стране полным-полно честных простофилей, гадающих сейчас — а может, и вправду Петрова церковь идет неверным путем, раз уж ее представители применяют насилие против членов церкви Любви? Кроме того, не забывай, дорогая, насилие никогда не срабатывало, если возникало гражданское неповиновение.

— Вернешься и расскажешь об этом, когда заговорят ружья, — сказала Джинни.

— Да, верно. Но разве мы хотим, чтобы правительство устроило резню? Уж скорее я сам стану иоаннитом. В общем —

* Что и требовалось доказать (*лат.*).

наша корпорация не может обратиться к полиции с просьбой очистить территорию и защитить ее собственность.

Джинни бросила на меня быстрый взгляд:

— Что-то не заметно, чтобы ты из-за этого выглядел слишком несчастным.

Я рассмеялся:

— Ты права. Мы с Барни долго ломали над этим голову и наконец кое-что родили. Так что теперь я искренне наслаждаюсь. Мы в последнее время что-то уж очень однообразно существуем. Потому-то я и спрашиваю — не хочешь ли принять участие в нашей забаве?

— Сегодня вечером?

— Да. Чем скорее, тем лучше. Вот уложим спать нашу юную красавицу, и я тебе все расскажу подробно.

Улыбка исчезла с лица Джинни.

— Я не уверена, что вот так сразу смогу отыскать няню. Сейчас последняя неделя экзаменов в высшей школе...

— Ну а если и не найдешь — как насчет Свартальфа? — предложил я. — Там тебе помощник не понадобится, а он вполне справится с элементарными делами, посторожит малышку и сможет сбежать и позвать соседей, если у нее заурчит в животишке...

— Она может проснуться и позвать нас, — не слишком уверенным тоном возразила Джинни.

Но я окончательно убедил ее, напомнив, что для чего-то же мы купили охранителя сна — в тот короткий период, когда у Вэл вдруг начались ночные кошмары. Оловянный солдатик не зря стоял возле детской кроватки; он всегда готов был пустить в ход свой мушкет и отогнать любое приснившееся девочке страшное чучело. Конечно, никто из нас не думал, что подобные безделушки могут заменить любовь и внимание родителей, но все же кое-какую пользу они приносили.

Джинни согласилась. Я видел, как она загорелась. Хотя она и согласилась временно исполнять роль домохозяйки, но... можно ли запрячь в телегу скаковую лошадь?

И вот так-то мы и подготовили путь к прорыву адских сил — в самом буквальном смысле.

Глава 21

Ночь настала безлунная, и сквозь легкий туман едва виднелись звезды. Едва уложив Вэл, мы с Джинни собрались выйти из дома. Одинаково одетые — в черные свитера и черные брюки — мы взлетели над городом, не включая фар. Мы оба обладали

ночным зрением и не нуждались в огнях, чтобы добраться до территории корпорации (хотя, конечно, и нарушали тем самым правила полетов). Мы летели к индустриальному району, а под нами светились окна домов. Город внизу выглядел куда более пустым и темным, чем это обычно бывало в такой час. В торговых центрах и складах я не заметил ни огонька. Наверное, Маленький народец не упустил возможности, чтобы устроить отличную пирушку и позаглядывать в окна, пока люди отсутствовали. Впрочем, их скорее всего тоже напугали предстоящие события.

Толпа собралась на территории нашей корпорации. Само здание светилось беспокойным светом. Когда мы приблизились, ветерок донес до меня запахи — свежесть и сладость, и фимиам, и электрическая резкость параестественной энергии... Волосы встали дыбом у меня на затылке. Мне бы не хотелось сейчас стать волком и ощутить удар этих ароматов.

Замощенная территория вокруг главного здания была запружена людьми. Там был еще и небольшой садик, в котором в хорошую погоду наши рабочие с удовольствием проводили время ленча, — теперь от него осталось лишь обширное пятно грязи, усыпанное окурками. На глаз оценив толпу, я решил, что тут собралось не меньше пятисот человек; они блокировали все подступы, кроме воздушных. В целом толпа была спокойна, лишь кое-где переходили с места на место отдельные фигуры. До нас донеслись гул голосов и шарканье ног.

Возле гаражей стояла небольшая группа работников компании; те, кто был свободен от дежурства, устраивались перекусить или дремали в гамаках. И все они держались на почти-тельном расстоянии от переносного алтаря в другом конце двора.

Я присвистнул.

— А их здорово прибавилось после моего ухода, — сказал я.

Джинни крепче обхватила меня за талию.

У алтаря священник-иоаннит служил молебен. Даже с такой высоты мы различали его в толпе: белая ряса, поза парящего орла, в которой он мог находиться часами... над алтарем возвышался мрачный крест святого Антония, на алтаре располагались четыре священных талисмана: чаша, жезл, меч и круг. Два служителя размахивали кадилами, дым из которых делал воздух сладким и почему-то прохладным.

— Чего он добивается? — пробормотал я

Я никогда не давал себе труда узнать что-либо толком о новой церкви. Да и о старых тоже, честно говоря. Нет, конечно, мы с Джинни прекрасно знали о новейших научных открытиях, доказывающих существование Творца и таких вещей, как абсолютное зло, искупление и загробная жизнь. Но нам казалось,

что все эти знания слишком отрывочны, а Бог имеет слишком много возможностей ограничить вмешательство человека в его дела, и потому вполне могли называть себя унитариями.

— Не знаю, — ответила Джинни мрачным голосом. — Я читала, что публиковалось, об их обрядах и доктринах, но это лишь верхушка айсберга... к тому же я занималась этим очень давно. Ну, в любом случае ты должен стать причастником... нет, гораздо больше, посвященным, даже высшим адептом, прежде чем узнаешь, что в действительности означают их молитвы.

Я напрягся.

— Он может навести на нас злые чары?

Из-за тревоги мое зрение обострилось, и я смог, невзирая на весьма тусклое освещение, рассмотреть довольно обширную площадь. Около двух десятков крепких полисменов в голубой форме стояли на постах вокруг здания. Похоже, им уже здорово надоело терпеть насмешки иоаннитов. И скорее всего большинство из них принадлежали к традиционной церкви. Наверное, они ничего не имели бы против ареста представителей другой веры, утверждавших, что их собственная вера изжила себя.

— Нет, — ответил я сам себе. — Этого он не может сделать — или копы в один момент охладят его пыл. Может, он предаст нас анафеме? Это он вправе сделать, учитывая свободу религиозных действий... Но наводить чары, призывать магические силы, чтобы причинить вред...

Джинни прервала мои размышления вслух.

— Беда в том, — сказала она, — что, имея дело с этими гностиками, никогда не знаешь, где у них кончается молитва и начинается заклятие. Давай-ка не станем ломать над этим голову раньше срока. Мне не нравится, как сегодня пахнет поток времени.

Я кивнул и повел метлу к главному зданию. Иоаннит не слишком меня беспокоил. Скорее всего он использовал свои эзотерические штучки просто для поддержания духа демонстрации. Разве иоанниты не утверждали, что их доктрина — доктрина универсального добра? Так, значит, они и не нуждаются в насилии, ведь они стоят выше всего земного? «День Старого Завета, день Отца — был днем силы и страха; день Нового Завета, день Сына — был днем искупления; день Евангелия от Иоанна, день Святого Духа — будет днем любви и раскрытых тайн». Ну, сейчас это было неважно.

Полиция перекрыла воздушное движение над зоной конфликта, разрешив летать лишь тем, кто жил в этом районе. Решение было вполне разумным. Далеко не вся толпа, собравшаяся внизу, состояла из убежденных иоаннитов. Для многих идея

презрения к грешной матери была не более чем модным лозунгом разрушителей мира. Но эта идея не нравилась тоже многим — и они могли не устоять перед искушением и, пролетая над толпой, сбросить на нее парочку бутылок с коктейлем Молотова.

Конечно, мы с Джинни могли настоять на нашем праве официально пересечь эту территорию, если понадобится — то и с эскортом. Но это могло спровоцировать взрыв, которого мы хотели избежать. В общем, лучше всего нам было проскочить незамеченными — ни друзьями, ни врагами. Однако мы успели слегка утратить десантную квалификацию, и потому маневр потребовал от нас полной сосредоточенности.

Все вышло удачно. Наша метла скользнула в открытый световой люк и через него — в гараж. Гараж представлял собой колодец, пронизывающий здание от крыши до первого этажа. Вообще-то служащие обычно входили и выходили через двери. Но этим вечером двери были перекрыты с обеих сторон: снаружи — толпой, изнутри — защитными полями, которые мог разорвать лишь опытный маг.

Техники Пинкертона не успели достаточно быстро наложить все заклятия, и в результате все стекла на первом этаже были разбиты. Сквозь дыры доносились приглушенное бормотание и отдаленный напев священника. Ставя в угол метлу, я шепнул на ухо Джинни:

— Знаешь, я рад, что к ним явился священник. А то они весь день распевали частушки.

— Бедняжка. — Она сжала мою руку.

Мы пробрались сквозь сумрачный холл и поднялись наверх, в исследовательский сектор. Он был ярко освещен. Но наши шаги звучали слишком громко в пустоте. Наконец мы добрались до кабинета Барни Старласона.

Он встал из-за стола.

— Вирджиния! — прогреготал гигант. — Какая приятная неожиданность! — И, поколебавшись, добавил: — Но... э... тут есть некоторый риск...

— Не трать время понапрасну, Стив мне все рассказал, — ответила она. — И я полагаю, вам не помешает лишний маг.

— Уж конечно, не помешает.

Я видел, что добродушное лицо Барни исказилось от усталости. Но он не напрасно настаивал днем, чтобы я отправился домой и немного отдохнул. Это было вызвано практическими соображениями: если бы дела обернулись так, что нас бы атаковали, мне, конечно, пришлось бы обернуться волком и держать оборону до прибытия полицейских сил. Но сам Барни оставался на месте в компании нескольких добровольных помощников.

Он был нужен — не столько как специалист, сколько как отличный руководитель и организатор.

— Стив объяснил тебе план наших действий? — спросил он. — Ну, тебе понятно, что мы слишком боимся за наше оборудование, у нас есть слишком дорогие и сложные аппараты. Даже если эти хулиганы и не сломают их окончательно — представь, сколько времени уйдет на простую настройку! Наладь-ка заново рамки лозоискателей, гадальные карты! Вообще-то я надеюсь, что мы надежно защищены экранами, и все же... свежий взгляд не помешает. Попозже загляни в лаборатории, может, заметишь какие-то упущения.

— Хорошо. — Джинни бывала здесь достаточно часто, и ей хорошо были знакомы все наши помещения. — И я поищу то, что мне нужно, спрошу у ребят в алхимическом секторе. — Она помолчала. — Пожалуй, вам предстоит нелегкая работа.

— Да, но я намерен предоставить толпе еще один шанс, — сказал Барни. — А если уж они слишком разбушуются, то Стиву лучше находиться поблизости.

— А мне почему-то кажется, что ты и сам за себя постоять сможешь, — фыркнул я.

— Ну, вообще-то ты прав, — сказал Барни. — Но не забывай о юридической стороне вопроса. Я ведь не владелец лабораторий, я лишь руководитель работ. И мы тут действуем по собственной инициативе — после того как дирекция согласилась на несколько дней распустить служащих. Так что Джек Робертс мог лишь втайне, в частном порядке одобрить наш план. Кроме того, будь мы даже владельцами, мы все равно не смогли бы использовать наступательные заклятия против правонарушителей — это же все равно что использовать огнестрельное оружие. Все, что нам доступно, — это не приносящая никому вреда защита ради сохранения жизни и собственности.

— Ну, если нам будет грозить серьезная опасность...

— Вот как раз это мы и хотим предотвратить, — напомнил Барни. — И, учитывая требования закона, я должен при многих свидетелях разъяснить, что мы намерены делать. Чтобы все они слышали!

Я пожал плечами и снял верхнюю одежду. Под ней на мне было эластичное трико, которое не помешало бы мне действовать в волчьем обличье и не позволило бы арестовать меня за нарушения приличий в виде человека. Магическая вспышка висела у меня на шее, как толстенный круглый амулет. Джинни крепко поцеловала меня.

— Береги себя, тигр! — шепнула она.

Но у нее не было серьезных причин для беспокойства. Осаждающая сторона не имела оружия и могла действовать лишь ногами и кулаками... ну, возможно, у кого-то и была пронесенная тайком дубинка или что-то в этом роде, но оборотню ли бояться таких мелочей? Лишь нож, пуля или крепкие клыки могли причинить мне серьезный вред — при определенных условиях, вроде тех, при которых я во время войны потерял хвост. Да и в любом случае вероятность стычки невелика. Что хулиганы могут противопоставить нам? Да и зачем? Ведь на них тогда сразу набросится полиция; конечно, превратись они в мучеников — это принесло бы им немалую выгоду... ну, наш план как раз и был направлен против этого. Однако голос Джинни звучал все же не слишком спокойно, и, пока мы с Барни шли по коридору, она провожала нас взглядом.

Барни вдруг сказал: «Погоди-ка...» — и, завернув в кладовую, вышел оттуда с большим одеялом, которое повесил на руку.

— Если тебе понадобится обернуться волком, — пояснил он, — мы тебя закроем от света.

— Зачем? — удивился я. — Солнце давно зашло, а огни святого Эльма не помешают.

— Огни изменились с того момента, как там начал болтать их проповедник. Я проверил по спектро스코пу. В их лучах появилось слишком много ультрафиолета — 3500 ангстрем, если хочешь знать точно, — а это может создать для тебя проблемы. Не пришлось бы нам вообще применить наступательные чары...

— Но мы не можем!

— Конечно, не можем, это лишь болтовня... я просто объясняю... В общем, это *они* думают, что мы применим заклятия, и принимают свои меры. Когда они заметили защитные поля, то какие-то сумасшедшие из толпы решили, что это нам понадобилось для того, чтобы самим не пострадать от наступления, и нашлись дураки, которые им поверили. Таким образом наша корпорация стала им вдвойне врагом. — Он покачал головой: — Поверь, Стив, эти демонстранты действуют, как марионетки, но ими руководит кто-то поумнее и поэнергичнее.

— Ты уверен, что именно священник усиливает напряжение?

— Да. Они там все магистры, их духовенство... это часть их подготовки. Хотел бы я знать, чему еще они обучаются в своих тихих кельях. В общем, попытаемся поговорить с ним.

— А он действительно из посвященных? — усомнился я. — По уставу иоаннитов, в политику можно вмешиваться лишь в качестве частного лица, но не представителя церкви.

— Знаю, — сказал Барни. — А я — император Нортон.

— Нет, в самом деле! — настаивал я. — Конечно, все их теории на первый взгляд слишком просты, а потому и не похожи на правду. Но мы-то все равно ничего не знаем... так, ощущаем рябь на поверхности, нечто в атмосфере, людскую неприязнь...

Но мы добрались уже до главного входа, украшенного цветными стеклянными панелями. Они были разбиты — так же, как и окна, но вход преграждали наши защитные чары. Конечно, нам они не помешали. Мы вышли наружу и очутились прямо перед толпой.

Дальше мы не могли сделать ни шагу. Ступени, ведущие ко входу, были плотно забиты людьми. В первое мгновение они нас даже и не заметили. Барни похлопал по плечу какого-то юнца с жиденькой бородашкой.

— Извините, — бросил он с высоты своего роста, — вы позволите?

Он выдернул из немытой руки плакат на длинном древке, повесил поверх картона одеяло и замахал этим импровизированным флагом в знак перемирия. Одеяло было ядовито-зеленым.

Через толпу пронеслось нечто вроде тяжелого вздоха, нечто вроде первого порыва ветра перед штормом. Я увидел лица, лица, лица... и на ступенях рядом со мной, и внизу... море лиц, теряющихся во тьме, заливавшей площадку перед зданием, куда не падал свет огоньков святого Эльма. И не думаю, что лишь из-за невнимательности и предубежденности эти лица показались мне зловеще одинаковыми.

Вам, конечно, немало приходилось слышать о длинноволосых молодых людях и коротко стриженных девушках — немытых, в обтрепанной одежде. Именно они преобладали в толпе. Но я заметил и привычных седобородых радикалов, и университетских прихлебателей, и обычных хулиганов, и безработных вандалов; но были и истинно верующие, и просто случайная публика. Меня испугало то, что в толпе я заметил и чистеньких, хорошо одетых юношей и девушек, тоже горящих жадной разрушения. Были и такие, которые заглянули сюда из чистого любопытства, а теперь прониклись настроением толпы. Но ведь все они — высокие и низенькие, толстые и худенькие, богатые, бедные или обладающие средним состоянием, умные, тупые или ни то ни се, гетеросексуалы, гомосексуалы или кто еще там бывает, способные в одних делах и ничего не соображающие в других, интересующиеся чем-то и скучающие из-за чего-то — все они, что-то помнящие, о чем-то мечтающие, на что-то надеющиеся, чего-то боящиеся и что-то любящие — все они имели душу...

И все-таки прежде всего в глаза бросалось их сходство между собой.

Многие держали плакаты с цитатами из Евангелия от Иоанна, у других были в руках простенькие лозунги типа «Возлюби ближнего своего» или просто «Любовь!» Но были и надписи куда менее благожелательные:

«ДЕМАТЕРИАЛИЗУЕМ МАТЕРИАЛИСТОВ!»

«РЫДАЙТЕ, ОРУЖЕЙНИКИ!»

«ВЫ СНАБЖАЕТЕ ПОЛИЦИЮ РОГАМИ ДЬЯВОЛА!»

**«УБЕЙ УБИЙЦУ, ВОЗНЕНАВИДЬ НЕНАВИДЯЩЕГО,
УНИЧТОЖЬ УНИЧТОЖИТЕЛЯ!»**

«РАЗНЕСЕМ ЭТУ ЛАВОЧКУ!»

И в лицах — хуже того, в мозгах — людей, державших эти плакаты, не было ничего, кроме лозунгов...

Не поймите меня неправильно. Я совсем не осуждаю ту молодежь, которая испытывает настоящую потребность побунтовать против существующего порядка вещей, пусть даже этот порядок обеспечивает им сытую и легкую жизнь. Нет, через это проходит каждый, и очень жаль, что, став взрослым и умудренным опытом, человек, как правило, просто забывает обо всем. Да и государственная церковь частенько бывает нестерпимо самодовольной, и ее ханжески протянутая рука, слушается, вдруг оказывается покрытой пятнами крови.

Но все же... все же... эта церковь была единственной, стоявшей между нами — и Темным веком, и лишь она могла противостоять возникновению другой и, возможно, куда худшей государственной церкви. И незачем обманывать себя. Свобода — отличная вещь, пока она не превращается для кого-то в свободу врываться в наш дом, убивать, грабить, насиловать и порабощать ваших близких. Потому что тогда вы будете лишь рады появлению некоего всадника, обещающего вам вернуть старые добрые времена, и вы сами вручите ему кнут и меч.

Так неужели мы были не правы, решив предотвратить ненужную схватку? Каким бы несовершеннолетним ни был наш замысел, он сработал; и это был именно наш выбор... возможно, и мы не понимали происходящего полностью, но все же мы разбирались во всем лучше тех, кто не прошел, подобно нам, многих испытаний.

Вам не дожидаться — ни за что не дожидаться — улучшения мира, придуманных теоретиками в розовых очках, которые рассчитывают одним махом уничтожить все наше мучительное прошлое; не помогут и догматики, произносящие высокопарные

слова о реформах, подобных тем, что были хороши два поколения или два века назад; не спасут и университетские самоуверенные невежды, полагающие, что знают ответ на любой вопрос из тех, над которыми бились Хаммурапи, Конфуций, Аристотель, Платон, Марк Аврелий, Фома Аквинский, Гоббс, Локк, Вольтер, Джефферсон, Линкольн и тысячи других, сходя с ума и страдая.

Но довольно об этом. Я не из интеллектуалов; я просто размышляю для себя. И мне тяжело было видеть вполне благонамеренных людей, которых чья-то воля толкала по задуманному ею пути.

Глава 22

Подавленный вздох толпы перешел в гортанное ворчание, а потом в рык. Ближайшие к нам парни шагнули вперед. Барни взмахнул «флагом».

— Подождите! — прогремыхал он своим жутким басом, перекрывшим все другие звуки. — Перемирие! Давайте все обсудим! Пусть ваш лидер подойдет сюда!

— *Не о чем* нам с вами говорить, убийцы! — завизжала прыщавая девица, бросаясь ко мне и замахиваясь своим плакатом. Я успел прочесть: «МИР И БРАТСТВО» — но тут же мне пришлось защищать свой череп от удара этим «миром». Кто-то в толпе начал скандировать, и все больше и больше голосов подхватывало: «Провалитесь к Диотрефесу, провалитесь к Диотрефесу...»

Меня охватила тревога. Хотя Диотрефес едва ли упоминался в Третьем послании, иоанниты наших дней превратили его в символ всего, что противостояло их движению. (Но можно было не сомневаться, что для их посвященных и адептов это имя значило и еще что-то.) Но большинство не давали себе труда вникнуть в тайный смысл. Для них Диотрефес стал просто именем ненавистой власти или вообще всего того, что им лично мешало. Ну, в истории существовало много слов, заставлявших толпу впадать в экстаз разрушения.

Я вырвал у девицы плакат, одновременно прикрывая лицо от ее острых ногтей, и потянулся к магической вспышке. Но внезапно все изменилось. Раздался звон колокольчика. Послышался чей-то голос. И гомон толпы затих.

— Мир! Наполните сердца любовью, дети мои! Святой Дух — рядом с вами!

Нападавшие отступили. Толпа отодвинулась назад. Некоторые встали на колени. Сотни глоток издали единый стон,

прозвучавший, как песнь экстаза. Я взглянул наверх и увидел священника.

Он летел, стоя на пьедестале распятия, в одной руке держа колокольчик, а вторую положив на перекладину креста; таким образом получалось, что Христос как бы влечет за собой священника. Ничего более странного мне видеть не приходилось; а представители других церквей, пожалуй, назвали бы святотатством такое использование образа богочеловека — ведь с помощью антигравитационных чар распятие летало, как обычная метла. И все же спектакль в целом производил сверхъестественное впечатление. Он словно олицетворял Нечто, таящееся в сути гностицизма.

До сих пор я считал, что «невывказанные тайны» иоаннитов — не более чем пустая болтовня. Но в этот вечер я понял, что это не так. Я ощущал присутствие не просто параестественных сил, но чего-то еще. Я это чувствовал каждым нервом оборотня. И мне вовсе не думалось, что эта Сила исходит с небес. Но тогда — откуда?..

Когда священник приземлился рядом с нами, он оказался вполне обычным человеком — невысоким и тощим; одеяние сидело на нем не слишком хорошо, на курносом носу красовались очки, а волосенки были такими жиденькими, что тонзуру, выбритую на макушке, едва можно было различить.

Сначала он обернулся к толпе.

— Позвольте мне поговорить с этими джентльменами, — сказал он странным шарующим голосом. — Поговорить с позиций любви, а не ненависти — и тогда, возможно, правое дело восторжествует. Кто не познал любви, тот не познал Бога, ибо Бог есть любовь.

— Аминь!.. — прокатилось по толпе.

После этого маленький человечек повернулся к нам — и я вдруг понял, что он и в самом деле верит тому, что говорит. Но святая цитата не прогнала неприятного ощущения. К тому же наш Враг слишком хорошо умеет проникать в доверчивые души... и все-таки моя неприязнь к священнику поубавилась.

Он улыбнулся и смешно закивал головой.

— Добрый вечер, — сказал он. — Я — посвященный пятого класса, Мармиадон, к вашим услугам.

— Это... э-э... ваше духовное имя? — спросил Барни.

— Ну, разумеется. Старое имя — первое, что следует отбросить, подходя к Великим Вратам. Но я не боюсь злых чар, если вы это имеете в виду, сэр.

— Нет, я не о том. — Барни представил нас, хотя это явно было ненужной условностью, ведь здесь и так все знали, кто мы

такие. — Мы надеемся, что нам удастся утрясти этот небольшой конфликт.

Мармиадон просиял:

— Прекрасно! Замечательно! Я не являюсь официальным представителем, как вы понимаете. К демонстрации призывал Комитет национальной справедливости. Но я буду счастлив послужить в качестве посредника.

— Беда в том, — сказал Барни, — что мы не можем удовлетворить основные ваши требования. Мы, конечно, ничего не имеем против мира во всем мире и глобального разоружения, сами понимаете; но это работа для дипломатов, мы тут ни при чем. И точно так же лишь президент и Конгресс могут решить, нужно ли выводить наши войска из некоторых стран, а деньги потратить на социальное благосостояние собственного народа. И амнистией для мятежников занимаемся не мы, а правительства штатов. И мы не можем ввести в школах курс гностической философии и истории. Что же касается выравнивания доходов, постепенной ликвидации материализма, лицемерия и несправедливости... ну, тут нужна по меньшей мере поправка к Конституции.

— Однако вы можете использовать ваше отнюдь не малое влияние, чтобы приблизить все эти события, — сказал Мармиадон. — Например, можете пожертвовать кое-что комитету образования — и добиться, чтобы другие тоже внесли туда деньги. Вы можете настоять на выдвижении достойных кандидатов и помочь в финансировании избирательной кампании. Вы можете позволить нашим проповедникам выступать на территории кампании. Вы можете прекратить дела с теми торговцами, которые не следуют нашим идеям. — Он вознес вверх руки. — И такими деяниями, дети мои, вы можете помочь собственному спасению и избежать вечного проклятия!

— Ну, возможно; хотя пастор Карлслунд из лютеранской церкви, пожалуй, даст мне другие наставления, — сказал Барни. — В любом случае ваш список слишком велик, за один день такое не делается.

— Допускаю, допускаю. — Мармиадон горел возбуждением. — Но шаг за шагом мы приблизимся к цели. «Когда вы видите свет — поверьте в него, и вы станете детьми света!» Сегодняшнее обсуждение — лишь начало!

— Но, к сожалению, — сказал Барни, — вы хотите, чтобы мы разорвали уже подписанные контракты. Вы хотите, чтобы мы нарушили свое слово и подвели людей, которые нам доверяют.

Мармиадон увял. Потом, выпрямившись во весь свой небольшой рост, твердо взглянул на нас и заявил:

— Стоящие перед вами солдаты Святого Духа требуют, чтобы вы прекратили производство оружия для армии, зарубежных угнетателей и для полиции — врага свободы. Сейчас мы хотим только этого — ни больше ни меньше. И это обсуждению не подлежит.

— Понимаю. Другого я и не ожидал, — сказал Барни. — Но мне бы хотелось сейчас, при свидетелях, разъяснить ситуацию простым и доступным языком. Я намерен предостеречь вас.

Те, что стояли рядом с нами, обернулись назад и зашипели, призывая к молчанию, — и шипение прокатилось по толпе, а я ощутил, как снова возросло напряжение.

— Если вы намерены применить насилие к тем, кто пришел, чтобы убедить вас, — заявил Мармиадон, — они либо вынуждены будут обратиться к закону, либо получают последнее доказательство того, что закон служит деньгам... а они есть творение Сатаны.

— Ох, нет, нет! — сказал Барни. — Мы совсем не злодеи, верите вы нам или нет. Но вы злоупотребляете нашим терпением. Вы вмешиваетесь в нашу работу, вы создаете у нас нехватку рабочих рук, вы мешаете нам закончить заказ в срок. И мы просто обязаны приложить все усилия, чтобы выполнить свои обязательства по контракту. Нам необходимо провести некий эксперимент. Не исключено, что вы при этом подвергнетесь опасности. И ради вас самих прошу — уйдите с нашей территории.

Мармиадон рассерженно вскинул голову:

— Если вы думаете, что сможете нас выгнать с помощью смертельно опасных чар...

— Ничего подобного! Я вам могу точно сказать, что мы собираемся делать. Мы сейчас как раз обдумываем новый метод транспортировки жидких грузов. Но мы не можем продолжить работу, пока не наладим как следует контроль за безопасностью. Если наша система не работает, те, кто не защищен, могут пострадать. — Барни повысил голос, хотя мы знали, что несколько полицейских офицеров давно уже настроили совиные уши и не пропускают ни слова. — Я вам приказываю, я вас предупреждаю, я вас умоляю — перестаньте безобразничать и уйдите с территории, принадлежащей компании. У вас в распоряжении полчаса.

Мы попятились и нырнули в дверь, прежде чем снаружи разразился вой. Нам вслед понеслись ругательства, проклятия, насмешки, непристойности... но мы не стали их слушать, а просто ушли в центральную алхимическую лабораторию.

Дюжина ученых, техников и служащих, выбранных Барни среди добровольцев, уже собрались там. Они курили, варили

кофе на газовых горелках, негромко переговаривались. Когда мы вошли, нас встретили бодрыми восклицаниями. Вся группа наблюдала за переговорами с помощью коротковолнового хрустального шара. Я отыскал Айка Абрамса. Еще со времени войны я знал его как отличного парня и помог найти работу здесь.

— Все готово? — спросил я.

Он энергично кивнул:

— По мне, капитан, так лучше не бывает. Зачем так долго ждать?

Я внимательно посмотрел на него:

— Тебе не слишком нравятся те типы, верно?

Он огрызнулся — словно плюнул:

— А вам бы они понравились, будь вы на моем месте?

«И на твоём месте, — подумал я, — и на чём-либо ещё... но в особенности, конечно, — на месте Айка».

Будучи рационалистом, я всегда питал отвращение к иррациональному, лежащему в основе гностицизма. А будь я набожным христианином, у меня был бы другой счет к церкви иоаннитов: ведь она вообразила себя наследницей всех церквей и отрицала за ними право на дальнейшее существование. Хуже того, их тайное учение, похоже, утверждало, что милости Божией будет лишено едва ли не все человечество... И рационалисты, и верующие могли в равной степени возмущаться тем, как иоанниты исказили Евангелие от Иоанна — едва ли не самую прекрасную и загадочную книгу Священного Писания.

Но если вы иудей — иоанниты готовы выдирать из Писания фразы наугад и швырять в вас текстами вроде этого: «И многие обманщики являлись в мир, говоря, что Иисус Христос не являлся во плоти. И такой обманщик есть антихрист». И вы видите, как постепенно вокруг вас вновь нарастает древний кошмар антисемитизма.

Слегка смутившись, я повернулся к Биллу Харди, нашему главному лекарю, сидевшему на лабораторном столе.

— Много зелья вы приготовили? — спросил я.

— Около пятидесяти галлонов.

— Ого! И без алхимии?

— Абсолютно без! Чистые, честные молекулярные взаимодействия по Парацельсу — и все! Но — признаю, нам повезло, что под рукой оказалось достаточно основных компонентов.

Я содрогнулся, припомнив образец, который он представил нам, когда мы еще только обсуждали наш замысел.

— Откуда они взялись?

— Ну, продуктовый отдел имеет... имел кое-какие крупные заказы, — пояснил Харди. — Маслобойням, например, нужно было кое-что, чтобы предотвратить прогоркание масла. Ты же

знаешь, как это делается, — ты в лабораторных условиях останавливаешь ненужную реакцию, а потом бросаешь симпатические чары, чтобы получить тот же эффект на многих тоннах продукта. Потом был правительственный заказ — попытка контроля за размножением скунсов в западных штатах, и... — Он умолк, потому что вошла Джинни.

Ее глаза блестели. Она держала волшебную палочку, как валькирия — меч.

— Все готово, мальчики!

— Что ж, пошли.

Барни тяжело поднялся. Все мы следом за ним направились к контейнерам. Это были обычные фляги в один галлон — в таких обычно продается краска, — но на винтовых пробках красовались печати Соломона; и я подсознательно ощутил паразитическую энергию, окружающую их. Казалось, кто-то хочет помешать ученым погрузить фляги на тележки и увезти из лаборатории.

Айк и его помощники пошли со мной в мой сектор. Там находились собранные мной приспособления. Они не производили особого впечатления. Правду говоря, это было просто чудовищное переплетение веревок, проволоки и проводов, опутывавших электрогенератор, работавший на бензине.

Чтобы наладить всю эту конструкцию, я убрал собственные магнитные экраны генератора. Но мы получили то, что хотели: свободную массу холодного железа; никакие чары не могли сработать в непосредственной близости от нее. Мне помогал Айк, и сейчас он снова был рядом — ведь нужно было поднять это сооружение наверх.

Без сомнения, Айку иной раз хотелось бы, чтобы люди так и не узнали, как уничтожать силы, сдерживающие развитие паразитических способностей. Нет, Айк не был ортодоксом; его вера не запрещала ему вообще иметь дело с чем-либо, относящимся к магии. Но не был он и реформистом или неохасидом. Он был обычным консервативным иудеем; он мог пользоваться вещами, которые кто-то другой заставлял повиноваться, но не мог сам применить какое-либо колдовство.

В гараже уже был подготовлен необходимый такелаж. Часть наших людей поднялась на плоскую крышу. Джинни запускала в воздух канистры. Они подпрыгивали, избегая зоны действия поля генератора, который мы установили возле светового люка. Из-за генератора мы больше не могли воспользоваться нашими метлами. Так что я, отправив генератор наверх, вынужден был сам подниматься по веревочной лестнице.

— Готовы? — спросил Барни.

В бледном мигающем свете я увидел, что его лицо сияло довольством. Но ведь если наша затея не удастся, отвечать за все последствия придется ему...

Я проверил все.

— Да, готовы... Но сначала давай осмотримся.

Мы с Джинни подошли к парпету крыши. Внизу роилась толпа, обернув к нам ненавидящие лица, размахивая плакатами. Все глаза следили за парящими контейнерами, и все понимали, что развязка близка. Посвященный Мармиадон, похоже, налаживал возле алтаря защитное поле. До меня донесли непонятные слова: «Гелихомар Мабон Сарух Джефута Эннунас Сасионос...» Воздух кипел и потрескивал от насыщавшей его энергии. Огоньки святого Эльма засветились ярче. Я почуял грозовой запах озона.

Моя любимая грустно улыбнулась:

— Как бы все это понравилось Свартальфу!

Барни, тяжело шагая, подошел к нам.

— Пора начинать, — сказал он. — Но я дам им последний шанс. — И он выкрикнул те же предостережения, что и прежде. Визг толпы заглушил его слова. В стены полетели камни и всякая дрянь. — Ладно, — прорычал Барни. — Запускай!

Я вернулся к генератору и запустил мотор, не замкнув цепи. Генератор заворчал и затрясся, испуская отвратительную вонь. Я порадовался тому, что наше общество сумело избежать зависимости от двигателей внутреннего сгорания. Мне как-то приходилось видеть штуки, которые назывались «автомобили», — их построили около 1990 года, незадолго до первых полетов на метле. Поверьте, музей, где они хранятся, — самая настоящая комната ужасов!

Звонкий оклик Джинни вернул меня к происходящему. Джинни направляла канистры в нужные точки. Мне теперь не было их видно, поскольку они парили в десятки футов над толпой. Джинни взмахнула волшебной палочкой. Я повернул главный рубильник.

Нет, мы не воспользовались чарами; чтобы очистить территорию компании. Мы воспользовались отсутствием чар. Электрический импульс, ударивший по виткам генератора, спровоцировал выброс магнетической энергии, способной уничтожить любые чары — наши и противника — в радиусе по меньшей мере в сотню ярдов.

Все предметы, которые могли быть испорчены заклятием, мы заранее спрятали в особом защищенном помещении. И мы дважды предупредили толпу, что проводим эксперимент с жидкостью, которая может оказаться опасной. Ни один закон не мог

вынудить нас добавить, что эта жидкость находилась в специальных флягах, которые взрываются и разбрызгивают свое содержимое в тот момент, когда исчезает защитное поле.

Наверное, мы даже слишком перестраховались... решив не причинить ни малейшего реального вреда нарушителям нашего спокойствия. В контейнерах не было абсолютно ничего опасного. А те компоненты, которые могли обладать слабой токсичностью, присутствовали в смеси в таких малых количествах, что о них и упоминать не стоило. Мы просто смешали вместе такие вещи, как бутилмеркаптан, масляная кислота, метанол, скатол, воняющий фекалиями, кадаврин, путрескин, добавивший к букету запах гнили... ну а связующее вещество обладало сильными проникающими свойствами: стоило несколькими каплям смеси упасть на вашу кожу, и вонь продержалась бы неделю, а то и две...

Сначала до меня донеслись вопли и визг. Это был момент торжествующего злорадства. А потом до крыши добралась и вонь... Я забыл надеть респиратор, а мой нос, даже в человеческом облике, обладал слишком высокой чувствительностью. Легкая струйка «аромата» заставила меня задохнуться и рвануть к другому концу крыши. Воняло скунсом, протухшим маслом, сгнившей спаржей, тухлятиной, лимбургским сыром и машинной смазкой... нет, этого не передать. Я едва успел натянуть маску; еще секунда, и меня бы вывернуло наизнанку.

— Бедняжка Стив!

Рядом со мной стояла Джинни.

— Они ушли? — едва смог выговорить я.

— Да! Вместе с полицейскими... а если мы не поспешим — то и с половиной местного населения.

Я слегка расслабился. Мы ведь не были заранее уверены — разбегутся ли хулиганы, или ворвутся в здание, горя мстью... Но теперь я понимал, что последнее было просто невозможно. Наши химики поработали лучше, чем я мог вообразить.

Я весело подумал, что ответный визит нам не угрожает. Конечно, если вас арестовывают или разбивают вам голову за идею, то вы герой, и ваш пример вдохновляет других. Но если вы оказываетесь в таком положении, что ваши друзья не могут подойти к вам достаточно близко, чтобы вас услышать, — какая идея это выдержит?

Я схватил Джинни в объятия и попытался поцеловать — но забыл о респираторе. Джинни рассмеялась.

— Пойду-ка я лучше помогу Барни и остальным заговорить молекулы, пока они не разлетелись по округе, — сказала она. — Выключи свою адскую машину и заэкранируй ее.

— Ух, да, — буркнул я. — Нам же нужно, чтобы утром весь персонал вернулся на работу!

Мы занимались делами еще пару часов. А потом Барни достал несколько бутылочек, и мы чуть не до рассвета праздновали победу. Небо на востоке уже начало розоветь, когда мы с Джинни вскарабкались на нашу метлу и скомандовали: «Домой, Джеймс!»

Нас овеял прохладный ветерок, над нами раскинулось необъятное небо...

— Знаешь что? — сказал я, обернувшись через плечо. — Я тебя люблю.

— Мр-р-р... — Она наклонилась вперед и потерлась щекой о мою спину. Руки ее блуждали по моему телу...

— Бесстыдница! — заявил я.

— Тебе нравятся не такие, как я?

— Ну уж нет, — сказал я. — Только могла бы и подождать немножко. Я все-таки сижу впереди... и как бы мне ни хотелось заняться распутством, ничего не выйдет.

— О, почему бы и нет? — мечтательно пробормотала она. — На метле... забыл?

— Нет. Но, черт побери, это же местная линия, и через несколько минут вокруг будет масса народу... да и зачем, когда мы совсем рядом с уютной спальней?

— Верно. Мне нравится эта идея. Уединение собственного дома... Наддай жару, Джеймс!

Метла помчалась с бешеной скоростью.

Я был слишком возбужден миновавшими событиями, и Джинни первой уловила след параестественных сил. Я же почувствовал, как ее голова оторвалась от моей спины, и ощутил напряжение Джинни и то, как ее пальцы вцепились в мою рубашку.

— Какого черта?! — воскликнул я.

— Тс-с!.. — выдохнула она.

Мы молча понеслись дальше. Под нами темнел город. Наконец Джинни заговорила — и в ее голосе послышалась растерянность.

— Я бы сказала, мне не нравится запах потока времени. Что-то не так...

У меня что-то перевернулось внутри, словно я начал превращаться в волка. Я не был большим специалистом в магии — я владел лишь стандартной ворожкой, да еще кое-чему научился в армии и по ходу инженерной работы — но у оборотней есть врожденный инстинкт опасности. И вскоре я тоже понял.

Все вокруг насыщал отвратительный ужас.

И когда мы начали снижаться, мы поняли, что источник его — в нашем доме.

Мы бросили метлу на лужайке перед домом. Я отпер дверь и ворвался внутрь.

— Вэл! — заорал я, проносясь по темным комнатам. — Свартальф!

Ни один из замков не был взломан, ни одно из стекол не было разбито, сталь и камни, охраняющие параестественные входы, оставались на своих местах. Но стулья были перевернуты, вазы, упавшие с опрокинутых столов, разбиты, и пятна крови покрывали стены, пол, ковры — во всем доме...

Мы вбежали в спальню дочки. И когда увидели ее, спокойно спящую в кровати, схватились за руки и всхлипнули.

Но наконец Джинни спросила:

— Где же Свартальф? Что тут произошло?

— Я поищу, — сказал я. — Ему придется ответить...

— Да... — Джинни вытерла мокрые глаза. Но вот она обвела взглядом разгромленную детскую и снова насторожилась. — Почему она не проснулась? — В голосе Джинни прозвучали незнакомые мне нотки.

Я бросился на поиски. Свартальфа я нашел в кухне. Его кровь залила линолеум. Несмотря на то что все его кости были явно переломаны и во многих местах на теле зияли глубокие раны, он еще дышал. Но не успел я как следует осмотреть его, как крик Джинни заставил меня стремительно вернуться в детскую.

Она держала девочку на руках. Голубые глаза тупо глянули на меня из-под спутанных золотых кудрей. Лицо Джинни казалось невероятно бледным.

— С ней что-то не так, — сказала Джинни. — Не знаю что — но она какая-то странная.

Я застыл на мгновение, чувствуя, как рушится мир вокруг меня. Потом пошел в кладовую. Уже почти совсем рассвело, а мне нужна была темнота. Я снял верхнюю одежду и направил на себя магическую вспышку. Превратившись, я подошел к жене и дочке. И принялся.

А потом сел и завыл.

Джинни положила в кровать существо, которое держала на руках. И стояла совершенно неподвижно, пока я вновь превращался в человека.

— Я звоню в полицию, — словно со стороны услышал я собственный голос. — Эта штука — не Вэл. Это вообще не человек.

Глава 23

Видите ли, я, пожалуй, не слишком отчетливо помню последующие часы.

В полдень мы сидели в моем кабинете. Шеф местной полиции почти сразу решил, что дело — не в его компетенции, и заставил нас позвонить в ФБР. И теперь их специалисты дюйм за дюймом исследовали дом и сад. Нам оставалось лишь не мешать им. Я сидел на кушетке, Джинни — на краешке вращающегося стула. Время от времени один из нас вскакивал и принимался нервно шагать взад-вперед, что-то бессмысленно бормоча. Воздух был полон дыма, пепельницы набиты окурками. В голове у меня звенело. Взгляд Джинни был обращен внутрь. Солнечный свет, трава, деревья за окном — все казалось нереальным.

— Тебе необходимо перекусить, — сказал я неизвестно когда. — Поддержать силы.

— Тебе тоже, — ответила она, не глядя на меня и едва ли осознав мои слова.

— Я не голоден.

— Я тоже.

Ужас не отпускал нас...

Зуммер телефона заставил нас вскочить.

— Вызывает доктор Ашман, — сказал телефон. — Хотите ответить?

— Господи, конечно, да! — вырвалось у меня. — Визуальная связь!

Словно обезумев, я, вместо того чтобы сосредоточиться на том, что скажет мне человек, первым встретивший Вэл в этом мире, задумался о принципах телефонной связи. Симпатические вибрации, когда вызывающий и отвечающий ворожат над одним и тем же номером... плюс чары на стекле, если вы хотите увидеть собеседника... частичное оживление аппарата, чтобы сигнал вызова доходил быстрее... Рука Джинни встряхнула меня, вернув к холодной реальности.

Лицо Ашмана выглядело таким же измученным, как и лицо Джинни.

— Вирджиния, Стив... — сказал он. — Мы получили первый результат.

Я попытался что-то произнести в ответ, но не смог.

— Ты был прав, — сказал Ашман. — Это гомункулус.

— Почему вы так долго с этим разбирались? — спросила Джинни. Голос ее не дрожал больше, она говорила резко и хрипло.

— Случай беспрецедентный. Рассказы о детях, подброшенных феями, всегда считались легендами. У нас нет никаких данных, подтверждающих что-либо в этом роде или объясняющих мотивы, по которым нечеловеческие силы могли бы украсть ребенка... и нет сведений о том, как они могли бы это сделать, если учесть, что родители принимают обычные меры предосторожности... и, конечно, непонятно, зачем таким похитителям оставлять взамен некое чучело... — Он вздохнул. — В общем, ничего мы не знаем.

— Но что вы обнаружили? — Твердость, с какой Джинни задала вопрос, заставила меня внимательно посмотреть на жену.

— Со мной работали полицейский врач, криминалист и еще специалист по патологиям из университета, — объяснил Ашман. — Или это я работал с ними. Я ведь всего лишь семейный врач. Нам понадобилось несколько часов, чтобы убедиться в неправильности первого предположения — что это Валерия, но она зачарована. Поймите, это отличная копия. Но ее мозг пуст — энцефалограмма дает практически прямую линию. И она... это... не реагировало ни на какие терапевтические команды... и в конце концов мы поняли, что это — лишь имитация. Конечно, Стив, ты нам сразу сказал об этом, но мы подумали, что ты просто впал в истерику. Извини. Для полного доказательства необходимы факты. Например, соотношение солей в крови, по которому можно выяснить, имеет ли создатель гомункулуса отношение к океану... К окончательному выводу мы пришли, сделав существу инъекцию радиоактивной святой воды. Метаболизм гомункулуса даже отдаленно не напоминает человеческий.

Сухой тон доктора подействовал на нас. Кошмар начал понемногу приобретать определенные очертания. В моих мозгах что-то зашевелилось, отыскивая зацепку.

— А что сейчас происходит с подменным? — спросил я.

— Полагаю, им займутся власти, в надежде... в надежде кое-что выяснить с его помощью, — сказал Ашман. — Не стоит ненавидеть бедняжку. Это просто несчастное существо, созданное с какой-то злобной целью, но само по себе ни в чем виноватое.

— Не тратьте время на сожаления, — раздраженно бросила Джинни. — Доктор, есть какие-нибудь соображения по поводу того, где нам искать Вэл?

— Нет. Мне очень жаль. Я ведь всего лишь медик. Если я могу что-то для вас сделать — скажите.

— Кое-что можете, и прямо сейчас, — сказала Джинни. — Вы ведь слышали, что мой помощник был тяжело ранен, пыта-

ясь защитить Вэл? Он в ветеринарной клинике, но я хочу, чтобы и вы тоже осмотрели его.

Ашман удивился:

— Что? Но... послушайте, я не умею лечить животных, тем более если даже специалисты в затруднении.

— Не то... Свартальф поправится. Но у ветеринаров нет дорогого оборудования, которое есть в госпиталях. А мне нужно, чтобы он встал на ноги к ночи. Используйте любые руны и лекарства, какие только сможете раздобыть. Деньги тут не имеют значения.

— Погоди-ка... — начал было я, вспомнив, какие нынче цены в медицине.

Джинни оборвала меня:

— Счета оплатит компания или правительство. Скорее, правительство. Здесь мы столкнулись с чем-то необычным. И нужно быть готовым к любой неожиданности. — Она резко выпрямилась. Несмотря на покрасневшие глаза и растрепанные волосы, это была снова капитан Грэйлок из кавалерии Соединенных Штатов. — Я не шучу, доктор. Подумайте, что может таиться за вашим открытием. Свартальф мог бы объяснить мне, с чем встретился... но пока он без сознания, он ничего не скажет. Да и в любом случае он всегда был слишком хорошим помощником для меня, и мне и впредь понадобится его помощь.

Ашман мгновение-другое подумал.

— Хорошо, — сказал он в конце концов.

Он уже собирался прервать связь, когда дверь кабинета открылась.

— Задержитесь! — приказал чей-то голос.

Я мгновенно обернулся.

И увидел темное тяжелое лицо и крупное тяжелое тело Роберта Сверкающего Ножа. Глава местного отделения ФБР поменял стандартный костюм на рабочую одежду. Головной убор с перьями, казальный, упирается в потолок; погремушки из сухих тыков, висающие на набедренной повязке, побрякивали при каждом движении; на коже Роберта красовались рисунки — буревестники, солнечные диски и Бог знает что еще... и так же было разрисовано одеяло, накинутое на его плечи.

— Вы подслушивали! — обвиняющим тоном произнес я.

Он кивнул:

— Не мог упустить такую возможность, мистер Матучек. Доктор Ашман, вы обязаны соблюдать полную секретность. Ничто не должно дойти до сплетников-шаманов и болтливых домохозяек — из тех, что приходят к вам на консультацию.

Джинни взорвалась:

— Послушайте, вы!..

— Вашего кота приведут в порядок, — резко прервал ее Сверкающий Нож. — Сомневаюсь, что от него будет какая-то польза, но мы не вправе упускать даже самый крохотный шанс. Все счета оплатит Дядя Сэм... и доктор Ашман может включиться в дело. Но я проверю тех, кто лечит кошку; я должен быть уверен, что им не станет известно больше, чем необходимо. Подождите у себя в кабинете, доктор. Мои люди придут к вам в течение часа.

Эскулап ошетинился:

— И сколько времени понадобится вашим людям, чтобы убедиться, что те специалисты, которых я предлагаю, — отличные американские парни?

— Очень мало. Вы бы удивились, если бы знали, сколько нам уже известно о каждом... И вы можете очень удивиться, если узнаете, сколько неприятностей бывает у того, кто начинает настаивать на своих правах и хочет поделиться с прессой и всеми своими друзьями тем, что ему известно. — Сверкающий Нож сардонически улыбнулся. — Но я уверен, сэр, мои предостережения просто излишни. Вы осмотрительный человек, и вы патриот. До свидания.

Телефонный аппарат понял его и сбросил чары.

— Не возражаете, если я закрою окна? — спросил Сверкающий Нож и закрыл их, не дожидаясь ответа. — Любители подслушивать наизобрели в наши дни массу мудреных приспособлений.

Но дверь в кабинет он оставил приоткрытой; мы слышали, как его люди ходят по дому, обмениваясь замечаниями и пошучивая.

— Сядьте, пожалуйста, — сказал он. Сам Сверкающий Нож прислонился к книжному стеллажу и внимательно посмотрел на нас.

Джинни взяла себя в руки — я ощутил, с каким усилием ей это далось.

— А вы тут не слишком своевольничаете? — спросила она.

— Нас оправдывают обстоятельства, миссис Матучек.

Джинни крепко сжала губы и кивнула.

— Так в чем все-таки дело? — умоляющим тоном спросил я.

Выражение лица Сверкающего Ножа изменилось, утратив жесткость.

— Мы убедились в том, что ваша жена подозревала с самого начала, — сказал он с таким сочувствием, что я призадумался: а нет ли у него самого дочки? — Ваша жена ведьма и могла догадаться... но мы теперь разобрались досконально. Это не обычное похищение.

— Да уж, конечно!..

— Погодите. В строгом смысле это вообще не похищение. . впрочем, в моем ведомстве не слишком разбираются в юридических терминах такого рода. Но, как и говорила ваша жена, это дело касается национальной безопасности. Я должен связаться с Вашингтоном, и решать будут они. В конечном итоге это решит сам президент. А пока мы должны соблюдать осторожность.

Я переводил взгляд с него на Джинни и обратно, и меня вновь охватывал ужас, не имеющий очертаний, нечто похожее на ночной кошмар, с которым невозможно сразиться...

— Продолжайте, — прошептала я.

Сверкающий Нож скривил губы и заговорил ровным тоном:

— Мы установили, что вся кровь в доме — кошачья. А вот что касается царапин и вмятин вокруг — они оставлены чем-то, что мы не могли определить. Это не принадлежит к естественным или параестественным силам. И уж поверьте, наши специалисты в этом разбираются. Но главное — в дом никто не входил — ни одним из путей, какие мы в состоянии обнаружить... а в этом мы тоже знаем толк. Ничто не разбито, ничто не взломано, не нарушено. Никак не задеты охраняющие знаки и предметы; их поля работают на полную силу. То есть никто не пробирался в дом сквозь каминные трубы, не просачивался сквозь трещины, не проходил сквозь стены, никто не вынуждал кота впустить его в дом. Тот факт, что никто из соседей ничего не заметил и не насторожился, тоже немаловажен. Не забывайте, как чутки ведьмы и как внимательны сторожевые собаки. Любое недоброжелательное параестественное существо переполошило бы эту улицу на три квартала в обе стороны. Но лишь одни из ваших соседей, Делакурты, слышали нечто вроде звуков кошачьей драки. — Он помолчал и наконец закончил: — Уверен, мы далеко не все знаем о магических силах. Но мы знаем достаточно для того, чтобы сказать с уверенностью: никакая враждебная магическая сила не вошла в ваш дом.

— Тогда кто же? — закричал я.

Но вместо Сверкающего Ножа ответила Джинни:

— Это был кто-то из пространства ада.

— Ну, теоретически это могло быть в равной степени и существо из пространства небес, — сказал Сверкающий Нож, резко усмехнувшись. — Но психологически... духовно... это невозможно. Похититель принадлежал к породе дьяволов.

Джинни наклонилась вперед. Глаза ее полузакрылись, кожа на лице натянулась, и она заговорила как бы в полусне:

— Подменыш отлично подтверждает вашу догадку, не так ли? Мы знаем, что ни один предмет не может быть перемещен из одного пространственно-временного континуума в другой без нарушения основных законов физики. Психические влияния —

да, это может быть. Видения, соблазны, испытания и прочее. Принцип неопределенности это допускает. Но не реальный объект. И если вы хотите перенести его из соответствующего пространства в ваше, вы должны заместить его идентичной массой сходной конфигурации. Вы помните, Виллегас предполагал, что именно по этой причине ангелы на земле имеют более или менее антропоморфные очертания.

Сверкающий Нож встревоженно глянул на нее.

— Сейчас не время неуважительно отзываться о высших силах, — пробормотал он.

— Я ничего такого не имела в виду, — возразила Джинни все тем же сонным голосом. — Творец может все. Но его слуги ограничены в возможностях. И, пожалуй, им частенько бывает проще позволить материи принять ту форму, к которой она сама стремится, чем решать проблему атомной перестройки тканей, чтобы эту форму как-то изменить. А обитатели Нижнего континуума и вовсе этого не могут. Они не творящие личности. Ну, по крайней мере, так утверждает Петрова церковь. Но, насколько я знаю, церковь иоаннитов включает в рассуждения по этому вопросу элементы манихейской ереси... Демон мог проникнуть из своего пространства в наше через точку, находящуюся внутри этого дома. Поскольку его собственная форма хаотична, он не мог использовать для трансформации ничего, кроме мусора, пыли, всякого хлама... И когда он выполнил свое задание, он предположительно вернул все это на места, чтобы обеспечить себе возвращение. Но следы должны были остаться. Мистер Сверкающий Нож, вам бы следовало подвергнуть лабораторному анализу содержимое мусорного ведра, кошачьего ящика и так далее.

Представитель ФБР кивнул:

— Да, мы об этом подумали и обнаружили, что содержимое этих емкостей находится в гомогенном состоянии. Если вы при данных обстоятельствах можете сообразить, что это значит...

Джинни широко раскрыла глаза. И в ее голосе зазвучала сталь:

— Наша дочь в аду, сэр. И мы намерены ее вернуть.

Я подумал о Валерии — она одна-одинешенька среди жестоких шумных существ, в безымянном искривленном пространстве, и она зовет папу и маму, которые не могут прийти ей на помощь... Я тяжело сел на кровать, и голос моей любимой дошел до меня словно через необъятную пучину:

— Не будем тратить время на бесполезные эмоции. Я скажу, как я представляю себе события... поправьте меня, если я ошибусь. Демон — а возможно, и не один, но я предпочитаю говорить в единственном числе — проник в наш космос в виде

рассеянной массы, но тут же собрался в единый ком. Благодаря простейшей трансформации он принял желаемую форму. Тот факт, что ни сам наш Враг, ни его прислужники не способны к творчеству (в этом Петрова церковь, конечно же, права), не послужил препятствием. Он просто позаимствовал увиденную форму. И то, что вы не сумели эту форму определить, ничего не значит. Это могло быть создание из малоизвестного мифа, или кем-то воображенное существо, или даже тварь с другой планеты. У нас не слишком набожный дом. Для нас было бы лицемерием, к тому же бесполезным, если бы мы держали в доме религиозные символы, которые нам не слишком нравятся. Кроме того, насколько я могу судить по своему опыту общения с одним-двумя демонами, мы и ожидать не могли, что подобное произойдет в доме обычных горожан. Подобные факты просто неизвестны. Так что даже последний условный барьер отсутствовал.

Демону всего-то и нужно, что несколько фунтов массы. И с ним могло бы справиться любое человеческое существо или хотя бы задержать его до прибытия сил департамента борьбы с демонами. Но именно этой ночью людей в доме не оказалось. Свартальф говорить не умеет, да у него, скорее всего, и возможности не было позвать на помощь. Возможно, он оказался даже тяжелее, сильнее демона — однако не мог противостоять твари, состоящей из сплошных зубов, клыков, шипов и роговых пластин, а когда Свартальф упал без сил, демон унес нашу Вэл в Нижний континуум. Обменная же масса по необходимости приняла форму девочки. Я права?

Сверкающий Нож кивнул:

— Думаю, да.

— И что вы намерены предпринять?

— Честно говоря, в данный момент мы можем сделать очень немного или вообще ничего. У нас нет улики, мы не знаем мотивов.

— Вам ведь все известно о прошлой ночи. Мы нажили серьезных врагов. А я склонна верить утверждению иоаннитов, что их адепты обладают тайным знанием. Эзотеризм ведь всегда ассоциировался скорее с Нижним миром, чем с небесами. И я бы сказала, что расследование нужно начинать с их собора.

Даже сквозь боевую раскраску на лице Сверкающего Ножа видно было, что он огорчен.

— Я уже объяснял вам, миссис Матучек, это дело слишком серьезное, чтобы предпринимать что-то без очень веских доказательств. Слишком все неустойчиво. Вам ли этого не знать? Ну и, кроме того, это вторжение может оказаться чем-то гораздо большим и гораздо худшим, чем похищение ребенка.

Я дернулся:

— Да чего уж хуже!

Сверкающий Нож не обратил на меня внимания; он пытался воздействовать на Джинни как на более опасную персону.

— Мы же практически ничего не знаем о пространстве ада. Я нарушаю требования безопасности, говоря с вами об этом, но я просто думаю, что вы и без того уже знаете правду, вам достаточно обрывков беспорядочной информации... лишь немногие из гражданских чародеев имеют доступ к точным сведениям. Армия делала несколько попыток проникнуть туда — и преуспела не больше, чем институт Фауста тридцать лет назад. Люди после пребывания там в течение всего нескольких минут возвращались в состоянии тяжелейшего психического шока и были совершенно не в состоянии рассказать, что с ними произошло. А регистрирующая аппаратура выдавала полную бессмыслицу.

— Значит, вы не учли гипотезу Никельсона, — сказала Джинни.

— Это что такое?

— Он утверждал, что пространство ада обладает неевклидовой геометрией, неимоверно подвижно в сравнении с нашим, так что его геометрия еще и меняется при переходе с места на место.

— Да-да, мне говорили, что военные исследователи решились... — Он вдруг заметил торжествующий блеск в глазах Джинни. — Черт! Вы мне просто подстроили ловушку! — И с прежней непреклонностью продолжил: — Ладно. Вы понимаете, что мы не можем действовать наугад, когда неизвестные нам силы вторгаются в наш мир по неизвестным причинам. Последствия могут оказаться просто ужасающими. Я намерен доложить обо всем директору нашего департамента, а он, я уверен, доложит президенту — а тот, я и в этом уверен, прикажет нам проявить максимум бдительности, но ни во что не вмешиваться, пока у нас не появится достаточно данных.

— А как насчет нас со Стивом?

— И вы тоже... Не забывайте, с вами могут вступить в переговоры.

— Сомневаюсь. Какой выкуп может понадобиться демону?

— Хозяину демона...

— Я же говорю вам — пошарьте у иоаннитов.

— Пошарим. Мы пошарим везде, где только можно, имеет это смысл или нет. Но нужно время.

— А Валерия пока — в аду.

— Если хотите, чтобы к вам пришел священник... в нашем ведомстве есть священнослужители всех конфессий. Я могу прислать такого, какого вам хочется.

Рыжая голова качнулась:

— Нет, спасибо. Но попросите их помолиться за нашу дочь. Это не повредит. Хотя и не думаю, чтобы помогло. Нет, нам

вообще никто не может помочь. Все, чего мы хотим, — получить возможность отправиться за девочкой.

Мое сердце подпрыгнуло. Оцепенение свалилось с меня. Я встал.

Сверкающий Нож подобрался.

— Я не могу этого допустить. Конечно, вам обоим приходилось в прошлом выполнять чрезвычайно сложные задания, но сейчас ставки слишком высоки, и любителям в этом деле не место. Думайте обо мне, что хотите. Если вас это хоть в какой-то мере утешит — скажу, что мне это тоже причиняет боль. Но я не могу позволить, чтобы вы подвергали опасности самих себя и общественные интересы. Так что вы останетесь здесь. Под охраной.

— Вы... — Я чуть не прыгнул на него. Джинни удержала меня.

— Спокойно, Стив, — решительно произнесла она. — Не создавай ненужных проблем. Нам с тобой необходимо перекусить и немного поспать, вообще побыть в тишине — прежде чем мы сможем подумать обо всем по-настоящему.

Сверкающий Нож улыбнулся.

— Спасибо, — сказал он. — Я был уверен, что вы поведете себя разумно. Я скажу там, чтобы поспешили с осмотром кухни, так что скоро вы сможете поесть.

Я закрыл за ним дверь. Меня трясло от бешенства.

— Что за фарс? — взорвался я. — Если он думает, что мы будем сидеть и ждать, пока стадо тупых бюрократов...

— Тс-с! — Она прижалась губами к моему уху. — Он думает, что его дурацкая охрана может нам помешать!..

— Ох! — Впервые за все это время я рассмеялся. Вряд ли мой смех прозвучал слишком музыкально — но зато он кое-что значил...

Глава 24

Это вряд ли можно было назвать настоящим домашним арестом. Хорошо воспитанный молодой человек, устроившийся в нашем доме, старался помочь, чем мог. Но все же он дал понять, что, если мы попытаемся выйти без разрешения из дома или передать кому-то сообщение, он мгновенно обвинит нас в неповиновении и из соображений национальной безопасности потребует более строгого надзора.

И он был неплохим чернокнижником. Агенты ФБР почти всегда имеют ученую степень по колдовству или магии чисел. Но за ужином Джинни настолько очаровала его, что выудила из парнишки все, что он знал. Как ей это удалось, я так и не понял.

Конечно, она не набрасывала чары в техническом смысле. Но магия, которую она использовала, была того сорта, перед которой не может устоять ни один мужчина из плоти и крови. Мне казалось просто невероятным, что она может вот так сидеть, беспечно болтая, блистая остроумием, строя глазки и поощряя его к рассказам о его бывших подвигах... когда каждый угол нашего дома кричал о том, что Валерия исчезла.

Мы с Джинни, сославшись на усталость, рано ушли к себе. Но на деле мы уже отдохнули и были готовы к действию.

— Он неплохо владеет магией, — пробормотала моя любимая, когда мы укрылись в темной тишине спальни. — Но у него нет практики в ворожбе. Его совсем нетрудно обмануть. Достань плащ-невидимку.

Я понял ее замысел. И после многих часов напряжения меня вдруг охватило холодное веселье. Я снял обычную одежду, натянул трико оборотня, а сверху — неприметный костюмчик. Когда я выносил из кладовки тарнкаппен — давным-давно висевший без употребления, превратившийся во что-то вроде военного сувенира, — она подошла ко мне и обняла.

— Милый, будь осторожен! — Голос ее прозвучал странно, и я ощутил соль на ее губах.

Она должна была оставаться дома, чтобы ослабить возможные подозрения, и быть готовой вступить в переговоры о выкупе, если такое вообще могло случиться. Ей доставалась более тяжелая работа...

Я накинул на себя плащ. От капюшона пахло пылью, и крохотные точки, сквозь которые просвечивала моя одежда, указывали на места, где к плащу приложила свои усилия моль. Но какого черта, ведь плащ нужен был лишь для того, чтобы выскользнуть из дома и немного позже (как мы надеялись) вернуться снова. В наши дни вокруг развелось слишком много контрагентов, чтобы можно было использовать тарнкаппен для серьезной работы. И уж конечно, сторожащий нас агент имел специальное оборудование, чтобы засечь невидимый объект, окажись тот слишком близко.

Джинни начала делать пассы и нараспев произносить магические формулы. Все, что нам могло понадобиться, она принесла в спальню понемногу, в течение дня — под тем предлогом, что хочет защитить нас обоих от возможных враждебных влияний. Агент ФБР с восхищением одобрял любое ее действие.

Следующий этап нашего плана был предельно ясен. Хотя земной магнетизм был слишком слаб, чтобы полностью уничтожить влияние параестественных сил, он все же ослаблял их и к тому же добавлял собственные флуктуации. Таким образом, обычный магический датчик, не предназначенный для регист-

рации слабых волн, не отмечал небольших колебаний. А Джинни ко всему добавила обманные чары. И несильное поле плащаневидимки, таким образом, должно было остаться незамеченным, и я мог удрать. А когда я вернусь, Джинни снимет маскировку.

В теории все это очень просто. На практике нужна очень высокая квалификация, чтобы проделать подобное, не задев охранные чары и не подняв переполоха. Но чего не знал бедняга из ФБР, так это того, что кроме опыта и оборудования у Джинни был Дар.

По ее сигналу я выскользнул в окно. Ночной воздух был холодным и влажным; роса поблескивала на лужайке в приглушенном свете уличных фонарей... до меня донесся собачий лай. Похоже, собака уловила запах моего плаща. И, кроме того, все вокруг наверняка находилось под наблюдением... да, мое ночное зрение помогло мне увидеть человека, тащущегося в тени под вязами, на другой стороне улицы... Я торопливо и осторожно зашагал по середине мостовой — так я меньше рисковал потревожить сторожевых тварей или охранные поля.

Пройдя несколько кварталов, я завернул к местной начальной школе и, сняв тарнкаппен, спрятал его в мусорный бак рядом с игровой площадкой. А дальше я отправился вполне открыто, как обычный горожанин, идущий по своим делам. Я лишь старался не попасться случайно на глаза знакомым. Из первой же телефонной кабины я позвонил домой Барни Старла-сону. Он сказал, чтобы я приходил немедленно. Я не стал брать такси, а сел на обычный городской ковер, рассудив, что в толпе пассажиров легче затеряться.

Барни открыл дверь. Из холла на мое лицо упал мягкий свет. Барни присвистнул:

— Я догадывался, конечно, что тебе сегодня досталось, Стив... но не до такой же степени! В чем дело?

— Нас не должны слышать твои родные, — предупредил я.

Он тут же повернулся и повел меня в свой кабинет. Указав мне на кожаное кресло, он запер дверь и налил нам изрядные порции «скоча», а потом сел напротив.

— Ну?

Я рассказал ему все. Никогда прежде я не видел такой боли и такого гнева на его лице.

— Ох, нет! — выдохнул он.

Потом, встряхнувшись, словно медведь перед дракой, он спросил:

— Чем я могу тебе помочь?

— Ну, прежде всего — одолжи мне метлу.

— Погоди-ка, — сказал он. — Мне кажется, ты слишком спешишь. Объясни, куда ты направляешься?

— В Силоам, а там посмотрю, что удастся выяснить.

— Я так и думал. — Кресло скрипнуло под мощным телом Барни. — Стив, это никуда не годится. Вломиться в собор иоаннитов, а то и попытаться выбить признание из какого-то их священника... нет. Ты только создашь для себя и Джинни ненужные проблемы — и это в такой момент, когда вам нужны все ваши силы. ФБР проведет расследование, и проведет его профессионально. А ты можешь по неопытности уничтожить улики, если они вообще существуют. Ну и добавь моральные соображения. Ты ведь не мог согласиться вчера с тем, чтобы толпа действовала по тем законам, какие ей нравятся. А как насчет твоего права действовать как вздумается?

Я отпил глоток виски, чувствуя, как по телу разливается тепло.

— У нас с Джинни было время подумать, — сказал я. — И мы ожидали подобных возражений. Позволь, я отвечу по порядку. Я не хочу говорить красиво — но могут ли у нас быть еще большие неприятности? Что можно добавить к бесконечности? — Я должен был остановиться, чтобы глотнуть еще спиртного. — Сколько ни прибавляй, получишь ту же бесконечность. А что касается профессионализма ФБР — ну и мы ведь не собираемся переть напролом... поверь, у нас есть мозги. И хотя среди иоаннитов наверняка давным-давно есть агенты контрразведки и ФБР ведет досье на их лидеров — нам это едва ли поможет. Даже генеральный прокурор не мог бы запретить им нарушать американские традиции...

— Они вправе иметь собственные взгляды, — сказал Барни. — Да и в их проповедях есть кое-что, я согласен. Наше общество и вправду слишком полюбило материальные блага, слишком увлеклось охотой за деньгами и удовольствиями, поглощено сексуальными забавами без любви, оно слишком бездушно к тем, кому не повезло...

— Барни, — рявкнул я, — ты пытаешься сбить меня со следа и остудить, но это бессмысленно. Или ты мне pomoжешь, или я пойду в другое место.

Он вздохнул, достал из кармана трубку и принялся набивать ее.

— Хорошо, продолжим. Если фэбээровцы не могут найти доказательств, что священноначалие иоаннитов замешано в незаконных делишках, разве это обязательно доказывает, что представители церкви просто слишком умны?.. А может, они просто ни в чем не виноваты?

— Ну, гностики постоянно хвастают, что обладают знаниями и силами, недоступными никому другому, — сказал я. — И из-за них все чаще и чаще происходят общественные беспо-

рядки — а главное, кто еще может иметь отношение к тому, что случилось? Может быть, они лишь невольно виновны — это я могу допустить; но они с этим связаны. — Я наклонился вперед и продолжил: — Послушай, Барни! Сверкающий Нож признал, что тут нельзя спешить. А Вашингтон держит его на еще более коротком поводке... Завтра, без сомнения, его агенты начнут беседы с иоаннитами. Но, само собой, ничего не узнают. А чтобы получить ордер на обыск в церкви, нужны слишком серьезные улики и обвинения, особенно когда такое множество людей относятся к их проповедям как к Божьему откровению, а сам по себе их храм представляет собой лабиринт, в котором не заблудятся лишь посвященные. Ну а даже если бы ордер и был получен — что можно там откопать? Это ведь не стандартная работенка. Там неприменимы обычные пробы на некромантию и так далее. Скорее всего, фэбээровцев бы пригласили осмотреть помещения — и оказалось бы, что ничего недозволенного в храме просто нет.

— Хорошо, а на что рассчитываешь ты? — спросил Барни.

— Возможно, и я ничего не найду, — сказал я. — Но я намерен действовать сейчас, а не через неделю; и мне не мешают никакие правила и общественное мнение... и я обладаю способностью и опытом, чтобы разбираться в темных и запутанных вещах; и еще — иоанниты не ожидают меня; и если там вообще можно что-то отыскать — у меня больше шансов сделать это.

Барни мрачно уставился в угол.

— А что касается моральной стороны дела, — заявил я, — ты можешь быть спокоен. Я совсем не намерен использовать жестокие методы, как спецагенты из триллеров. И, несмотря на опасения Сверкающего Ножа, я совершенно не верю, что могу спровоцировать вторжение сил Нижнего мира. Это привело бы ко вмешательству небес, а Враг едва ли позволит себе подобную конфронтацию. А вообще, Барни, как ты думаешь — что хуже: нарушение права собственности, или прав личности, или, может быть, даже оскорбление гробниц... или ребенок в аду?

Барни поставил стакан на край стола.

— Ты выиграл! — вырвалось у него. И тут же он удивленно добавил: — Неужели я уже все выпил?

— Приканчивай мою порцию, — сказал я. — А мне пора. Мы встали.

— Оружие нужно? — спросил он.

Я покачал головой:

— Не смешивай это дело с уголовщиной. Тем более я там, скорее всего, столкнусь с тем, против чего оружие бессильно. — Я счел излишним добавлять, что у меня припасен охотничий

нож, а в облике волка я имею полную пасть недурного вооружения. — Так, теперь вот что. Я к тебе заходил, этого не скроешь, если они возьмутся расследовать. Но — потом я вернулся тайком и стащил твою метлу.

Он кивнул.

— Ладно, и лучше тебе взять «плимут», — сказал он. — Он, конечно, не такой быстрый, как новомодные спортивные штучки, зато слушается очень тихих команд, и его на днях настраивали. — Он немного подумал. — Ну а я пока займусь исследованием вопроса. Билл Харди... Дженис Венсел, из научной библиотеки... хм, мы можем подключить и доктора Ашмана, и, пожалуй, профессора Грисволда из университета, а? Ну и еще кое-кого из тех, кто умеет помалкивать и рад будет помочь. По крайней мере, мы соберем все имеющиеся данные о Нижнем континууме. Составим уравнения, чтобы определить все варианты подхода к решению, прогоним их через вычислитель, отбросим неработающие идеи... в общем, дела хватит.

Что можно сказать такому парню, кроме спасибо?

Глава 25

То, что главный храм церкви иоаннитов располагался не в Чикаго, не в Милуоки, вообще ни в одном из крупных городов, а в сотне миль от нашего скромного городишки, уже определенным образом характеризовало их. Выбор места символизировало то, что гностики отвергают земное зло и что спасение может быть достигнуто лишь через тайные обряды и оккультные знания. Эта церковь, в отличие от церкви Петра, совсем не стремилась вам навстречу.

Но это лишь видимость, думал я, и видимость фальшивая. Гностицизм всегда был не тем, чем казался.

Однако именно их загадочность, бесконечные покровы, скрывающие суть, и бесконечные лабиринты привлекали такое множество людей. Классические церкви старались сделать свою теологию понятной. Они разъясняли смысл каждой мистерии, вполне разумно добавляя при этом, что обычным смертным все равно останутся недоступными многие замыслы Творца. Они заявляли, что этот мир создан Богом для нас и, следовательно, в основе своей хорош; однако несовершенство человеческой натуры приводит ко многим проблемам, и наша задача — исправить положение вещей.

Но ведь во всем этом не было никакой романтики! И вот появились иоанниты и воззвали к детским грезам, живущим в каждом из нас; они предложили открыть секреты, недоступные

черни, — и сделать нас всемогущими. Я всегда относился к этой идее с презрением и насмешкой, но, похоже, за ней что-то скрывалось... И все же нельзя было объяснить влияние новой церкви лишь этим.

У меня было время подумать, пока я летел над ночными полями, где лишь изредка светились огни фермерских домов и маленьких деревушек — такие же далекие, как звезды над головой. Порывы встречного ветра становились все холоднее. Но этот холодный ветер словно разрывал паутину, залепившую мой мозг, и я начинал понимать, как мало в действительности знаю и как много по лености душевной принимал на веру. И я вспоминал забытые факты и видел, как они складываются в общую картину... Старательно и упорно я пересматривал все, что было мне известно о церкви иоаннитов — со дня ее основания.

Вправду ли этот безумный культ, нашедший отклик в душе западного человека, существовал лишь в последние несколько десятков лет? Или он действительно был таким древним, как утверждали представители иоаннитов, — и основан был самим Христом?

Другие церкви твердо отвечали: «Нет». Без сомнения, католики, православные и протестанты не были так едины во мнении, как церковь Петра. Но общий смысл их учений не слишком различался. Они по-разному интерпретировали наставления, данные Иисусом ученикам, но соглашались в том, что Петр играл особую роль. И неважно, какие разногласия возникали между церквями, в том числе и по вопросу о значимости каждого из апостолов, — все равно двенадцать оставались неизменными.

Но все же... все же... есть одна непонятная страница в Евангелии иоаннитов. «И тогда Петр, обернувшись, увидел того ученика, которого любил Иисус, и тот шел следом; и этот ученик возлежал на груди Иисуса во время вечера и спрашивал: “Который из нас предаст Тебя?” Петр, видя его, спросил: “Что будет этот делать?” Иисус говорит: “Если я захочу, чтобы он остался, пока я не вернусь, тебе что? Следуй за мной”. И смутились другие ученики от сказанного, решив, что этот ученик не умрет. Но Иисус сказал: “Нет, я не это говорил, я говорил: если я захочу, чтобы он остался, пока я не вернусь, тебе что?” Тот ученик рассказал обо всем и записал; и мы знаем, что его свидетельство — истинно».

Я никогда не мог этого понять и уверен, никто из специалистов по Священному Писанию этого тоже не понимал, что бы они ни утверждали. И, разумеется, нередко эти слова трактовались так, что Иисус говорил о чем-то, понятном лишь одному Иоанну... здесь якобы таилось нечто, неизвестное другим церквям, входящим в Петрову церковь или существующим

параллельно с нею, и это нечто было окончательным Словом Божиим, ведущим праведным путем. Современная церковь иоаннитов, конечно, возникла уже в нашем столетии, но те идеи, о которых они заявляли во весь голос, подспудно зрели уже две тысячи лет назад.

И связь подобных идей с удаленностью от мира была просто неизбежной. Какие бы ярлыки ни клеили на гностицизм, он оставался все той же ересью, вспыхивающей в истории время от времени. И ее первоначальная форма, и все последующие вариации всегда были одним и тем же: попыткой сплавить христианство с восточными мистическими культами, неоплатонизмом и колдовством. Путь гностицизма можно проследить вплоть до имени Симона Магуса, упомянутого в восьмой части Деяний Апостолов; имя это всегда приводило в ужас православных. Современные иоанниты вели себя вдвойне дерзко, восстановив древнее имя своей философии, заявляя, что это не заблуждение, а высшая правда, и утверждали, что Симон Магус — не нечестивец, а пророк.

А если они правы? Может быть, человечество и в самом деле стоит на пороге царства Любви? Я не знал этого; откуда мне было знать? Но, оставив в стороне эмоции и поработав мозгами, я решил, что догмат иоаннитов — фальшивка. И он получил такое широкое признание лишь благодаря тяге человека к иррациональному.

И таким образом возникли общины правдоискателей, поселившихся вместе для того, чтобы отправлять свои обряды и медитировать, и в чьи дела никто посторонний не имел права вмешиваться. Из общин отправлялись в свет пилигримы, нуждавшиеся в ночлеге и пище. Нуждались в деньгах и священники, проповедники, служители... Храмы (это более точное название, чем «собор», но иоанниты настаивали именно на последнем слове, чтобы подчеркнуть свою принадлежность к христианству) тоже не могли обойтись без дохода, и, как правило, им доставались недурные пожертвования... а возле первоначальной общины постепенно вырастал городок, вроде Силоама, к которому я направлялся.

Все так просто. Так банально. И зачем я занялся систематизацией сведений, которые известны любому читателю газет? Лишь затем, чтобы не думать о Валерии? Нет. Чтобы перепутанные, обрывочные факты привести в относительный порядок.

Но там было что-то еще, скрытое под поверхностью... было ли это иллюзией, или более глубоким пониманием? Но пониманием — чего? Мне припомнилась нетерпимость иоаннитов, их любовь к скандалам. Я подумал об их искренних заверениях, что адепты церкви иоаннитов владеют силами, которые никто и

вообразить себе не может, и что силы эти растут год от года. Я вспомнил истории, которые рассказывали иные из вероотступников; они не слишком далеко продвинулись по иерархической лестнице, и вдруг что-то испугало их... нет, ничего противозаконного, безнравственного, вообще сомнительного; просто им почудилось нечто уродливое, отвратительное — но не настолько явное, чтобы этим заинтересовалась печать. И я подумал о гностической теологии, о той ее части, которая была доступна широкой публике: жуткая путаница откровений и логики и отождествление их демиурга с Богом Ветхого Завета и Сатаной.

Я подумал об антихристе.

Но тут я, будучи, как я уже упоминал, агностиком, остановился. Мне всегда казалось, что Всемогущий не стал бы действовать подобным образом, потому что это не имеет смысла.

Впереди мелькнули огни — далеко, по ту сторону степи. Я порадовался тому, что путешествие подходит к концу, и неважно, что будет дальше. Меня слишком измучили собственные мысли.

Силоам был обычным городком, состоящим из обычных домов с двориками. Внизу, под главной воздушной линией, красовалась светящаяся реклама, сообщающая, что «Лайон-клуб» устраивает собрания по четвергам, в ресторане «Горшок Кобольда». В городке имелись пара небольших фабрик, начальная школа, высшая школа, пожарная часть, грязноватый неухоженный парк, отель и множество станций обслуживания. В деловой части городка располагались магазины, одно-два кафе, банк, кабинеты врача и дантиста над аптекой... обычная американская провинция.

И из-за того, что сам городок был таким милым и простым, все остальное здесь казалось леденяще чужим. Не было еще и полуночи, а улицы словно вымерли. Центр казался пустыней. Ни случайных прохожих, ни молодых парочек, лишь изредка в свете редких уличных фонарей мелькала летящая метла... да еще кое-где я заметил фигуры в балахонах с капюшонами. Дома словно ушли в себя, завернувшись в тени. Даже если их обитатели и не спали, не похоже было, чтобы они смотрели фильмы в кристаллах, или играли в карты, или занимались любовью — скорее они изучали сакральные тексты, надеясь обрести более высокую духовную степень, большую силу и уверенность в спасении.

А центром городка был собор. Он взлетал над комплексом похожих на коробки строений, окружавших его, над самим городком, над равниной... Он казался неописуемо огромным. Его плоские белые стены все поднимались и поднимались вверх, с трудом добираясь до крыши, которую венчал обширный

центральный купол. Окна издали казались крошечными шляпками гвоздей, вбитых рядами вдоль каждого этажа. Внизу я увидел два огромных витража, довольно мрачных по цвету; рисунки на них могли озадачить кого угодно. С западной стороны — изображение Мандалы, с восточной — Божьего ока. И еще с западной стороны возвышалась башня; на фотографиях прежде всего бросаются в глаза ее простота и суровость, но, когда я увидел ее, подлетая к храму, мне показалось, что она достает до самых звезд.

Внутри здания горел слабый свет, пробиваясь сквозь цветные стекла. Я услышал ритмичное пение; низкие мужские голоса прорывались сквозь летящие холодные голоса женщин. Мне непонятен был мотив этой музыки, и язык гимна не был земным языком.

*...Хелфиос Аларита арбар Нениото мелито Тарасунт,
Чанадос умиа Тейфура Марада селисо...*

Пение было таким громким, что, пожалуй, доносилось до самых окраин городка. И гимн никогда не прерывался. Это был вечный хор. Священники, служители, пилигримы всегда были готовы занять место любого из шестисот поющих, если тот уставал. Я просто не мог представить, каково это — жить под аккомпанемент круглосуточного рыдания. Впрочем, жители Силоама, даже если они не были иоаннитами, наверное, просто уже не замечали эти звуки. Но гимн проникал в мысли, сны и, в конце концов, в душу...

Я не могу объяснить то странное ощущение, которое все сильнее охватывало меня, когда я приближался к храму. Это была некая неправильность... или, наоборот, правота, которой я просто не мог понять?

У ворот стоял симпатичный молодой парень; его похожие на паклю волосы и голубые глаза, его доброжелательность напоминали о старой доброй Америке Уолта Уитмена. Когда я припарковал свою метлу и подошел к нему, он спросил:

— Хотите войти? — Потом, с добродушным любопытством разглядев меня, поинтересовался: — Вы ведь не из причастников, верно?

— Н-нет, — ответил я, чуть насторожившись.

Он хихикнул:

— Думаете, как это я узнал, да? Ну, они ждут, когда Мэри пропоет, а уж потом входят.

— Извините, я...

— Нормально! Никто ничего не скажет, если вы шуметь не будете. Ну, теоретически вы же все равно прокляты. Только я не очень-то в это верю, понимаете? Моя девушка — из мето-

дистов. Я должен дослужиться до красной ленты, тогда мне разрешат на ней жениться, только я все равно не верю, что она сгорит в аду. — Тут он сообразил, что, пожалуй, болтает лишнее, и поспешно сменил тему: — А что это вы так поздно? Туристы обычно приезжают днем.

Я решил, что этот парень — не слишком важная персона и не более фанатик, чем обычный христианин любой конфессии... короче, скромный представитель большинства, какого вы найдете в любой организации, в любой стране. Но ответ у меня был наготове.

— Я просто путешествую, блуждаю с места на место, — сказал я. — А в этом городе у меня назначена встреча завтра утром. Я немного задержался по дороге и, как видите, добрался сюда лишь к вечеру. Но у вас такой знаменитый хор, что я просто должен был его услышать.

— Спасибо! — Он протянул мне листок бумаги. — Вы знаете правила? Входите через центральную дверь. Садитесь в этом... в углу для зрителей. Не шуметь, не делать снимков. Когда захотите уйти — выбирайтесь тихонечко, тем же путем.

Я кивнул и прошел в ворота. Вспомогательные здания стояли квадратом вокруг вымощенного двора, в центре которого и располагался собор. Во дворе я увидел нескольких монахов в балахонах с капюшонами, так плотно укрывавших их фигуры и лица, что мужчин едва можно было отличить от женщин. Я вспомнил о том, что нигде в мире ни разу не случалось скандала из-за того, что монахи разных полов у иоаннитов жили вместе. Но, конечно, они не были просто посвященными в сан; они были посвященными. Они годами умерщвляли плоть, тренировали душу, напрягая ум над тем, что их книги называли Божественным откровением, а неверующие — претенциозной чушью, а кое-кто из верующих других церквей — скрытым дьяволизмом...

Да ну их к черту, подумал я, лучше мне заняться своим делом. И не обращать внимания на печальные фигуры, с шорохом скользящие мимо. И постараться не замечать давящую массу собора и голоса поющих, которые становились все громче, заполняя собой ночь. И отвлечься от непонятного страха, доводящего чувства оборотня до болезненной остроты. Да, меня словно кололи иголками, и холод пробежал по ребрам, и странные запахи щекотали нос... Нет, говорил я себе, во всем виноваты легкий туман и неумолчная музыка. Но Валерия — в аду.

Я остановился там, где свет был чуть поярче, и прочел данную мне сторожем листовку. В ней, после вежливого приветствия, перечислялись правила, уже изложенные мне привратником. С обратной стороны находился план центрального нефа собора, и ничего больше — хотя каждому было ясно, что и с

южной, и с северной стороны от него располагалось множество помещений, да еще и башня. И не являлось секретом существование подземных этажей. Они использовались для ряда церемоний — по крайней мере часть из них. Но больше о них ничего не говорилось. Однако чем выше продвигался человек по иерархической лестнице, тем больше он узнавал... но лишь адепты могли войти в главное святилище, и лишь они знали, какой в нем заложен смысл.

Я поднялся по ступеням к собору. Два дюжих монаха стояли по обе стороны огромной распахнутой двери. Они не шевельнулись, но их глаза обшарили меня. За дверью располагался длинный вестибюль с низким потолком и белыми стенами; он был совершенно пуст, если не считать купели со святой водой. Ко мне подошла монахиня и указала на левый вход в собственно собор. Вторая, стоявшая возле ящика с надписью «Пожертвования», сверлила меня взглядом до тех пор, пока я не подошел и не опустил в прорезь пару долларов. И все вместе — пение, ладан, пристальные взгляды, ощущение странной неуловимой силы — заставляло меня быть в постоянном напряжении.

Я вошел в боковой неф и обнаружил, что я — один-единственный человек в секции, отгороженной веревками от остального помещения и явно предназначенной для зрителей. Минуту-другую я стоял, пораженный величественным зрелищем, открывшимся мне, а потом сел на скамью. Потом я потратил несколько минут, пытаясь понять смысл убранства собора, но потерпел поражение.

Собор производил странное впечатление. В нем не было никаких украшений, вы видели лишь белую геометрию стен, колонн и сводов, и взгляду не за что было зацепиться... вы словно оказывались в безграничной, бесконечной пустоте. Лишь над алтарем светилось Божье око, и над хорами — Мандала, но оба изображения в густых сумерках казались нереальными и далекими, как луна; а мигающие кое-где огоньки свечей были похожи на звезды. Все внутренние пропорции здания, изгибы, повороты стен, пересечения плоскостей — все служило тому, чтобы создать впечатление бесконечной запутанной огромности. С полдюжины верующих затерялись на скамьях. Эта церковь была создана для того, чтобы человек чувствовал себя здесь *ничем*.

У алтаря находились священник и два служителя, одетые в белые мантии посвященных. С того места, где я находился, помощники выглядели совсем крошечными, но священник почему-то карликом не казался. Он стоял, широко раскинув руки, — и я вдруг испугался его. Но ведь он вообще не двигался, не молился... просто стоял. Дым ладана наполнил мои легкие. Надо мной звучал монотонный душераздирающий хор. В жизни я не чувствовал себя таким растерянным!

Наконец я заставил себя отвести взгляд от алтаря и принялся рассматривать все вокруг, словно передо мной была вражеская крепость, в которую мне было необходимо проникнуть; впрочем, это действительно было так. Я ощущал, что здесь скрывается враг, и меня не слишком интересовало, виновен ли он в том, что случилось с моей маленькой дочуркой. Но мысль о Вэл пробудила во мне ярость, и отчаянная храбрость вернулась ко мне. Мое ночное зрение не могло здесь помочь: на всем лежали защитные чары. Но постепенно я привык к полумраку, и все мои способности обострились до предела.

Сектор, предназначенный для зрителей, был самым дальним от алтаря и располагался в глубине левого нефа. Справа от меня находились ряды сидений, слева — проход вдоль северной стены. Хоры нависали надо мной, как грозовая туча. Впереди, там, где заканчивались скамьи, огромный экран, покрытый загадочными рисунками, укрывал от взгляда большую часть трансепта.

Я подумал, что, сидя тут, вряд ли узнаю, как проникнуть во внутренние помещения.

Мимо меня, мягко ступая, прошел монах. Поверх рясы на нем был надет длинный стихарь, разрисованный каббалистическими символами. На полпути к трансепту он остановился перед канделябром с множеством ветвей, зажег свечу и на несколько минут распростерся ниц. Затем встал, низко поклонился и пошел в мою сторону.

Подобные стихари я видел в каком-то из популярных изданий — в них всегда бывали одеты хористы. Похоже, этот монах, сменившись на своем певческом посту, решил лишний раз приобщиться к благодати, прежде чем уйти и снять хористскую униформу. Когда монах прошел мимо меня, я повернулся, чтобы проследить, куда он пойдет. Скамьи для зрителей занимали не так уж много места под хорами, а дальше, до самой стены, тянулось пустое пространство. Балкон хора бросал такую густую тень, что я едва рассматрел, что монах скрылся за дверью, находившейся в ближайшем от меня углу.

Меня осенила идея. Я замер, внутренне напрягшись, как волк перед прыжком, и осторожно обвел взглядом все видимое пространство. Никто не обращал на меня внимания. Может быть, хористам, так же, как и верующим, сидящим вдали от меня на скамьях, вообще не было меня видно; уголок для туристов располагался таким образом, чтобы праздные зеваки как можно меньше досаждали прихожанам. Сквозь гул хора я слышал мягкие шаги монаха — но не услышал, чтобы в замке поворачивался ключ... Я мог пройти следом.

А потом что?.. Я не знал, да это и не слишком меня заботило. Если меня застукают сразу — ну, изображу из себя любопыт-

ного дурака. Меня могут обругать и выгнать, и я предприму тогда следующую попытку. А если мне удастся проникнуть в глубину здания — ну, я сам ишу риска.

Я выждал триста миллионов микросекунд, ощутив каждую из них. У монаха было достаточно времени, чтобы удалиться от двери. Потом я осторожно опустился на колени и склонялся все ниже и ниже, пока не скрылся за спинкой скамьи. Никто не обратил на это внимания.

Пора! Я не торопясь пробрался на четвереньках в нужный мне угол. Встав на ноги, огляделся. Адепт-священник стоял, словно мрачный идол, его помощники, держа четыре священных предмета, двигались вокруг него по запутанным траекториям, хор пел, какой-то верующий, осенив себя крестным знаменем, вышел через южный проход. Я подождал еще немного и взялся за дверную ручку. Она показалась мне странной на ощупь. Я очень медленно повернул ее и легонько толкнул дверь... дверь с легким треском приоткрылась. Ничего не случилось. Заглянув внутрь, я увидел лишь тусклые голубые лампы.

Я вошел.

Это было нечто вроде передней. Большая тяжелая занавеска отделяла ее от другой части помещения, в которой тоже никого не было. Но вряд ли так могло продолжаться долго. Я огляделся. Из комнаты вело три выхода, каждый из которых прикрывала штора. Второй из этих выходов вел на винтовую лестницу, по которой можно было подняться на хоры. За третьей шторой скрывался коридор. Сама комната была заставлена вешалками со стихарями. Очевидно, сюда заходили певцы и, надев стихари, поднимались наверх, а потом возвращались этим же путем. Если учесть, что хор состоял из шестисот одного певца, в это помещение заходили довольно часто. Хотя, возможно, ночью участники хора сменялись реже, потому что по ночам пели тренированные служители, а не энтузиасты из верующих. Но все же мне было лучше не задерживаться здесь.

Я вполне мог припрятать в этой комнате верхнюю одежду, которая помешала бы мне в волчьем облике. Но если бы кто-нибудь увидел меня в эластичных шортах, босиком — это трудновато было бы списать на излишнее простодушие. Ну что ж...

Спрятав за поясом охотничий нож, я вошел в коридор.

Глава 26

Коридор вел в глубь здания; по обе его стороны располагались двери, за которыми скорее всего находились самые обычные офисы. Большинство дверей было закрыто; лампы в кори-

доре едва светились. На матовых стеклах дверей красовались надписи вроде: «1-2, Сактинос, Почтовая пропаганда». За иными из дверей горел свет. Откуда-то доносился стук пишущей машинки. На фоне непрерывного заунывного пения этот звук показался мне зловещим, как стук челюстей скелета.

Я не имел определенного плана. Я лишь предполагал, что Мармиадон, священник, руководивший демонстрацией на территории нашей компании, получал указания именно отсюда. И он должен был вернуться сюда, чтобы попросить собратьев избавить его от вони. Сложные чары, слишком дорогие для среднего человека, могли бы очистить его куда быстрее, чем это произошло бы естественным путем. Ну, во всяком случае, он был единственной зацепкой... а иначе мне пришлось бы без всякого смысла рыскать по этому кроличьему садку много-много дней.

Я дошел до лестницы, ведущей и вверх, и вниз. Рядом с ней на стене висел указатель. Я ожидал чего-то в этом роде. Сюда ведь наверняка приходило много частных лиц и священников из других иоаннитских церквей. Кабинет Мармиадона числился под номером 413. Что ж, он ведь был посвященным пятой ступени, то есть приближался уже к званию адепта, и естественно было, что он имел свой кабинет в главном храме, в отличие от простых капелланов или миссионеров. Но я понятия не имел, в чем заключались его основные обязанности.

Я осторожно, на цыпочках, поднялся по ступеням. На площадке третьего этажа я увидел кованую решетку, перегораживающую коридор. Это меня не удивило — я ведь добрался до офицерской территории. Но перелезть через решетку большого труда не составляло. Я, правда, не стал этого делать и лишь мельком заглянул в коридор — он ничем с виду не отличался от того, что был внизу, но мою кожу вдруг начало покалывать от избытка в воздухе странной энергии.

Четвертый этаж выглядел сурово. Кирпичные стены, голые и мрачные, освещались лампами в форме Чаши Грааля, свисающими с потолка на цепочках. Воздух насыщали странные, резкие запахи мускуса и курений. Кабинеты на этом этаже, похоже, были куда больше тех, что находились ниже, потому что расстояние между дверями было совсем другим. На этих дверях вместо номеров висели таблички с именами.

Одна из дверей, расположенных между мною и моей целью, была открыта. Из нее лился неожиданно яркий свет. Я замер и, наклонившись, заглянул в комнату, где увидел множество полок с книгами. Некоторые книги выглядели древними, но в большинстве там стояли современные тома — да, я узнал «Руководство по алхимии и метафизике», «Энциклопедию

Сокровенных искусств», заметил и полное собрание «Памяти»... что ж, ученые нуждаются в соответствующих библиотеках, хотя, судя по книгам, здесь велись странные исследования. И мне просто не повезло, что именно сегодня кто-то допоздна задержался за работой.

Я прижался к косяку и рискнул заглянуть в глубь комнаты. Там находился лишь один человек. Он был огромный, крупнее, чем Барни Старласон, но очень старый; лысый череп и безбородое лицо вполне могли принадлежать мумии Рамзеса. Его внушительное тело обтягивала мантия адепта. Перед ним на столе лежала раскрытая книга, но старик не смотрел в нее. Его глубоко посаженные глаза смотрели в стену, в то время как пальцы бегали по страницам. Я понял, что он слеп. Но книга тем не менее была написана не шрифтом Брайля.

Свет в библиотеке, очевидно, зажигался автоматически — или же такое яркое освещение было включено из-за того, что где-то за полками скрывался другой работающий. Я проскользнул мимо двери.

Кабинет Мармиадона был несколькими ярдами дальше. Под именем и званием на табличке было написано: «Четвертый помощник звонаря». Вряд ли это значило, что Мармиадон и в самом деле дергал за веревки колокола... или все-таки дергал? Дверь была заперта. Мне бы, конечно, не составило труда открыть замок с помощью ножа или просто, отвинтив шурупы, вынуть его из двери. Но следовало подождать, пока я останусь один. А тем временем я мог бы осмотреться...

— Кто тут?

Я резко обернулся. Адепт стоял в коридоре, у входа в библиотеку. Он опирался на пасторального вида посох; но голос старика гремел с такой силой, что я усомнился — вправду ли он нуждается в опоре. Я испугался. Ведь маг-адепт может обладать колоссальной силой...

— Незнакомец, кто ты? — вновь прозвучал мощный бас.

Я облизнул пересохшие губы.

— Сэр... ваше преосвященство...

Он поднял посох и ткнул им в мою сторону. Набалдашник посоха имел форму специфического креста иоаннитов. Ясно было, что это не просто символ, что в руках адепта — волшебная палочка.

— От тебя исходит угроза, — провозгласил адепт. — Я чую это сквозь тьму. Назови себя!

Я прикоснулся к ножу, спрятанному за поясом, к магической вспышке, висящей на шее... эти вещи были сейчас совершенно бесполезны, однако стоило моим пальцам ощутить их, как они

превратились в талисманы, — я успокоился, воля и разум вернулись ко мне. В мыслях пронеслось: может, это и к лучшему, что меня заметили и мне не пришлось самому приставать к кому-то с вопросами... Пусть он силен, этот старый сукин сын, но ведь он простой смертный. И как бы велики ни были его силы, он не может увидеть меня, как я вижу его...

И все же мне пришлось старательно откашляться, прежде чем я смог заговорить, — и мои собственные слова странно прозвучали в моих ушах:

— Я... я прошу ваше преосвященство простить меня... Вы меня напугали... Вы не откажете в любезности... я ищу посвященного Мармиадона.

Адепт опустил посох. Но не сдвинулся с места. Неживые, неподвижные глаза уставились в пространство рядом со мной... уж лучше бы он и в самом деле смотрел на меня.

— Что за дело у тебя к нему?

— Извините, ваше преосвященство, но это дело секретное и безотлагательное. Как ваше преосвященство уже заметило, я... э-э... не совсем обычный посланец. Но меня прислали в связи с... э-э... неприятностями во время той демонстрации. Похоже, дело может оказаться более серьезным, чем показалось с первого взгляда.

— Это я знаю, и знал уже к тому времени, как он вернулся. Я вычислил... выяснил... ну, довольно. Просто этот камень может вызвать лавину.

Меня вдруг охватило жуткое, пугающее ощущение, что его слова обращены вовсе не ко мне, а к кому-то совсем другому. И почему этот случай так встревожил адепта? Но у меня не было времени на размышления.

— Значит, ваше преосвященство поймет, почему я так спешу и почему не могу нарушить клятву молчания, даже перед лицом вашего преосвященства. Если бы вы сказали, где я могу найти Мармиадона...

— Падшие души не могут находиться рядом со своими братьями. Гнев Светоносца пал на него за его плохую работу, и он должен каяться в одиночестве. Ты не увидишь его, пока он не очистится. — И вдруг рявкнул: — Отвечай! Откуда ты пришел, чего добиваешься, почему твое присутствие рождает чувство опасности?

— Я... я не знаю... — пробормотал я.

— Ты не из посвященных.

— Послушайте, ваше преосвященство... если вы... если бы он... Ну, может быть, тут какая-то путаница. Мой начальник приказал мне встретиться с Мармиадоном. Там, у входа, мне

сказали, что я найду его здесь, и дали ключ. — Я и не надеялся, что мне удастся так вдохновенно солгать. Нужно усиливать путаницу. Нужно воспользоваться его удивлением. — Может, они просто ошиблись.

— Да. Естественно, низшим клирикам ни о чем не рассказывали. И все же...

Адепт нахмурился.

— Если бы ваше преосвященство объяснило мне, куда пойти, с кем поговорить, я бы перестал надоедать ему.

Он решил.

— Иди в ночной секретариат, комната 107. Спроси посвященного шестого класса Хесатоуба. Из тех, кого можно найти в этот час, он единственный достаточно осведомлен в фактах по делу Матучека, чтобы дать тебе какой-то совет.

Дело Матучека?!

Я пробормотал слова благодарности и отправился восвояси, испытывая желание помчаться со всех ног и чувствуя спиной взгляд его слепых глаз. Добравшись до решетчатых ворот, перекрывающих коридор, я остановился, чтобы унять дрожь.

Я знал, что у меня мало времени. Конечно, адепт был стар, но из ума не выжил. И он вполне мог позвонить брату Хесатоубу... Так что, если я не хочу потерять шанс кое-что выяснить, я должен поспешить.

Но куда мне идти в этом лабиринте? Как? Что искать? Не следовало ли мне признать, что вся эта затея — чистая бессмыслица, и удрать домой?

Нет! Пока оставалась хоть малейшая возможность что-то выяснить, я должен идти вперед. Мысли мои пришли в движение. Без сомнения, основная часть храмовых строений предназначалась для рядовых священников... Но древние религиозные мистерии, как правило, совершаются глубоко под землей. И не следует ли мне поискать Мармиадона в склепах?..

Я слегка усмехнулся. Руководители Мармиадона не стали облегчать ему покаяние, избавив беднягу от запаха. И этот же запах, кстати, мог послужить одной из причин к тому, чтобы упрятать провинившегося поглубже под землю, откуда вонь не донесется до чужих носов.

Человеческих носов.

Я вернулся на первый этаж. А оттуда поспешно принялся спускаться вниз. Вокруг никого не было. В такой поздний час маги работали, но остальные скорее всего уже разошлись по домам.

Я спустился на два этажа вниз; тут находились склады. В одном из коридоров я заметил монахиню, моющую пол. Обязан-

ность? Или искупление греха? Возможно, самоуничтожение?.. Она меня не видела.

Но вот я в очередной раз наткнулся на запертые ворота. За ними ступени уходили вниз гораздо круче и представляли собой грубо высеченные в природном камне узенькие площадки. Я углублялся теперь в скалу. Воздух пропитался сыростью и холодом. Современные светильники исчезли. На стенах, далеко друг от друга, были укреплены канделябры со свечами. Свечи мерцали, оплывая из-за того, что снизу тянуло сквозняком. Наконец я совсем перестал слышать звук хора. А ступени шли все вниз и вниз.

И снова вниз.

Но вот наконец мои ноги коснулись дна подземелья. Голубые редкие огоньки бросали слабый свет на сталактиты и сталагмиты, выступающие из беспокойной тьмы. Сами огни горели в Руках Славы, укрепленных над входами в несколько туннелей. Я знал, что иерархи иоаннитов имели специальную лицензию от полиции на использование этих устройств, якобы необходимых им для научных исследований. Но что это были за исследования?.. Из одного туннеля до меня донесся плеск подземной реки; из другого тянуло запахом ладана, струился слабый свет, доносился негромкий бормочущий голос. Молитва, ночное бдение, магический обряд?.. Я не стал останавливаться и выяснять. Я торопливо сбросил с себя верхнюю одежду, ботинки и носки и положил их за камень. Нож я заткнул за пояс эластичных шортов.

Направив на себя луч магической вспышки, я обернулся волком, стараясь покрепче вбить в уменьшившийся мозг свою цель, чтобы использовать звериные чувства и силу для ее достижения.

И при этом я заметил, что какая-то сила мешает моему превращению. Мне понадобилось на него вдвое больше времени, чем обычно... Да, здесь властвовали чары, можно было не сомневаться. Пожалуй, не имея я нужного набора хромосом, я и вовсе не смог бы сменить обличье.

Но — неважно. Я снова стал волком!

Тусклое освещение перестало представлять для меня помеху. Волки не зависят от зрения так, как люди. Уши, ноги, язык, каждый волосок на моем теле, да еще и нос — все улавливало недоступные другому сведения... Подземелье стало понятным, утратив запутанность.

И... да, слабый, но слишком знакомый запах донесся из одного из туннелей, это была незабываемая вонь... Я подавил желание испустить охотничий вопль и помчался в нужном направлении.

Туннель был длинным, извилистым, его часто пересекали поперечные ходы. Не обладай я звериным чутьем, я быстро заблудился бы. Лишь кое-где в туннеле мерцали огни в Руках Славы, укрепленных над кельями, выдолбленными в скале. Широкой публике иоанниты объясняли, что каждый кандидат в посвященные должен провести в этом подземелье сутки, а самые набожные нередко спускаются сюда по собственному желанию. Будто бы душе приносят пользу молитва и медитация в полном уединении. Но я ощущал здесь какое-то непонятное скрытое влияние, неясную силу... И иные из запахов заставляли шерсть на моем загривке подниматься дыбом.

Но постепенно все запахи потонули в той вони, по следу которой я шел. У волков желудки крепче человеческих, однако меня начало тошнить. И когда я наконец достиг источника миазмов, я задержал дыхание, прежде чем заглянуть в келью.

Тусклый голубой свет, испускаемый пальцами Руки, укрепленной над входом, давал возможность хотя и с трудом, но разглядеть внутренность пещерки. Мармиадон спал, свернувшись на соломенном тюфяке. Его ряса была очень грязной, и лицо — тоже. Рядом со священником я увидел канистру с водой, сухари, чашку, библию иоаннитов и свечу. Должно быть, Мармиадон выходил из кельи лишь в туалет. Впрочем, если бы он и не выходил, разница была бы незаметна.

Я отошел от входа и обернулся человеком. В таком облике я ничуть не больше страдал от вони; тем более что теперь мне помогал разум. А сам Мармиадон, похоже, уже и не замечал запаха.

Я вошел в его обиталище, присел на корточки и потряс священника. Другую руку я держал на рукоятке ножа.

— Эй, просыпайся!

Он с трудом очнулся, увидел меня и задохнулся от ужаса. Должно быть, я представлял собой мрачное зрелище: черное трико, голые руки и ноги, безжалостный взгляд... Впрочем, сам Мармиадон в этом мертвенном свете выглядел не лучше. Прежде чем он успел вскрикнуть, я зажал ему рот ладонью, ощутив колючую щетину на мягких, обвислых щеках.

— Тихо! — ровным голосом сказал я. — Или я тебе выпущу кишки.

Он согласно заморгал, и я отпустил его.

— М-мистер Матучек... — прошептал он, пятясь назад, пока наконец не уперся в стену.

Я кивнул:

— Мне нужно с вами поговорить.

— Я... как... Бога ради, о чем?!

— О том, как вернуть мою дочь домой невредимой.

Мармиадон начертил в воздухе крест и еще какие-то символы.

— Вы одержимый?.. — Но, взглянув на меня, сам же и ответил на свой вопрос: — Нет. Могу сказать...

— Я не марионетка дьявола, — огрызнулся я. — И я не псих. Рассказывайте.

— Н-но... мне нечего сказать! Ваша дочь? Что с ней? Я не знал, что у вас есть дочь.

Я отшатнулся. Он явно не лгал.

— А? — только и смог произнести я.

Он немного успокоился, нашарил очки, лежавшие рядом с ним, надел их, уселся на тюфяк и внимательно посмотрел на меня.

— Я говорю чистую правду, — произнес он. — Откуда мне знать что-то о вашей семье? И как мог кто-то из ваших родных очутиться здесь?

— Да так, что вы объявили себя моим врагом! — сказал я со вновь вспыхнувшим гневом.

Он покачал головой.

— Мы не враги людям. Да и как бы это могло быть? Наша церковь — церковь Любви. — Я усмехнулся. Он опустил глаза. — Ну, — чуть запнувшись, продолжил он, — конечно, все мы сыны Адама. И грешим, как любой другой. Признаю, я действительно впал в бешенство, когда вы вылили это... проделали такое... над невинными...

Я выхватил нож.

— Не мелите вздора! Единственное невинное существо, пострадавшее в этой мерзкой истории, — трехлетняя девочка, которую похитили силы ада!

Он разинул рот и выпучил глаза.

— Ну, выкладывайте! — рявкнул я.

Какое-то время он не мог произнести ни слова. Потом в ужасе пробормотал:

— Нет! Это невозможно! Я бы никогда, никогда...

— А как насчет ваших приятелей-священников? Кто-то из них?..

— Никто! Могу поклясться! Такого не могло быть! — Я пощекотал его горло кончиком ножа. Он задрожал. — Пожалуйста... Позвольте хоть узнать, что случилось! Позвольте помочь вам!

Я убрал нож, сел, потер лоб... Что-то тут было не так.

— Слушайте, — сказал я, — вы сделали все, чтобы разбить мою жизнь. И если меня лишили главного, смысла моего

существования, — что я должен думать? Вам придется здорово постараться, чтобы убедить меня в своей невиновности.

Священник судорожно сглотнул.

— Я... да, конечно. Я никому не желал вреда. То, что вы делаете, — грех... вы вредите себе и других тянете за собой.

— Не отвлекайтесь, — приказал я. — Говорите о фактах. Вас тогда послали специально, чтобы подстрекать демонстрантов.

— Нет! Нет... я просто был в списке волонтеров. И когда подвернулся случай, я оказался среди тех, кому позволили пойти... Но не для... не для того, чтобы сделать то, о чем вы говорите... нет, просто для духовного руководства, помощи... ну и для того, чтобы защитить людей от злых чар... ничего больше! Это вы напали на нас!

— Да, конечно. Это мы устроили пикеты, а когда они не помогли — это мы организовали беспорядки, блокаду, побили стекла... ух! А вы действовали как частное лицо, так что, когда вы потерпели неудачу, ваши руководители пожурили вас, и теперь вы занимаетесь обычными своими делами.

— Я здесь во искупление греха гнева, — сказал он.

Легкая дрожь пробежала по моей спине. Кажется, мы добрались до главного...

— Вас бы не отправили сюда просто за то, что вы обозлились, — сказал я. — Что вы сделали на самом деле?

Его черты вновь исказил страх. Он умоляюще протянул руки:

— Пожалуйста... я не... Нет. — Я достал нож и опять представил его к горлу Мармиадона. Он закрыл глаза и торопливо забормотал: — Я пришел в ярость из-за вашего упрямства, и я наложил проклятие на всю вашу группу... я не знаю, как адепты узнали об этом, но у адептов особые способности... когда я вернулся сюда, мне пришлось расплачиваться за мой грех. Мне сказали, что последствия могут оказаться слишком серьезными. И ничего больше. Неужели действительно так случилось?

— Как посмотреть. И что это за проклятие?

— Проклятие Мабона. Это не чары. Вы ведь понимаете разницу, верно? Чары приводят в действие параестественные силы, тут используются законы магии. Они вызывают к нечеловеческим существам, или... Это то же самое, что воспользоваться ружьем, или каким-то инструментом, или свистком позвать собаку... Молитва — это совсем другое дело. Она обращена к Высшему и к его когорте. А проклятие — не что иное, как формула, обращенная к ним же, это просьба... ну, всыпать кому-то как следует. Если те силы считают допустимым выполнить просьбу — они так и делают...

— Повторите текст проклятия.

— *О нет!* Это опасно!

— Но ведь текст сам по себе не может причинить вреда?

— Разве вы не понимаете? Священники-иоанниты — совсем не то что служители Петровой церкви! Мы идем путем новых откровений, мы обладаем особыми знаниями о Божественном промысле, и слова, которые мы произносим, обладают собственной силой. Я не могу сказать, что случится, если я их произнесу, даже без какой-либо цели, просто вот в таких необычных условиях.

Я подумал, что это очень похоже на правду. В древнем мире гностицизм тем и занимался, что искал тайных знаний и скрытой в них силы, такой силы, которая превзошла бы самого Бога. Без сомнения, Мармиадон совершенно искренне отрицал, что его церковь восстановила старинную концепцию зла. Но ведь Мармиадон не был адептом; сокровенные тайны не были открыты ему. И я неохотно признался самому себе, что он, похоже, не мог сознательно пожелать зла, потому что был совсем неплохим парнем...

Что ж, подумал я, нужно разобраться в этой идее. Допустим, основатели современного гностицизма совершили кое-какие открытия и таким образом обрели неизвестные прежде способности, а в результате решили, что могут влиять непосредственно на Творца. Допустим далее, что они ошибались... или были обмануты... потому что сама мысль, что простые смертные могут повлиять на Всемогущего, неразумна. К какому выводу это приводит? А вот к какому: понимают или нет это сами иоанниты, но их благословения и проклятия на самом деле не молитвы, а особо тонкие и мощные чары.

— Я могу показать вам текст... — предложил Мармиадон. — Прочтите его сами. Он не секретный.

— Ладно, — согласился я.

Мармиадон зажег свечу и открыл книгу. Мне приходилось и раньше видеть библию иоаннитов, но ни разу не хватило духа прочесть ее. Насколько я знал, она представляла собой смесь из текстов Ветхого Завета (отчасти измененных так, что даже язычники вроде меня сочли бы это богохульством), страниц Нового Завета с добавлением частей Апокрифов, и еще чего-то, совершенно неизвестного специалистам по священным текстам разных религий. Дрожащий палец Мармиадона указал на нужный абзац. Я напряг глаза, всматриваясь в мелкий шрифт.

«Свят, свят, свят. Именем семи штормов. О Мабон, великий и правый, ангел Святого Духа, следящий за фиалами гнева и тайнами бездонной преисподней, приди мне на помощь, заставь опечалиться тех, кто причинил мне зло, дабы познали они раскаяние и отчаяние. Этими словами призываю тебя,

Хелифомар Мабон Сарух Джефута Эннунас Сацион. Аминь. Аминь. Аминь».

Я закрыл книгу.

— Мне не нравятся такие заклинания, — медленно произнес я.

— О, вы можете прочесть это вслух, — брякнул Мармиадон. — Да и любой причастник нашей церкви может, и ничего не случится. Но я-то — звонарь... Призванный, вы так это называете. Конечно, не слишком высокого ранга и не обладаю особыми умениями; и все же мне кое-что даровано...

— Ах вот оно что! — Внезапно тошнотворная истина окончательно открылась мне. — Ваше обычное занятие — вызов демонов и управление ими!..

— Нет, не демонов! Нет-нет! В основном это обычные паранормальные существа. Иной раз удастся вызвать кого-то из младших ангелов.

— То есть вы хотите сказать, что они себя называют ангелами.

— Но это так и есть!

— Неважно. Значит, все так и случилось... Вы говорите, что обезумели до того, что вслух произнесли это проклятие, черную молитву против нас. А я утверждаю, что — сознательно или нет — вы навели чары. Поскольку их не зафиксировал ни один датчик, то ясно, что это чары, неизвестные науке. Призыв к кому-то из другого мира. Что ж, похоже, вы, иоанниты, открыли туннель в иное измерение. Большинство из вас верят, что это — небеса. А я убежден, что вас просто дурачат; на самом деле это — ад.

— Нет!.. — простонал он.

— Не забывайте, у меня есть причины. Ведь моего ребенка утащили силы ада.

— Нет, она не могла там очутиться!

— На ваш призыв откликнулся демон. Так уж случилось, что именно наш дом оказался беззащитным перед его вторжением. И месть пала именно на нас.

Мармиадон распрямил хилые плечи:

— Сэр, я не могу отрицать, что ваше дитя исчезло. Но если ее похитили... из-за моего необдуманного поступка... вам нечего бояться!

— Нечего, когда малыш в аду? Даже если предположить, что я смогу вернуть ее сию минуту, кто скажет, что могло там с ней случиться?

— Нет, клянусь, бояться нечего! — Мармиадон осторожно коснулся моих пальцев, стиснутых на рукоятке ножа. — Если бы даже она очутилась в Нижнем континууме, операция по ее возвращению включила бы темпоральную фазу. Вы понимаете,

что я имею в виду? Я не обучался таким вещам, но наши адепты это умеют, и их задача — учить посвященных, начиная с четвертой ступени... К сожалению, я не силен в математике. Но я знаю, что область ада имеет особую, очень сложную геометрию пространства-времени. И было бы нетрудно вернуть вашу дочь как раз в тот момент, когда она там появилась.

Я выронил нож. В голове у меня загудело.

— Это правда?..

— Да. Я сказал вам больше, чем позволено...

Я закрыл лицо руками. И почувствовал, как сквозь пальцы просочились слезы.

— ...но я хочу помочь вам, мистер Матучек. Я раскаиваюсь в своем гневе.

Я взглянул на него и увидел, что он тоже плачет.

Через минуту-другую мы вернулись к делу.

— Конечно, я не должен вводить вас в заблуждение, — заявил Мармиадон. — Когда я сказал, что нетрудно будет вернуть вашу дочь в соответствующую минуту, я не имел в виду, что тут вообще нет никаких трудностей. На самом-то деле эти трудности могут преодолеть лишь наши высшие адепты. Сейчас нет в живых ни одного такого геометра, который мог бы самостоятельно отыскать путь в тех измерениях. Но, к счастью, такой вопрос и не может возникнуть. Я просто хотел вас успокоить, чтобы вы смогли выслушать мои соображения о случившемся. Может быть, вашу дочь действительно забрали в ответ на мое проклятие. Этим можно объяснить и то, что мое руководство оказалось столь недовольно мной... Но если это и так — она под защитой ангелов.

— Докажите, — потребовал я.

— Попробую. Я, правда, снова нарушу правила, к тому же я несу наказание во искупление греха, а вы — вообще неверующий... И все же я попытаюсь вызвать ангела. — Он робко улыбнулся мне. — Кто знает? Если вы отречетесь от заблуждений, ваша девочка может вернуться к вам в то же мгновение. Человек ваших способностей был бы отличным новообращенным! Может, в том и состояла цель Господа?

Мне не слишком понравилась идея призыва неведомой силы. Честно говоря, меня от нее просто морозом продрало. Конечно, Мармиадон мог думать, что тот, кого он призовет, явится с небес — но я так не считал. Однако я давно был готов к встрече с кем угодно.

— Валайте!

Он открыл свою библию на какой-то странице. Опустившись на колени, Мармиадон принялся ритмично напевать, голос его то повышался, то падал, и мне это действовало на нервы.

По туннелю пронесся ветер. Огни не погасли, но перед моим взглядом начала сгущаться тьма, словно я умирал... и вот я остался один в свистящем мраке. И ночь была непонятной и бесконечной, и страх оставил меня, но вместо него пришло внезапно абсолютное отчаяние. Вам не понять такого беспредельного горя... я и сам подобного не испытывал, даже когда исчезла Валерия, даже когда умерла моя мать... я утратил даже проблеск надежды, я смотрел в пустоту, где не было ничего — ни любви, ни радости, ни чести... да их и быть не могло, а я был пуст, и я был последним существом сотворенного мира.

Но вот где-то далеко-далеко вспыхнул огонек. Он двигался ко мне — искра, звезда, солнце... Я увидел огромное неподвижное лицо, взглянул в мертвые глаза; и грохочущий голос ворвался в мой мозг:

— Час настал! Ты сладил с ифритом, саламандрой, инкубсом. Но это не было моей волей или моими планами, Стивен. Я предвидел, что ты будешь одним из моих жесточайших врагов в этом круге творения, ты будешь опасностью, способной нарушить мои новейшие замыслы. Я лишь не знаю, что побуждает тебя мешать мне: бездумный призыв одного дурака или бездумное повиновение другого. Но теперь ты задумал ворваться в мой собственный дом! Поосторожнее, Стивен! Я не могу сам тронуть тебя, но у меня есть могучие слуги, куда сильнее тех, что ты встречал до сих пор. И если ты и дальше будешь идти против меня, ты придешь к собственной гибели. Возвращайся домой, прими свою утрату смиренно, как приличествует сыну Адама; произведи на свет других детей, прекрати вмешиваться в чужие дела, займись своими собственными. И тогда ты будешь доволен всем, и здоров, и богат, и дни твои на земле будут долгими. Но это лишь в том случае, если ты примиришься со мной. А если нет — ты будешь повергнут вместе с теми, кого ты любишь. Бойся меня!

Лицо исчезло, голос утих, тьма растаяла. Я, чуть дыша и обливаясь потом, глупо уставился на Мармиадона. Он сиял и потирал руки. До меня с трудом дошли его слова:

— Ну вот! Разве я не был прав? Вы рады? Разве он был не великолепен? На вашем месте я бы пал на колени и благодарил Господа за его милость!

— А-а-а?.. — вырвалось у меня.

— Ангел, ангел!

Я встряхнулся, чувствуя себя так, словно выскочил из-под водопада. Слова Мармиадона доносились до меня будто из неведомой дали. Но мозги мои работали, хотя как-то механически. И почти невольно я произнес:

— Наверное, я видел другую сторону явления... что произошло с вами?

— О, я видел голову, увенчанную короной, я видел сверкающие крылья! — почти запел он в экстазе. — Ваше дитя в безопасности. И будет возвращено вам, если вы покаетесь. И, будучи благословенной в своей земной жизни, она впоследствии станет одной из святых истинной церкви.

Да, пронеслось у меня в голове, это, пожалуй, первый случай, когда Враг использует в своих целях человека, искренне верящего, что он служит Богу...

— А вы что видели? — спросил Мармиадон.

Стоило ли рассказывать ему об увиденном? Пожалуй, нет. Какая могла быть в том польза?.. Но тут наше внимание привлекли звук приближающихся шагов, голоса...

— А если его здесь нет?

— Подождем несколько часов.

— В такой-то одежонке?

— С Божьей помощью, брат.

Я напрягся. К келье шли двое; судя по мягкому звуку шагов, это были монахи в сандалиях. Должно быть, адепт, встреченный мною наверху, всерьез проникся подозрениями; или же заклинания Мармиадона и вызванный ими эффект были где-то зафиксированы; или и то и другое вместе. Если меня поймают... но я уже был предупрежден. И мои знания не имели смысла, если я не сумею вырваться отсюда и донести домой информацию, благодаря которой можно спасти Вэл.

Я направил на себя магическую вспышку. Пока я обращался, Мармиадон жалобно хныкал. Хорошо, что я слишком спешил. В облике волка я обладал и волчьими страстями и вполне мог вцепиться ему в глотку. Но я выскользнул из кельи.

Двое монахов не видели меня в полумраке, пока я не очутился совсем рядом. Монахи оказались здоровенными мужиками. У одного в руках была палка, у другого — «сорок пятый калибр». Я метнулся в ноги тому, который держал пистолет, сбив его, как кеглю. Его приятель огрел меня по ребрам дубиной. От боли я на мгновение ослабел. Похоже, он сломал мне несколько костей. Но они срослись почти мгновенно, как у любого оборотня. Пистолет рывкнул несколько раз подряд. Пули просвистели до отвращения близко. Если среди них есть серебряная, ее удар мог остановить меня навсегда. Но я должен был уйти!

Я помчался вверх по ступеням. Монахи остались позади. Но в храме уже поднялась тревога, и сквозь хор слышались удары колоколов. Может, у моих преследователей был с собой переговорный шар? Продукция нашей корпорации? Я ворвался в коридор первого этажа. Где-то должен быть другой выход, кро-

ме центрального, но где он — я не знал. Я мчался с бешеной скоростью. Прежде чем кто-либо из ночных дежурных успел выглянуть за дверь своего офиса, я уже был в комнате, где за занавеской висели стихари хористов.

Церковь бурлила. Я осторожно приоткрыл дверь и выглянул из гардеробной. Хор продолжал петь. Но по нефу бежали люди, что-то крича. Более того, двое монахов торопливо закрывали дверь в вестибюль. Я не мог выйти.

По коридору зашлепали чьи-то сандалии. Иоанниты не знали, какой из путей я выбрал в их лабиринте, и потому шарили вокруг наугад. И кто-то вполне мог заглянуть в эту комнату.

Наконец я инстинктивно нашел нужную тактику. Нажал передней лапой на выключатель магической вспышки. Слабое голубое освещение не помешало превращению в человека. Потом я схватил стихарь и натянул его через голову. Он оказался длинным, почти до пят. Правда, я был босиком, но вряд ли кто-то мог это заметить.

С рекордной скоростью взлетев по лестнице, ведущей на хоры, я остановился в арке входа, чтобы разобраться в обстановке. Мужчины и женщины располагались группами в соответствии с голосами. В руках они держали тексты гимнов. Запасные книжки лежали на столе у входа. Вид с хоров — на алтарь и на купол храма — открывался захватывающий, но я не стал им любоваться. Выбрав точку, где мне следовало встать, я взял книжку и торжественно шагнул вперед.

При нормальной обстановке ничего бы у меня не вышло. Но обстановка совсем не была нормальной. Хор тоже волновался, внимание певцов привлекала суeta внизу. Я пристроился к группе баритонов и открыл книжку на той же странице, что и сосед.

«*Мефноунос Чемиас Ароура Маридон Элисон*», — пел человек, стоявший рядом со мной. Беда в том, что я-то никогда не бывал на репетициях, проводившихся для прихожан, желавших петь в хоре. И даже не мог произнести многие из тех слов, что видел на странице. Я лишь мычал, повторяя мелодию.

Сосед глянул в мою сторону. Это был толстый, важного вида священник. Я попытался изобразить улыбку. «*Татис Этелелам Техео адосия Русар*», — выразительно пропел он.

Я, ухватившись за знакомую мелодию, напоминавшую одну из старых песенок, рискнул. Как можно более нечетко выговаривая слова, я уставился в книгу и запел:

*Моряк сказал мне, прежде чем умер:
«Не знаю, где тот бастард лежит...»*

В гуле хора и шуме, доносящемся снизу, это сошло. Клирик отвел от меня глаза и продолжил пение гимна, а я — старательно пел «Большое Красное Колесо».

В общем, целый час я изображал из себя хориста. Я решил, что этого времени достаточно для неопытного певца и он может потом уйти. Но и со своего места в хоре я прислушивался и присматривался к тому, как идут поиски, а точнее — охота на меня. Размеры и запутанность строения были мне на руку: я мог быть где угодно. Разумеется, при поисках использовались и чары. Но маги не могли узнать обо мне больше, чем рассказал им Мармиадон. А меня прикрывали защитные чары, наложенные Джинни, лучшей ведьмой в гильдии. Так что выследить и опознать меня было не так-то легко, даже для всемогущих адептов.

И все же это не могло тянуться слишком долго. Если я не выберусь в ближайшее время, меня убьют или сделают что еще хуже. Но часть моей души веселилась, видя опасность. Дело в том, что угроза пробуждала во мне все скрытые возможности, и теперь я просто отбросил от себя воспоминание о видении ада, посетившем меня в склепе Мармиадона. Главное — я был жив, и я был готов убить любого, кто встал бы между мной и моими любимыми.

Через какое-то время двери главного входа снова открылись, хотя возле них и остались на страже двое монахов. Наконец я решил, что мне делать дальше. Покинув хор и сняв стихарь, я вновь обернулся волком. Северный коридор был теперь пуст, к счастью для тех иоаннитов, которые могли бы мне там встретиться. Похоже, что, установив охрану у каждого из выходов, монахи слегка поостыли. Разумеется, охота продолжалась, но теперь она велась тихо и систематически, не нарушая религиозную атмосферу. Лишь благодаря звериному чутью я избежал встречи с патрулями, пока отыскивал окно, которым мог бы воспользоваться. На нижних этажах в комнатах были люди либо же двери оказывались запертыми. И только на шестом этаже я нашел окно в стене коридора. Чтобы выпрыгнуть в него, нужна была решимость — или отчаяние. Боль, которую причинили мне разбитые стекла, не шла ни в какое сравнение с той болью, которую я испытал, грохнувшись на бетонную площадку внизу.

Но я был оборотнем. А раны оказались не смертельными. Порезы на шкуре затянулись и срослись. Конечно, я потерял немало крови и чувствовал слабость и головокружение; но хороший кусок мяса должен был поправить дело.

Ночь была темной; высоко в небе едва заметно мерцали звезды. К тому же я был уверен, что привратнику вряд ли сообщили многое. Руководство иоаннитов наверняка хотело бы замаять

дело и не поднимать лишнего шума. Я зубами содрал с себя остатки одежды, постарался как следует припрятать магическую вспышку в густой шерсти и побежал к воротам, через которые вошел в храм.

— Эй, собачка, привет! — сказал мой юный приятель-привратник. — Ты откуда здесь взялась?

Я покорно позволил ему потрепать меня за уши и отправился восвояси.

В нижней части Силоама я совершил еще одно преступление, разбив еще одно окно, на сей раз — в бакалейной лавке. Я вполне мог позже, анонимно, возместить владельцу убытки. Кроме нескольких фунтов мяса, которые я нашел там и съел, я нуждался еще и в каком-то средстве транспорта; однако, превратившись снова в человека, я не только очутился без гроша, но и был совершенно голым. Я позвонил Барни.

— Приезжай заberi меня, — сказал я. — Я буду в волчьем обличье, в одном из этих мест. — И я перечислил ему с полдюжины возможных точек, на тот случай, если погоня переместится за пределы собора.

— А с моей метлой что случилось? — спросил он.

— Мне пришлось оставить ее на стоянке, — объяснил я. — Ты сможешь забрать ее завтра.

— Горю нетерпением, хочу обо всем услышать.

— Ну, у нас вся ночь впереди, расскажу...

Глава 28

Прокравшись домой, я первым делом подробно доложил Джинни обо всем происшедшем. Я просто оцепенел от усталости, но Джинни настояла на том, чтобы я немедленно все рассказал. Мы разговаривали в спальне, шепотом. Вопросы Джинни помогли мне восстановить даже те детали картины, которые сразу просто ускользнули от меня. Уже поднималось солнце, когда она заставила меня перекусить и позволила уснуть. И я проспал целые сутки.

Нашему приятелю-фэбээровцу Джинни объяснила мою сонливость нервной реакцией на события, что было, впрочем, не совсем ложью. Она также сумела убедить и этого парня, и его непосредственного начальника (Сверкающий Нож отправился в Вашингтон), что, если они хотят сохранить все дело в секрете, им лучше не держать нас под таким плотным колпаком. Наши соседи уже заметили, что происходит что-то неладное. И вскоре

и они, и тем более наши близкие друзья и сослуживцы начнут проявлять активное любопытство.

В результате, когда миссис Делапорт приземлилась на нашей лужайке, чтобы одолжить у Джинни немного серы, мы представили ей фэбээровца как моего кузена Луиса, а отсутствие Вэл объяснили тем, что девочку отправили в гости за город, пока идет следствие по ограблению. Мне позволили отправиться на службу, Джинни — по магазинам. И нам сообщили номер, по которому следует звонить в случае, если кто-то явится требовать выкуп за малышку. Но о тех людях, которые тенью следовали за мной и Джинни, не было упомянуто ни словом. Впрочем, за нами следили отличные специалисты; и если бы не наша собственная высокая квалификация, мы бы их и не заметили.

Таким образом, на третье утро после событий я уже явился в корпорацию. Барни Старласона предупредили заранее. Он подобрал мне такое дело, которым я мог заниматься, не выходя из своего кабинета... Вообще-то ничем я не занимался, просто шагал взад-вперед, курил до одурения, пил кофе... и ждал некоей конференции, которая должна была начаться после ленча. Я знал, что на деле представляла собой эта конференция. И когда по интеркому меня пригласили прийти, я был уже настолько взвинчен, что чуть было не послал говорившего куда подальше, но спохватился и вышел из кабинета.

Конференц-зал находился наверху. Он был хорошо защищен от прослушивания. Барни уже возвышался за столом; в зубах у него торчала сигара, воротник рубашки был расстегнут. В зале собралась команда из одиннадцати человек — мы хотели быть уверенными, что не приютили Иуду. Кроме Барни, я хорошо знал троих из присутствующих: Грисволда, Харди и Дженис Венсел; и еще мне приходилось встречаться с доктором Нобу, метафизиком. Остальные были мне незнакомы. Один из них оказался Чарльзом Хагом, отставным адмиралом, специалистом по разведке; вторым был математик по фамилии Фалькенберг, а третьим — пастор Карлслунд из церкви, в которую ходил Барни. Все выглядели усталыми. Они трудились, как рабы на галерах, до последней минуты. Здесь присутствовали и еще двое, с виду совсем неприметные; у одного из них была огромная сумка для образцов, которую он водрузил на стол.

Прежде чем представить их, Барни сделал несколько пассов и сказал:

— Все в порядке, защитное поле работает на полную силу. Так что вы можете присоединиться к нам. — Он взглянул на меня и усмехнулся. — Стив, позволь представить тебе

мистера Смита и мистера Брауна, представляющих компанию, чье предложение мы и намерены сегодня обсудить.

Чары видимости растаяли, и огненные волосы Джинни вспыхнули в лучах солнца, падающих в окно. Доктор Ашман открыл сумку. Оттуда выскочил Свартальф — здоровый, огромный, черный и высокомерный, как всегда, он выгнул спину, разминая застывшие мышцы. И выбралил нас:

— Мя-я-ау!

А потом уселся возле Джинни и принялся умываться.

— Как вы это организовали? — спросил адмирал с профессиональным интересом.

Джинни пожала плечами:

— Очень просто. Барни связался с доктором Ашманом, и доктор отменил свой прием, отправился в ветеринарную лечебницу и стащил оттуда Свартальфа. Свартальф, когда нужно, может очень тихо сидеть в сумке. Мы убедились, что за доктором нет «хвоста»... — Свартальф элегантно взмахнул собственным хвостищем. — Я тем временем пошла в город. У Перельмана сегодня распродажа, а в такой толпе затеряться — легче не бывает, и кто в подобной обстановке заметит небольшое колдовство? Я изменила внешность, встретила с доктором Ашманом и переделала его тоже. — Свартальф задумчиво оглядел доктора. — И мы пошли сюда. Барни точно знал, когда мы явемся, и ослабил защитное поле так, чтобы с нас не слетела маскировка.

Она открыла свою сумочку, которая до этого выглядела как портфель, достала зеркальце и тщательно исследовала свою внешность. Лицо Джинни было почти не подкрашено, и одежда она была в очень скромное платье, и вы едва ли приняли бы ее за ведьму высочайшего класса, если бы не увидели, что еще лежит в ее сумочке...

— Что ж, к делу, — сказал Барни. — Все уже знают о том, что ты выяснил, Стив. И если добавить собранные тобой факты к тому, что уже было известно, и взглянуть на все с научной точки зрения — это настоящий переворот. — Он помолчал. — Но давайте начнем с тех политических неприятностей, в которые мы впутались.

— Или с религиозных, — сказала Дженис Венсел.

— В данном случае, — сказал пастор Карлслунд, — разница невелика.

— Если церковь иоаннитов и в самом деле ведет происхождение от дьявола... — скривился Грисволд. — Противно думать об этом. Я не согласен с их догматами, но утверждать, что они рождены не ошибкой, а сознательным злом, значило бы зайти

слишком далеко. Вы уверены, мистер Матучек, что действительно встретились с самим Врагом?

— Ну, по крайней мере, с одним из его высочайших слуг, — сказал я. — Или нижайших, как вам будет угодно. И не в первый раз. И все мои прежние видения и испытания теперь сложились в единую картину.

— Я хотел сказать... вы ведь были в стрессовой ситуации. Если бы это оказалось галлюцинацией — кто бы удивился? То есть это вполне возможно.

— Если иоанниты не нарушали закона, — резко вмешалась моя жена, — то почему они молчат? Они узнали Стива. И у них было время, чтобы связаться с ним или подать жалобу по официальным каналам. Но ведь ничего подобного не произошло! Барни послал человека, чтобы забрать метлу, — и тому не задали ни единого вопроса! Я бы сказала, они не могут позволить себе риск расследования.

— Может быть, они пытаются вернуть вашу дочь по своим парасестественным ходам, — не слишком уверенно предположил Харди.

Адмирал Чарльз фыркнул:

— Куда какой шанс! Я не сомневаюсь, что Враг хотел бы, чтобы этот случай был забыт. Но как это сделать? Вы сказали, мистер Матучек, что он мог бы вернуть ее в то самое мгновение, когда она появится в аду, — изумительно, да. Однако я не могу представить, чтобы он изменил прошлое и заставил вас забыть дни, проведенные без дочери, и те важные открытия, которые вы сделали.

— Он может потребовать молчания в качестве выкупа, — сказал Харди.

— Кто из людей пошел бы на такую сделку? — заметил адмирал.

Карлслунд кивнул:

— В любом случае с Нижним миром нельзя заключать договоры. Контракт предполагает взаимное согласие и намерение выжидать условленные сроки. Но дьявол не способен на честность и будет уверен, что и человек постарается обжудить его в свою очередь.

— К тому же, — сказал Чарльз, — он ничего не выиграет, отпустив ее, наоборот — он потеряет ценного заложника.

Ашман с болью в голосе произнес:

— Он уже немало преуспел в расколе сил добра. Ведь наша встреча сейчас — это действие наперекор правительству, настоящий заговор. Что тут хорошего?

— Наверное, вам кажется, что мы с чистой совестью можем оставить это дело на Дядю Сэма и довериться ему целиком и полностью? — Эти слова вырвались у меня почти невольно.

— Ну а каковы наши силы в сравнении с силами государства? — сказал Ашман. — И какое мы имеем право скрывать полученные сведения? Это ведь жизненно важно для всего общества!

— Позвольте мне ответить на ваш вопрос, — сказал Барни. — У меня есть кое-какие связи в Вашингтоне, да и адмирал Чарльз подтвердит мою догадку. Суть в следующем: дело о похищении ребенка официально закрыто. Шеф нашего местного отделения ФБР — парень сообразительный. Он сразу увидел, к чему может привести такой случай, в смысле политики, и действовал в соответствии с ожидаемыми указаниями. И он их получил. Все сводится к двум основным пунктам. Первое: о пространстве ада почти ничего не известно. И ваш случай — один из немногих, а в определенном смысле и единственный, когда мы видим прямое физическое вторжение с территории демонов. И никто не знает, к чему это может привести или предвестием чего служит. При таких обстоятельствах без крайней осторожности не обойтись. В госдепартаменте пришли к мысли, что видимая часть этого события может слишком отличаться от его подлинной сущности. В министерстве обороны решили, что лучше ни во что не вмешиваться, пока не будет больше данных или пока не увеличатся военные ассигнования. Президент, кабинет министров и лидеры Конгресса наверняка тоже согласятся с тем, что лучше притихнуть на время. И заодно решено было придержать факты, чтобы не возбуждать общественное мнение. Ну а второе — сама церковь иоаннитов. У нас демократическая страна. И множество честных избирателей принадлежат к этой церкви или просто считают ее вполне безобидной. Вспомните, какой ужасный шум поднялся, когда министерство внутренних дел решило чуть-чуть покопаться в делах этой церкви. И при настоящем положении вещей тех, кто попытается доказать, что церковь иоаннитов связана с силами Нижнего мира, мгновенно обвинят в дискредитации религии, подрыве общественных устоев и натравливании людей друг на друга. А уж чего меньше всего хочется администрации — при нынешнем щекотливом положении дел, — так это заниматься «ниспровержением основ» и утихомиривать беспорядки. Секретность же даст тишину, спокойствие и время.

Барни встал, чтобы заново раскурить сигару. В комнате было очень тихо. Солнечные лучи едва пробивались сквозь слои дыма. Мы с Джинни обменялись отчаянными взглядами. Вчера мне пришлось спуститься в подвал, чтобы заменить сторевший

предохранитель. Джинни пошла со мной, потому что в эти дни мы почти не разлучались. В подвале на одной из полок лежали вещицы, ставшие уже ненужными Валерии, но которые мы почему-то не выбросили. Самонаполняющаяся бутылочка для молока, зубное кольцо Ауробуса, крылатая учебная ложка, маленький горшок, над которым в нужный момент вспыхивала радуга... Мы стремительно вернулись наверх и попросили нашего стража заменить предохранитель.

Джинни стиснула кулаки. Свартальф мягко потерся о ее плечо, не требуя взаимного внимания.

— А вывод таков, — продолжил Барни, — что, есть у правительства ресурсы или их нет, все равно оно не станет действовать в ближайшее время, а может быть, и никогда. А потому мы вправе и даже обязаны предпринять все, что в наших силах. Видите ли, доктор, в строгом смысле слова мы не делаем ничего противозаконного. Официально Стив не находится под арестом. И он может выходить из своего дома, в тарнкаппене или без него, через окно или через дверь — никому не докладывая. Мне никто не может запретить одолжить ему метлу. Собор иоаннитов открыт для публики. Если же Стив забрел во внутреннюю часть здания в поисках кого-то, кто мог бы предоставить ему нужную информацию, он в худшем случае совершил гражданское правонарушение. Пусть иерархи иоаннитов проклянут его, если им так хочется. Но не забывайте, он может обвинить их в преступном намерении. Никто не вправе использовать смертельно опасное оружие для обычной защиты права собственности, а на него напали с дубиной и в него стреляли.

Ну а поскольку не было совершено никакого преступления, то и нельзя никого из нас обвинить в соучастии. И поскольку мы не замыслиаем никакого преступления, то нас нельзя обвинить и в заговоре. Нет никакого закона, связывающего нам руки сейчас, а если они и появятся позже — так Конституция запрещает использовать какой бы то ни было закон задним числом.

— Хм-м, — задумчиво произнес доктор Ашман.

— Что же касается утаивания жизненно важной информации, — сказал Барни, — то мы вовсе не намерены этого делать. Мы внимательно исследуем все, что узнали, и как добропорядочные граждане, не желающие, чтобы их за что-то порицали, присмотрим за тем, чтобы все попало в надлежащие руки.

— Но зачем так спешить? — сдержанно спросил Ашман. — Если девочку можно вернуть в тот самый момент, когда она появится там... не лучше ли будет для нее, если мы позволим правительству действовать пусть медленно, зато наверняка — вместо того чтобы самим бросаться в дело очертя голову?

Лицо адмирала Чарльза помрачнело.

— Честно говоря, — сказал он, — если не будет второго сходного инцидента, я не думаю, чтобы администрация вообще начала действовать. Она ведь позволяет, чтобы в неприятельских странах грабили, арестовывали и убивали американцев — даже в военной форме; и всего лишь выражает протест по этому поводу... Как вы думаете, что скажут в Госдепартаменте, если им предложить отправиться не куда-нибудь, а в ад — ради спасения одной маленькой девочки? Мне очень жаль, мистер Матучек, но дела обстоят именно так.

— Да пусть себе обстоят как угодно, — торопливо вмешался Фалькенберг, увидевший, как зловеще изменилось лицо Джинни. — Насколько я понял... э-э... противник сейчас немного растерян. Мистер Матучек здорово испугал кого-то. Очевидно... э-э... Враг нарушил определенные запреты, оказывая иоаннитам прямую помощь, дав совет или информацию. Но, может быть, он счел это неразумным, учитывая, что такие действия могут повлечь прямое вмешательство небес... но в любом случае — магистры иоаннитов способны на многое. Однако они не всеведущи и не всемогущи. Они не могут точно выяснить, что нам известно и что мы намерены предпринять. Но дайте им время — и они во всем разберутся и, чтобы восстановить нарушенное равновесие, возведут новые барьеры на нашем пути, а может быть, и начнут контрманевр.

Джинни обвела всех бешеным взглядом:

— Что бы вы все тут ни решили, мы со Стивом не можем ждать.

— Верно, черт побери! — вырвалось у меня.

Свартальф прижал уши, сверкнул клыками; шерсть на его спине поднялась дыбом.

— Вот видите? — обратился Барни к присутствующим. — Я их знаю. Вам их не остановить, даже упрятав за решетку. Пришлось бы просто убить их... Так что же, позволим им угробить себя или лучше поможем, как сумеем?

Все разом заговорили, размахивая руками, но громче всех прозвучал голос Дженис Венсел:

— Джинни, я с тобой, у меня тоже есть дети!

Постепенно все взгляды обернулись к Ашману. Он покраснел и сказал:

— Я не собираюсь давить на вас. Не забывайте, все это свалилось на меня слишком внезапно. И я обязан был высказать все возражения, какие пришли мне в голову. И я не верю, что, если мы начнем поощрять родителей Валерии к самоубийству, это принесет девочке какую-то пользу.

— Это вы о чем? — спросил Барни.

— Разве я неправильно вас понял? Ведь вы намерены отправить Стивена и Вирджинию — моих пациентов — в адскую вселенную?

Меня пробрал холод. Я был готов к действию, я стремился действовать; но слова доктора словно бросили меня в пропасть. Сердце мое трепыхнулось. Я посмотрел на Джинни. Она кивнула.

Присутствующие, кажется, просто пришли в ужас от предположения Ашмана. Но я едва слышал чужие голоса... Наконец все умолкли.

— Прошу всех извинить меня, — заговорил наконец Барни. Голос его звучал низко и размеренно, как вечерний колокол. — Я поставил перед всеми вами одну задачу: собрать и сличить всю наличную информацию о Нижнем континууме с точки зрения возможности спасательной операции. Вы это проделали просто блестяще. Когда вы получили дополнительные сведения, раздобытые Стивом, вы и их использовали для умозрительного построения на тему прорыва в другое измерение и поиска подходящего метода. Но вы были слишком заняты, чтобы подумать о смысле этих расчетов, или же воображали, что все это — далекая перспектива, что пока мы находимся на стадии гипотезы: мы, дескать, ищем возможности, которые когда-нибудь потом помогут нам преодолеть барьер... Что ж, я не разубеждал вас. Но мы с миссис Матучек обсудили кое-что... я представил ей полную картину наших знаний, и мы набросали план кампании. — Барни слегка поклонился в сторону Ашмана. — Поздравляю, доктор. Вы чрезвычайно проницательны.

Джинни давно все решила, мельком подумал я, и никому не сказала ни слова, даже мне... и лишь теперь раскрыла свой замысел, решив, что момент подходящий. Интересно, приходилось ли другим мужьям переживать подобные сюрпризы?..

Джинни подняла руку.

— Дело вот в чем, — сказала она тем самым армейским голосом, какой я слышал при нашей первой встрече. — Маленькая квалифицированная группа имеет шанс на успех. В отличие от группы большой и не слишком умелой. И маленькая группа сумеет пробраться дальше, чем армия или институт Фауста, — ведь их команды мгновенно отступили.

— Смерть, безумие или вторжение в ад — со всеми вытекающими последствиями... — прошептал Ашман. — Вы уверены, что Стив готов к этому?

— Настолько готов, что я не стану и пытаться остановить его.

Это помогло мне восстановить душевное равновесие. Я вовсе не был бесчувствен к восхищенным взглядам... Но предпочел промолчать и лишь слушал Джинни.

— Стив, я и Свартальф — лучшая команда, какую только можно найти. И если вообще у кого-то есть шанс проделать весь этот фокус, так только у нас. А вы поможете нам подготовиться и потом вернуться обратно. Если же нам не удастся вернуться — вы сохраните все знания, потому что они слишком важны. Да, я согласна — в целом это куда серьезнее, чем наша личная проблема. И как раз поэтому вы должны нам помочь. Чтобы вашим детям и внукам достался мир, в котором стоило бы жить. — Она умолкла и заглянула в сумочку. — Ч-черт, — сказала она, — у меня сигареты кончились.

Из всех протянутых к ней пачек она выбрала мою. Наши руки на мгновение соприкоснулись. Ашман сидел неподвижно, уставясь на собственные руки. Внезапно он выпрямился и сказал:

— Ладно, извините. Но вы должны признать, что моя реакция была вполне естественной. Вы действительно подходящая группа. И если вы думаете, что сумеете проникнуть в ад и вернуться обратно, — наверное, так оно и есть, и я вас поддерживаю. Могу я спросить, в чем, собственно, заключается план?

Барни слегка расслабился.

— Конечно, — сказал он. — Тем более что все должны его знать.

Он притупил окуроч сигары и тут же закурил новую.

— Позвольте мне сначала изложить все очень кратко, — сказал он. — А потом эксперты могут внести коррективы и уточнения в соответствии со своими знаниями. Наша Вселенная имеет простую и понятную геометрию пространства-времени, если не считать неких странных точек вроде ядер звезд типа белых карликов. Демоны могут проникать в наш мир без особых трудностей — по сути, они могут устраивать разные фокусы с протяженностью и хронологией, что в прежние времена создавало им репутацию сверхличностей. Они умеют это потому, что их собственное пространство невероятно запутанно и подвижно. Современная наука выяснила, как попасть в тот мир, но не знает, как вернуть путешественника невредимым и в здравом уме.

Стив выяснил, что мы можем попасть в любую точку времени ада, если найдем способ, и это открывает нам дверь, или сдвигает нас с мертвой точки, или дает что-то, чего мы пока не можем понять. И еще мы знаем, что отношения между нашим миром и Нижним континуумом могут быть описаны математически. Доктор Фалькенберг составил ряд уравнений и начал решать их для разных условий. Доктор Грисволд разбирается, каким образом результаты этих решений могут соответствовать законам физики, а Билл Харди рассматривает тот же вопрос с

точки зрения химии и атомистики, и так далее. Конечно, они едва приступили к работе и их выводы не могут быть проверены экспериментально. Но по крайней мере они уже дали возможность доктору Нобу как метафизику и мне как инженеру-практику составить ряд чар. Мы закончили их сегодня утром. Они могут защитить экспедицию в пространстве ада и помогут им быстро вернуться назад. А это уже больше, чем имели предыдущие экспедиции.

— Этого недостаточно, — возразил Чарльз. — У вас ведь нет полного описания вселенной ада — впрочем, такого описания и для нашей-то Вселенной не существует... и вы совершенно не в состоянии предсказать, каким безумным образом изменяются там все метрики в разных точках.

— Верно, — согласился Барни.

— Так что защита, действующая в одной точке, может оказаться совершенно бесполезной в другой.

— Да, но если пространственно-временная конфигурация будет математически описана как единый путь, то и чары можно соответственно изменить.

— Что? Но это невыполнимая задача! Ни один из смертных...

— Правильно, — сказала Джинни.

Мы все усталились на нее.

— То, что Стив узнал в подземельях, было первым ключом, — сказала Джинни. — И еще ваше замечание, адмирал. Ни один смертный сделать этого не в состоянии. Но ведь величайшие геометры умерли.

У всех одновременно вырвался нервный вздох...

Глава 29

Наладив соответствующие чары личин и записав негодующего Свартальфа в сумку для образцов, наш комитет расселся на ковре, принадлежащем компании. Было уже около четырех. Конечно, наш фэбзэровец проникнется подозрениями, если я не вернусь домой к шести, но тут уж я ничего не мог поделать.

Сначала мы приземлились возле церкви святого Олафа, и пастор Карлслунд отправился за нужными ему вещами. Дженис Венсел, сидевшая позади нас, наклонилась вперед и пробормотала:

— Боюсь, я не слишком разбираюсь в подобных вещах, но разве призыв к святым — подходящее занятие для лютеран? Мне казалось, что этим занимаются католики.

На конференции этот вопрос вообще не возникал. Пастор лишь упомянул о различии между молитвой — просьбой,

обращенной к Всевышнему, — и чарами, которые используются лишь для того, чтобы облегчить путь куда бы то ни было; и еще говорилось об обращении к царству мертвых при желании вызвать дух ушедшего.

— Не думаю, чтобы тут была какая-то разница, — сказала Джинни. — Что такое душа? Никто не знает. Конечно, есть доказательства того, что она существует, но разрозненные, и в эксперименте проверить их невозможно. Впрочем, и большинство параестественных явлений тоже непроверяемы.

— Но это не мешает их практическому использованию, — вмешался доктор Нобу. — К тому же параестественные силы, в отличие от сил физических, таких, как гравитация или электромагнетизм, не ограничены скоростью света. Следовательно, в принципе они могут переносить энергию из любой части пространства в любую. И потому исчезающе малое, слабое воздействие может дать неопределенно сильный ответ. Поэтому для контроля над параестественными силами важнее понимать их качественное значение, чем количественное. И мы, после всего лишь трех дней изучения возможных вариантов течения времени в пространстве ада, уже отчасти уверены, что наши новые чары сработают... Но что касается души, я склонен верить, что она скорее имеет характер сверхъестественного явления, чем параестественного.

— Нет, — сказала Джинни. — Я считаю, что душа — это энергетическая структура внутри параполей. Ее создает тело, но она переживает свою матрицу. Освободившись, она свободно движется между разными пространствами. И если она, лишившись тела, по каким-то причинам блуждает в этом мире, разве это не привидение? А если она вселяется во вновь оплодотворенную клетку, разве это не инкарнация? А если Творец позволяет ей приблизиться к нему, разве это не спасение? Но если ее больше привлекает дьявол — разве это не проклятие?

— Ох, Боже! — вырвалось у Дженис.

Джинни нервно рассмеялась.

Барни, сидевший на водительском месте, обернулся.

— Что касается твоего вопроса, Дженис, — сказал он. — Да, у лютеран нет обычая вызывать святых. Но мы ведь и не отрицаем, что они иной раз являються к нам. Может, католический священник или рабби неохасидов и лучше знают, как именно обращаться за помощью. Но я не мог за такое короткое время найти кого-то, кому мог бы полностью довериться, а Джима Карлслунда я знаю уже много лет... О, вот и вы, пастор...

Пастор взобрался на ковер, держа охалпку церковных принадлежностей.

После этого мы направились к Трисмегистусу. Золотые лучи солнца лежали на знакомых лужайках, рощицах, зданиях... Сейчас в городке почти никого не было; здесь царила тишина, и таким далеким казался водоворот городской жизни. Можно было подумать, что прошли века с тех пор, как мы с Джинни учились тут, — это было в другом цикле творения. Я посмотрел на Джинни, но не сумел ничего прочесть на ее лице.

Неподалеку зашумели крылья, нас обогнал ворон. Преднаменование? Он сделал над нами круг, когда мы приземлялись, а потом исчез из виду.

Мы вошли в здание факультета физических наук. Коридоры и лестничные клетки были полутемными и пустынными, наши шаги эхом отдавались в тишине. Мы выбрали это здание именно потому, что сейчас оно было совершенно пустым, и потому, что у Грисволда были ключи от всех лабораторий и кладовых. Карлслунд мог устроить тут походную часовню, и никто снаружи этого не заметил бы. Кроме того, Джинни и Барни решили, что религиозная часть нашего предприятия — дело второстепенное.

Конечно, нам нужен был пастор как человек, чей призыв к святым не имел бы никакого оттенка личной заинтересованности, потому что иначе святые могли просто не откликнуться. Они и вообще-то редко откликаются на призывы в наши дни, особенно если учесть количество этих призывов. Всевышний ожидает, что мы сами решим свои проблемы. И в основном мы полагались на свои знания — что, кстати, заодно повышало нашу уверенность в том, что мы все же добьемся какого-то ответа, — и считали, что сумеем прорваться на территорию Врага. Мы надеялись, что вмешательство ада в земные дела было слишком серьезным, чтобы остаться незамеченным небесами.

И еще в моей голове время от времени мелькало — а если нам запретят нашу попытку?..

Для вызова святых мы выбрали лабораторию берклианской философии. Она располагалась в большом новом крыле, великолепно оборудованном, — это крыло пристроили к старому обшарпанному зданию факультета Грисволда после истории с саламандрой. Здесь теперь старшекурсники и аспиранты учились применять параестественные силы в естественно-научных исследованиях. В лабораториях находилось все мыслимое оборудование. В центральном лекционном зале стояли удобные рабочие скамьи; свет падал через серовато-зеленые стекла готических окон. На темно-синем потолке знаки зодиака окружали изображение золотого атома Бора...

Грисволд отпер дверь лаборатории. Джинни сняла чары личин и выпустила из сумки Свартальфа. Кот направился в угол,

мерно размахивая хвостом. Карлслунд постелил на скамью алтарный покров, поставил распятие, колокольчик, чашу, освященные хлеб и вино. Все остальные в это время работали под руководством Барни. Мы установили защитное поле, наладили чары против подслушивания — в общем, все как обычно. А потом стали готовиться открыть ворота между двумя мирами.

Конечно, это всего лишь привычное выражение, не раскрывающее сути действия. Разумеется, на самом деле никаких ворот нет, имеется в виду передача воздействия из одного континуума в другой, и основано тут все не на технике, а на знании и умении. А те реальные предметы, которые мы использовали, — библия, открытая на соответствующей странице, семисвечник с длинными свечами, зажженными с помощью огнива и кресала, рог с водой Иордана, Пифагорейская арфа, — были скорее символическими, чем симпатическими.

Я хочу еще раз подчеркнуть то, что не так хорошо известно многим, как следовало бы, и из-за незнания чего широко распространился гностицизм. Догматы Петровой церкви в этом вопросе совпадают с догматами развитых нехристианских религий и с современными научными знаниями. *Вы не можете вынудить небеса к чему бы то ни было.* Они слишком велики. Да, вы можете попытаться как-то привлечь их внимание, но вы не получите никакого результата, если на то не будет дозволения Всевышнего. Это примерно то же самое, как если бы младенец, хватая вас за брюки, пытался заставить вас изменить путь.

Наша молитва — это всего лишь горячая просьба о чем-то, но ведь Бог уже прочел наше желание в наших сердцах. Просто в молитве мы вслух подтверждаем наше желание, формулируем его. Сходным образом чары обращены к какому-то духу, который решил явиться на землю. Но на деле дух не нуждается в нашей помощи для перехода в наш мир. Чары нужны лишь для того, чтобы к нам явился именно тот дух, который способен совершить определенные, необходимые нам действия.

Ад — это совершенно другое дело. В физических терминах мы можем сказать, что это мир, который базируется на энергии более низкого уровня, чем энергия нашей Вселенной. Если же использовать термины спиритуализма, то мы скажем, что Враг и его прислужники не заинтересованы ни в чем, кроме разрушения. И мы, безусловно, можем проникнуть в Нижний мир и воздействовать на него простыми силами колдовства — если, конечно, у нас будет достаточно этих сил...

Формулы, с помощью которых мы пытаемся добиться помощи небес, не являются общеизвестными, но не принадлежат и к тайному знанию. Их можно найти в соответствующих научных трудах. Чары, которые мы использовали для прорыва в ад, —

это уже совсем иное. Я ни за что не стану их публиковать. Но вы и сами можете догадаться, что они включали в себя инверсию священного ритуала, и мы использовали ряд вещей: одно из апокрифических Евангелий, факел, розу ветров, прах мумии, тринадцать капель крови и меч. Но я не стану клясться, что это полный список.

Мы не рассчитывали сразу добиться победы, мы лишь демонстрировали свои намерения. И, кроме того, Джинни нуждалась в этих действиях, чтобы более глубоко изучить обстановку и применить свою тренированную интуицию для уточнения нашего плана.

Карлслунд зазвонил в колокольчик, подзывая нас. Мы собрались возле импровизированного алтаря.

— Сначала я должен освятить его и провести как можно более полную службу, — сообщил пастор.

Я взглянул на часы — было уже около пяти часов. Но я не осмелился возразить. Уважение пастора к священнодействию было для нас жизненно важным.

Он раскрыл молитвенник, и служба началась. Я испытывал странное чувство. Я уже говорил, что никогда не считал один набор догматов предпочтительнее другого или просто лучше честного агностицизма. И, лишь изредка бывая в церкви, я считал, что епископальные спектакли пышнее прочих, только и всего. Но тут... Сначала мне захотелось шепнуть Джинни: «У нас настоящее тайное богослужение!» — однако очень быстро желание шутить оставило меня. Простые слова ритуала наполнили душу миром и удивлением, невыразимым в слове. «Так вот что такое религия, — подумал я, — это обращение к Богу, это стремление к нему всей душой...» Не то чтобы я мгновенно стал новообращенным, нет; но я почувствовал, что Творец *помнит о нас*.

— Помолитесь! — сказал пастор. — «Отче наш, иже еси на небесах...»

Раздался стук в дверь.

Сначала я его просто не расслышал. Но стук повторялся снова и снова, и сквозь толстую дверь едва слышно донеслось:

— Доктор Грисволд! Вы здесь? Вам звонят. Мистер Нож, из ФБР. Говорит, что-то срочное.

Меня словно током ударило. Настроение пропало. Джинни вскинула голову и сжала в руке молитвенник так, словно это было оружие. Карлслунд сбился с тона.

Грисволд на цыпочках подбежал к двери и сказал сторожу, или кто уж там был нашим трагическим вестником:

— Скажите ему, я провожу эксперимент и не могу выйти. Спросите номер, и я ему позвоню через час или около того.

Благослови вас Бог, хотелось мне сказать профессору; но при этом еще что-то мелькнуло в уме... «Да будет воля Твоя»... но в чем состоит Твоя воля? Неужели люди — лишь марионетки в жестоком спектакле?

Нет, Бог не может захотеть расстроить наши планы. Он не может допустить, чтобы маленькая девочка осталась в аду.

Однако он еще и не то допускает. Читайте полицейские отчеты...

Однако жертвы преступлений умирают и обретают покой. По крайней мере, так утверждает церковь. Но откуда церковь это знает? Может быть, вообще не существует ничего, кроме взаимодействия слепых сил; а может быть, Нижний мир и небеса — одно и то же; или... Нет, это просто отчаяние. Действуй, Матучек. Не сдавайся. Пой: «Вперед, Христово воинство!..» Если нынешний план не сработает, придумаем что-нибудь еще.

Наконец служба закончилась. Карлслунд обеспокоенно сказал:

— Не уверен, что мы чего-то достигли. Было нарушено настроение, утрачена почтительность.

Харди вдруг заявил:

— Ваша церковь на первое место ставит веру, пастор. Но мы, католики, не отрицаем и действие.

Карлслунд вздохнул:

— Ну... хорошо. Мы можем попытаться. Какого рода помощь вам необходима?

Мы с Барни и Джинни обменялись растерянными взглядами. Я только теперь понял, что в суете об этом никто не подумал.

Барни откашлялся.

— В общем, идея такова... — начал он. — Мы предположили, что первоклассные математики, покинув этот мир, могли продолжать свои исследования, совершенствовали и расширяли свои знания. И нам нужен человек, который был первооткрывателем неэвклидовой геометрии.

— Законченную систему создал Риман, — сказал Фалькенберг. — Но он опирался на исследования других математиков, таких, как Гамильтон, а позже последователи Римана развивали его идеи. Мы не знаем, как далеко зашел в своих работах несравненный Гаусс, потому что он опубликовал лишь фрагменты своих размышлений. В целом я, пожалуй, предпочел бы Лобачевского. Он первым доказал, что геометрия может быть непротиворечивой системой и без признания аксиомы о параллельных прямых. Около 1830 или 1840 года, по-моему, хотя я и не слишком силен в истории математики. Но вся эта область исследований берет начало в работах Лобачевского.

— Ну, с него и начнем, — решил Барни. — Но не будем забывать, что мы не знаем — удастся ли нам заручиться поддержкой именно его души. На всякий случай попросим и других, — добавил он и повернулся к Фалькенбергу: — Вы с пастором займитесь этим, а мы пока наладим чары.

Это заняло какое-то время, и мы, произнося нужные слова, совершая пассы и концентрируя волю, чувствовали, как в точке прорыва в иное пространство скапливается непонятная энергия. Да, это были не простенькие чары «на каждый день», это был высший пилотаж.

Вокруг нас все сгущались и сгущались неведомо откуда взявшиеся тени, пока окна не стали казаться бледными фонарями в плотных объятиях ночи. Семь свечей горели, не светя. Символы над нашими головами засияли, мифическое небо пришло в движение. Огоньки святого Эльма кружились над нашими поднятыми руками, над волшебной палочкой Джинни, потрескивали в шерсти Свартальфа, стоявшего на плечах ведьмы... Арфа заиграла сама собой, струны издавали протяжную музыку сфер. Я переходил с места на место, почти ничего не видя, как один из семерых слепцов, медленно идущих к могиле... но вот до меня донесся чей-то крик: «Aleph»... а потом — «Zain».

Мы замерли, арфа умолкла, нас окружила необъятная тишина, знаки зодиака над нашими головами кружились все быстрее и быстрее, пока не слились в сплошное кольцо. Свет неведомо откуда падал на пастора. Он, воздев руки, стоял перед алтарем.

— Услышь нас, Боже, с небес, где ты пребываешь, — взывал пастор. — Тебе известны наши желания; позволь им осуществиться, умоляем тебя. Брось свой взор на этого мужчину, Стивена, и на эту женщину, Вирджинию, готовых прорваться в ад, если им это будет дозволено. Они готовы сразиться с твоими врагами и спасти невинное дитя из темницы, в которую свергли его презренные. Мы молим тебя дать им проводника и советника на пути сквозь безумие ада. Если мы не достойны помощи ангела, мы молим тебя позволить явиться в этот мир твоему слуге Николаю Ивановичу Лобачевскому или кому-либо другому, обладающему знаниями, нужными нам. Об этом мы молимся во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь.

И снова наступила тишина.

Потом вдруг крест на алтаре ярко засветился, и прозвучала одинокая пронзительная нота, и меня охватила радость, смутно напомнившая мне первое счастье первой любви... Но тут же вокруг нас раздался шум, похожий на гул сильного ветра. Свечи погасли, окна потемнели, мы пошатнулись, потому что пол под нами вздрогнул. Свартальф взвизгнул.

— Джинни! — услышал я собственный крик.

И одновременно на меня нахлынули образы, воспоминания... луковичные купола, бескрайние равнины, раскисшие проселки между крошечными деревушками, состоящими из покосившихся изб под соломенными крышами, топот лошадиных копыт, звяканье сабель, висящих на поясах всадников, ледяные зимы, оттепели, сверкание талых вод, стаи птиц, солнце на зелени листвы, беспорядочные груды книг... и лица, лица... женщина, бывшая моей женой, сын, умерший совсем юным, половина Казани в зареве пожаров, год холеры, письмо из Геттингена, любовь, поражения, слепота, надвигающаяся день за днем... *и все это было не моим.*

Удар грома едва не оглушил нас. Ветер утих, тьма отступила, исчезло чувство давящей силы. Мы, изумленные и озадаченные, смотрели друг на друга. Джинни бросилась ко мне.

— Д-дар-линг... — прохрипел я. — Нет, любимая... — И вновь в моем мозгу завертелся калейдоскоп.

Свартальф, выгнув спину, стоял на скамье; кот был в явной панике. Его губы, горло, язык судорожно кривились, издавая совсем не кошачьи звуки. Свартальф пытался говорить!

— Что случилось? — проревел Барни.

Глава 30

Первой опомнилась Джинни. Она кивком подозвала тех, кто стоял поближе.

— Карлслунд, Харди, помогите Стиву, — резко сказала она. — Доктор, взгляните на него.

Я слышал лишь обрывки ее слов, сквозь хаос, наполнивший мой мозг. Друзья поддерживали меня. Я добрался до кресла, свалился в него и едва отдышался.

К счастью, мое психическое расстройство было недолгим. Воспоминания о чужих землях, других временах оставили меня. Они напугали меня, потому что были слишком странными, и я не мог с ними справиться. В моем мозгу звучали чужие слова, но я понимал их смысл... Постепенно я пришел в себя. И тут же услышал в собственном мозгу чужую мысль, четкую, но произнанную состраданием:

— Я прошу простить меня, сэр. Меня тоже смутило перевоплощение. У меня не было времени осознать те изменения, что произошли за многие сотни лет, которые я провел в иных областях. Но я уверен, через несколько минут я усвою нужные основы знаний и мы достигнем взаимопонимания. Я искренне сожалею, что мне пришлось вторгнуться в ваши мысли, и я

постараюсь свести к минимуму помехи. И могу добавить, с полным уважением, что, если я и узнаю подробности вашей личной жизни, вас это не должно тревожить, ведь я давным-давно существую вне грешного тела.

Внезапно я понял: Лобачевский!

— К вашим услугам, сэр. Ах да, Стивен Матучек. Надеюсь, вы будете так любезны, что простите мне невольное вторжение?

В моем сознании медленно потекли два потока памяти. Часть меня вновь насторожилась. Я отстранил Ашмана, бросив: «Я в порядке», и внимательно разглядел окружающее.

Свартальф находился в жуткой истерике, и к нему было опасно приближаться. Джинни набрала воды в таз и выплеснула ее на кота. Он взвыл, соскочил на пол, метнулся в угол и припал к полу, сверкая глазами.

— Бедная киска, — ласково сказала Джинни. — Извини, но я была вынуждена сделать это. — Она отыскала полотенце. — Иди ко мне, я тебя вытру.

Кот позволил ей приблизиться. Джинни присела рядом с ним на корточки и принялась вытирать его шубку.

— В него что, бес вселился? — спросил Чарльз.

Джинни взглянула на него.

— Хороший вопрос, адмирал, — сказала она. — Кто-то в него точно вселился. Душ немного встряхнул его. Естественные кошачьи рефлексy взяли верх, и вселившийся дух перестал доминировать. Но он все еще здесь. Как только он приспособится к новому телу, я попытаюсь помочь ему сделать то, для чего он явился.

— Но кто это?

— Не знаю. Но лучше нам пока запереть его.

Я встал.

— Нет, погоди! — сказал я. — Я могу выяснить. — Глаза всех присутствующих уставились на меня. — Видите ли... э-э... в меня вселился Лобачевский.

— Что?! — воскликнул Карлслунд. — Его душа — в вашем теле... Не может быть! Святые никогда...

Я, отстранив его, подошел к Джинни, опустился на колени рядом с ней и, взяв голову Свартальфа в ладони, сказал:

— Расслабься. Никто не хочет тебе вреда. Мой гость думает — он понимает, что случилось. Понимаешь? Николай Иванович Лобачевский, он вселился в меня. А вы кто?

Мышцы кота вздулись, клыки обнажились, и отчаянный вопль пронесся по комнате. Со Свартальфом чуть вновь не случился припадок.

«Сэр, умоляю, успокойтесь! — пронеслась во мне чужая мысль. — Он не враждебен, я бы почувствовал это. Он просто

смущен тем, что произошло, и у него в распоряжении лишь кошачий мозг. И, похоже, он не знает вашего языка. Могу я попытаться поговорить с ним?»

Русские слова полетели с моих губ. Свартальф насторожился, потом я почувствовал, как он расслабился в моих руках. Он выглядел так, словно прислушивался к шуршанию мыши в норке. Когда я умолк, он потряс головой и мяукнул.

«Значит, он и не моей национальности. Но, похоже, он уловил наши намерения».

«Но послушайте, — подумал я, — вы же понимаете меня, используя мое знание английского языка. Свартальф тоже знает английский. Почему же его... гость... не может действовать так же, как вы?»

«Я объяснил вам, сэр, мозг животного не равен мозгу человека. В нем вообще нет структур, рождающих речь. Явившаяся душа вынуждена использовать каждую клетку коры, чтобы сохранять разум. Но он может свободно использовать свой прежний опыт земной жизни благодаря огромным возможностям, заложенным даже в таком небольшом мозгу млекопитающего. Только нам придется использовать тот язык, который он знал прежде».

Я подумал: «Понимаю. Но не нужно недооценивать Свартальфа. За его спиной стоит длинный ряд предков — помощников ведьм, куда более сообразительных, чем обычные коты. И чары, окружающие его всю его жизнь, тоже должны были возыметь свой эффект».

— Великолепно. Sprechen Sie Deutsch?

Свартальф энергично кивнул.

— Мя-оу! — сообщил он с немецким акцентом.

— Guten Tag, gnädiger Herr. Ich bin der Mathematiker Nikolai Iwanowitsch Lobatschewski, quondam Oberpfarrer zu der Kasans Universität in Russland. Je suis votre très humble serviteur, Monsieur*. — Последнюю фразу Лобачевский произнес по-французски, как того требовали правила вежливости девятнадцатого столетия.

— Мр-р-р! — сказал Свартальф, жестом указывая на пол.

Джинни уставилась на него расширенными от изумления глазами.

— Он хочет что-то написать, — сказала она. — Свартальф, послушай! Не сердись. Не бойся. Позволь ему делать то, что он хочет. Не сопротивляйся, помоги ему. Когда все это кон-

* Добрый день, милостивый государь. Я — математик Николай Иванович Лобачевский, некогда бывший верховным пастырем Казанского университета в России (*нем.*). Ваш покорный слуга, мсье (*фр.*).

чится, ты получишь столько сливок и сардин, сколько сможешь съесть. Обещаю! Хороший котик!

Она почесала его под подбородком. Вряд ли это было подходящим жестом, если учесть вселившуюся в кота душу, но это помогло, потому что в конце концов Свартальф замурлыкал.

Пока Джинни и Грисволд занимались приготовлениями, я сосредоточился на том, чтобы наладить отношения с Лобачевским. Остальные просто стояли вокруг, потрясенные происшедшим и совершенно не представляя, что нам всем делать дальше. Частью сознания я слышал их голоса.

Чарльз: Черт знает что, в жизни не слышал о подобном явлении святых!

Карлслунд: Адмирал, прошу вас!

Дженис: Ну это же правда! Им бы не следовало врываться в чужие тела, как... как это делают демоны!

Грисволд: Возможно, они были просто вынуждены. Мы ведь не позаботились о том, чтобы приготовить обменную массу для переноса материи из одного континуума в другой.

Карлслунд: Но ведь они не демоны. И им никогда прежде не нужно было являться в этот мир.

Барни: Ох! Давайте подумаем как следует. Дух или мысль могут свободно путешествовать между вселенными. Наверное, поэтому святые всегда выглядят лишь призраками, лишенными тела.

Карлслунд: Иногда они весьма телесны.

Нобу: Наверное, это происходит в тех случаях, когда святые используют какую-то массу для формирования тела. Например, атомы воздуха, пыль, минералы дают возможность раздобыть необходимое. Не забывайте, что они, насколько нам известно, представляют собой духи небес, так сказать, приближенные к Творцу. И они черпают новые способности и новую духовность непосредственно, так сказать, из источника силы и творения.

Чарльз: Но тогда их ничто не должно тревожить.

— Господа, — сказала мое тело, выступая вперед. — Я прошу вас быть снисходительными. Я еще не привык думать с помощью данного мозга. Прошу, не забывайте — он совсем не похож на тот, которым я обладал в свое время. И я еще не вник в детали той проблемы, которая вынудила вас обратиться за помощью. Наконец, очутившись в человеческом теле, я не более чем вы способен разобраться в личности того джентльмена, который вселился в кота. Я уверен, что знаю цель его появления, но лучше нам подождать, если позволите, пока у нас будет больше данных, а уж потом делать выводы.

— Ох, — сказал Барни с тяжелым вздохом. — Как ты себя чувствуешь, Стив?

— Неплохо, — ответил я. — И с каждой минутой лучше.

Я, безусловно, поскромничал. Как только мы с Лобачевским познакомились, я ощутил, как мои собственные чувства и мысли становятся мощными и мудрыми, как никогда прежде, я даже и вообразить бы не смог такого...

Конечно, я не мог разделить с ним опыт загробной жизни, равно как и его святость. Мой смертный мозг и несовершенная душа не способны были достичь его высот. Но я ощущал силу и обаяние его личности. Вообразите лучшего из ваших старых друзей — и вы получите отдаленное представление о том, на что это было похоже.

— Мы сейчас будем готовы, — сказала Джинни.

Они с Грисволдом положили на скамью планшетку для спиритических сеансов, на которой удобно писать кошачьей лапой. Джинни уселась на краю скамьи, скрестив ноги, красоту очертаний которых заметил и мой гость и тут же с помощью моего мозга составил уравнение, описывающее их линии. Свартальф занял позицию возле планшетки, а я встал рядом, чтобы задавать вопросы.

Планшетка двигалась в полной тишине, нарушаемой лишь нашим дыханием. Кусок мела под воздействием симпатических чар выводил крупные буквы на черном фоне:

«ICH BIN JANOS BOLYAI VON UNGARN»*.

— Больяй! — задохнулся Фалькенберг. — Боже, я совсем забыл о нем! Без сомнения, он... но как...

— Enchanté, Monsieur, — сказал Лобачевский с поклоном. — Dies ist für mich eine grosse Ehre. Ihrer Werke sind eine Inspiration für alles**.

Ни Больяй, ни Свартальф не позволили превзойти себя в вежливости. Они встали на задние лапы, прижали переднюю лапу к сердцу, раскланялись, потом отдали честь по-военному, затем вновь взылись за планшетку и принялись строка за строкой нанизывать цветистые французские комплименты.

— Да кто он такой? — прошипел за моей спиной Чарльз.

— Я... я не знаю его биографии, — тоже шепотом ответил Фалькенберг. — Но помню, он был первой звездой новой геометрии.

— Я поищу в библиотеке, — предложил Грисволд. — Похоже, их взаимные любезности затянута.

* Я — Янош Больяй фон Унгарн (нем.).

** Я рад, мсье (фр.). Это для меня большая честь. Ваше произведение вдохновило многих (нем.).

— Да, — согласилась Джинни и придвинулась к моему уху. — Ты не мог бы поторопить их немножко? Нам с тобой давным-давно следовало быть дома. А тот телефонный звонок может привести к неприятностям.

Я объяснил это Лобачевскому, Лобачевский — Боляю, а тот, написав «ABER NATÜRLICH»*, потом заверил — весьма многословно — что как имперский офицер он знает, что такое решительные действия, и готов вновь стать солдатом, если это необходимо, тем более что две такие очаровательные леди, пребывая в затруднении, положились на его честь, какую честь он пронес через все поля сражений незапятнанной, и неважно, что он давно покинул этот мир...

Я вовсе не хотел насмехаться над великим человеком. Он был единственным среди нас, кому приходилось мыслить при помощи кошачьего мозга. Из-за этого его обычные человеческие недостатки и слабости выглядели преувеличенными, и ему трудно было должным образом проявить свой интеллект и рыцарство. А он был истинным рыцарем, как мы поняли, прочитав статьи о нем, которые Грисволд отыскал в энциклопедии и в книге по истории математики. Мы занялись этими статьями, пока Боляй вел изысканную беседу с Лобачевским.

Янош Боляй родился в Венгрии, в 1802 году, когда Венгрия была всего лишь провинцией Австрийской империи. Его отец, известный математик, близкий друг Гаусса, научил его вычислениям и аналитической механике, когда Боляю еще не исполнилось и тринадцати, и отправил сына учиться в Королевское инженерное училище в Вене, когда тому стукнуло пятнадцать. К двадцати годам Янош стал офицером инженерных войск и прославился как хороший скрипач и отличный фехтовальщик, с которым лучше не встречаться на дуэли. В 1823 году он послал отцу набросок своей работы «Абсолютные истины науки о пространстве». В то время как Гаусс уже излагал подобные соображения в общем, философском плане — не известном в то время Боляю, — молодой венгр создал первую тщательную разработку основ неевклидовой геометрии, первое настоящее доказательство того, что пространство логически не обязано повиноваться ряду аксиом, таким, как аксиома о параллельных прямых.

К сожалению, труд Боляя не был опубликован до 1833 года, да и тогда вышел лишь как приложение к двухтомному изданию работ его отца; и, будучи написан на латыни, носил чудовищно длинное название. Но к тому времени Лобачевский независимо

* Да, разумеется (нем.).

пришел к аналогичным выводам. И Больяй остался незамеченным.

Похоже, это его обескуражило. Он поселился в том же городе, где жил его отец — преподаватель колледжа, и умер в 1860 году. На период его жизни пришелся рост венгерского национализма, восстание Кошута в 1848 году, его подавление и последовавший за ним гнет реакции; но в статьях ничего не говорилось о политических взглядах Больяя. Он видел конец военного положения в 1857 году, расцвет либерализма; но его страна достигла полной национальной независимости лишь семь лет спустя после его смерти. Мне было интересно: не оставался ли Больяй все это время в родных краях, в виде духа?

О Лобачевском мы нашли гораздо больше сведений. Он родился в Нижнем Новгороде в 1793 году*. Его мать овдовела, когда ему исполнилось семь лет. Она переехала в Казань и растила своих сыновей как джентльменов, хотя и впадала временами в крайнюю бедность. Мальчики, победив на конкурсе, получили стипендию для обучения в гимназии — Николаю тогда было восемь. В четырнадцатилетнем возрасте он уже поступил в местный университет, закончил его в восемнадцать, в двадцать один был назначен ассистентом профессора, а к двадцати трем сам достиг профессорского звания. Вскоре после этого он был назначен попечителем библиотеки и музея. Это была нелегкая работа — и библиотека, и музей были запущены, находились в полном беспорядке; и за весьма невысокую плату Лобачевскому приходилось тяжело трудиться, вплоть до того, что он сам занимался физической работой, разбирая книги и экспонаты. Но через несколько лет он превратил этот музей в предмет российской гордости. Кстати, при царе Александре Лобачевскому было предложено следить за политическими настроениями студентов, и он сумел удовлетворить требования правительства, не шпионя и не донося. Молодежь обожала его.

В 1827 году он стал ректором, главой университета. Лобачевский расширил университет, в том числе и буквально: он настолько хорошо разбирался в архитектуре, что сам спроектировал ряд новых построек. В 1830 году, когда разразилась холера, он сделал все, чтобы в академическом городке смертность была минимальной, — он буквально принуждал людей соблюдать требования санитарии, вопреки тем средневековым мерам, которые применялись в остальной Казани. Потом был пожар, уничтоживший половину города. Новая обсерватория, лучшие из зданий университета сгорели. Но Лобачевский спас инстру-

* Автор ошибся: Н. И. Лобачевский родился в 1792 году. (Примеч. ред.)

менты и книги и двумя годами позже восстановил все утраченное.

Уже в 1826 году он занялся неевклидовой геометрией. Но Казань для Европы была все равно что Канзас. Новое слово добиралось до европейских ученых с раздражающей неторопливостью. Но все же добиралось. И когда Гаусс узнал о новой теории, на него она произвела такое впечатление, что Лобачевский в 1842 году был принят в Королевское научное общество Геттингена.

То ли из-за нелюбви к иностранцам, то ли из простой зависти, но в 1846 году Лобачевского сняли с поста ректора. Ему позволили читать лекции, только и всего. И он углубился в математические исследования. Его зрение все ухудшалось. Его сын умер. Но он продолжал размышлять, обдумывая и диктуя «Пангеометрию», увенчавшую его жизнь. И в 1856 году, вскоре после окончания этого труда, он умер.

Конечно, он был святым!

— Нет, Стивен Павлович, вы меня переоцениваете. Я ошибался и грешил больше других, уверен. Но беспредельна милость Господня. Я был... нет, это невозможно объяснить. Скажем так, мне было позволено учиться дальше.

Доска заполнилась текстом. Дженис взялась за резинку, и мел вновь забегал по черному полю, поскрипывая. Для тех, кто знал французский — в котором то и дело встречались русские и венгерские слова, да еще и немецкие, — постепенно становилось ясно, что же произошло. Но лишь я полностью понимал случившееся, разделив это понимание с Лобачевским. И меня все-больше раздражала необходимость переводить все на американский. Время работало против нас...

Лобачевский понял меня. Час был поздний, опасность слишком велика. И он стал задавать вопросы более коротко, отрывисто, вынуждая Большую к кратким же ответам.

Но наконец я созвал всех остальных. Кроме Джинни, оставшейся эффектной при любых обстоятельствах, и Свартальфа, сидящего у ее ног и смотрящего на всех глазами, полными человеческой мысли, посмотреть было не на кого. Усталые, вспотевшие, без галстуков, с растрепанными волосами... Наверное, я сам выглядел даже хуже других. Я охрип, и одна щека у меня нервно дергалась. Тот факт, что святая душа избрала мое тело для своего пребывания на земле, не ослабил моей боли, страха, опасений...

— Теперь все прояснилось, — сказал я. — Мы совершили ошибку. Бог не дает персональных приказов ангелам и святым, ну, по крайней мере, ради нас. Пастор, судя по форме его

просьбы, понимал это. Но все мы — нет; мы воображали себя куда более важными персонами, нежели мы есть.

Лобачевский поправил меня:

— Нет, для него важен каждый. Но свобода необходима, даже для зла. И, более того, есть некоторые правила... ну, скажем, реальной политики. Не знаю, есть ли аналог этому на земле. Грубо говоря, ни Бог, ни Разрушитель не хотят спровоцировать новый Армагеддон. Уже две тысячи лет они избегают... э-э... вторжения на территории друг друга. И эту политику никто не намерен менять.

— Но все же наш призыв был услышан. Лобачевский — полночинный святой. Ему нельзя было запретить явиться к нам, но нельзя было и заставить. Но он не может сопровождать нас в ад. Если же он и отправится с нами, то лишь как наблюдатель, скрытый в теле смертного. Ему очень жаль, но это единственно возможный вариант. Если мы там свернем себе шею, он не сможет помочь нашим душам спастись. Каждый дух идет лишь своим собственным путем... ну, неважно. Больяй — это другое дело. Он тоже услышал наш призыв — ведь наша молитва была составлена так, что вполне могла относиться и к нему. Он еще не достиг полной святости. Он сказал, что находился в чистилище. Мы представляем себе это место как некую область, где человек может... точнее, душа может исправиться, улучшить себя. В любом случае, хотя он был и не на небесах, но не был и проклят. И на него не наложен запрет на участие в борьбе. И это для него шанс совершить хороший поступок. Он оценил содержание нашей просьбы, в том числе и то, что мы не высказывали вслух, и тоже выбрал меня для вселения. Но Лобачевский, будучи более сильной и святой душой и не зная, конечно, о намерениях Больяя, прибыл на долю секунды раньше и занял мое тело.

Я умолк, чтобы прикурить сигарету. Но вообще-то я предпочел бы галон крепкого сидра. Горло мое пересохло, как проселок жарким летом.

— Очевидно, подобные ситуации регулируются какими-то правилами, — сказал я. — Только не спрашивайте меня почему; хотя я уверен, что они имеют смысл, — ну, например, необходимо защитить смертное тело от избыточного потрясения и напряжения. Одно тело — одна дополнительная душа. Больяй не обладает способностью сотворить временное реальное тело из того, что может найтись под рукой, как вы недавно предположили, доктор Нобу. Скорее всего, он не смог бы использовать органический материал, даже если бы мы приготовили его заранее. Он мог заявить о себе, лишь вселившись в живое тело. Есть и еще одно правило: душа не может пере-

мешаться из тела в тело. Она во все время своего пребывания здесь остается в том, в которое попала сразу. Больяю пришлось принять мгновенное решение. Мое тело было уже занято. Чувство приличия не позволило Больяю войти в тело женщины. И не было смысла вселяться в любого из вас, ведь вы не будете принимать участия в экспедиции. Но из подтекста молитвы Больяй понял, что есть и третий участник операции, и он — мужского пола. И математик внедрился в него. Больяй всегда был слишком тороплив. И он слишком поздно понял, что очутился в теле Свартальфа.

Барни пожал квадратными плечами:

— Выходит, наш проект ни к чему не привел?

— Почему же? — возразил я. — С ведьмовской помощью Джинни... используя кошачий мозг на всю мощь, Больяй думает, он сможет действовать. В своей загробной жизни он далеко продвинулся в знании геометрии разных континуумов, исследуя неведомые нам планы бытия. И ему нравится идея налета на ад.

Свартальф взмахнул хвостом, насторожил уши и сверкнул глазами.

— Тогда — за дело! — крикнула Джинни. — Вперед!

— Да, пожалуй, — сказал я. Моя решительность не угасла, но энтузиазма у меня поубавилось. Мне мешали знания Лобачевского. — Я чувствую, развязка близка. Враг сделает все, чтобы помешать нам. Он направит против нас коварнейшие, могущественные силы.

— Да, — кивнул Карлслунд. — Да-да.

Джинни замерла, когда я сказал:

— Доктор Грисволд, может быть, вам лучше позвонить Ножу? Маленький ученый согласился:

— Я позвоню из своего кабинета. Но мы можем подключить и сюда переносную линию, аудиовидеоаппарат.

Мы все слишком устали, чтобы разбираться, насколько законно такое подключение; впрочем, я подумал, что это вполне допустимо, мы ведь не собирались заниматься шпионажем.

Мы ждали несколько минут. Я прижимал Джинни к себе. Вся наша группа чувствовала себя крайне усталой, лишь Больяй не терял бодрости духа. Он заставил Свартальфа обойти всю лабораторию, исследуя ее с пылким интересом. Разумеется, теперь Больяй познал куда больше любого смертного в области математики и других наук; но он хотел разобраться, насколько далеко продвинулись мы. И он пришел в восторг, когда Дженис отыскала для него экземпляр «Национальной географии».

Телефонный аппарат ожил. Мы увидели Грисволда, и... У меня перехватило дыхание. Сверкающий Нож и в самом деле вернулся из Вашингтона.

— Мне очень жаль, что я заставил вас ждать, — сказал профессор. — Но я просто не мог освободиться раньше. Чем могу быть вам полезен?

Фэбээронец назвал себя и предъявил служебный значок.

— Я пытаюсь связаться с мистером и миссис Матучек. Вы ведь их знаете, не так ли?

— Да, о да... только я не видел их в последнее время. — Грисволд был никудышным лжецом.

Лицо Сверкающего Ножа окаменело.

— Прошу вас, сэр, выслушайте меня внимательно. Я вернулся сегодня днем из поездки в Вашингтон, как раз по их делу. Дело это слишком серьезное. Я переговорил с моими подчиненными и узнал, что миссис Матучек исчезла. Ее муж какое-то время провел в конференц-зале, защищенном от надзора. Никто не видел, чтобы он покидал здание корпорации в конце рабочего дня. Я послал человека, чтобы отыскать мистера Матучека, но его не нашли. У нас есть изображения тех, кто входил в здание корпорации, и в криминальной лаборатории выяснили, что вы были одним из членов конференции. Вы уверены, что Матучеки сейчас не на территории вашего факультета?

— Н-нет. Нет. А зачем они вам? Вы их обвиняете в каком-то преступлении?

— Нет, если они впредь будут вести себя хорошо. У меня есть предписание — удерживать их от определенных действий, которые они могут предпринять... Если же кто-либо будет им содействовать, он тоже подвергнется риску ареста.

Грисволд рассвирепел. Преодолев свою застенчивость, он зашипел:

— Честно говоря, сэр, я возмущен вашим вмешательством. Да и в любом случае вы обязаны записаться ордером, если уж вам так хочется применить силу. А до тех пор они не обязаны вам подчиняться, равно как и те, кто захочет им помочь.

— Верно. Но вы не станете возражать, если я осмотрю ваш факультет? Они могут быть где-то там... без вашего ведома.

— Я буду возражать, сэр. Вы этого не сделаете.

— Будьте рассудительны, доктор Грисволд. Кроме всего прочего, я обязан защитить их от них же самих.

— Именно из-за подобных утверждений я и не доверяю нынешней администрации. Всего доброго, сэр.

— Нет, погодите! — Сверкающий Нож по-прежнему говорил мягким тоном, однако в выражении его лица ошибиться было невозможно. — Вы ведь не владелец здания.

— Я за него отвечаю. Трисмегистус — частное учебное заведение. Я могу использовать данную мне свободу действий и запретить вход сюда вам и вашим... вашим прихлебателям.

— Не сможете, если они прибудут с ордером, профессор.

— Так раздобудьте его! — И Грисволд сбросил чары.

Мы все переглянулись.

— Надолго ли?.. — сказал я.

Барни передернул плечами.

— Минут на тридцать. ФБР умеет действовать быстро.

— Можем мы смыться незаметно? — спросила Джинни.

— Я бы и пытаться не стал. Наверняка вокруг торчат люди Сверкающего Ножа. Я думаю, он сейчас отступил ненадолго лишь потому, что не знает, чем мы тут занимаемся... а он привык действовать очень осторожно.

Джинни выпрямилась:

— Отлично. Тогда мы отправляемся напрямиком к черту! — На ее губах мелькнула слабая улыбка. — Прямо в ад. Не будем упускать шанс. Не будем ждать другой подходящей минуты.

— А? — вырвалось у Барни так, словно его ударили под ложечку. — Нет! Ты и в самом деле сумасшедшая! Без подготовки, без соответствующей техники...

— Сейчас соберем что-нибудь здесь, — сказала Джинни. — Большой даст нам совет, да и Лобачевский — пока мы здесь. Мы можем выиграть за счет внезапности. У демонических сил не будет времени организовать нападение на нас. А раз мы окажемся вне пределов американской юрисдикции, что сможет сделать нам Сверкающий Нож? И он не сможет тронуть вас, поскольку тогда возникнет угроза нашей жизни. Это было бы просто убийством, осмелюсь он арестовать вас! Кроме того, я подозреваю, что втайне он на нашей стороне и ему не слишком нравятся его обязанности. Он может даже предложить вам помощь. — Она подошла к Барни, взяла его здоровенную ручищу и заглянула в лицо. — Не останавливай нас, старина, — просительно сказала она. — Ты нам нужен.

Больно было видеть, как мучается Барни. Но он взял себя в руки и принялся отдавать распоряжения. Вся наша команда окунулась в работу.

В лабораторию вошел Грисволд.

— Вы... ох! Вы не можете отправиться прямо сейчас!

— Мы не можем не отправиться, — возразил я.

— Но вы... вы не обеды! Вы ослабеете, и... Ладно, я знаю, что мне вас не остановить. Тут у нас в исследовательской лаборатории есть холодильник, мы обычно держим в нем замороженные продукты, на случай, если заработаемся допоздна. Посмотрю, что можно приготовить.

Вот так и вышло, что мы отправились штурмовать ад второпях: на Джинни надели плотную куртку Дженис, на меня — полупальто Барни со множеством карманов (кое-как укоротив рукава); причем карманы эти раздулись от сэндвичей с арахисовым маслом, банок с рыбными консервами для Свартальфа и четырех жестянок пива.

Глава 31

Кое-какое оборудование мы все же прихватили, и в первую очередь — рабочий комплект Джинни. Было с нами и свидетельство о рождении Валерии, которое принес доктор Ашман. Собственно, доктора Ашмана и пригласили в нашу команду именно потому, что только он мог объяснить, как пользоваться этим свидетельством. До поры до времени Джинни держала свидетельство в сумочке, прикрепленной к запястью.

Никто, включая и наших геометров, не знал, что сработает, а что не сработает в аду. Лобачевский мог сказать наверняка лишь то, что святые символы там такой силы, как здесь. Эти символы черпают энергию от Высшего, а основное свойство обитателей ада — неспособность любить. Но мы можем извлечь некоторую пользу из языческих символов. Элементы чести и правосудия, заложенные в этих символах, разумеется, ничего не значат там, куда мы отправляемся, но элементы силы и умиротворения могут подействовать; и хотя уже многие века минули с тех пор, как эти символы служили своим богам, их сила — мана — далеко не потеряна.

Джинни всегда носила совиную лапку как знак того, что она — ведьма с лицензией. Грисволд отыскал миниатюрную нефритовую бляшку, сделанную ацтеками, — на ней был вырезан ухмыляющийся крылатый змей; эту бляшку я повесил на грудь, рядом с магической вспышкой. Чуть смущаясь под взглядом пастора Карлслунда, Барни выудил откуда-то серебряную подвеску в виде молотка — копию с молота викингов. Молоток принадлежал его жене, но Барни сам носил эту вещь — «вместо кроличьей лапки» — с того момента, как начались все наши неприятности; и теперь он надел ее на шею Свартальфа.

Метательное оружие не слишком подходило для того, чтобы тащить его с собой. Конечно, мы с Джинни были неплохими стрелками в евклидовом пространстве нашей Вселенной. Но если траектория полета снаряда непредсказуема, лучше об этом оружии и не вспоминать. Мы пристегнули мечи. У Джинни был тонкий современный клинок Солингена, вообще-то предназначенный для ритуалов, но острый и годный для хорошей драки.

Я вооружился мечом потяжелее и постарше; он заключал в себе магическую силу и происходил от абордажной сабли, когда-то плававшей на корабле Декатура.

В нашей экспедиции вполне мог стать проблемой обычный воздух. Ад — место заведомо грязное. В кладовой мы отыскивали акваланги, которые использовались для подводных исследований. Когда вам приходится иметь дело с русалками или другими водяными существами, далеко не всегда удастся отыскать мага или ведьму, которые держат в помощниках подходящее животное вроде тюленя, и потому маски специальных аквалангов были так устроены, чтобы их можно было подогнать для любого зверя. Так что для Свартальфа акваланг нашелся. И еще я прихватил маленькую маску с запасным баллоном кислорода — для Валерии.

На том наши сборы и кончились. Будь у нас больше времени, мы бы могли подготовиться лучше. Мы бы могли, например, отправиться верхом на драконе, а не на метлах; а уж на дракона можно было бы нагрузить несколько тонн оборудования и припасов на все случаи жизни. Впрочем, армия, при всем своем снаряжении, все же не сумела прорваться в ад. А у нас имелись новые знания и уникальный проводник. И это могло сыграть нам на руку.

Пока мы нагружались, Барни и Нобу заканчивали приготовления к переброске нас в другое пространство. Собственно, они уже закончили, но в последнюю минуту я попросил сделать кое-что еще.

На полу в центре лаборатории были начерчены магические фигуры, которые я не могу описать. Они заключались в пентаграмму, по контуру которой стояли освященные свечи. Гигантский колокол, укрепленный на блоке, висел над центром фигуры; его можно было опустить в любое мгновение. Колокол был подвешен на тот случай, если в качестве обменной массы из ада к нам прорвется нечто живое, газообразное или вообще представляющее какую-либо опасность.

— Когда мы отправимся, — сказал я, — добавьте туда несколько фунтов вещества, если в эти фигуры не слишком опасно заходить.

— Что? — удивленно переспросил Барни. — Но зачем?

— Если кто-то за нами следом явится сюда, — сказал я, — мы его поймем. Из диаграмм оно выскочить не сможет. А вы держите наготове чары, чтобы оно не удрало обратно. Я ведь не знаю, что мы там обнаружим. Вдруг это будет нечто, представляющее научную ценность? Да и всему нашему обществу не помешают лишние знания об аде. Может быть, конечно, мы никаких трофеев не раздобудем. Но лучше быть наготове.

— Хорошо. Но похоже на рассуждения сумасшедшего. — Барни вытер глаза. — Черт, у меня, должно быть, на что-то аллергия.

Однако когда мы прощались, не у одной Дженис были мокрые глаза. А в моем мозгу прозвучало серьезно:

«Больше я не могу помогать вам, Стивен Павлович, Вирджиния Вильямовна, Янош Фаркасович и кот, у которого есть и собственная душа. Теперь я становлюсь лишь наблюдателем и регистратором, ради собственной любознательности. Я никак не обременю вас, ничем не помешаю. Вы просто не заметите моего присутствия. Отправляйтесь с Богом».

Я почувствовал, как он удаляется из моего сознания куда-то в глубь мозга. И вскоре он превратился лишь в нечто доброе и хорошее, случившееся со мной пару часов назад. Впрочем, нет. Я подозреваю, что спокойствие, не покидавшее меня во все время нашего предприятия, держалось на его неосознаваемом присутствии. Он ведь не мог перестать быть самим собой.

Держа наши метлы, мы с Джинни рука об руку вошли в центр магических фигур. Свартальф шествовал впереди. Мы с Джинни поцеловались и шепотом пожелали друг другу удачи, после чего натянули маски. Наши друзья прочли чары. Вновь вокруг нас сгустилась тьма, собралась энергия, загредел гром и сверкнула молния. Я крепко обхватил своих спутников, чтобы нас не разметало в стороны. Сквозь нарастающий шум я слышал, как моя ведьма вслух читала пергамент, на котором стояло имя Виктрикс, чтобы свидетельство о рождении девочки привело нас прямо к ней сквозь дьявольское пространство-время.

Комната, мир, звезды и вся Вселенная начали вращаться, а мы стояли в центре вихря. Все вертелось быстрее и быстрее, пока не слилось в нечто неразличимое. Мы слышали лишь рев, похожий на рев водопада. Последний проблеск света умчался с бешеной скоростью; а мы окунулись в вечность. И был ураган, и был страх... и мы не смогли бы пройти сквозь все это, если бы нас не вело имя Валерии Виктрикс.

Глава 32

Должно быть, я потерял сознание на минуту или на тысячелетие. И внезапно очнулся, когда наш полет закончился и мы прибыли.

Неизвестно куда.

Я прижал Джинни к себе. Мы осмотрели друг друга, но не нашли никаких ран. Свартальф тоже был в полном порядке. И он не требовал внимания к себе, как обычно. Больная заставил

его отправиться на разведку, и Свартальф крадучись пошел по расширяющейся окружности.

Я осторожно снял маску. Дул пронизывающий ветер, воздух был отчаянно холодным — но чистым... даже стерильным.

Стерильность. Это оказалось основным качеством того места, куда мы попали. Небо здесь было абсолютно и бесконечно черным, но при этом мы каким-то образом видели звезды и уродливо тлеющие планеты, движущиеся по хаотическим линиям; они почему-то казались точками еще более глубокой тьмы — это было не отсутствие, а отрицание света. Мы стояли на голой равнине, твердой, серой и плоской, как бетон; однообразие не нарушалось ничем, кроме рассыпанной кое-где гальки и валунов безобразных очертаний. Свет — тусклый, бесцветный, невыразительный — шел снизу, от почвы. Взгляду не за что было зацепиться. К тому же равнина не имела горизонта; она тянулась бесконечно. Все было безжизненно; лишь ветер, свистящий и завывающий, создавал ощущение движения.

Я подумал, что, хотя мне и пришлось повидать в жизни немало неприятного, ничто не было таким отвратительным, как этот пейзаж... Нет. Видывал я кое-что и похуже. Пустую кровать моей дочери...

Джинни тоже сняла маску, оставив ее висеть на груди, и резко передернула плечами. Ветер облепил платье вокруг ее тела.

— Я-то б-была готова защищаться от пламени, — сказала Джинни. Ее слова прозвучали как исторически значимая фраза.

— Данте описывал седьмой круг ада как место весьма холодное, — ответил я. — Похоже, он и в самом деле кое-что знал. Где же это мы?

— Понятия не имею. Если чары имени подействовали, вкупе со всем остальным, то мы — на той же планете... если, конечно, слово «планета» тут применимо, — где и Вэл.

— Но все здесь не похоже на то, о чем сообщали предыдущие экспедиции.

— Да. Но и наш переход был другим. Мы использовали совсем иные ритуалы и проскользнули сквозь время, как сквозь воронку. Вернуться будет легче.

Свартальф исчез за большим камнем. Мне это не понравилось.

— *Kommen Sie zurück!* — крикнул я. — *Retournez vous!**

Лишь в этот момент, не слишком-то и удивившись, я понял, что Лобачевский, готовя нас к путешествию, вложил в мою

* Вернитесь! (нем.) Вернитесь! (фр.)

голову знание основ немецкого и французского языков. Бог мой, еще и русского!

— Мнеоу-рр! — раздалось в ответ.

Я обернулся. Кот появился с противоположной стороны.

— Что за штучки? — воскликнул я.

— Искривленное пространство, — сказала Джинни. — Смотри!

Свартальф старался идти прямо, но тем не менее двигался так, словно был здорово пьян.

— Видишь, даже на таком коротком расстоянии заметна кривизна линий. Что же будет через милю-другую?

Я огляделся по сторонам.

— Но все выглядит нормально.

— Оно и есть в норме, пока ты стоишь на месте. Бр-р-р! Надо бы немного согреться!

Она достала из сумочки складную волшебную палочку. Звезда на ее конце не сверкала в этой атмосфере; она лишь тлела янтарным светом. Но все же она согрела воздух вокруг нас, даже слишком; мы начали потеть. Я решил, что вселенная ада подвержена слишком высокой степени энтропии — или глубокому термодинамическому распаду, и даже небольшое воздействие приводит к очень сильной реакции.

Свартальф наконец добрался до нас. Я, неуверенно взгляды-вая в равнину, пробормотал:

— Пока что мы не встретили сопротивления. Почему?

— На нашей стороне два фактора, — сказала Джинни. — Первое — по-настоящему эффективные чары переноса. Их влияние все еще чувствуется. Они охраняют нас, отчасти выравнивают местные флуктуации, делают местность похожей на наш мир. Второе — демоны знали заранее, куда и когда должны были прибыть предыдущие экспедиции. У них было в запасе достаточно времени, чтобы подготовить свои мерзкие фокусы. А мы опередили противника. — Джинни отбросила со лба локон и добавила категоричным тоном: — Думаю, проблемы нас еще ожидают, как только мы отправимся в путь.

— А мы отправимся?

— Разумеется. Зачем похитители оставили проход в этой пустынной точке? Затем, чтобы мы не смогли приземлиться сразу там, где нам нужно. Помолчи, пока я разберусь в направлении.

Держа перед собой пергамент с именем Виктрикс, Джинни произнесла магические формулы, и лоза недвусмысленно указала в нужную нам сторону. Поисковый шар оставался затуманенным, и мы не могли определить расстояние или узнать, что

нас ждет впереди. Это пространство-время было слишком чужим.

Мы перекусили, напились, отдохнули несколько минут и отправились в путь. Впереди летела Джинни, а на седельной луке перед ней — Свартальф; я летел чуть сзади, справа. Метлы плохо слушались, поворачивали вяло; лобовые экраны разбились, оставив нас без защиты от сильного ветра. Но все же мы двигались вперед.

И при этом мы буквально видели кривизну пространства. Мои руки на рукоятках управления, Свартальф, великолепная фигура Джинни, камни внизу — все словно покрылось рябью, все волновалось, то сужаясь, то расширяясь, карикатурно меняя очертания. Твердая почва внизу казалась трясинной, собирающей в капли, которые вытягивались вверх, отрывались и исчезали. Звуки тоже менялись: то как будто играла волынка, то раздражалась дикая какофония визга, жужжания, свиста; и все это отдаленно напоминало чью-то речь, почти можно было разобрать отдельные угрожающие слова, произносимые на таких низких нотах, что они улавливались скорее не слухом, а всем телом и вызывали страх.

— Не обращай внимания! — крикнул я. — Это просто оптические эффекты, Доплер... — Но мои слова не могли одолеть окружающий нас шум.

Внезапно моя любимая стала удаляться от меня. Ее несло, словно сухой лист. Я попытался повернуть за ней, но меня отшвырнул порыв ветра, выжимавший слезы из глаз. И чем сильнее я давил на руль, тем скорее мы отдалялись друг от друга.

— Больяй, помоги! — закричал я в никуда. И меня поглотило одиночество.

Я летел вниз по длинной пологой кривой. Метла не могла сойти с этой линии. Что ж, мельком подумал я, вряд ли я спикирую слишком резко, скорее я смогу выровнять метлу...

Но линия валунов, к которой меня несло, оказалась вдруг горной грядой, и я не мог ее миновать... Ветер выл и хохотал вокруг меня, и встряхивал метлу. Дергая рычаги, я бормотал заклинания, но все, чего мне удалось добиться, — так это свалиться на землю, не долетев до скал.

Каким-то образом я пролетел многие тысячи миль — то есть должно было быть так, ведь иначе я увидел бы эти горные пики на голой равнине? — и Джинни исчезла, Вэл исчезла, и я готов был к смерти, но не утратил надежды.

— Мьяу-ау-ау! — донеслось до меня сквозь шум.

Я резко обернулся. Джинни! Ее волосы пылали огнем. Звезда на ее волшебной палочке сверкнула, словно Сириус. Больяй пользовался лапами Свартальфа, чтобы управлять метлой;

желтые глаза и белые клыки сверкали, и выражение его морды напоминало оскал пантеры.

Они приземлились рядом со мной. Джинни наклонилась ко мне, наши пальцы встретились, наши чувства объединились. Я смотрел, что делает кот, и повторял его движения. Если бы мы вот так управляли метлами дома, то мгновенно бы разбились. Но здесь мы лишь скользнули чуть в сторону и принялись набирать высоту.

Как объяснить все это? Представьте, что вы — Флатландер, мифическое существо (если вообще какое-то существо можно назвать мифическим), и вы находитесь в мире двух измерений, всего двух. Вы живете в поверхности. Да, именно в ней. Если эта поверхность плоская, то ее геометрия повинуетась эвклидовым законам, которые мы учили в школе: параллельные не пересекаются, кратчайшее расстояние между двумя точками — прямая линия, сумма углов треугольника равна ста восьмидесяти градусам, и так далее. Ну а теперь вообразите, что некий трехмерный гигант выдернул вас оттуда и запихнул в поверхность совершенно иных очертаний. Например, это может быть сфера. Вы сразу обнаружите, что пространство вокруг вас изменилось до неузнаваемости. В сфере вам придется использовать такие термины, как параллели и меридианы, что означает — они имеют ограниченную длину; от одной точки к другой вам придется добираться по кругу; сумма углов будет меняться, но всегда окажется больше ста восьмидесяти градусов... Вполне можно сойти с ума. Ну а если это будет конус, гиперболоид, лента Мёбиуса или вообще неизвестно что?..

Ну а теперь представьте планету, состоящую из воды, которую к тому же постоянно будоражат штормы и которую вообще не сдерживают обычные законы физики. В любой точке поверхность может иметь любую форму, которая к тому же ни мгновение не остается неизменной. Добавьте к двум измерениям третье, расширьте их до четырех, включив сюда временную ось, а может, и не одну — подобное допускают некоторые философии; еще прибавьте гиперпространство, в котором действуют параестественные силы; отдайте все это во власть хаоса и ненависти... и вы получите отдаленное представление о пространстве ада.

И в какой-то момент мы попали в дивергентную точку — в точку раздвоения, и Джинни пролетела по одну сторону этой точки, а я — по другую, и наши пути разошлись, следуя линиям пространства. Моя попытка догнать Джинни была более чем бесполезной; я лишь натянул линии пространства, как тетиву лука. И в результате попал в гигантскую пространственную складку, в которой вполне мог бы блуждать до скончания века.

Ни один смертный не сумел бы вырваться из этой ловушки. Но Больяй уже не был смертным. К его гениальности добавились знания и мастерство, обретенные за более чем век свободы от милого нам, но ограничивающего нас тела. А тело Свартальфа из ловушки превратилось в инструмент, к тому же его тесная взаимосвязь с Джинни дала математику возможность использовать еще и ресурсы ведьмы. Больяй мгновенно осмотрел местность, мысленно составил и решил уравнения, описывающие ее, вычислил все ее свойства, разобрался, какие очертания она может принять в будущем... и все это он проделал за доли секунды. И помчался сквозь бурно изменяющееся пространство.

Он победил. И он запел песнь черного кота, насладившегося блудом и дракой. Мы перевалили через горы и помчались к нашей цели.

Это был непростой полет. Мы должны были сохранять предельное внимание и быть готовыми к ежесекундному изменению пространства. Мы нередко делали ошибки, которые могли довести нас до беды. Я утратил контакт с Джинни и снова чуть не заблудился; в какой-то момент уклон пространства чуть не заставил нас столкнуться; то нас вынуждала кружиться искаженная гравитация; то мы врезались в складку пространства, не сумев вовремя свернуть... ну, все я просто не могу перечислить. Да я и не замечал многого, поскольку был слишком занят управлением.

И все же мы двигались куда быстрее, чем рассчитывали, — потому что Больяй вычислил, как перескакивать через изгибы времени. Оглушительный грохот и омерзительные зрелища стали мешать нам меньше, когда мы принялись совершать плавные прыжки от метрики к метрике. Кроме того, мир вокруг становился стабильнее. Кто-то, или что-то, хотел, чтобы район его логовища не страдал излишней подвижностью.

Наконец мы смогли рассмотреть ландшафт. До сих пор наше внимание было занято лишь самим полетом. Мы увидели, что равнина превратилась в скалы, в мили и мили беспорядочно наваленных камней, между которыми зияли бездонные пропасти; кое-где разливались озера лавы, по поверхности которой скользили языки пламени и от которой поднималась такая вонь, что нам пришлось поспешно натянуть маски, чтобы не задохнуться. Но все это осталось позади, и мы продвигались с относительной легкостью. Теперь от нас уже не требовалось такого внимания, как прежде. Когда Джинни достала наблюдательный шар, он, хотя и слабо, но засветился, и мы увидели, что цель близка.

Я выпустил руку Джинни — не потому, что мне этого хотелось, а просто потому, что наши руки стали чудовищно изгибаться над каким-то из очередных провалов в пространстве.

Какое-то время мы летели в тишине, наблюдая за окружающим.

В тишине... Воющий ветер остался где-то позади; мы слышали лишь свист рассекаемого воздуха. До нас донеслась кладбищенская вонь, и мы задохнулись от ее теплой, слизистой сырости, но это можно было стерпеть. Небо оставалось черным, с более чем черными звездами. Время от времени огромный, шишковатый метеорит медленно проплывал над нашими головами, двигаясь лишь чуть быстрее нас, оставляя след в пустой атмосфере, и исчезал где-то в этом мире без горизонта. А иногда внизу вдруг пышно расцветали огни святого Эльма.

Свет в основном исходил от почвы — мрачный, неживой. Мы добрались до необъятного болота. Луги, протоки, небольшие озера тянулись, насколько мог видеть глаз; там, где вода не покрыта была грязной пеной, она чуть заметно светилась. Кое-где виднелись тонкие, кривые, сучковатые деревья с перепутанными ветвями — но все они были мертвыми. Береговая линия густо заросла камышом. Местами стелился желтый туман.

Далеко впереди мы увидели отсвет ржаво-красного беспокойного пламени, падающий на облака. Внезапно очередная конвульсия пространства бросила нас вверх.

И тут же нахлынули звуки — визг, бой барабанов, вой труб... В центре острова, возникшего перед нами, горел огонь, высоко вздымались его рыжие языки, острые, как нож живодеда. В белом сердце огня корчились и визжали какие-то существа, но рассмотреть их не было возможности — я мог лишь заметить нечто черное и изломанное, напоминающее богомола. Когда эти существа увидели нас, их визг усилился, зазвучав, как рев прибоя, и громче стал бой барабанов... С безлистных деревьев взлетела стая птиц. Они были похожи на кондоров, только вместо птичьих голов у них были голые черепа.

Свартальф вызывающе фыркнул. Наши метлы прибавили скорости, и птицы остались позади. Мы снова услышали бой барабанов — далеко-далеко впереди.

Джинни наклонилась ко мне, и я постарался подлететь как можно ближе.

— Если я не ошибаюсь, — сказала она, — барабаны сообщают о нашем маршруте.

Моя левая рука сжалась на рукояти меча.

— Что будем делать?

— Повернем. Попробуем зайти с другой стороны. Только быстро.

Мы рванулись с бешеной скоростью, и вскоре болотная вонь осталась позади, а воздух стал намного холоднее. Когда мы миновали длинный ряд дольменов, вновь поднялся ветер. Внизу мы увидели бесплодный торфяник. Там сражались две армии. Должно быть, они бились уже не один век, потому что на многих воинах были кольчуги и шлемы, а иные были одеты в шкуры или грубые домотканые рубахи; их оружием были мечи, копья и топоры. Мы услышали звон железа, топот ног, смачные удары топоров, вонзающихся в плоть; но ни криков, ни труб, ни даже шума дыхания. Устало, безнадежно мертвые воины вели свою бесконечную войну.

Миновав их, мы снова повернули. Под нами проплыл лес виселиц и река, текущая со странным звуком, похожим на рыдание; от реки поднимался тошнотворный теплый, соленый запах. Нас чуть не отравила жаркая вонь сети дорог, по которым неслись механические экипажи. Мы пересекли гряды холмов, изуродованных траншеями и кратерами разработок. Потом холмы превратились в очередную горную гряду, настолько высокую, что нам пришлось надеть маски, поднявшись над ней; взлетая над горными склонами, мы были вынуждены постоянно уворачиваться от летящих сверху камней.

А за грядой открылась новая равнина, усыпанная валунами; конца этой равнины не было видно. На ней — так далеко, что казались игрушечными, — возвышались черные башни. Наблюдательный шар в руках Джинни ярко вспыхнул, волшебная палочка качнулась.

— О Геката! — крикнула Джинни. — Мы добрались!

Глава 33

Ветер все еще был очень холодным, он завывал в наших ухах, донося до нас запах горячей серы и влажного железа. Наши метлы летели почти вплотную.

Мы вглядывались в шар, который держала Джинни. Свартальф-Большой тоже, вытянув шею, заглянул в него. На этом участке пространства геометрия не слишком отличалась от нашей, родной, и гадательное и поисковое оборудование работало вполне сносно. Джинни направила шар на замок. Он был очень темного цвета и чудовищных размеров и очертаний. Впрочем, имел ли он очертания? Он растянулся на плоскости, он вздымался вверх, и его отдельные части объединяла лишь их уродливость. Над главной башней торчал кривой шпиль, кое-как

прилепленный к разбухшему, прыщеватому куполу; каменный козырек нависал над непропорциональными воротами... это было несколько квадратных миль беспорядочного нагромождения камней, кишащих диковинными дьяволами.

Мы попытались с помощью шара посмотреть сквозь стены, однако ничего у нас не вышло. Тут бурлило слишком много злобных сил. Но все же кое-что мы разглядели, хотя и смутно. Даже не разглядели, а ощутили... и от этого ощущения Джинни громко вскрикнула, а я до крови прикусил губы. Мы погасили шар и обнялись, чтобы утихомирить дрожь.

— Нельзя этого допустить, — сказала наконец Джинни, освобождаясь от моих объятий. — Но у нас очень мало времени.

Джинни вновь оживила поисковик — с помощью чар предвидения. В нашем мире они редко срабатывали, но Лобачевский высказал предположение, что текущие измерения Нижнего континуума скорее позволят этим чарам действовать, чем стабильные характеристики нашего мира. Изображение в шаре прояснилось, стало четким. Здания, похожие на уродливые нагромождения плит, и кривые башни окружали двор в форме неправильного семиугольника. В середине двора стоял маленький неуклюжий дом, без окон, лишь с единственной дверью. Над его крышей торчал безобразный черный шпиль, напоминавший поганку, перевернутую вверх ногами.

Внутри этого здания мы тоже не смогли заглянуть — по той же причине, что и прежде. Впрочем, дом казался пустым. Но меня вдруг охватило подозрение, что он представляет собой нечто вроде дьявольской часовни.

— Недвусмысленные и четкие указания, — сказала Джинни. — Это значит, она прибудет сюда, и скоро. Нам необходимо поскорее придумать, что делать.

— Да и двигаться надо бы побыстрее, — сказал я. — Можешь ты показать в шаре общую картину вокруг этого места?

Она кивнула. Картина в шаре изменилась, превратившись в панораму сверху. Я обратил внимание, как беспokoйна толпа. Неужели эти демоны всегда ведут себя так неистово? Едва ли. Мы сфокусировали шар на одной из групп демонов. Там не было и двух похожих; тщеславие нашло свое место в аду. Тела демонов покрывали то шипы, то иглы, то пластины, как у динозавров; кто-то был похож на краба с крохотными скалящимися головками на месте клешней; промелькнула свинья с крыльями, потом — нечто вроде постоянно меняющей очертания капли... голый мужчина со змеей на месте фаллоса, с лицом на брюхе... карлик на длинных, тонких, как карандаши, ножках... а то и вовсе нечто неопиcуемое. Но мое внимание привлекло в основ-

ном то, что почти все демоны были вооружены. Хотя у них и не было огнестрельного оружия, но все же с их средневековыми мечами и топорами лучше было не сталкиваться.

Шар показывал одно скопление демонов за другим. Беспорядок везде был просто невероятным. Никакой дисциплины, не было даже видимости обдуманного действия — демоны просто метались с места на место, визжали, толкались, огрызались и то и дело принимались драться между собой. Но тем не менее толпа все увеличивалась, и оружия у демонов все прибавлялось.

— Вот как, они насторожились, — сказал я. — Барабаны...

— Не думаю, чтобы они знали точно, чего ожидать, — напряженным тоном произнесла Джинни. — И они не охраняют специально то место, которое нам нужно. Разве Враг не намекнул им о наших замыслах?

— Похоже, он не может лично вмешиваться в это дело — как и Лобачевский, и по сходным причинам. В крайнем случае он мог намекнуть своим прихвостням, что от нас можно ожидать неприятностей. Но они не знают, что мы действительно способны сделать то, что делаем. Да еще мы выиграли во времени.

— К тому же дьявольские силы глупы, — сказала Джинни. — Зло никогда не обладало ни умом, ни способностью творить. Они получили весть, что возможно вторжение, — и посмотрели, что тут творится!

— И все-таки нельзя их недооценивать. Идиот тоже может убить, — задумчиво сказал я. — Если не возражаешь, давай сделаем вот что. Рванем напрямую. Конечно, они нас увидят — но мы постараемся проскочить как можно быстрее. Метлы здесь хорошо подчиняются. Через двор мы лететь не можем, они нас перехватят. Посмотри, вон там, слева — перед этим их дворцом... колонны, похожие на кишки. Мы можем зайти с той стороны — и к двери. Ты займешься параестественной защитой, а я буду охранять вход, пока ты не подготовишь все к возвращению. И в тот момент, когда Вэл появится, ты сразу ее схватишь. Годится?

— Да. Ох, Стив... — На глазах Джинни выступили слезы. — Я люблю тебя.

Мы в последний раз поцеловались. В небе ада. И бросились в атаку.

Ветер взвыл в наших ушах. Мрачный ландшафт внизу закружился. Я услышал, как торжествующе мяукнул Свартальф, и ответил ему воинственным воплем. От страха и следа не осталось. Прочь с дороги, легионы тьмы, мы пришли за нашей малышкой!

Они заметили нас. Карканье и визг достигли наших ушей. В воздухе замелькали крылатые демоны. Несколько сотен крыльев закрыли закопченные звезды. Вряд ли они знали, что собираются делать с нами. А мы все приближались и приближались. Замок вырос перед нами, как горная гряда, через которую мы перебирались недавно.

Джинни пришлось приложить все свои силы, чтобы уберечь нас от злобного колдовства. Стрелы молний разбивались о созданное ею защитное поле, в нескольких ярдах от нас, и мы лишь слышали гром и запах озона. Ядовитые облака клубились вокруг, окружая нас, но и они рассеивались, натолкнувшись на защиту. Я не сомневался, что поле отбрасывало и проклятия, видения, и все, что могли наслать демоны.

Усилие истощило ведьму. Я мельком заметил, как побледнело и осунулось ее лицо... но она продолжала энергично взмахивать волшебной палочкой, а ее губы шевелились, произнося магические формулы. Свартальф рычал, сидя впереди, — метлу вел Больяй. Но оба они не могли держаться слишком долго.

Однако волна заклинаний сделала нас недоступными физическому воздействию — и дьявольские твари наконец это поняли, и штурм прекратился. Последним к нам подлетел орел ростом с лошадь, с крокодилейей головой.

Мой меч был уже обнажен. Я приподнялся на стременах.

— Ни шиша у тебя не выйдет! — рявкнул я и ударил.

Древняя сила проснулась в лезвии. И меч ударил дьявола с такой мощью, что я чуть не вылетел из седла. Кровь хлынула из отсеченного крыла. Дьявол завопил и исчез.

Чуть позже летучий змей попытался обвиться вокруг моей правой руки, но я схватил его за шею, прежде чем он успел пустить в ход клыки. Будучи человеком, я все же оставался и волком — я просто оторвал ему голову.

Вразнобой загудели рога. Стая, хлопая крыльями, каркая и воняя, отступила в обычном беспорядке. Наша стратегия сработала. Но теперь демоны намеревались защитить дворец.

Мы следовали за ними, ярдах в ста. Главное здание было уже почти невидимо за хлопающими крыльями и грязными телами. Я взмахнул мечом, словно давая сигнал. Мы резко повернули направо и метнулись вниз. Вопящая толпа кинулась следом.

Мы приземлились с резким толчком. Здание, к которому мы прорвались, казалось в сумерках просто кучей камней. Не покидая седла, я потянулся к противной на ощупь ручке. Дверь с треском распахнулась, и мы влетели внутрь.

Внутри была одна-единственная комната со стенами и полом из неровных камней. Она была не слишком велика по площади, но потолка в ней не было — она уходила вверх бесконечной

тьмой башни. В комнате находился лишь алтарь, из которого бросала тусклый свет Рука Славы. Рисунки на полу и предметы, находящиеся возле алтаря, были сходными с теми, которые мы использовали для переброски в это пространство.

Мое сердце вздрогнуло. «Вэл!» — вскрикнул я. Джинни ухватилась за меня, чтобы остановить, но ей не удалось бы это сделать, если бы мне под ноги не сунулся Свартальф.

— Не трогай это! — задохнувшись, крикнула Джинни. — Не передвигай! Это подменыш!

Я глубоко вздохнул, приходя в себя. Конечно, конечно же... Но мне этого было не вынести... пухленькое тельце, лежащее перед алтарем, золотые локоны и пустые, пустые глаза... И еще странно было видеть это полуживое существо, с которым уже пришлось повидаться в нашем доме... а рядом с ним лежала кучка обменной массы: пыль, содержимое кошачьего ящика, сырые бумажные полотенца, жестянка из-под супа «Кэмпбелл»...

Дьявольский гарнизон начал приземляться во дворе. Я хлопнул дверь и задвинул засов. Засов был крепкий и мог выдержать несколько минут.

Джинни принялась за дело, а я попытался мысленно реконструировать события... Безусловно, похититель ребенка был чрезвычайно злобен даже по меркам ада. Он услышал проклятие Мармиадона. Конечно, его должны были услышать многие, но никто не представлял, что можно сделать, чтобы осуществить его. Лишь одна тварь заметила нашу уязвимость. И, вообразив, что может заслужить честь и славу, принялась действовать, не спросив совета у кого-нибудь из тех демонов, которые способны мыслить. Кто-то из вышестоящих мог запретить ему похищать ребенка. Ведь выходка глупого демона давала возможность раскрыть связь между адом и церковью иоаннитов и таким образом подвергала опасности весь план подрыва религии и общества, который вынашивал Враг с того момента, как сумел ввести в заблуждение первого из неогностиков.

Будучи иррациональным тупоголовым, этот мелкий бес мог решить проблему перемещения физического тела из одного пространства в другое лишь путем обмена на сходную массу. Он, должно быть, появился в нашем доме, когда Валерия спала, внимательно рассмотрел ее, потом вернулся обратно, придал куску мяса форму тела девочки и отправился за своей добычей. Хотя первая часть операции заняла лишь несколько секунд, демон все же разбудил Свартальфа. И когда тварь появилась в доме во второй раз, Свартальф напал на нее.

И именно сейчас в нашей Вселенной должна была идти борьба, и кровь Свартальфа лилась рекой... У меня перехватило горло. Я наклонился к коту.

— Если бы не ты, мы бы явились сюда слишком поздно, — прошептал я. — Они тебе за это спасибо не скажут.

Очень осторожно я погладил блестящую черную голову. Свартальф раздраженно скосил глаза. Обстановка явно не усилила в нем склонности к сантиментам. Кроме того, это ведь были пока что уши не только кота, но еще и Яноша Больяя.

Джинни чертила мелом диаграммы по всей окружности комнаты, для защиты от демонских чар. Это требовало осторожности, потому что нельзя было задевать алтарь, эмблемы и вообще что-либо. Иначе демон не смог бы вернуться. Если же похититель обнаружит, что чары не срабатывают и он не может добраться со своей жертвой до ада, одному Господу известно, что произойдет. То есть, конечно, он покинет наш дом и подменным займет место Валерии, но куда тогда отправится дьявольская тварь? Мы не могли позволить этого.

Шум снаружи усилился — топот, лязг, рев, бормотание, птичий гам, мычание... Дверь затряслась под ударами кулаков, ног, копыт. Мне следовало быть готовым к трансформации в любой момент. Я снял маску, сбросил верхнюю одежду, а куртку Барни намотал на руку.

Прямо сквозь стену в помещение вплыла вдруг шестифутовая пасть, полная острых зубов. Я вскрикнул. Свартальф зашипел. Джинни схватила волшебную палочку и выкрикнула уничтожающее заклятие. Пасть растаяла. Но Джинни еще не раз пришлось отрываться от дела, чтобы отражать подобные атаки.

Джинни пришлось возвести дополнительные магические укрепления, прежде чем она смогла взяться за чары, подготавливающие наше возвращение домой. Этот ритуал прерывать было уже нельзя, иначе тонкая нить, связывающая нас с лабораторией на земле, могла оборваться. Установив первоначальный контакт, Джинни должна была затем поддерживать баланс сил и по мере возможности наращивать энергию для нашего переноса. Но из-за постоянных помех дело шло туго.

Гам снаружи внезапно утих. Я услышал чей-то голос, отрывисто отдающий приказы. Судя по глухим ударам и отдельным долетевшим до меня словам, демоны вооружились дубинами. Потом они приблизились к двери — и начали колотить в нее.

Я отступил в сторону. После третьего мощного удара дверь разлетелась в щепки. Я увидел демона, сидящего верхом на бревне. Демон был похож на таракана ростом с человека. Я ударил его мечом. Прежде чем свалиться на землю, обе половинки пытались еще размахивать лапами и царапаться. Они загородили путь чудищу с оленьими рогами, и я легко расправился с ним.

Остальные оттащили бревно, перекрывающее узкий вход. Два убитых демона остались лежать у порога. Во тьме снаружи мне не видна была вся толпа, лишь мелькали тени — но шум оставался оглушающим, а вонь — тошнотворной.

Вперед выскочила горилла на человеческих ногах. Она размахивала топором. Ударом каратэ я выбросил гориллу наружу. Она с такой силой грохнулась на камни, что во все стороны полетели осколки.

Следующей была тварь с мечом и щитом. Мы пару минут обменивались ударами. Демон дрался неплохо. Но я парировал удары. Звон металла перекрывал гам, во тьму летели искры. Я запыхался. Он нажимал. Внезапно меня ослепило. Когда он сделал очередной выпад, я, пригнувшись, ударил снизу — и выбил у него оружие. Тут же схватив его, я сунул меч между ног демона и резко повернул. Он повалился на спину — и я убил его.

Новый кандидат нашелся далеко не сразу. Толпа демонов толкалась у входа, мешая друг другу. Мое сердце бешено колотилось, и я понял, что больше не выдержу. То есть в человеческом обличье. Но в виде волка я буду менее уязвим. Я отложил меч и направил на себя магическую вспышку.

И тут же я обнаружил, что трансформация идет медленно и мучительно. Несколько мгновений я беспомощно корчился между двумя формами. Демон с петушиной головой весело закудахтал и рванулся вперед, размахивая длинным ножом. Даже оборотень не может уцелеть, если его разрежут пополам. Но тут мимо меня промчался Свартальф и, прыгнув на демона, вцепился ему в глаза.

Став волком, я снова занял свой пост. Кот вернулся в комнату. Да, я превратился вовремя. Дьявольский гарнизон додумался наконец до того, что можно попробовать достать меня издали. В воздухе засвистели камни, ножи и все, что только подворачивалось демонам под руку. Конечно, большинство предметов пролетало мимо цели. Ад — не самое подходящее место для того, чтобы использовать метательное оружие. Но кое-что все-таки попало в меня, не причинив, впрочем, серьезного вреда.

Но вот, впад в самую настоящую истерику, демоны бросились на штурм. Они пихались, орали, падали, топтали друг друга в дикой неразберихе. Они просто могли задавить меня массой, пока Джинни закончила бы свое дело и смогла прийти мне на помощь. Но Джинни уже управлялась с основной частью работы, и демоны были отброшены.

У входа осталась гора мертвых тел и раненых бесов. Я сел, вывалив язык и жадно глотая воздух. Джинни взъерошила мою шерсть, то ли смеясь, то ли плача. Демонские когти задела ее;

из царапин сочилась кровь, а платье превратилось в боевые лохмотья. Но помощь Свартальфа оказалась нелишней, и противникам не удалось серьезно ранить Джинни. Я оглянулся — и увидел, что кот играет с оторванным хвостом демона.

Но я увидел и кое-что другое, куда более важное. Паутина линий на полу начала мягко светиться. Да, на нас можно было воздействовать физически, но магическая защита была куда крепче, и, чтобы сломить ее, демонам понадобилось бы немало времени и сил...

— Стив, Стив... — прошептала Джинни, напряженно выпрямляясь. — Мне лучше заняться подготовкой возвращения...

— Halt! — прозвучало вдруг из тьмы. Это был хриплый голос, в котором звучал сверхъестественный ритм и ощущались ярость и слепая сила. — Waffenstillstand! Parlamentieren Sie mit uns*.

Демоны, даже тяжело раненные и до этого момента громко стонавшие, затихли. Постепенно воцарилась полная тишина, и все демоны, какие только были в состоянии, уползли во тьму. Я понял, что заговорил их хозяин, владелец замка... явно занимающий высокое положение в иерархии зла, раз его команде подчинялись безумные злобные твари.

По плитам двора застучали башмаки. Шеф демонов предстал перед нами. Его внешность удивила меня. Он казался человеком, но таким, которого совершенно невозможно запомнить. Он был среднего роста или чуть ниже, узкоплечий, с простым, чуть полноватым лицом; на верхней губе красовались маленькие усики, похожие на щетку, на лоб падала прядь темных волос... Одет он был в нечто вроде коричневой военной формы. Но зачем он повязал на руку красную ленту с древним и уважаемым знаком свастики?..

Свартальф прекратил игру и ошетинился. Сквозь вонь дьяволов я уловил запах страха Джинни. Да, стоило взглянуть в глаза этого демона, и его лицо сразу переставало казаться ординарным. Но Джинни взяла себя в руки и, уставившись в точку, расположенную чуть выше головы демона, высокомерно поинтересовалась:

— Was willst du?*

Сама Джинни почти не знала немецкого. Но, поскольку душа Боляя находилась в Свартальфе, Джинни могла воспользоваться его знаниями благодаря своей тесной связи с помощником-котом. (Но почему этот демон решил говорить по-немецки? Эту загадку мне так и не удалось разгадать.) Я сохранил

* Стойте! Перемирие! Предлагаю поговорить (нем.).

** Чего тебе нужно? (нем.)

достаточно человеческих способностей, чтобы следить за их беседой.

— Я могу задать вам тот же вопрос, — ответил Враг. Хотя он и держался вполне вежливо, тон его был категоричным. — Вы вторглись на нашу территорию. Вы насмеялись над нашими законами. Вы убили и покалечили множество храбрых воинов, которые лишь пытались защитить себя. Вы осквернили Дом Соединения своим мерзким присутствием. Что вы скажете в свое оправдание?

— Мы пришли, чтобы забрать то, что принадлежит нам.

— Вот как? И что же это?

Я предостерегающе зарычал, но Джинни не нуждалась в предостережениях.

— Если я вам скажу, вы можете помешать нам, — заявила она. — Но можете быть уверены, мы не собираемся здесь задерживаться. Вскоре мы выполним свою миссию. — На лбу Джинни поблескивал пот. — Я... я полагаю, будет лучше для обеих сторон, если вы ненадолго оставите нас одних.

Он топнул ногой:

— Я должен знать! Я требую, чтобы вы объяснили! Это мое право!

— У сумасшедших не бывает никаких прав, — сказала Джинни. — Подумайте. Вы не можете прорваться сквозь нашу магическую защиту и не можете разрушить ее. Вы только потеряете массу слуг. Не думаю, чтобы ваш главный хозяин одобрил бессмысленную трату ресурсов.

Он развел руками. Голос его зазвучал ниже.

— Но я не признаю поражения. По мне, поражения просто не существует. И если случается неудача, то лишь из-за предателей, бьющих в спину. — Он раскачивался, словно в трансе, и произносил слова чуть нараспев. — Мы разобьем железное кольцо. Мы накажем преступников, кишящих вокруг. Мы добьемся победы. Никаких уступок! Никаких компромиссов! Нас ведет рок!

Толпа монстров поняла намек и восторженно взвыла. Джинни сказала:

— Если у вас есть какое-то предложение — мы слушаем. Если нет — уходите. У меня много работы.

Его лицо исказилось, но он овладел собой и произнес:

— Я бы предпочел не разрушать здание. Слишком много усилий и колдовства вложено в эти камни. Сдайтесь добровольно, и я обещаю вам достойное обращение.

— Да чего стоит ваше слово?

— Мы могли бы обсудить, например, какие земные блага ждут тех, кто становится на нужную сторону...

Свартальф громко мякнул. Джинни резко обернулась. Я тоже бросил взгляд назад, потому что уловил новый запах. В центре магических фигур материализовался похититель, держа на руках Валерию.

Малышка еще не совсем проснулась. Ресницы ее затрепетали, она повернула головку и потерла кулачком глаза.

— Папуля? — пробормотала она сонным голосом. — Ма?

Тварь, державшая девочку, весила, пожалуй, меньше, чем Вэл. Тело демона покрывали броневые пластинки, на спине — гребень; ноги и по-обезьяньи длинные руки заканчивались острыми когтями. Головка была крошечной, черты физиономии — расплывчатыми, неопределенными. Демон был изрядно изукрашен царапинами, из которых сочилась кровь. Когда он увидел, кто его ожидает, губы его отвисли, придав физиономии совершенно идиотское выражение.

Он взвыл по-английски: «Босс, помоги!» — и, выпустив Валерию, попытался удрать. Свартальф загородил ему дорогу. Демон замахнулся, Свартальф увернулся... но тут вмешалась Джинни. Она топнула ногой. Я услышал хруст. Демон взвыл.

Я замер на своем посту. Хозяин замка попытался пройти мимо меня. Я вцепился в его ногу и вырвал кусок икры. На вкус его кровь была похожа на человеческую. Он отступил, смешавшись с толпой своих ужаснувшихся помощников. Но в их воплях я различил его крик:

— Я отомщу за это! Я пушу в ход секретное оружие! Пусть даже Дом будет разрушен! Наша честь требует удовлетворения! Мое терпение истощилось!

Я собрался с силами, изготовившись для новой схватки. И кое-кто из демонов уже почти добрался до меня. Но барон сумел уговорить свою орду; его властный голос заглушил их визг и бормотание. Как и говорила Джинни, он не мог позволить себе бесполезно терять бойцов.

Я подумал — как мог подумать волк: «Хорошо, что он не догадывается, что на сей раз могло обойтись без потерь...»

Потому что теперь Джинни не смогла бы помочь мне. Торопливо обняв дочку, она вверила ее заботам Свартальфа. Помощник — и, без сомнения, математик тоже — принялся развлекать девочку, грациозно танцуя, мурлыча; а потом он стал играть с ней в «ладушки». Я слышал чудесный смех, похожий на серебряный колокольчик, на весеннюю капель... Но я слышал также и голос Джинни, напевающий магические формулы.

Ей необходимо было около пяти минут, чтобы установить надежный контакт с домом, и лишь тогда она смогла бы позволить себе передышку. А потом ей нужно было еще время, чтобы точно определить конфигурацию и векторы параестественных

энергетических полей. И лишь после этого мы могли отправиться в обратный путь!

Шум в темноте усилился. Кто-то швырнул камень — не целясь, просто из ненависти. Я стоял в дверях и гадал, достанет ли Джинни времени.

Воздух наполнил жуткий грохот. Земля под ногами задрожала. Демоны шарахнулись во тьму. Страх сжал мои внутренности. В жизни мне не приходилось делать ничего более трудного, чем держать оборону в аду...

Замок встряхнуло до самого основания. Со стен сорвались плиты и полетели вниз. Сквозь щели вырвались языки пламени. Я едва не задохнулся от дыма. Но дым растаял, сменившись запахом древней плесени. «... in nomine Potestatis, fiat ianua...» — торопливо напевала ведьма за моей спиной.

Над замком встал гигант.

Он был выше любого из шпилей этой крепости, под которой он пролежал немало лет. Его темный силуэт закрыл звезды ада. Подняв ногу, гигант одним ударом смахнул наружную стену. Взметнулись вихри пыли, сверкнула молния. Со сморщенной шкуры чудища посыпались камни, грязь... На этой шкуре росли грибы, светящиеся мертвенно-бледным светом, в ней копошились черви... и черви же кишели в пустых глазницах. От вони, хлынувшей вниз, перехватывало дыхание. Гигант был мертв, но им двигала демонская сила.

«...saeculi aeternitatis...»

Джинни не умолкала, пока не смогла сделать небольшую передышку без опасности нарушить чары. Но теперь она подошла ко мне и опустилась на колени рядом.

— Ох, милый! — прошептала она. — Мы почти уже прорвались!

Я потянулся к магической вспышке. Гигант ворочал головой из стороны в сторону, словно моп что-то видеть. Но вот безглазое лицо обернулось к нам. Я повернул выключатель и стал человеком. Гигант поднял ногу. Тот, кто управлял им, старался причинять как можно меньше разрушений замку. И заставлял чудище передвигаться медленно и осторожно.

Я крепко прижал к себе мою любимую. Вторая моя любимая смеялась, играя с котом. Зачем их тревожить?..

— У нас совсем нет шансов?

— Я... нет времени... поле первой ступени установлено, н-но... плоти пока не прорваться, если я не... не закончу... я люблю тебя!

Я потянулся за мечом Декатура, сверкающим под Рукой Славы. Что ж, подумал я, мы добрались до конца света и тут мы погибнем. Но, может быть, наши души спасутся...

Души!..

Я схватил Джинни за плечи и резко повернул к себе.

— Мы можем послать за помощью, — вырвалось у меня. — Не к смертным и не к ангелам, раз уж им запрещено сюда соваться... но ты уже установила контакт... наверное, нужно добавить совсем немного... Ведь должны быть какие-то существа, не принадлежащие небу, но и не друзья ада...

Глаза Джинни вспыхнули. Она выпрямилась, взмахнула волшебной палочкой, как мечом, и громко произнесла несколько фраз.

Гигант ступил во двор. Те демоны, что не попали под его огромные ступни, с воплями ужаса помчались в стороны. Пальцы гиганта обхватили башню.

Не знаю, на каком языке произносила Джинни свои заклинания, но закончила она их по-английски:

— Вы, кто знает о человеке и о его Враге-Хаосе, взываю к вам и говорю вам — путь с земли открыт!

Часовня затряслась. Со стен посыпались камни, внутрь и наружу. Башня исчезла. Ее отломил гигант. Мы увидели мрачные созвездия. Гигант сунул руку в пролом, ощупью отыскивая нас.

И тут явились наши спасители.

Я не знаю, кем или чем они были. Возможно, их внешность была лишь иллюзией. И я не уверен, что они явились именно с тех сторон света, как это мне показалось, потому что компас в аду показывал несусветную чушь. Может быть, на призыв Джинни откликнулись существа — из нашей Вселенной или из какой-то другой, — которые просто рады были возможности устроить налет на владения Врага. Джинни построила мост, которым они смогли воспользоваться, хотя для физических тел он был слишком хрупким. В любом случае я предполагаю, что высокая степень энтропии пространства ада сделала возможным то, что для параестественных сил было бы невозможно в других местах.

В общем, объясняйте, как хотите. А я увидел вот что.

На западе появилась женщина с королевской осанкой, в бело-голубом одеянии. Глаза ее были серыми, лицо сияло ледяной красотой. Темные косы, уложенные в прическу, прикрывал шлем с гребнем. В правой руке она держала копье, конец которого светился лазурью; на правом ее плече сидела сова. В левой руке женщины был длинный щит, на котором изображалось искаженное гневом лицо женщины со змеями вместо волос.

С юга к нам направлялся гигантский змей. Его глаза были подобны солнцам, его зубы были, как белые ножи. Плумаж из радужных перьев покачивался на его голове, сверкая каплями

дождя, который следовал за змеем. Чешуйки шкуры алели кораллами, щитки на брюхе сияли золотом. Его длинное тело свивалось и развивалось стремительно, как молния.

С севера примчался на колеснице, запряженной двумя козами, огромный мужчина. Он крепко стоял в повозке — рыжебородый, в шлеме и кольчуге, в железных перчатках, со стальным поясом. Он правил левой рукой, а в правой держал молот с короткой рукояткой. За его спиной развевался плащ. Грохот его колесницы взлетал к небу. Он засмеялся, взмахнул молотом и швырнул его. Там, где молот упал, вспыхнуло пламя и раздался гром; а молот вернулся к воину.

Каждая из этих теней была так высока, что, казалось, упирается головой в небесный свод. Весь ад задрожал при их появлении. Демоны бросились врассыпную. Сбежал и их хозяин, и тогда иссякли силы гиганта. Он свалился, разбив в пыль половину замка. Но явившиеся души не стали тратить на него время, а бросились в погоню за дьяволами. Не думаю, что многим удалось удрать.

У нас не было времени наблюдать за схваткой. Джинни закончила читать чары переноса и схватила Валерию. Я прицепил меч Декатура рядом со своим — черта с два я бы оставил его здесь! — и взял на руки Свартальфа. И подобрал с пола демона-похитителя. У него была сломана нога.

— Босс, не бейте меня! Я все скажу, все, что вы хотите! — захныкал он. Зло не обладает чувством чести.

Джинни произнесла последние слова, сделала последние пассы. И мы помчались домой.

Глава 34

Но тут уже не было ничего общего с нашим предыдущим переносом. Мы возвращались в родной мир. Космические силы не сопротивлялись теперь — наоборот, они нам помогали. Мы пережили момент головокружения — и прибыли на место.

Команда Барни ждала нас в лаборатории. Они все отскочили: кто всхлипывал, кто выкрикивал слова благодарственной молитвы — а мы тем временем отдувались под накрывшим нас колоколом. В этом мире мы отсутствовали около двух часов. А может, и в аду прошло не больше времени? Мы не знали, потому что наши часы остановились во время первого переноса. А нам казалось, что миновали века. Но я взглянул на Валерию и Джинни — и почувствовал себя так, словно мы не разлучались ни на секунду.

Малышка хлопала огромными голубыми глазами, удивленно оглядываясь по сторонам. Меня вдруг пронзила ужасная мысль: а что, если жуткие события, свидетелем которых она оказалась, ранили ее на всю жизнь? Я испуганно наклонился к ней:

— Ты в порядке, сладкая моя?

— О-ох, папуля! — радостно улыбнулась она. — Как забавно было! Мы будем еще так играть?

Я прижал дочку к себе. Она вдруг забеспокоилась и заявила:

— Я проголодалась!

На демона я не обращал внимания. Когда колокол подняли, он попытался уползти, но не смог одолеть границу пентаграммы; к тому же Барни наложил чары, о которых я просил перед нашим отбытием. Сверкающий Нож раздобыл за это время ордер и ждал нас вместе со своими людьми. Он вошел в лабораторию и поднял демона за здоровую ногу. Уродливая фигура задержалась в руке фэбээровца.

— Босс, не уроните меня, босс! — завизжал демон. — Я все скажу!

Позже мы узнали, что на нашем месте в лаборатории появилась обменная масса из ада — камни, грязь и прочее. Среди других элементов там обнаружили первичная сера, смола и чистый углеводород. Харди и Грисволд не пожалели времени, сооруджая из всего этого неплохую взрывчатку, добавив еще и кое-какие земные вещества. Даже если бы какая-то часть этой смеси не обменялась, для нас это опасности не представляло. Вся команда занималась поиском бутылок с сильной кислотой, патронов, бритвенных лезвий и прочего в этом роде. Потом Барни пристроил туда фотоэлемент, который должен был поджечь всю кучу в тот момент, когда она покинет нашу Вселенную. В общем, в какой бы части ада все это ни очутилось, не думаю, чтобы тамошние обитатели порадовались.

И, конечно, подменыш исчез из детской клиники, как только Валерия вернулась домой. Бедное существо, я очень надеюсь, что ему было позволено умереть.

Я не сразу смог осмыслить и осознать происшедшее. Мы с Джинни, убедившись, что наша дочь в безопасности, просто бросились в объятия друг друга. Наш поцелуй прервался лишь при звуке ликующего возгласа, наполненного такой радостью, что мы никогда в жизни не забудем его:

— *Свободен! О Отец!*

И когда мы, опомнившись, посмотрели на окружающее разумными глазами — Свартальф был уже просто Свартальфом. Вежливый голос внутри меня произнес:

— Да, это деяние сделало Яноша Больяя святым и приблизило его к Богу. Я рад за него. А как счастливы должны быть вы,

мои друзья, выиграв эту схватку! Валерия Стефановна в безопасности, и враги Всемогущего посрамлены! — И он добавил застенчиво: — Честно говоря, у меня есть и личные причины радоваться. То, что я увидел в нашем путешествии, породило некие премилые новые идеи. Тщательная теоретическая разработка их...

Я почувствовал желание, которое Лобачевский не решился выказать, и пробормотал:

— Вы хотели бы немного задержаться тут?

— Ну... честно говоря, да. На несколько дней, а потом я уже просто вынужден буду вернуться. Но было бы просто замечательно, если бы мне удалось заняться этими открытиями — не в качестве души, а с помощью смертного тела. Но я умоляю вас, уважаемый друг, — поспешно добавил он, — не воспринимайте это как требование! Вы и ваша подруга пережили много опасностей, тягот, страха... Вам, наверное, хочется отпраздновать вашу победу. Поверьте, я никогда не позволю себе бестактности...

Я влюбленно и чуть тоскливо посмотрел на Джинни и подумал в ответ: «Я знаю, о чем это вы, Ник, и я просто горю желанием устроить праздник и намерен праздновать, с небольшими перерывами, всю нашу оставшуюся жизнь. Но вы забыли, что телесные возможности ограничены... Кроме того, я хочу увидеть ваши идеи опубликованными в соответствующих журналах. Это может принести пользу всем нам».

Вот так и вышло, что, хотя нашей экспедицией руководил по сути Больяй, Лобачевский первым опубликовал свои наблюдения.

Глава 35

Нет, нас ожидала совсем не счастливая жизнь.

Вам нравится быть известным? Вам нравится бесконечная суета вокруг вас? Любкой репортеришка считает себя вправе гоняться за вами, от вас требуют интервью для кристалловидения, вам каждый день приносят тонну писем, вас преследуют охотники за автографами, вас донимают воинственные пьяницы, вам без конца звонят, в ваш дом вламываются незнакомые люди, вас не оставляют в покое поклонники... К счастью, мы последовали умному совету и не стали церемониться с представителями властей. В результате я достиг положения куда более высокого и прочного, чем мог надеяться, а Джинни обзавелась собственной студией, о которой давно мечтала; да и не слишком-то долго мы были «новостью номер один». А тем временем Валерия подросла, у нее появились поклонники, но, на мой

взгляд, ни один из них не был достоин ее. Впрочем, мне говорили, что так думают все отцы. И у меня не было лишнего времени, чтобы слишком раздражаться по этому поводу, потому что у нас появились другие дети.

Но вот что касается церкви иоаннитов... да, это была история! Публичные признания демона привели к падению этой церкви. Была проведена проверка консерваторов из правительства, поддерживающих иоаннитов, но они оказались невиновны. Потом из остатков церкви образовалась секта, в которой выдающуюся роль играл наш старый знакомый, Мармиадон; эта секта пытается проповедовать Евангелие Любви. Ну, поскольку гностицизм и тайный дьяволизм отжили свое, то, пожалуй, святой Петр или добрый и мягкий святой Иоанн едва ли могут иметь что-то против этого Евангелия.

Лобачевский, прежде чем вернуться на небеса, доказал несколько теорем, в которых я ничего не понял. Но мне объяснили, что с их помощью можно удвоить силу тех чар, которые разработали Барни и его помощники в те далекие ужасные часы. Наш приятель Боб Сверкающий Нож приложил немало усилий к распространению этих новых знаний. И теперь не только правительство Соединенных Штатов знает, как прорваться в ад, буде в том возникнет причина. Конечно, земные армии не могут надеяться на полную победу, однако они могут создать большие неприятности для демонских сил, и небесам просто придется уже вмешаться... В результате же мы можем не опасаться еще одного открытого нападения с территории Врага. Но со стороны людей... это другое дело; ведь мы по-прежнему остаемся поддающимися соблазну, испорченными, капризными и подлыми. Но, я думаю, если мы не станем забывать о чести и будем держать сухими наши магические порошки, то нам не грозит больше испытаний, чем мы можем вынести.

Оглядываясь назад, я иной раз и сам не верю, что все это случилось на самом деле и что все это проделали рыжеволосая ведьма, вервольф с куцым хвостом и важный черный кот. А потом я вспоминаю, что Враг не понимает шуток. Зато Бог, я уверен, любит посмеяться.

ТАНЦОВЩИЦА ИЗ АТЛАНТИДЫ

И семь Ангелов, имеющие семь труб, приготовились трубить.

Первый Ангел вострубил, и сделались град и огонь, смешанные с кровью, и пали на землю; и третья часть дерев сгорела, и вся трава зеленая сгорела.

Второй Ангел вострубил, и как бы большая гора, пылающая огнем, низверглась в море; и третья часть моря сделалась кровью.

И умерла третья часть одушевленных тварей, живущих в море, и третья часть судов погибла.

Третий Ангел вострубил, и упала с неба большая звезда, горящая подобно светильнику, и пала на третью часть рек и на источники вод.

Имя сей звезде полынь; и третья часть вод сделалась полынью, и многие из людей умерли от вод, потому что они стали горьки.

Четвертый Ангел вострубил, и поражена была третья часть солнца и третья часть луны и третья часть звезд, так что затмилась третья часть их, и третья часть дня не светла была — так, как и ночи.

Откровение Святого Иоанна Богослова
Гл. 8, 6—13

*Где вы, созвездия славных героев,
Рудры сыны на конях, ослепляющих взоры?
Тайну рождения их никто из смертных не знает.
Ведомо это только героям самим.
Словно орлы, распростершие шумные крылья,
Рвутся в битву они, озаряя друг друга сияньем.
Мудрый знает причину присущего им совершенства:
Вымя свое дала им Пришти когда-то.
Кто остановит могучих воинов, воинов Рудры,
Выбравших путь, ведущий их к славе бессмертной?
Память в веках сохранится о храбрых героях,
Пусть по мощи не равных, но равных в своей красоте.*

Ригведа, VII, гимн 56

Глава 1

— Сегодня полнолуние, — сказал он. — Поднимемся на палубу. Там такая красота!

— Нет, я устала, — ответила она. — А ты иди. Я лучше посижу тут.

Данкен Рид принудил себя посмотреть прямо в лицо жене и сказал:

— Я думал, это будет наше путешествие.

Памела вздохнула:

— Конечно, дорогой. Но попозже. Не сердись. Мне страшно жаль, что я плохо переносю море, но что же делать? И до нынешнего вечера погода держалась такая скверная! Да, таблетки гасили тошноту, но нормально я себя все еще не чувствую.

Он продолжал смотреть на нее. Полтора десятка лет назад, когда они поженились, фигура у нее была пышноватая. Затем полнота стала проклятием ее жизни, всяческие диеты — нескончаемой мукой. Он много раз пытался убеждать: «Чем так расстраиваться, больше упражняйся физически. А главное, помни: ты по-прежнему чертовски привлекательная женщина!» И он не кривил душой — чудесный цвет лица, волнистые каштановые волосы, правильные черты, нежные губы. Но все реже и реже ему удавалось сохранять убедительность.

— Видимо, я напрасно решил взять каюту на теплоходе... — Он уловил горечь в своем тоне и понял, что она тоже ее уловила.

— Но ты же знал, что пойти с тобой на яхте я не могла бы, — возразила она. — Или с рюкзаком за спиной, или... — Голова ее поникла, голос стал тише. — Пожалуйста, не будем ссориться...

Он отвел глаза. Его взгляд скользнул по безликому комфорту каюты и остановился на фотографии их детей на шкафчике.

— А может быть, имеет смысл? — сказал он медленно. — Тут ведь не надо опасаться, что они услышат. Так почему бы нам наконец не обсудить все откровенно?

— Что — «все»? — В ее голосе мелькнул испуг, и на миг ее безупречный костюм и макияж показались ему рыцарской броней. — О чем ты?

— Я... — попытался ответить он. — Я не могу подобрать слов. Ничего конкретного. Стычки из-за дурацких пустяков, раздражение, с которым мы давно свыклись — то есть думали, что свыклись. Я... э... надеялся, что эта поездка... я же говорил тебе... станет вторым медовым месяцем... — Он безнадежно запутался.

Ему хотелось крикнуть: «Мы просто утрачиваем интерес друг к другу! Но почему? Ведь не физически — во всяком случае до такой степени. Мне же всего сорок, а тебе тридцать девять, и нам бывает вместе удивительно хорошо. И тогда кажется, что так будет еще очень долго. Но подобные минуты неуклонно становятся все более редкими. Я был очень занят, а ты, возможно, скучала, хотя и вносила столько энергии в домашние дела. После ужина я читаю у себя в кабинете, а ты сидишь перед телевизором в гостиной. Потом первый, кого сморит сон, вежливо желает доброй ночи второму и уходит спать.

Почему, Пам, ты не хочешь подняться со мной на палубу? Какой ночью любви могла бы стать эта ночь! Нет, страсть меня не так уж томит, но я хотел бы томиться — томиться по тебе, если бы ты мне позволила!»

— Ну извини! — повторила она и погладила его по голове. (Знать бы, насколько искренней была эта ласка!) — Я правда устала.

— От меня? — против воли спросил он.

— Нет, нет, нет! Этого никогда не будет! — Она встала и обняла его. Он погладил ее по спине. До чего механическими были оба эти движения!

— А ведь какими романтическими мы были! — сказал он. — Помнишь? Только что поженились, без гроша и справлялись со всем!

— Мне еле-еле сводить концы с концами в этой ужасной квартире романтическим не казалось! — Она оборвала фразу и опустила руки. — погоди, я надену пальто, милый.

— Только не из... из чувства долга! — возразил он, понимая, что выбрал не тот ответ, но не зная, что следовало бы ответить.

— Я передумала, и пройтись мне будет полезно! — Ее улыбка была очень веселой. — Здесь душно, и вентилятор гудит так громко!

— Пожалуйста, не надо. Я понимаю. Тебе лучше отдохнуть. — Он повернулся к встроенному шкафу и торопливо извлек пальто. — К тому же я хочу размять ноги и буду ходить быстро. Тебе это не понравится. — Он вышел, старательно не глядя на ее лицо.

На палубе он действительно совсем загнал себя, обходя ее снова и снова. Он было дошел до форпика, но обнаружил там целующуюся парочку и не стал ее тревожить. Потом почувствовал себя спокойнее и остановился у борта покурить.

Ветер, дождь, туман и толчея весенних высоких волн северной части Тихого океана остались позади. Воздух был прохладным, легкий бриз дышал всеми неизъяснимыми запахами моря, а небо было безоблачным, и, хотя луна светила ярко, он никогда еще не видел столько звезд, мерцающих в прозрачной черноте. На воде лежала колышущаяся световая дорожка — гребни волн в ней рассыпались искрами, а ложбины между ними тускло сияли, как расплавленный обсидиан. Они плескались, эти волны, и катились, и шипели, и лепетали — такие тихие в своей необъятности, — и поглощали вибрацию машин, вызывая лишь легкое подрагивание корпуса и палубы.

Трубка раскурилась, и Рид прикрыл чашечку ладонью, чтобы согреть руку и сердце. Море всегда дарило ему душевный мир. Прекрасное и нечеловеческое. Прекрасное именно потому, что нечеловеческое? Он попытался приобщить Пам к этому чувству, но ей не нравилась и поэзия Робинсона Джефферса.

Он поглядел на луну, повисшую низко над горизонтом. «Четыре человека оставили на тебе свои следы, а для тебя хоть что-нибудь изменилось?» — подумал он. Какое ребячество! Он посмотрел прямо вперед. Но впереди маячила словно бы нескончаемая война. А позади, дома — словно бесконечная спираль ненависти и страха, и еще Марк, и Том (как с высоты десятилетнего возраста он гордо потребовал называть себя), и крохотулька Битси. И так мало времени лелеять их, прежде чем им придется вступить в мир, ломающийся у них под ногами. Перед всем этим какую важность представляют двое людей среднего достатка на грани пожилого возраста? Разве что ту, которую придает закон обратной пропорциональности?

Губы Рида насмешливо изогнулись вокруг мундштука. Жаль, подумал он, что нельзя свести статику и динамику человеческого бытия к аккуратненьким векторам или выработать уравнение противоборствующих сил в браке. Дым едкой волной прокатывался по его языку и нёбу.

— Добрый вечер, сэр!

Обернувшись, Рид узнал облитую лунным светом фигуру — Майк Стоктон, третий механик. На борту грузопассажирского

судна знакомства крепнут быстро. Однако со Стоктоном он встречался довольно редко.

— А! Здравствуйте! — сказал он машинально. — Приятный вечер, не так ли?

— Отличный. Ничего, если я постою с вами? Через несколько минут моя вахта.

«Неужели я так одинок, что это замечают все? — подумал Рид и сразу же одернул себя: — Брось! Ты того гляди расхнычешься. Поболтать с посторонним человеком тебе совсем не вредно!»

— Ну конечно! — сказал он вслух. — Как по-вашему, погода удержится?

— По мнению синоптиков, да. До самой Иокогамы, если нам повезет. А вы и ваша супруга надолго в Японию?

— Месяца на два. Назад мы полетим.

«У Джека с Барбарой ребятам будет неплохо, — подумал Рид. — Но когда мы войдем в дверь, и Битси увидит папулю, и побежит на толстых ножонках, протягивая ручонки и смеясь...»

— Я знаю Японию настолько, что завидую вам. — Стоктон посмотрел на Рида, словно и правда по-дружески завидовал ему.

Увидел он долгового, крупнокостного, широкоплечего шестифутового верзилу, длинноголового, с рубленым лицом, торчащим носом, тяжелым подбородком, с густыми черными бровями над серыми глазами и рыжеватыми волосами, в уже немодном свитере с высоким воротником под пальто. Даже в смокинге, который ему иногда приходилось надевать, после того как Памела тщательнейшим образом приводила костюм в порядок, у Рида все равно был помятый вид.

— Ну, для меня это деловая поездка. Я — возможно, вы помните? — архитектор. И недавно уволился, чтобы с партнером открыть свою фирму.

Памеле не нравилось, что он рискует. Но ей еще меньше нравилась унылая полунищета первых лет их семейной жизни, когда он отказался от содержания, которое предложили выплачивать им ее родители. Но она выдержала, и теперь они были более чем обеспечены, и если его попытка стать независимым потерпит неудачу (хотя он, черт побери, этого не допустит!), ему будет нетрудно снова устроиться в какую-нибудь фирму.

— Учитывая сильнейшее японское влияние на архитектуру жилых домов, — продолжал Рид, — я покручусь ради... ну, да ладно... ради озарения у ее источников. Главным образом в провинциальных деревушках.

Пам может и взвыть. Она любит комфорт... Нет! Что за мерзкая привычка быть к ней несправедливым! Она ж отправлялась с ним в поход, а потом просила прощения за то, что все

портила, с кротостью, от которой у него сердце сжималось, и в конце концов перестала его сопровождать. А он ради нее пытался с таким же упорством заинтересоваться бриджем, ее добровольной работой в молодежном центре и в больнице? Или хотя бы ее любимыми телевизионными программами?

— Вы ведь из Сиэтла, мистер Рид? — спросил Стоктон. — Я сам оттуда.

— Я там всего пять лет. А перед этим пожил после армии в Чикаго. Еще раньше — Висконсин и прочее, и прочее — типичная американская история.

Рид спохватился, что распространяется на тему, которая никакого интереса для его собеседника представлять не может. Для него такое поведение было редкостью. Уж скорее он отличался замкнутостью, разве что рюмка виски или пара банок пива развязывали ему язык. Но сейчас он старался уйти от своих мыслей. Ну и что? Раз уж он страхнул путы пресвитерианских догматов, внушенных ему в детстве, то к чему сохранять сопряженную с ними совесть?

— Э... Я однажды побывал в Сиэтле, и он мне понравился, — продолжал Рид почти смущенно. — Но более или менее приличную работу мне тогда удалось найти только в Чикаго. Не город, а бетонное чудовище! И, как говорится, там необходимо носить очки, даже если зрение у вас отличное, — не то кто-нибудь прикарманит ваши глазные яблоки.

Ему вспоминались мягкие дружелюбные люди, белокрылые яхты в Пюджет-Саунде, снежная вершина Маунт-Рейнер, высокая и чистая среди плывущих облаков, девственные леса в двух часах езды на машине. Для Пам, естественно, Чикаго был домом. Вернее, Эванстон, а это все-таки немножко другое. Но после Чикаго, когда он наконец нашел настоящую работу в Сиэтле и они переехали туда, она почувствовала себя в глухом захолустье, где небо обычно затягивали свинцовые тучи и погода сводилась к дождю, или к туману, или к дождю, или к снегу, или к дождю... А он, радостно ожидая следующего солнечного водопада, не замечал, как дождь ее выматывает.

— Да, нам повезло, что мы живем там, — сказал Стоктон. — Ну конечно, не считая этих средневековых антиалкогольных законов.

Рид засмеялся:

— Да уж! Ни один средневековый монарх не рискнул бы ввести столь варварские законы против алкоголя.

И только настроение у него чуть-чуть поднялось, как Стоктон сказал:

— Ну, мне пора в машинное отделение. Приятно было поболтать. — И исчез.

Рид вздохнул, уперся локтями в поручень и запыхтел трубкой. Ночное небо бормотало: «тшш, тшш, тшш». Возможно, завтра Пам повеселеет. Вот он и будет надеяться на это. И на то, что Япония действительно окажется той волшебной сказкой, которую сулят рекламные проспекты. А дальше...

Дальше? В его мозгу по прихотливой ассоциации возник образ глобуса. Помимо отличного пространственного воображения, для человека его профессии совершенно обязательного, он обладал еще и редкой памятью. Ему ничего не стоило протянуть прямую за Иокогаму, если бы теплоход следовал дальше. Но это был порт назначения. Владельцы такой ошибки не допустили бы. Ведь тогда этот курс привел бы их к Юго-Восточной Азии. Трудно осознать, что там в эту самую минуту люди убивают и калечат других людей, чьи имена они так никогда и не узнают. Будь прокляты идеологии! Когда эти мучения кончатся? Или всегда каждый год был трагичным, и так будет до окончания века? Риду вспомнился другой молодой человек, который погиб на другой войне, после окончания которой уже завершилась жизнь целого нового поколения, — он и написанные им строки о том, как раз зимним утром родилась любовь с нежными руками — и все было хорошо. И зажгла в сердце гордость, и умерла в нем. В тот же зимний день. И сказать больше нечего.

Однако Руперт Брук сумел это сказать. Спасибо за него, отец! Преподаватель английской литературы в маленьком колледже на Среднем Западе не мог обеспечить детей деньгами — и потому Рид, сам их зарабатывая, потратил лишний год, чтобы получить диплом. Но он дал своим детям упрямую веру в вечные истины, ненасытную любознательность, любовь к книгам — быть может, слишком большую любовь, кравшую время, которое следовало отдавать Памеле... Ну, хватит самоедства, решил Рид. Еще пройтись по палубе два-три раза... Возможно, она уже уснула, и он тоже ляжет...

Рид крепче сжал в зубах трубку и выпрямился.

И смерч засосал его в черный грохот. Он не успел вскрикнуть, как был уже вырван из своего мира.

Глава 2

Там, где Днепр сворачивал на восток, степь сменялась каменной грядой и река прорывалась сквозь нее, гремя на порогах и пенными каскадами устремляясь вниз. Тут ладью приходилось облегчать и вести бечевой, а в некоторых местах так и перетаскивать по берегу на катках, а груз переносить. В про-

шлые времена место это было самым опасным на всем ежегодном пути: поблизости устраивали засады печенег и внезапно налетали на корабельщиков, когда те брели по берегу и не могли толком защищаться, грабили их товары, а тех, кто имел несчастье остаться в живых, уводили с собой и продавали на невольничьих рынках. Олегу Владимировичу в юности удалось побывать в такой стычке, но по милости Божьей русские тогда прогнали врагов, многих перебили — чтобы остальным было кого оплакивать, а каких покрепче — взяли в полон продать в Константинополе.

Дела пошли куда лучше с тех пор, как великий князь Ярослав — муж великий, хоть и хромец! — разгромил язычников. Бой он им дал у ворот Киева и проучил их знатно — вороны так набивали зобы, что взлететь не могли, — и ни один печенег больше носа не смеет показать в его владения. Олег тоже бился в тот преславный день — в первый раз попробовал тогда настоящей войны. Тринадцать лет назад, и он — семнадцатилетний увалень с первым пушком на щеках. Потом случилось и с литовцами переведаться, а уж после участвовал он в злополучном морском походе на столицу греческой империи. Однако был Олег Владимирович все-таки купцом и недолго любил военные свары, мешавшие торговать (кабацкие драки не в счет: они помогают отвести душу, лишь бы вовремя уйти, пока не явились стражники). Хорошо, что греки тоже смотрят на вещи разумно и, отразив русских, скоро опять начали торговать с ними.

— Да! — сказал он чаще с квасом, которую держал в руке. — Мир и братская любовь куда как хороши для торговли! И ведь то же проповедовал Спаситель наш, когда ходил по грешной земле.

Он стоял на обрыве, откуда хорошо видел и реку, и ладьи. Ему, хозяину, неуместно было тянуть бечеву или перетаскивать тюки. У него теперь было три ладьи — не худо для паренька, который в лаптях обходил ловушки в северных лесах. Его кормчие сами за всем приглядят. Впрочем, дозорных выставить не мешало. Нападения разбойничьих шаек никто не ждал, однако на юге меха, шкуры, янтарь, перетопленное сало и воск можно продать с большой прибылью, а потому какие-нибудь бродяги, глядь, и сговорились разок попытать счастья.

— Твое здоровье, Катерина Борисовна, — сказал Олег, поднимая чашу. Чаша была дорожная — деревянная, но оправленная в серебро, чтобы все видели, что у себя в Новгороде он не последний человек.

Но, глотая кислотоватую жидкость, он думал не о жене, а если на то пошло, и не о рабынях и прислужницах, а о хитрой плутовке, с которой познакомился в прошлом году по ту сторону моря. Найдет ли он Зою и теперь? Если так, то будет еще одна причина перезимовать в Константинополе, где он намеревался завести новые связи среди чужеземных купцов, живущих там. Хотя Зоя... хм... Несколько месяцев с Зоей обойдутся недешево!

В медвяных травах гудели пчелы, васильки синевой соперничали с небесным куполом, струившим солнечные лучи. Внизу под обрывом его люди хлопотали вокруг расписных ладей с высоко задранным носом наподобие лебедя и дракона. Небось, ждут не дождутся Черного моря — убирай весла, ставь парус и лежи себе полеживай, пока ветер несет тебя вперед. Про течения и не вспоминают — это пусть хозяин мучается от страха, как бы не случилось какой беды. Их крики и ругань разносились далеко окрест, сливаясь с ревом батюшки Днестра. А тут на высоком обрыве было тихо и очень жарко: по ребрам у него струился пот, впитываясь в стеганую поддевку под кольчугой, от которой начинали ныть плечи. Но высоко-высоко в небе пел жаворонок, и радостные трели летели к земле, а навстречу им поднималось мягкое жужжание пчел...

Олег улыбнулся всему, что поджидало его в нескончаемых завтра.

И смерть засосал его.

Зимы здесь были не такие свирепые, как на равнинах, по которым кочевали предки Улдина, нападая на все новых и новых врагов. Здесь лишь в редкий год выпадало много снега и не надо было мазать салом лицо, чтобы его не обморозило. Однако все равно много овец погибало бы от бескормицы и зимних бурь, если бы он не объезжал склоны и не заботился о них — особенно когда подходила пора окота.

За Улдином следовали только шесть человек, включая двух рабов без оружия. Остготы бежали в римские пределы, где радужной встречи ждать не следовало. Некоторые, конечно, остались — убитые и те, кого, взяв в плен, побоями научили покорности. Последние три года гунны жили в мире, осваиваясь на недавно завоеванных землях.

Сейчас земли эти белели под низкими серыми тучами. Кое-где торчали оголенные деревья. Только остатки разграбленных и сожженных хижин напоминали об обитавших тут земледельцах. Изгороди пошли на топливо, злаки сменились дикими травами. На резком ветру дыхание вырывалось клубами пара. Ко-

пыта низкорослых косматых лошадок погружались в снег и цокали о замерзшую землю. Поскрипывали седла, позвякивала сбруя.

Октар, сын Улдина, нагнал отца. По годам ему, пожалуй, было рановато ездить одному — ведь и его отец был еще очень молод, — однако он пошел в свою мать аланку не только светлой кожей, но и ростом. Она была первой женщиной Улдина, рабыней, которую ему подарил отец, когда он вошел в возраст, чтобы переспать с нею. В конце концов на празднике Солнца он проиграл ее человеку из другого племени и не знал, что с нею стало дальше, хотя порой и думал об этом — но без особого интереса.

— Мы успеем добраться до стойбища, если поторопимся, — с важностью сказал мальчик. Улдин приподнял плетъ, и Октар поспешно добавил: — ...высокоchtимый родитель.

— Торопиться мы не будем, — ответил Улдин. — Я не стану изнурять коней, чтобы ты лег спать в теплой юрте. Мы разложим седельные сумки у... — Он прикинул с быстротой и точностью кочевника, — у Свалки костей.

Глаза Октара широко раскрылись, и он судорожно сглотнул. Улдин испустил смешок, напоминавший хриплый лай.

— Как? Боишься готских костей, разбросанных волками? Если они живые не смогли нам противостоять, кто же будет страшиться их тощих духов? Скажешь им: «Кыш!» — Он мотнул головой назад, и Октар отъехал к остальным.

Сказать правду, Улдин и сам был бы рад добраться до стойбища. Объезжать склоны в такое время года было невесело. Летом все племя кочевало следом за стадами, и после дневных трудов или охоты мужчина почти всегда мог вернуться к себе домой. Это было хорошо: скрип запряженных волами повозок, запахи дыма, жареного мяса, лошадей, людского пота, навоза и мочи в центре огромного круга колышущихся трав под гигантским небом, где парили ястребы. Шум, смех, обжорство, а с наступлением темноты — сборище у костров, треск огня, лица надежных друзей, вырванные из коварного мрака взметнувшимся языком жаркого пламени. И разговоры — то серьезные беседы, то похвальба, а может, в поучение молодежи и сказание о славных днях, когда сама Поднебесная империя боялась гуннов. Или же забористая непристойная песня во всю глотку под удары барабанов и завывание дудок — и мужчины уже приотпыывают в такт, становясь в круг. И кумыс — чаша за чашей заквашенного кобыльего молока, пока мужчина не становится жеребцом и не уходит в юрту к своим женщинам... Да, кабы не грозы (Улдин сотворил знамение против злых духов, которому

его научил шаман во время инициаций), лучше лета времени не было бы и добраться сегодня же до дома значило бы уже вкусить немножко летних радостей.

Но никаких послаблений допускать было нельзя. В лучшем случае это нарушит порядок, а племя, где нарушается порядок, уже не племя. Улдин вытащил из-под седла палочку с зарубками, обозначавшими величину его стада, и сделал вид, будто внимательно ее рассматривает.

Не так уж мало. Но не так уж и много. Он был не старейшиной рода, а всего лишь главой семьи. Столько-то младших сыновей и им подобных, а также их люди поклялись ему в верности. Еще ему принадлежали его собственные дети, жены, наложницы, наемники, рабы, лошади, скот, овцы, собаки, повозки, всякое снаряжение и награбленная добыча.

Добыча! Его доля, пока гунны расправлялись с аланами к востоку от реки Дон, была невелика. Ведь в те дни он был еще юнцом и только изучал искусство войны. Разграбление остготских земель принесло ему кое-какое богатство. Ну а теперь, когда вокруг такие пастбища, надо обменять серебро и шелк на скот — пусть естественный прирост приносит ему единственное надежное богатство.

Но его взгляд обратился на запад. За этой всхолмленной равниной, как он слышал, лежали горы, а за горами жили римляне, которые, говорят, свои улицы мостят золотом. Там человек может завоевать себе владения, по величине не уступающие владениям предков, так чтобы люди и тысячу лет спустя трепетали при звуке его имени.

Нет, до того времени Улдину не дожить. Гунны предпримут новые завоевания, только когда число их станет слишком большим. Конечно, совсем без битв умение воевать позабудется и племена станут легкой добычей врагов. Вот почему вестготов и их соседей они будут часто тревожить набегами, которые принесут двойную пользу.

«Погоди! — сказал он себе. — Почитай духов и предков, будь верен главе рода и выполняй его волю, как требуешь от домашних, чтобы они выполняли твою волю, мудро веди свои дела. А тогда, кто знает, чего ты не достигнешь?»

И смерч засосал его.

Опять Эрисса решила подняться на вершину совсем одна.

Она не знала, почему ее влечет туда. Шепот Богини? Или же если это слишком дерзкая мысль, то некий дух? Однако ни разу во время таких паломничеств ее не посещали видения. И, может

быть, это лишь желание побыть наедине с луной, с солнцем, звездами, ветрами, расстояниями и памятью. В такие дни дом, Дагон и даже — да, даже ее леса и луга, даже сладкая тирания ее детей превращались в тяжкие цепи рабства, которые необходимо было сбросить. Такой безжалостной казалась гнавшая ее сила, что она редко сомневалась в ее божественности. Да-да, конечно, это обряд очищения, и она должна снова и снова повторять его, пока не станет достойной воссоединения, обещанного ей двадцать четыре года назад.

— Завтра на заре я уйду, — сказала она Дагону.

Хотя он давно убедился, что возражать бесполезно, но все-таки заметил с обычной своей мягкостью:

— Но ведь как раз может вернуться Девкалион.

И при мысли о высоком мореходе, ее старшем сыне, сердце у нее сжалось. Слезы обожгли глаза. На Малате он жил теперь меньше, чем вдали от него, а когда возвращался на остров, то почти все дни, как заведено в этом мире, проводил дома со своей красивой женой и детьми или с молодыми друзьями. Только он становится все больше похожим на своего отца...

Жгучие слезы напомнили ей о том, как заботился Дагон о мальчишке, который не был его сыном. Конечно, для него великая честь иметь пасынком сына Бога. Однако он был с ним ласковее, чем повелевал долг. Эрисса улыбнулась и поцеловала мужа.

— Если он вернется, налей ему за меня чашу кипрского вина! — сказала она.

Ночью Дагон жадно искал ее, зная, что возвратится она через много дней. Другие женщины его не влекли. (Ну, наверно, в чужеземных портах он иногда искал их — ведь торговые плавания длятся так долго! Да она и сама в его отсутствие иногда принимала мужчин. Но когда он перестал ходить в море и занялся посредничеством, им было довольно друг друга.) И теперь она старалась отвечать, но мысли уносились к горе Атабирис, к тому, что случилось четверть века назад.

Она проснулась даже раньше рабов. Пошарив в темноте, вытащила головню из очага и зажгла светильник. Потом совершила омовение. Холод воды быстрее погнал кровь по ее жилам. Затем она облеклась в надлежащие одежды и лишь тогда, опустившись на колени перед домашним алтарем, совершила положенный обряд и вознесла моления. Дагон сам, своими золотыми руками изваял Богиню и Двойную Секиру. В мерцании светильника Владычица, держа в объятиях Сына, выглядела живой, дышащей, словно Ее ниша была окном, распахнутым в безграничные просторы.

Свершив долг благочестия, Эрисса начала собираться в путь. Сбросив длинную юбку и блузу с широким вырезом, она надела тунику и крепкие сандалии. Волосы заколола тугим узлом, а к поясу прицепила нож и сумку с припасами. Она съела ломоть хлеба с куском сыра и запила его вином, разведенным водой. Тихонько, чтобы не разбудить их, она заглянула в две комнаты, где спали ее дети от Дагона — два мальчика, две девочки. Старшей семнадцать, уже почти невеста. (О Дева Бритомартис! Ей самой было столько же, когда Бог сошел к ней!) И пухленький трехлетний младший — милый сонный запах! Только отойдя от дома, она вспомнила, что не простилась с мужем.

На западе в синих глубинах еще кое-где светились звезды, но восток побледнел, блестела роса, щебетали птицы. Ее дом стоял совсем близко к портовому городу, но крутой склон и густые рощи маслин, инжирных и гранатовых деревьев скрывали от глаз все, кроме ее собственных угодий.

Дагон не одобрил ее выбор.

— Лучше жить в городе внутри стен. С каждым годом морские разбойники множатся. Здесь нам никто не поможет защищаться.

Она засмеялась, но не весело, а с горечью, положившей конец спору.

— После того, что нам пришлось пережить, милый, стоит ли бояться кучки трусливых псов?

А потом — он ведь был тряпкой, горожанином, способным сладить с женщиной, только поставив ее по закону ниже себя, — она добавила:

— Мы построим крепкий дом и будем брать в работники только сильных мужчин, способных сражаться. Тогда мы сумеем отразить любое нападение, пока на сигнальный дым не подоспеет подмога. А мне, чтобы выращивать священных быков, нужны обширные угодья.

Оставив дом и службы позади, она свернула на тропу, ведущую в сторону от моря через луга, где пасся ее скот. Коровы дремали в курящейся туманной дымкой траве или спокойно подставляли вымя неуклюже бодающимся телятам. Под платаном, верхние ветки которого уже ловили лучи пока еще невидимого солнца, стоял Отец Минотавр. Она замедлила шаг, любуясь его величавыми рогами. По его шкуре узором рассыпались пятна, точно по дерну в лесу в солнечный день. Могучие мышцы перекатывались под ней, точно морская зыбь в тихую погоду. О Священный! Внутри у нее все заныло от желания танцевать с ним.

Нет! Бог, зачавший Девкалиона, отнял у нее право танцевать в честь Богини, а время, унеся ее юную гибкость и быстро-

ту, отняло у нее право жены и матери танцевать, обучая своих детей.

Но в остальном ее тело оставалось молодым, она шла быстрым размашистым шагом, и камешки хрустели под ее сандалиями.

Там, где начиналось безлюдье, ее узнал свинопас и опустился на колени. Она благословила его, но не остановилась. Строго говоря, у нее не было права благословлять — ведь жрицей она не стала и просто слыла ворожеей, умеющей врачевать, предсказывать будущее и творить белые чары. Поэтому ей дозволялось поступать как заблагорассудится — уходить одной далеко от дома в одежде горца, не вызывая возмущения добропорядочных людей, но святостью она не обладала.

Однако ворожея тоже причастна божественным силам, и Эрисса помогла малатийцам возродить некоторые священные церемонии — ведь в юности она танцевала с быками в честь Владычицы и хотя не похвалялась тем, что была избранницей Бога, но отрицать это нужным не считала, и почти все ей верили. Так что она была не простой деревенской знахаркой.

Почтение, которое с годами она внушала все больше, способствовало Дагону в его делах. Эрисса весело усмехнулась.

Ее мышцы напрягались и расслаблялись, напрягались и расслаблялись, уводя ее все дальше от моря, все выше в горы. Вскоре она уже добралась до древнего соснового бора. На этой высоте под этими душистыми ветвями осенняя прохлада стала знобкой. В полдень Эрисса села перекусить там, где стремительный ручей образовал широкую заводь. Она легко могла бы поймать руками рыбу и съесть ее сырой, но она шла к святилищу Богини и не могла отнимать жизнь.

До своей цели она добралась в сумерках — до пещеры на верхнем склоне самой высокой горы на Малате. Неподалеку в хижине жила жрица-предсказательница. Эрисса принесла ей в дар подвеску из северного янтаря с жучком, навеки заключенным в нем. Египетский символ обладал могучими свойствами, и потому дар был очень ценным. В благодарность жрица не просто дала Эриссе обычное разрешение вознести молитвы перед тремя изваяниями у входа в пещеру — перед Бритомартис, Девой, перед Реей, Матерью, перед Диктинной, Помнящей и Предвидящей, но проводила ее за Завесу к источнику и его Тайне.

В хижине было много съестных припасов — подношений сельских жителей. Когда они поели, предсказательница расположилась поболтать, но Эрисса не пожелала, а так как и в ней жила Сила, принуждать ее не следовало, и они рано легли спать.

Встала Эрисса тоже спозаранку и перед зарей была уже на вершине.

Там в одиночестве среди безмолвия и блеска новорожденного утра она смогла дать волю слезам.

У ее ног склон круто уходил вниз уступами, скалистыми обрывами, мощными и темными в обрамлении зелени сосен, которые далеко-далеко внизу сменялись пестротой полей и садов. А вверху простиралось ничем не заслоненное небо, где плавал орел, чьи крылья отливали золотом в юном свете Астерия, солнца, Сына. Воздух был прохладным, терпким от шафрана и тмина, легкий ветерок сдувал волосы с увлажнившегося лба. Вокруг острова смыкалось море, синее, зеленое, вдали темно-лиловое, все в полосках сверкающей пены. На северо-запад уходили другие острова, точно белорудые корабли. На севере дыбила Азия, все еще в дымке ночных сновидений. Но на юге вставала вершина Иды, где родился Астерий... о Кефт, прекрасный и потерянный навсегда!

И ни единого следа Хариа-ти-эйа. Миру ее больше никогда не видеть.

— Бог Данкен! — рыдала Эрисса, протягивая к небесам руку с комком земли. — Когда ты снова призовешь меня к себе?

И смерч засосал ее.

Они стояли на сожженной солнцем земле. Каменистая, бурая, изрезанная овражками равнина, кое-где поросшая колючим кустарником. Южный горизонт тонул в жарком колеблющемся мареве. На севере пустыня смыкалась с водной гладью, сверкавшей, как полированное серебро, под безжалостным белым блеском, в котором кружили три стервятника.

Они посмотрели на землю, друг на друга. И закричали.

Глава 3

В тот вневременной миг, когда Рида затянуло и унесло, все его существо в ужасе вопияло: «Нет-нет! Только не инсульт, когда я еще молод!» И тут же он отшатнулся от пустыни, которая заполнила его глаза, уши, легкие. Но отступать было некуда: пустыня была повсюду вокруг... В голове вспыхивали слова: «Я сплю! Я брежу! Я умер, и я в аду!»

Гремел ветер, раскаленный, сухой, как кожа мумии, и песчинки, шелестя, обдирали лицо.

В его голос врезались другие голоса, и он рывком обрел сознание. Трое! Светлобородый мужчина в остроконечном шлеме и кольчуге; приземистый всадник в кожаной куртке и меховой

шапке на вздыбившейся низкорослой лошадке; высокая худощавая женщина в белом платье до колен. И Данкен Рид. Они, дрожа, стояли шагах в десяти—пятнадцати друг от друга и от неподвижного нечто.

Нечто... Сужающийся к одному концу цилиндр ярдов десяти в длину, с наибольшим диаметром около четырех ярдов, отливающий медным блеском, совершенно гладкий и ничем не примечательный. Разве? Над его поверхностью переливалось радужное сияние, не позволяя точно определить его очертания.

Всадник справился со своей лошадкой и сразу же отцепил привешенный к седлу двурогий лук, выхватил стрелу из колчана рядом и натянул тетиву. Светловолосый взревел и занес топор, женщина обнажила нож из красноватого металла. Рид отчаянно пытался стряхнуть с себя этот кошмар, смутно заметив, что ноги его напряглись, готовясь к бегству.

Но тут мечущиеся глаза женщины задержались на нем. Она закричала, но уже по-иному, не с ужасом, а... как?.. Уронила нож и кинулась к нему.

— Э-эй! — услышал Рид свой осипший голос, бормочущий тихо и нелепо. — Я... Я не знаю... Кто вы? Где мы?

Она добежала до него, обхватила обеими руками и прижала рот к его рту с таким иступлением, что его губы раздвинулись. Он пошатнулся и едва не упал. Ее слезы смыли кровь и соленой влагой смочили его язык. Она всхлипывала и бормотала слова, которые он не понимал, хотя среди них словно бы повторялось его имя, что было уже пределом безумия. Мгновение спустя, когда он не обнял ее и не поцеловал в ответ, она упала на колени. Собранные в узел волосы полуночной черноты рассыпались и скрыли ее потупленное лицо.

Рид с недоумением уставился на мужчин. Они уставились на него. Видимо, пока женщина обнимала его, они чуть-чуть успокоились, решив, что, быть может, немедленная гибель им не угрожает. Бородач опустил топор, а всадник снял стрелу с тетивы.

Наступило молчание. Только свистел ветер и всхлипывала женщина.

Рид трижды глубоко вздохнул. Сердце у него еще колотилось, но не так неистово. Дрожь улеглась. И он обрел способность думать. Одно это было уже спасением.

Неведомое, наступая на него со всех сторон, удивительно обострило его восприятие. Очнувшийся мозг начал фиксировать факты. Сухая жара; солнце почти в зените раскаленного добела небосвода; спекшаяся земля, на которой лишь кое-где уцелели колючие кусты и пучки трав; несущаяся в воздухе пыль; непо-

далеку берег моря или огромного озера. Все это было незнакомым и непонятным, но все это существовало.

Как и женщина у его ног. Он увидел, что платье ее как будто сшито из домотканого полотна, а канва синевой обязана какой-то растительной краске. Он увидел, что ее сандалии сделаны из кожи, только из кожи, и удерживаются на ногах кожаной шнуровкой, немного не доходящей до колен. Он увидел свежую пыль и старые пятна, которые нетрудно было вывести с помощью химических средств. Она цеплялась за его ботинки. Он ощутил прикосновение ее рук и заметил, что кисти и ступни у нее большие, но красивой формы, ногти короткие, без следов лака, а на левом запястье надет широкий серебряный браслет с бирюзой, искусной работы, но совсем не такой, какие изготавлиют для продажи туристам индейцы навахо.

Он не помнил другого такого детального сна — детального до последней пылинки. И все оставалось на месте. Он посмотрел на пучок травы — и пучок не превратился в жабу. В происходящем не замечалось ни ускорения, ни прерывистости. Все развивалось секунда за секундой, и каждая секунда была логичным продолжением предыдущей.

Реальное время?

А может ли присниться, будто ты видишь сон в реальности?

Но что бы ни случилось, действуя разумно, он ничего испортить не может. И, подняв руки ладонями вперед, Рид принудил себя улыбнуться обоим мужчинам.

Субъект в кольчуге не улыбнулся в ответ, но его нахмуренный лоб чуть-чуть разгладился, и он подошел ближе, держа топор руками в рукавицах наклонно перед собой и широко раздвинув локти. Шагах в трех от Рида он остановился, сдвинув ступни под прямым углом и слегка согнув колени. Он не актер, подумал архитектор. Он знает, как рубить этой штуковиной. Иначе он встал бы в позу дровосека, как сделал бы я до того, как увидел его. И оружие это побывало в деле — а то откуда бы эта зазубрина на лезвии и вон та царапина? Но где я уже видел такой боевой топор?

По его спине забегали мурашки. На Байонском гобелене, запечатлевшем битву при Гастингсе, именно такие топоры держали саксы.

Бородач что-то бурчал, видимо, задавая вопросы. Его язык звучал столь же чуждо, как язык женщины... Нет, не совсем. В нем чудилось что-то призрачно знакомое. Наверно, он был родственным какому-то из языков, которые ему доводилось слышать в кинотеатрах, где шли иностранные фильмы, или по-

ка он отбывал военную службу в Европе. Бородач сердито указал на непонятный цилиндр.

У Рида так пересохло во рту, что он с трудом выговаривал слова:

— Извините, я... я сам тут впервые. Вы говорите по-английски? Parlez-vous francais? Habla usted espanol? Sprechen sie Deutsch?*

Это были языки, на которых он мог бы кое-как объясниться, но у бородача его вопросы никакого отклика не вызвали. Однако он, видимо, понял, что Рид такая же жертва, как и он сам. Хлопнув себя по груди, он объявил:

— Олег Владимирович, новгородец.

Он повторил это несколько раз, и Рид наконец разобрал отдельные слова. Они его ошарашили.

— Рус-ски? — произнес он, запинаясь, и тоже повторил несколько раз. В конце концов Олег кивнул:

— Да! Я, да! Новгородец. Подвластный князю Ярославу.

Рид с недоумением замотал головой.

— Советски? — спросил он затем.

Олег попытался ответить, но не сумел.

Рид обошел женщину и, настороженно приглянувшись, написал на песке «СССР» и посмотрел на Олега, вопросительно подняв бровь. Эти буквы кириллицы в мире знали все, а Советы претендовали на практически стопроцентную грамотность своих граждан. Однако Олег ограничился пожатием плеч и чисто славянским жестом развел руками.

Американец выпрямился. Они внимательно оглядели друг друга.

Одеяние Олега было настолько странным, что мешало воспринять его как просто человека. Конический с острием шлем был надет на достигавший плеч стеганный капюшон с нашитыми снаружи мелкими колечками. Кольчуга без рукавов из более крупных колец доставала почти до колен. Под ней был стеганный балахон, надетый поверх белой льняной рубахи. В такой убийственной жаре! Темное железо поблескивало от пота, стекавшего со лба Олега. К усаженному медными бляхами поясу были подвешены кинжал и кожаный кошель. Синие холщовые штаны были заправлены в яркие красно-зеленые сапоги. Рукавицы были тоже кожаными с раструбами и медными полосками на тыльной стороне.

* Говорите по-французски? (фр.) Говорите по-испански? (исп.) Говорите по-немецки? (нем.)

На вид ему было лет тридцать. Высокий, широкоплечий и мускулистый. Довольно большой живот и несколько обвислые щеки не сглаживали впечатления огромной силы. Голова у него была круглой, как и курносое лицо. Густые золотистые усы и борода прятали рот и подбородок. Красная задубелая кожа подчеркивала зеленоватую голубизну глаз под косматыми пшеничными бровями.

— По-моему... вы... хороший человек, — сказал Рид, понимая, как это глупо.

Олег ткнул в него пальцем, несомненно, требуя, чтобы он назвал свое имя. Воспоминание о разговоре с механиком Стоктоном — Господи, ведь еще и получаса не прошло! И посреди океана! — хлестнуло Рида почти физической болью. Он пошатнулся, все вокруг заплесало.

— Данкен! — пробормотал он.

— Данкен! — Женщина вскочила и кинулась к нему. Он оперся на нее, ожидая, чтобы все пришло в равновесие.

— Данкен! — ворковала она, полусмеясь, полуплача. — Каанкхаш, Данкен.

На них упала тень. Олег мгновенно встал в боевую позу. Всадник подъехал к ним, вновь натягивая тетиву. Выражение на его лице ничего хорошего не предвещало. Почему-то это ободрило Рида.

— Легче, приятель, — сказал он, полагаясь на тон голоса, улыбку, поднятые ладони. — Мы против тебя ничего не замыслим! — Он похлопал себя по груди, произнес свое имя, потом назвал Олега. Но прежде чем он успел спросить женщину, очень красивую, как он заметил только теперь, она сама сказала: «Эрисса!» — и сказала с вызовом.

Всадник продолжал их разглядывать.

Ни он, ни его лошадь внушительного впечатления не производили. Низкорослый конек смахивал на мустанга... нет, морда другая. А походил он на тарпана, дикую лошадь Центральной Азии: бурая масть, косматость. Грива и хвост переплетены шнурками с синими кисточками. Нехолощенный жеребчик, без сомнения, быстрый и выносливый, но не для выставки. Не подкован, уздечка самая примитивная, седло высокое спереди и сзади с короткими стремянами. С седла свисают полный колчан, свернутый аркан, засаленный войлочный мешок и кожаная фляга.

На всаднике были неказистые войлочные сапоги, широкие штаны из грубой серой ткани, завязанные у щиколоток и немилым грязные. Поверх войлочной рубахи, которую можно было учуять с пяти шагов, на нем была длинная кожаная куртка,

стянутая поясом в талии, и круглая меховая шапка на голове. Кроме лука вооружен он был ножом и подобием сабли.

Он отличался могучим телосложением, но почти карликовым ростом — не больше пяти футов трех дюймов. Он был кривоног и волосат. Но, как потом выяснил Рид, голову он брил, оставляя только пучок на макушке и по пучку за ушами, в которые были продеты золотые кольца. Лицо его настолько исполосовали шрамы, что усы и борода почти не росли. Шрамы, видно, служили своего рода татуировкой, так как образовывали правильные петли. Черты лица были грубыми — крупный изогнутый нос с глубоким вырезом ноздрей, высокие скулы, скошенный лоб, глаза-щелочки, словно выдубленная оливково-смуглая кожа. В целом он походил больше на армянина или на турка, чем на монгола.

Олег буркнул в усы:

— Не печенег. — И спросил резко: — Половец? Булгарин?

Всадник прицелился в него. Рид увидел, что лук его сделан из роговых пластин, и вспомнил прочитанную где-то справку, что стрела, пущенная из такого лука, пробивает почти любую броню.

— Э-эй! — воскликнул он. — Полегче!

Всадник свирепо уставился на него, но он снова назвал их имена, а затем указал на цилиндр, изобразил растерянное недоумение, включив в него и Олега с Эриссой.

Всадник сделал выбор.

— Улдин, чки ата Гюнчен, — сказал он. — Улдин. Улдин. — Потом, тыча грязным пальцем в остальных, он разобрался в их именах. Наконец снова указал на себя — все еще держа тетиву натянутой — и разразился гортанными звуками.

Первым его понял Олег и повторил тот же жест.

— Олег Владимирович, — сказал он. — Новгородец. — Потом ткнул пальцем и спросил: — Данкен?

Кто ты? Нет, не как личность, но к какому народу ты принадлежишь. Вот оно что!

Ответ Эриссы «кефтиу» поставил остальных в тупик, как, впрочем, ставил остальных в тупик ответ каждого из них.

Она же была словно удивлена и обижена, что Рид никак не отозвался на ее слова, и пошла за своим ножом. Рид увидел, что нож бронзовый. А наконечник стрелы был железным. Снаряжение Олега было либо тоже из простого железа, либо из скверной стали с малым добавлением углерода, а внимательно всмотревшись, он обнаружил, что каждое колечко, каждая заклепка на нем были ручной работы. Улдин закончил свою речь:

— ...гунн.

В его произношении это слово прозвучало для Рида непри-
вычно и все-таки ошеломило.

— Гунн? — Он судорожно глотнул, и Улдин кивнул с хо-
лодной усмешкой. — Ат... Аттила? — Улдин никак не ото-
звался, а Олег подергивал себя за бороду, словно стараясь при-
помнить что-то. Однако имя это ему, видимо, говорило очень
мало — а Эриссе совсем ничего.

Русский, который явно считает, что тот факт, что он из Нов-
города, гораздо важнее его национальности; гунн, который не
знает имени Аттилы; кефтиу, которая, откуда бы она ни была, с
тревожным обожанием смотрит на... на американца, перебро-
шенного с севера Тихого океана в пустыню, где никто из них
явно не слышал об Америке... Рида осенила догадка.

Но она не могла быть верной. Не должна...

Эрисса стояла к нему ближе остальных, он повернулся к ней,
и она взяла его руки в свои. Он почувствовал, что ее сотрясает
дрожь.

Она была ниже его на каких-то три дюйма и, значит, на
редкость высокой, если принадлежала к какой-либо средиземно-
морской расе, о чем свидетельствовала ее внешность. Худоша-
вая, хотя полная в бедрах и с крепкой грудью, достаточно, чтобы
удовлетворить вкус любого мужчины. К тому же длинноногая, с
лебединой шеей и гордо посаженной головой. Голова эта была
долихоцефальной, но с широким лбом и округлыми щеками,
сужающаяся к подбородку. Классический прямой нос, пухлые
подвижные губы, чуть широковатый для классических канонов
рот. Изогнутые дугой брови и черные ресницы обрамляли боль-
шие блестящие глаза — карие, хотя цвет этот был изменчи-
вым, становясь то зеленым, то свинцово-серым. Черные волосы,
густые и волнистые, падали ей на спину. Прядь надо лбом была
совсем белой. Загорелая, чуть обрызнутая веснушками кожа
выглядела гладкой и нежной — лишь несколько морщинок на
лбу и у глаз да легкая суховатость указывали на возраст, близ-
кий к его собственному, решил он.

Но ходила она как юная девушка... нет, как балерина, как
Данилова, как Таллищева, как леопард.

Ее губы опять дрогнули в улыбке. Она, словно отбросив свои
страдания и преклонение, робко улыбнулась в ответ.

— Кха-кха! — громко откашлялся Олег, и Рид, выпустив
руки Эриссы, обменялся рукопожатием с русским, а затем про-
тянул руку гунну, который после некоторого колебания встрях-
нул ее. Жестами Рид предложил им обменяться рукопожатиями
между собой.

— Дружба! — объявил он громко, потому что в этой пустыне даже просто звук человеческого голоса был уже объяснением. — Мы попали в какую-то невероятную ловушку, мы хотим вернуться домой и будем держаться вместе. Так?

Он посмотрел на цилиндр. Прошла минута, пока он собирался с духом. Свистел ветер, стучало его сердце.

— Эта штука забросила нас сюда, — сказал он и зашагал к цилиндру.

Они замаялись. Он помахал, подзывая их. Эрисса словно скользнула к нему по воздуху. Он знаком указал, чтобы она шла позади него. Олег буркнул, что тут не без колдовства, и пошел за ней. Казалось, он вот-вот растечется в лужу пота. Улдин последовал за ними на некотором расстоянии. Рид решил, что гунн — воин-профессионал и думает не о героизме, а о том, чтобы занять наиболее выгодную позицию для стрельбы из лука. А впрочем, Олег ведь был вооружен только для рукопашного боя.

Под подошвами Рида скрипел пыльный песок. Пальто не давало ему дышать. Он сбросил его. За цилиндром пустыня тянулась до далекого горизонта в смутном мареве и танцующих завихрениях пыли. Таким же смутным выглядел и цилиндр, окутанный перламутровым сиянием.

«Это машина! — сказал себе Рид свирепо. — А я здесь единственный человек века машин, и только у меня есть шанс хоть как-то разобраться с ней!

Но велик ли этот шанс?

Битси. Пам. Марк. Том. Отец. Мама. Сестры, братья. Фил Мейер и наша новорожденная фирма. Сизтл, Пюджент-Саунд. Проливы. Лесистые острова и горы. Ванкувер, смешная старомодная Виктория, мост Золотые Ворота, стены, взмывающие от роттердамской набережной, собор в Солсбери. Полубревенчатая сказка Рикевира со щипцовой крышей, крытая соломой хижина на картине Хокуся и все те дома, которые он собирался построить... Почему человек узнает, как богат этот мир, только стоя на краю гибели?

Пам, Памела, Памлет, как я называл тебя одно время, вспомнишь ли ты, что за всей внешней шелухой я любил тебя?

Правда ли это или я ломаюсь перед собой?

Неважно. Я уже почти дошел до машины...

Машины времени?

Чушь. Дурацкие выдумки. Невозможно физически, математически, логически. Я сам доказал это в курсовой работе по философии науки.

Я прекрасно помню, каким тонким аналитиком ощущал себя в двадцать один год, а теперь знаю, каково очутиться без малей-

шего предупреждения в жуткой пустыне и подходить к аппарату, недоступному для воображения. А за спиной у меня средневековый русский, и гунн, родившийся задолго до Аттилы, и женщина из времени и места, не упоминавшихся ни в одной из книг, которые я читал, тратя время, которое мог бы отдать Памеле».

Внезапно перламутровое сияние завихрилось, стянулось в спираль, сосредоточилось на одной точке металлической поверхности. Точка начала расширяться, превратилась в круг, открылась в сумрачную лиловатость, пронизанную звездными искрами. Оттуда вышел человек.

На то, чтобы рассмотреть его, у Риды была секунда. Невысокий, плотного сложения, медно-красная кожа, черная шапочка бархатистых волос, широкоскулое, но красиво вылепленное лицо. Спектрально белый балахон и прозрачные сапоги. В руках он держал два одинаковых полушария из сверкающего металла, около двух футов в поперечнике с крохотными кнопками, пластинками и выключателями.

Он пошатывался, вид у него был страшный, а одежду пятнали следы рвоты. Рид остановился как вкопанный.

— Сэр... — начал он, поднимая руки ладонями вверх.

Человек пошатнулся и упал. Изо рта и ноздрей хлынула кровь, мгновенно впитываясь в песок. Вход в цилиндр позади него закрылся.

Глава 4

— Господи! Что, если пилот умер! — Упав на колени, Рид легонько ощупал неподвижное тело. Грудная клетка приподнималась и опадала, но лишь чуть-чуть и с грозной частотой. Кожа обжигала сильнее, чем песок пустыни вокруг.

К нему присоединилась Эрисса. Лицо у нее было самозабвенно сосредоточенным. Напевая про себя что-то вроде заклинания, она ощупала меднокожего человека с несомненной сноровкой, оттянула веко, взгляделась в зрачок, пощупала пульс, соизмеряя его с ритмом своего песнопения, вздернула балахон к плечам и разрежала плотно облегающий комбинезон под ним, проверяя, нет ли переломов или других повреждений. Мужчины с тревогой ждали. Она встала, посмотрела по сторонам и указала на овражек.

— Ага! Перенесите его в тень, — истолковал Рид ее жест. — Ну и сами укроемся от солнца.

Тут он вспомнил, что английский здесь не знает никто, но они и сами поняли. Олег отдал боевой топор Эриссе, легко под-

нял пилота на руки и понес. Она вытащила из выреза туники амулет — золотой брелок, висевший на ремешке, обвивавшем ее шею, прикоснулась амулетом к оружию и лишь тогда с некоторым почтением понесла его за русским.

Рид попытался рассмотреть цилиндр поближе. На расстоянии двух-трех шагов от него, где начиналось перламутровое мерцание, его что-то остановило. Словно он наткнулся на резиновое полотнище, которое было растянулось под нажимом, но с каждым дюймом становилось все более тугим. Защитное энергетическое поле, подумал он. Ничего удивительного в подобных обстоятельствах. Лучше держаться от него подальше... возможно облучение... хм-м-м... Пожалуй, нет, ведь пилот... Но как попасть внутрь? Без него нам туда не проникнуть.

Рид подобрал полушария. Их внутренняя полость выглядела много сложнее наружной поверхности. Единственным более или менее понятным были тройные перекрещивающиеся ленты, напоминающие завязки шлемов. Так, может быть, это аппараты связи, которые надеваются на голову? Он отнес их в овражек. По пути он увидел свою выпавшую у него изо рта трубку и подобрал ее. Даже в Судный День человек заботится о мелочах. Крутые стенки овражка загораживали от ветра, а кое-где и отбрасывали тень. Олег уложил пилота (так Рид продолжал называть бесчувственного человека) в наиболее широкой полоске тени. Но она оказалась недостаточной, и Рид с Эриссой нарезали палок, воткнули их в землю и накрыли пальто, соорудив подобие тента. Олег сбросил шлем, кольчугу, стеганую поддевку и испустил вздох облегчения. Улдин разнуздал конька, привязал к кусту на краю оврага и укрыл попоной, которую вытащил из-под седла. Сумку и флягу он принес с собой и предложил поделиться их содержимым с остальными. Вяленое мясо никого пока не прельстило, но молочный напиток, хотя он был кислым и явно опьяняющим, оказался просто спасительным.

Потом им оставалось только скорчиться в скудной тени под склоном и терпеливо ждать. Эрисса часто подходила поглядеть на пилота. Олег и Улдин по очереди взбирались по крутому осыпающемуся откосу, осматривались по сторонам и возвращались, отрицательно покачивая головой. Рид был погружен в мысли — но потом не сумел вспомнить ни одной из них, а только ощущение, что Эрисса не сводит с него глаз.

Солнце медленно сползало к западу. Тени в овражке удлинялись, сливались в одну. Четверо подняли лица в полосках пыли и засохшего пота с покрасневшими глазами и запекшимися губами, подставляя их первому дыханию прохлады.

Пилот зашевелился и что-то сказал. Они подбежали к нему.

Он задергал руками и ногами, пытаясь сесть. Эрисса хотела его уложить. Он вырвался.

— Ментатор... — прохрипел он, и еще какие-то слова, напоминавшие испанские, но звучащие гораздо мягче. Он рвотно закашлялся. Из носа снова потекла кровь. Эрисса прижала к его ноздрям обрывок платка, который ей дал Рид, и знаками показала Олегу, чтобы он приподнял раненого, а сама помогла ему проглотить немного напитка, который Улдин называл кумысом.

— Погодите! — Рид побежал к тому месту, где недавно сидел, и принес полушария. Пилот с усилием, но настойчиво закивал, и Эрисса нахмурилась. Пилот потянулся к полушариям. Рид нагнулся, чтобы помочь ему, и Эрисса отступила, ясно показывая, что ставит решения американца выше собственных.

«Черт, правильно ли я поступаю? — мелькнуло у него в голове. — Он ведь еще жив, горит в жару, и ему любое напряжение опасно. Но если он не сможет вернуться в машину, это верный конец для всех нас!»

Пилот дрожащими пальцами копался внутри шлемов. Потом один надел себе на голову. Под сверкающим металлическим куполом его провалившиеся глаза и измазанное кровью и пылью лицо выглядели совсем уж жутко. Он откинулся на грудь Олега и сделал знак Риду надеть второй шлем. Американец послушался. У пилота еле хватило силы нажать кнопку на своем шлеме — самую большую прямо надо лбом. Рука слабо упала, но пальцы зашевелились, указывая на Рида. Архитектор собрал остатки мужества. Будь готов ко всему, сказал он себе. И держись, сынок, держись! Он нажал на центральную кнопку.

Нарастающее жужжание. Но, видимо, у него в мозгу, потому что остальные явно ничего не слышали. И вообще это не был физический звук, передающийся слуховыми нервами. У него закружилась голова, и он сел. Но причиной могло быть просто перенапряжение после всех этих тяжелых часов.

Пилоту было заметно хуже. Он задергался, застонал, закрыл глаза и весь обмяк.словно шлем был вампиром, высасывающим из него жизнь. Эрисса несмело опустила возле него на колени, но не прикасалась к нему.

Когда по часам Рида миновало десять минут, жужжание замерло. Кнопки на обоих шлемах выпрыгнули. Головокружение прошло. Видимо, шлемы выполнили какую-то операцию и выключились. Пилот лежал почти без сознания. Когда Рид снял шлем, Эрисса освободила от шлема своего пациента и уложила его на землю. Нагнувшись над ним, она прислушивалась к его

прерывистому дыханию и следила за жилкой, бьющейся на его шее.

Наконец он открыл глаза и что-то зашептал. Эрисса наклонилась к его губам, нахмурилась и поманила Рида. Он не понял, чем может помочь, но подошел. Смутный взгляд пилота остановился на нем, стал настойчивым.

— Кто... вы? — прохрипел пересохший рот. — Откуда вы и из когда?

Американизированный английский!

— Скорее, — настаивал голос. — Мне... недолго. Ради вас же. Вы знаете... ментатор? Этот аппарат?

— Нет, — с благоговейным ужасом ответил Рид. — Передатчик языков?

— Да. Сканирует центр речи в мозгу. Мозг — информационный банк. Сканер извлекает языковую информацию... передает ее воспринимающему мозгу. Безвредно... хотя и стресс... для воспринимающего... поскольку происходит... запечатление.

— Так лучше бы вы передали свой язык мне!

— Нет. Слишком сложно. Вы бы не знали, как... оперировать многими понятиями. Научите вон того дикаря с татуированным лицом таким словам, как... как «паровая машина»... и вы не сможете разговаривать с ним еще многие дни... недели, пока он не усвоит идею... паровой машины, имею я в виду. Но вы могли бы... сразу... поговорить с ним о лошадях. — Пилот помолчал, собираясь с силами. — А у меня нет на это времени.

На заднем плане Олег осенял себя крестными знаменами справа налево и бормотал русские молитвы. Улдин отошел подальше и взмахивал руками, возможно, оберегая себя от колдовских чар. Эрисса бесстрашно оставалась рядом с Ридом, хотя и прижала амулет к губам. С удивлением он заметил, что амулет имеет форму двойной секиры.

— Вы из будущего? — спросил Рид.

Губы пилота тронула улыбка.

— Мы все оттуда. Я Сахир. Из... не помню, какой была исходная дата вашего календаря... Была... есть... будет. Я отправился с... а, да!.. с Гавайских островов... в... анахро... скажем, в пространственно-временном корабле. Мы направлялись в... доисторическую Африку. Проточеловек. Мы... примерно, антропологи... были. Можно еще попить?

— Конечно! — Рид и Эрисса помогли ему.

— А-ах! — Сахир откинулся на спину. — Мне чуть легче. Но это ненадолго. И я должен говорить, пока могу. Вас я опре-

делил как из индустриализированной эры. А это уже кое-что. Назовитесь, пожалуйста.

— Данкен Рид. Американец. Из тысяча девятьсот семидесятого года. Последняя треть двадцатого века... Ну, мы недавно впервые высадили людей на Луну и обладаем атомной энергией... э... двадцать пять лет.

— Ах так. Понятно. Незадолго до Века... нет, не скажу. Ведь вы можете вернуться. И вернетесь, если я сумею помочь. И вам лучше не знать, что приближается. Я страшно сожалею о случившемся. Кто ваши друзья?

— Блондин, по-моему, из Древней России. Низенький говорит, что он гунн... если я не ошибаюсь. А женщина... я ничего не понял.

— Хм! Да. Мы сможем... вы сможете узнать точнее, используя ментатор. Шлемы настроены на сканирование и запечатление. Только не спутайте, какой для чего. Для сканирования выберите наиболее раннего... по-видимому, это она. Так пусть станет источником вашего общего языка. Так практичнее, понимаете? Мы лишь ненамного раньше и южнее... места, где... аппарат засосал последнего. Я уже почти затормозил... к тому моменту... Ранняя модель. Считалась застрахованной... от энергетических воздействий. Для искривления континуума нужна колоссальная концентрация энергии. Для возвращения... собрали бы ядерный генератор, который придан... Естественно, снаружи аппарата, потому что выход энергии в мегатонном диапазоне...

Сахир перебирал пальцами складки балахона. Голова его перекатилась набок, глаза двигались из стороны в сторону. Голос стал еле слышным. Ненадолго обретенные силы истекали из него, точно вино из треснувшей чаши, но он продолжал шептать с трагичной торопливостью:

— Поля искривления... в пути изолированы, под контролем, не должны взаимодействовать с окружающей материей... но какая-то неисправность. Дефект. Вскоре после старта приборы телепатировали, что мы захватили постороннее тело... Я сразу дал команду остановиться... но инерция... Мы захватывали только высших животных, людей, лошадь, потому что контроль, приборы, все настроено на энергию мысли... И тут в пространстве-времени мы прошли слишком близко к... к чудовищному выбросу энергии... Не знаю к какой, но к страшной катастрофе в этом дальнем прошлом. Курс был задан с самого начала, понимаете? Мы и должны были пройти рядом для подзарядки... но все определял компьютер... И когда мы почти затормозили, нарушение изоляции... я уже говорил? Взаимодействие с на-

шим полем искривления. Наши внутренние энергокибернеты замкнуло. Радиационная волна... странно, что я еще жив... товарищ погиб... меня оглушило... Пришел в себя, решил выйти к вам, но...

Сахир попытался приподнять руки. Рид взял их в свои. Ощущение было такое, словно он держит тлеющий пергамент.

— Слушай... — надрывно хрипел Сахир. — Этот взрыв, обвал... что бы это ни было... произойдет здесь... и в ближайшем будущем. Через год или меньше. Слушай. Экспедиций во времени мало... будет мало. Всегда. Энергия обходится слишком дорого... и... опасно для среды... Но для такого... должны быть наблюдатели. Понял? Найдите их, назовитесь, заручитесь помощью... может, и для меня...

— Но как? — еле выговорил Рид.

— Сперва... отнесите меня в аппарат. Он разбит... но медикаменты... Они вернутся сквозь время в этот день... на помощь... обязательно... — Сахир дернулся, словно в него ударила молния. — Ниа! — вскрикнул он. — Фабор, Тео, ниа, ниа!

Он замер. Глаза закатились, челюсть отвисла. Рид попробовал искусственное дыхание рот ко рту, массаж сердца. Ничто не помогло.

Глава 5

Ночь принесла холод и сверкание звезд. Смутно мерцало море. Ни прилива с отливом, ни прибоя, но на пляж накатывались пологие волны, шурша и постукивая камешками. Суша, дыбась, уходила к югу. Там, где вставали холмы, в созвездия вписывались горбы черноты, слышалось пронзительное тьяканье... Шакалы, решил Рид.

Когда Сахира уложили в овражке и завалили комьями глины и камнями — копать было нечем, — Рид подумал, не собрать ли сухих веток для костра. Поджечь их можно его зажигалкой. Улдин, полагая, что огонь придется высекать огнивом, которое было при нем, возразил:

— А зачем? У нас с тобой есть верхняя одежда. Эриссе я дам попону. У Олега стеганая поддевка. А... повозка шамана... она ведь светится? Так для чего царапать руки о колючки?

— Большая вода рядом не даст воздуху сильно остыть, — сказал Олег как опытный мореход.

Рид решил, что зажигалку имеет смысл поберечь для крайних случаев — или для табака в кисете. Хотя курить, пока какого-нибудь питья не будет вдоволь, он не решался.

Море... Да, конечно, море, хоть оно и соленое, немного поможет и тут. Он читал книгу Алена Бомбара: можно некоторое время жить, если часто пить морскую воду по небольшому глотку. И можно изготовить какую-нибудь рыболовную снасть. Но в конечном счете — и ждать этого не так уж долго — они все равно погибнут, если кто-то не придет им на помощь.

Сияние, одевавшее машину времени, колебалось, окрашенное мягкими пастельными тонами. Омерзительная красота, не подпускающая к воде, пище, крову, лекарствам, инструментам, оружию внутри. Сияние бессмысленно освещало пустыню на несколько ярдов вокруг. Сахир знал, как войти в аппарат. Но Сахир лежит, окостенев, под камнями и ждет, когда до него доберутся шакалы. Риду было очень жаль человека, полного благих намерений и хотевшего жить не меньше всякого другого, и жаль его товарища, чей сожженный радиацией труп лежит внутри аппарата, который погубил их всех. Но жалость была абстрактной. Он ведь не знал их как живых людей. А сам он, и эти трое с ним, ждут либо спасения, либо более долгой и мучительной смерти.

Олег богатырски зевнул:

— Ну и денек! Запутались мы во времени, как веришь ты, Данкен, или нас унес злой Лихо, как думаю я? Так или не так, а я ложусь спать. Авось мне приснятся такие благочестивые сны, что ангелы отнесут меня к моей жenuшке.

— Так, значит, ты заступишь на вторую или третью стражу? — спросил Улдин.

— Нет. Я сплю в кольчуге с топором в руке и в шлеме на голове. Что толку завидеть врага издали?

— Чтобы подготовиться к бою, безмозглая туша! Или спрятаться, если враг слишком силен! — рявкнул Улдин, и Рид подумал, что вопреки грязи, жиру на лице, вони и шрамам гунн очень похож на служаку-капитана, которого он знал в армии. Русский заворчал, но согласился.

— Давайте первым буду я, — предложил Рид. — Все равно я спать пока не смогу.

— Слишком много думаешь! — пробурчал Улдин. — Мужчина от этого слабеет. Ну да как хочешь. Значит, ты, потом я, потом Олег.

— А я? — спросила Эрисса.

Улдин только посмотрел на нее, но и этого вполне хватило, чтобы выразить его мнение о том, кто поручит женщине кара-

ую службу. Он вышел из освещенного круга и взгляделся в звездные небеса.

— Не мое небо, — сказал он. — Звезды к северу я вам назову, но что-то в них не то. Ладно, Данкен! Видишь вон ту яркую совсем низко на востоке? Разбуди меня, когда она поднимется вот настолько. — О геометрии он, несомненно, понятия не имел, но рука его указала угол точно в шестьдесят градусов.

Раскачивающейся походкой он направился туда, где был привязан его конек, растянулся на земле и сразу же заснул.

Олег встал на колени, обнажил голову и, перекрестившись, произнес молитву на своем древнерусском. И тоже заснул без всякого труда.

«Завидую им! — подумал Рид. — Интеллект... нет, не воображай о себе слишком много!.. Привычка все облекать в слова имеет свои недостатки».

Усталость словно набила его тело камнями, а голову — песком. Почти весь улдиновский кумыс ушел на то, чтобы запить вяленое мясо, которым они поужинали. Остатки следовало приберечь. Во рту у Рида пересохло, кожа, обожженная солнцем, горела, но его знобило от холода. Пожалуй, следует несколько раз обойти лагерь, чтобы согреться.

— Я ухожу, Данкен, и скоро вернусь, — сказала Эрисса.

— Только не уходи далеко, — предостерег он.

— Нет. От тебя — нет.

Он смотрел ей вслед, пока она не растворилась во мраке, и только тогда начал обход. Нет, не то чтобы он в нее влюбился... в таких-то обстоятельствах! Но что за женщина! И какая в ней тайна!

У потерпевших времекрушение не нашлось часа спокойно поговорить. Потрясение первых минут, появление Сахира, его смерть, изматывающая жара, жажда, передача языка совсем их измучили. Хорошо еще, что они успели с этим последним до заката.

Рид последовал совету Сахира. Бронзовый нож и наивное удивление при виде железных изделий ясно показывали, что Эрисса была захвачена последней и, следовательно, вообще принадлежит этой эре, а потому источником общего языка он сделал ее. Она с такой же охотой надела шлем, как выполняла все остальные его распоряжения. Он убедился, что восприятие языка с помощью ментатора действительно было мучительным процессом: тошнота, головная боль и затемнение мыслей, похожие на заключительную фазу перепоя, но сопровождающиеся изматывающими судорогами. Несомненно, в сахировском будущем этот процесс происходил много медленнее и безболезненнее.

И, без всяких сомнений, такое зверское его ускорение приближило смерть пилота. Но выбора не было, и Рид полностью пришел в себя после недолгой дремоты.

Олег и Улдин сначала наотрез отказались даже близко подойти к шлемам. Но затем русский увидел, что Эрисса и американец свободно разговаривают друг с другом. Тогда он сам нахлобучил на себя шлем. Улдин последовал его примеру, возможно, просто желая показать, что он не трус.

Быстро сгустились южные сумерки, все они обессилели и говорили лишь о самом необходимом и неотложном.

Рид начал обход. Слышал он только похрустывание от собственных шагов да тявканье вдали, и одиночество с ним разделяли только звезды и холод. Он не думал, что до утра им может угрожать какая-либо опасность. Однако Улдин поступил правильно, настояв на поочередном дежурстве. Преодолевая тяжесть, мозг Рида начал функционировать.

«Где мы? КОГДА мы?»

Экспедиция Сахира покинула Гавайи в... где-то в будущем, — рассуждал Рид. — Скажем, через тысячу лет в будущем. Их аппарат, двигаясь назад во времени, соприкасался с сушей и водой на поверхности планеты.

Зачем? Ну, предположим, соприкосновение с поверхностью необходимо для координирования. Земля движется в пространстве, а абсолютных ориентиров в пространстве нет. Предположим, они не рискуют оторваться, чтобы не потерять контакта (притяжения?) и не очутиться в пустоте между вон теми звездами?

Моя курсовая — икс тысячелетий в будущем, два десятка лет назад по моей, теперь сдвоившейся, линии жизни, миллион лет назад по моему субъективному ощущению в припадке ночного отчаяния — моя курсовая доказывала, что путешествие во времени невозможно по ряду причин, и в том числе из-за того, что оно потребовало бы энергии больше бесконечного ее количества. Очевидно, тут я ошибся. Очевидно, определенное количество энергии — огромное ее сосредоточение в малом пространстве и на краткий срок, но притом ограниченное ее количество — все же способно каким-то образом воздействовать на параметры континуума, и этот аппарат может перебрасываться... через земной шар, взад и вперед через века.

Этот переброс сопровождался поломкой. Утечкой. Аппарат двигался сквозь пространство-время, окруженный... э... полем, притягивавшим животных, с которыми соприкасалось.

Почему только животных, причем выших, вместе с тем, что непосредственно к ним прилегал, как одежда, например? По-

чему не деревья, камни, воду, воздух, почву? М-м, да... Сахир упомянул причину. Я не успел разобраться в ней, он был в полусознании, почти бредил, но раз уж он ее коснулся... да! Техника его эры — или во всяком случае машины пространства-времени — контролируется мыслительной энергией. Телепатия, включая телепатических роботов, если верить таким фантазиям. Сам я склонен предположить усиление нервных токов. Но каким бы ни было объяснение, факты указывают, что аппарат взаимодействует только с материей, которая сама пронизана электромагнитными волнами мозга.

Возможно, это сделано для страховки: при утечке энергии машина, остановившись, не окажется погребенной в толще земли. И высших животных всегда относительно мало. А требуется, чтобы такое животное оказалось в данной точке пространства в данный момент времени, когда через нее проходит аппарат пространства-времени... Хм! Возможно, мы набрали всяких мелких грызунов, птиц и еще всякой живности, и они разбежались, прежде чем мы успели их заметить. Именно они должны становиться жертвами чаще всего. Захват людей должен быть редкостью. Возможно, это единственный случай.

(Почему это случилось именно со мной? Вероятно, вопрос, который рано или поздно задают себе все люди!)

Сахир сказал, что неполадки были зарегистрированы приборами, и он начал тормозить. Из-за... инерции они не смогли остановиться в точке, где подобрали меня, а полетели дальше, подбирая Олега, Улдина и Эриссу.

К несчастью, когда они почти уже остановились и были готовы замереть в пространстве и начать двигаться вперед во времени обычным порядком, их поразила заряд концентрированной энергии. При обычных обстоятельствах они просто проследовали бы дальше, но при изъёме в изоляции сокрушающие силы (вероятно, точнее было бы сказать, что силы эти породило искривление пространства-времени) вступили во взаимодействие с энергетическим полем, и высвобожденная энергия пронизала оболочку смертоносными рентгеновскими лучами.

Поврежденный временной аппарат оказался в районе какого-то катаклизма в результате невероятного совпадения.

Хм-хм! Погоди-ка! А что, если хрононавты или, вернее, их компьютеры всегда прокладывали курс вдоль подобных катастроф, если это оказывалось удобным? Полностью исправный аппарат, наверно, просто подзарядился бы от взрыва водородной бомбы, или при ударе огромного метеорита о земную поверхность, или от любого сходного явления. Такая подзарядка

удешевляет запуск и, следовательно, позволяет устраивать путешествия во времени чаще, чем при любых других условиях.

Знали ли Сахир и его товарищ, что они несутся навстречу гибели, попытались ли они повернуть аппарат и потерпели неудачу? Или забыли обо всем в диком хаосе последних минут? (Мне кажется, транзитное время внутри аппарата относительно коротко. Мы, находясь снаружи, пережили лишь минуту мрака, кружения и грохота.)

Итак, мы заброшены сюда безвозвратно, разве что отыщем других будущников. Или они отыщут нас. Вероятно, если мы останемся здесь, в конце концов сюда прибудет спасательная экспедиция.

Но прибудет ли? Как близко могут они осуществлять свои прыжки во времени, когда для каждого требуется генератор, который, без сомнения, сам себя уничтожает, просто своим же излучением в ходе его применения?

Но неужели будущники не предпримут хотя бы попытки? Хотя бы для проверки, не повлияет ли появление в прошлом этого аппарата настолько, что оно изменится и тем уничтожит их?

А оно изменится? Может ли оно измениться? Вывод моей курсовой, возможно, останется верным — понятие изменения прошлого содержит противоречие в предпосылке. «И пишет перст, а написав...» Подозреваю, что присутствие аппарата здесь и сейчас, как и наше, является частью того, что происходит. Я подозреваю, что эта ночь существовала «всегда».

Ибо что мы можем сделать? Скорее всего, мы погибнем через несколько дней. Шакалы уничтожат наши кости. Может быть, местное племя, если в этом бесплодном краю кто-то все-таки обитает, будет какое-то время поклоняться сияющему аппарату. Но в конце концов его батареи, или аккумуляторы, или еще что-то истощатся. Силовое поле перестанет мерцать и исчезнет. Незащищенный металл проржавеет и рассыплется, или его растаскают по кускам для местных кузниц. И непонятное нечто, когда-то лежавшее здесь, превратится в легенду, а через несколько поколений будет забыто.

Пам! Что ты подумашь, когда я так и не вернусь в нашу каюту?

Что я случайно упал за борт? Думаю, что так. И хочу, чтобы было так. Черт! Черт! Черт! Почему я не увеличил сумму своей страховки?»

— Данкен!

Вернулась Эрисса. Рид взглянул на свои часы. Она отсутствовала больше часа. Значит, естественные потребности тут ни при чем.

— Я молилась, — просто сказала она. — А потом сотворила чары, приносящие удачу. Хотя я и знаю, что ты нас спасешь.

Гортанный язык, который она называла «кефтиу», звучал в ее устах очень мягко. Голос у нее был мелодичный, и она его не повышала. Рид понятия не имел, как называли ее язык в его эру — если были открыты хоть какие-то его следы. Его попытки обнаружить какие-либо аналогии затруднялись тем, что он, как и Олег с Улдином, воспринял сразу два языка, на которых она говорила с одинаковой легкостью, а также кое-какие познания в еще нескольких...

Он знал название второго языка, не кефтиу, как знал названия «инглиш» или «эспаньоль». Он мог произнести это название, как понимал все ее слова в стремительных, точно пулеметные очереди, фразах. Он мог написать слова — у этого языка существовала письменность, система упрощенных иероглифов, хотя письменность кефтиу имела заметно более сложную и тщательно разработанную систему. Но ему не удавалось изобразить их с помощью латинского алфавита, чтобы сравнить с написанными английскими словами. А потому владение этим языком и умение его назвать — что-то вроде а-хей-ие — не помогло ему определить, для кого он был родным.

Эрисса предпочитала кефтиу, Рид отложил рассмотрение неродственного языка, каким бы важным он, возможно, ни был в этой эре. Тем более что кефтиу задал ему нелегкую задачу. Не будучи лингвистом, он все же определил его как позиционный и частично агглютинативный, то есть очень непохожий на своего соперника, отличавшегося богатством флексий.

Возможно, просто чтобы поддержать разговор, Эрисса задала ему вопрос, который в буквальном переводе прозвучал бы так:

— Какой неведомой природы этот драгоценный лунный камень, подобный принадлежащему Нашей Владычице, который ты (во имя ее?) носишь?

Но внутреннее его ухо услышало:

— Скажи, пожалуйста, что это такое? Красивое, точно браслет Богини?

Он показал ей часы. Она благоговейно прикоснулась к ним.

— Прежде у тебя этого не было, — пробормотала она.

— Прежде? — Он уставился на нее, но разглядеть что-нибудь в тусклых отблесках между черных теней было трудно. — Ты ведешь себя так, словно давно меня знаешь, — медленно сказал он.

— Ну конечно! Данкен! Данкен! Ты не мог забыть... — Она высунула руку из-под вонючей попоны, в которую, морщась,

была вынуждена завернуться поверх легкой туники. Ее пальцы скользнули по его щеке. — Или чары пали и на тебя? — Ее голова поникла. — Чародейка заставила меня забыть так много! И тебя тоже?

Он засунул руки в карманы пальто и судорожно сжал свою, такую привычную трубку. Дыхание клубами пара вырывалось у него изо рта, и он рассердился, что теряет влагу.

— Эрисса, — сказал он устало, — я не больше тебя знаю, что происходит и что происходило. Я сказал то, что узнал от Сахира, — мы заплутались во времени. А это страшно.

— Не понимаю... — Она вся дрожала. — Ты поклялся мне, что мы снова встретимся, но я не думала, что это случится, когда дракон унесет меня в страну смерти. — Она выпрямилась. — Так вот почему? — спросила она, вновь оживая. — Ты предвидел это и явился спасти ту, которая никогда не переставала любить тебя.

Он вздохнул.

— Это слишком глубокие воды, чтобы переправиться через них, когда мы еще не начали строить корабль, — сказал он и тут же узнал пословицу кефтиу. — Я пуст. И не могу ничего сообщить далее... далее тех немногих очевидных фактов, которые мы, четверо, можем собрать между собой.

Он помолчал, подыскивая слова, но голова у него варилась, и сам по себе кефтиу его не затруднял.

— Во-первых, — сказал он, — мы должны установить, где находимся и в каком году.

— В каком году? Так ведь, Данкен, прошло двадцать четыре года с тех пор, как мы в прошлый раз были с тобой вместе при гибели мира.

— Гибели... чего?

— Когда гора разорвалась, и пламя хаоса вырвалось наружу, и море набросилось на кефтиу, которые были так счастливы, и пожрало их. — Эрисса достала свою двойную секиру, свой амулет, и обвела им вокруг себя.

Рид помутился в уме. «Господи, — бормотало у него в мозгу, — так выброс энергии уже произошел? Мы прибыли после него, а не перед ним? Тогда нам отсюда не вырваться... никогда...»

— Ты дрожишь, Данкен! — Эрисса положила руки ему на плечи. — Пойдем. Я тебя поддержу.

— Нет, спасибо. Не надо. — Он постоял, стараясь овладеть собой.

Какое-то недоразумение. Сахир совершенно твердо говорил о гигантской катастрофе где-то по соседству и в будущем по отношению к этой ночи. Бесплезно пытаться распутать весь

клубок за час. Узелок за узелком, не торопясь, систематически — вот единственный способ. Родина Эриссы географически находится не очень далеко, так? Согласно Сахиру, да, недалеко. Отлично! Начнем с нее.

— Скажи мне, откуда ты? — спросил Рид.

— Что? — Она засмеялась. — Ну... После того как мы расстались, я побывала во многих местах. Теперь я живу на острове Малат. А прежде... о, во многих местах, и всегда тосковала по родине, где ты меня нашел.

— По чему? Где? Скажи ее название. Где ты была тогда.

Она покачала головой. И даже в мутной тьме он увидел, как всколыхнулись волны ее волос.

— Но ты же знаешь, Данкен, — произнесла она с недоумением.

— Все-таки назови ее, — настоял он.

— Ну, Хариа-ти-эйя. — Страна Столпа, мысленно перевел Рид, а Эрисса продолжала, стараясь говорить яснее, раз уж он так странно ничего не понимал: — А на материке ее называли Атлантида.

Глава 6

Утреннее пробуждение было странным. Оно затворило путь к спасению из невероятного сна. В далекое, фантастическое, неясно, существующее ли, превратился двадцатый век.

— Съезжу на разведку, пока мой конь еще служит мне, — объявил Улдин и ускакал. Вид у него был не такой изнуренный, как у его товарищей по несчастью. Возможно, потому что его лицо с самого начала выглядело жутковатым. Тем временем остальные решили укрыться в море. Они соорудили каркас из палок, перевязав его ремешками, которые Олег нарезал из своего пояса, а потом накрыли одеждой, чтобы как-то заслониться и от прямых лучей солнца, и от слепящего их отражения от поверхности воды, в которую они намеревались погрузиться по горло.

Когда тент уже можно было установить, Эрисса сняла сандалии и тунику. Олег охнул.

— Что с тобой? — спросила она простодушно.

— Ты... женщина... и... ну... — Свекольный загар не позволял увидеть, покраснел ли русский. Внезапно он засмеялся. — Ну, если ты такая баба, то это еще не самый скверный день в моей жизни.

Эрисса гордо выпрямилась:

— Ты о чем? Убери руки!

— Она из другого народа, чем ты, Олег, — вмешался Рид. — У них нагота зазорной не считается.

Но сам он стеснялся раздеться в ее присутствии. Крепкое, гибкое ее тело, почти не изменившееся и после рождения детей, было самым красивым из всех, какие ему доводилось видеть.

— Ну так отвернись, девка, пока я не войду в воду поглубже, — пробурчал Олег.

Омывшись, наслаждаясь прохладой, они почувствовали себя лучше. Даже жажда стала менее мучительной. Олег не слишком охотно последовал примеру Эриссы, которая по совету Рида отпила один-два глотка морской воды.

— Ты не думай, я не верю, — сказал он. — Так мы только быстрее отдадим Богу душу. Но если от этого сейчас нам немножко силы прибавится, так, может, святые пошлют нам помощь. Эй, вы там, слышите меня? — крикнул он в небо. — Золотую чашу всю в драгоценных камнях пожертвую храму святого Бориса! Шесть алтарных покровов лучшего шелка, расшитых жемчугом для Пресвятой Девы. — Он помолчал. — Лучше я повторю еще раз по-русски и по-ромейски. Ну и по-варяжски тоже.

— Твои святые еще и не родились даже! — не удержался Рид, но, когда Олег переменился в лице, добавил с раскаянием: — Ну, ведь я могу и ошибаться! — Какой смысл напоминать, что Христос — а если на то пошло, то, наверно, и Авраам — был тоже где-то в будущем. Он повернулся к Эриссе:

— После сна у меня в голове прояснилось, — сказал он. — Я попробую хорошенько обдумать все, что нам известно.

«И постараюсь не замечать того, что вижу сквозь воду», — виновато добавил он про себя.

Рид тщательно расспросил их обоих, надолго умолкая и обдумывая ответы. Они смотрели на него с почтением. В отличие от Улдина. Но и тот, однако, прежде чем уехать, сообразовал ответить на несколько ключевых вопросов.

Олег оказался богатейшим источником информации. Рид пришел к выводу, что грубоватая простоватость русского во многом была обезоруживающей личиной, скрывавшей изощренный ум. Киевское государство выгодно отличалось от многих современных ему западноевропейских захолустий. Восемь миллионов человек обитали на территории, превосходившей размерами Соединенные Штаты к востоку от Миссисипи и очень богатой природными ресурсами, которые эксплуатировались умно и расчетливо. Торговля с Византией велась широко и постоянно, причем с товарами оттуда приходило и знакомство с

византийским искусством и идеями. Люди, принадлежавшие к высшим русским сословиям, которые состояли более из богатых купцов, чем из военной знати, были грамотными, осведомленными в событиях не только на родине, но и в чужих краях. Они жили в домах с печами и застекленными окнами, ели золотыми и серебряными ложками с расставленных на роскошных скатертях блюд всевозможные яства, включая и такие редкости, как апельсины, лимоны и сахар. Собаки в дома не допускались, а обитали в специальных конурах, обычно под наблюдением конюха-венгра, который ходил и за лошадьми. Киев в особенности был космополитическим приютом десятков различных национальностей; правление князей не было деспотическим, и народные собрания, особенно в Новгороде, обладали столькими возможностями, что дело иной раз доходило до потасовок.

Главное же, Олег мог совершенно точно указать свое положение в пространстве и времени: восточная излучина Днепра, начало 1050 года нашей эры.

Улдин не столь определенно сослался на недавнее завоевание земель остготов после сокрушения аланов и упомянул об алчных замыслах против Римской империи дальше на западе. Интерес к истории (благодарение Богу за цепкую память!) помог Риду определить, где был подхвачен гунн: Украина в сотне-другой миль от Крыма к северо-западу. Время — последняя треть четвертого века нашей эры.

Эрисса, несмотря на ее горячее желание помочь, оставалась темной загадкой. Название острова, с которого ее подхватили, Малат, было дано ему кефтиу, главными его обитателями. Рид не нашел ему английского эквивалента — как не догадался бы, что названия Осло и Христиания носил один и тот же город, не знай он об этом из справочников.

Загадку ее родины, Атлантиды, он пока отложил. Затонувший материк? Чистейший миф — геологически невозможный, во всяком случае в последний миллион лет. Однако употребленное ею название в такой мере несло те же коннотации — прекрасный и счастливый край, который море забрало себе, — что шлем придал ему почти нарицательный смысл... Она сказала, что ее Атлантида исчезла. Где она поселилась потом? Может быть, загадку подскажет язык другого народа, также ей известный?

— Родхос, — ответила она, и он сразу понял. А несколько дополнительных вопросов о его расположении относительно материка положили конец всяким сомнениям. Родос!

Рид зажмурился и вновь представил себе глобус. Было логичным предположить, что машина в пространстве-времени

двигалась географически наиболее прямым курсом. Предположение это подтверждалось тем, что Гавайи, местоположение теплохода в северной части Тихого океана, излучина Днепра, юг Украины и Родос находились примерно на одном огромном круге.

«Ладно, — подумал Рид с нарастающим жгучим волнением. — Проложи линию дальше. Какой берег будет следующим?

Западный Египет или Восточная Ливия, если я верно помню».

Он открыл глаза. И встретил взгляд карих глаз Эриссы. И на мгновение почти утонул в них. Но заставил себя оторваться от созерцания красоты и сказал:

— По-моему, я вычислил, где мы!

— О Данкен! — Она встала на колени и обняла его. Усталый, изнемогающий от жажды, голодный, на краю гибели, он ощутил, как к нему прильнули ее груди, а губы коснулись его губ.

Олег кашлянул. Эрисса отпустила Рида, и он попробовал объяснить. На это ушла минута, потому что для Эриссы Египет был «Хем» — по ее словам, так страну называли и ее обитатели, и кефтиу. Когда же она разобралась в том, что говорил Рид, то помрачнела.

— Да, ахейцы говорят «Эйгиптос». Так мало в вашем мире осталось воспоминаний о моем бедном народе?

— Египет... — Олег подергал себя за бороду. — Да, похоже, если судить по тому, что я слышал от корабельщиков, плавающих туда. Сам я дальше Иерусалима не бывал.

Он посмотрел на самодельный тент и на небо над ним.

— Совершал паломничество! — напомнил он святым в вышине. — Сарадины чинили всякие помехи и досады. Я привез домой флягу воды из Иордана и в Киеве пожертвовал ее собору святой Софии, который выстроил князь Ярослав Мудрый.

Эрисса повеселела:

— Значит, нас могут спасти! Все лето в Египет и из Египта плавают корабли. — И тут же вновь приуныла и вздрогнула от мучительных воспоминаний. — Моряки могут подобрать нас, чтобы потом продать в рабство!

Рид погладил ее по колену.

— У меня есть для них в запасе две-три штучки, — сказал он с уверенностью, которой не чувствовал, — просто чтобы она снова ободрилась.

«Погоди-ка! — мелькнула у него мысль. — Если она знает что-то о Египте своего времени, это может указать на дату. Конечно, в хронологии династий я не силен — а это, конечно, времена фараонов — и все же...»

Отвлекаясь, он начал мысленно составлять график движения аппарата будущников — пройденных расстояний и времени. Если эра Сахира находилась в нескольких столетиях за его собственным временем, а Эриссы — за несколько тысячелетий до Христа, получалась кривая, сходная с половиной петли гистерезиса. Нет ли в этом особого смысла? Не тут ли объяснение эффекта «инерции»? Неважно, важно...

— Ий-я-а! — Они высунули головы из-под тента на этот крик. Улдин на мохнатом коньке застыл над обрывом, окаймлявшим пляж. Он яростно махал саблей. Они выскочили из воды, торопливо натянули одежду и вскарабкались по неровному горячему склону.

Гунн был в бешенстве. Он плюнул им под ноги.

— Вальяетесь в жиже, точно свиньи! И называете себя мужчинами? Вы двое?

Олег ухватил топор поудобнее, Эрисса сжала рукоятку ножа. Рид сглотнул, подумав: «Не мне негодовать. Я робкая личность, заика, гражданин, который только голосует, держась подальше от политики, муж, который тихонько уходит, когда назревает ссора с женой...»

И все-таки он посмотрел в лицо за сеткой шрамов.

— Лучше нам поддержать бодрость духа и тела, Улдин, чем бегать наподобие тараканов. Я потратил это время на то, чтобы разобраться в фактах, и теперь мы знаем, где находимся и чего можем ожидать.

Лицо гунна утратило всякое выражение. После паузы он сказал:

— Про то, что ты шаман, я от тебя не слышал, Данкен, да и не верю этому. Но, может, у тебя мудрости побольше, чем я думал. Ссориться не надо, надо готовиться. Я увидел вдалеке людей. Они идут в эту сторону. Пешие, тощие, оборванные, но с оружием, и мне они не понравились. Если на заре к ним на стоянку прибежал пастушонок и сказал, что видел вчера ночью сокровище и оно сверкало, а охраняют его всего четверо, то они идут сюда.

— Хм! — буркнул Олег. — И скоро их ждать?

— Могли бы добраться к полудню. Но, думается мне, они остановятся переждать самую жару. Так что ждать их надо к вечеру.

— Отлично. Значит, пока можно не париться в поддевке. Попробуем уйти?

Рид покачал головой.

— Далеко мы не уйдем, — сказал он. — Сбить их со следа мы можем, но пустыня нас убьет. Останемся тут и посмотрим, не договоримся ли с туземцами.

— Когда тебе перережут глотку, договариваться будет трудно! — засмеялся Улдин. — Собирайте свое добро. Если мы уйдем по воде, то следов не оставим.

— Вы считаете, что их нельзя урезонить? — спросил Рид. Олег и Улдин уставились на него.

— Никак нельзя, — ответил русский. — Это же кочевники пустыни!

— Так запугаем их. По-моему, лучше остаться тут и посмотреть, что удастся сделать, чем уйти, чтобы погибнуть через четыре-пять мучительных дней.

Улдин хлопнул себя по бедру. Хлопок прозвучал, как пистолетный выстрел.

— В путь! — приказал он.

— Нет, — ответил Рид.

Эрисса взяла его за руку.

— Вы двое идите, если испугались, — сказала она презрительно. — Мы останемся тут.

Олег почесал косматую грудь.

— Ну-у... — промямлил он. — Ну-у, и я, пожалуй, с вами. Может, вы и правы.

Улдин оглядел их с леденящим презрением. Они, не дрогнув, стояли перед его конем.

— Вы не оставили мне выбора, — проворчал гунн. — Ну и что ты задумал?

«Выкладывай или заткнись! — подумал Рид. — Что, если так рождаются вожди?»

— Я устрою зрелище, которое может внушить им почтение, — сказал он. — У нас есть небесная повозка и... вот, например, это. — Он вытащил зажигалку. Взметнувшийся язычок пламени вызвал удивленные восклицания. — Ну и на случай, если нам придется дать бой, надо подумать об обороне. Это обдумайте вы, Олег и Улдин. Думается мне, конный воин и лучник в железных доспехах без единого удара обратят в бегство шайку голодных оборванцев. Эрисса, мы соберем хворост для сигнального костра, если вдруг покажется корабль.

Но когда они отошли, она сказала ему:

— Я все больше сомневаюсь, разумно ли это, Данкен. Кормчий может побояться подойти к берегу. Решит, что костер разожгли для приманки. А если и подойдет к берегу, то захватит нас, ограбит, а потом продаст в рабство. Может, нам следует уповать на Богиню и на наше умение уговорить жителей пустыни, чтобы они проводили нас в Египет? Морские пути становятся все более и более опасными, с тех пор как сильная рука миноса уже не угрожает пиратам.

— Минос! — воскликнул он, ошеломленный открытием того, где и когда он находится.

Он хотел было спросить ее... кефтиу — ну да! Обитатели Кефта, обитатели большого острова в Великом море между Египтом и землями, которые завоевали ахейцы, — Крита! И второй ее язык — ахейский, который пришлось выучивать всем, кто соприкасался с чужеземцами, теперь, когда эти варвары заполонили Эгейское море и по надменности своей не желали учить язык, на котором разговаривали в великолепном Кноссе и на погибшей Атлантиде.

«Ахейский язык!» — мелькнуло в сознании Рида. О греческом он знал не больше среднего образованного американца второй половины двадцатого века, но и этого было достаточно, чтобы он установил, какой еще язык выучил. Он заглянул за систему алфавита, который еще не выработался, ощутил самую сущность и понял, что ахейский был предком классического древнегреческого.

Оттуда пришло и название «Атлантида» — «Земля Столпа», «Гайа Атлантис» в переводе.

— Корабль! — взревел Олег.

Корабль для своей эпохи был большим — девяносто футов в длину. И когда не было попутного ветра, его гнали вперед пятьдесят весел. Черный просмоленный корпус был широк в центральной части («Торговый, — объяснила Эрисса, — военные, те узкие»), с закругленной кормой и с носом, вертикально встающим над водой.

Нос и корма одинаково были снабжены настилами, защищены плетеными планширями и украшены резными раскрашенными столбами в форме лошадиной головы и рыбьего хвоста. Два огромных нарисованных глаза смотрели вперед. Между скамьями гребцов, тянувшихся от борта к борту, были положены доски, так что людям не приходилось ступать по уложенному на дне грузу. Мачта была опущена, рей и парус привязаны в развилках двух стоек — одна на корме, другая на носу. Киль и на мелководье едва касался песка. Корабль застыл.

Большинство моряков остались на судне, готовые ко всему. Солнце ослепительно вспыхивало на бронзовых наконечниках копий. Но вообще металла было немного. На квадратных щитах десятков заклепок закреплял несколько слоев очищенной от волос коровьей шкуры на деревянной раме. Простые матросы либо носили нечто вроде кожаного жилета поверх туники, такой же, как на Эриссе, или вообще не были ничем защищены.

Великолепным исключением были Диорей, начальник, и семь молодых людей, сошедших с ним на берег. Они могли позволить себе все самое лучшее. Нехватка меди и олова составляла экономическую опору военной аристократии, управлявшей в Бронзовом веке большей частью тогдашнего мира. В шлемах с пышными панашами, в изукрашенных нагрудниках, с медными бляхами на щитах и кожаными ремнями, свисавшими ниже их юбочек, в поножах, с широкими мечами в отделанных золотом ножнах, в плащах из алых, синих, шафранных тканей, они словно сошли со страниц «Илиады».

«Не сошли, а еще сойдут!» — с некоторым ужасом подумал Рид. В свое время он выяснил, что Троя была сильным и процветающим городом-государством, но сейчас перед ним стояли ахейцы — данайцы, агривяне, эллины, предки Агамемнона и Одиссея.

Они были высоки, светлокожи, с длинными черепами. Их собственные предки явились с севера не так уж много поколений тому назад. Каштановые волосы были для них обычными, золотистые и рыжие — не такими уж редкими. Они отпускали их до плеч, а те, кто уже носил бороду и усы (процент юношей был очень велик), предпочитали стиль, который позже назовут ван-дейковским. Они держались с почти бессознательной надменностью прирожденных воинов.

— Ого! — сказал Диорей. — Странно. Поистине странно.

Потерпевшие времекрушение решили не запутывать и без того неправдоподобную историю подробностями о путешествии во времени, которые они сами — кроме американца — в любом случае толком не понимали. Хватало и того, что их сюда привез из родных краев на огненной колеснице чародей, который затем умер, только-только показав им волшебные шлемы, обучающие чужим наречиям. Диорей приказал раскидать камни, прикрывавшие труп, осмотрел его и распорядился похоронить как полагается.

Он прищелкнул языком.

— Порази меня громом Зевс, неслыханная история! — Он нарочито растягивал слова быстрого аттического диалекта. — Не знаю, можно ли взять вас на корабль. Право, не знаю. А вдруг вы навлекли на себя гнев кого-нибудь из богов?

— Но... но... — Рид растерянно показал на ментатор. — Мы преподнесем его в дар вашему царю.

Диорей скосил глаза. Он был ниже ростом и смуглее большинства своих подчиненных, поседевший, но крепкий, быстрый, с глазами, как серое зимнее небо, на остром морщинистом лице.

— Я бы рад. Клянусь сосками Афродиты, я бы рад. И особенно тебя, почтенный... — Он кивнул Олегу, — тебя, одетого в чужеземное железо. До нас доходили слухи, что в земле хеттской научились обрабатывать железо, но Великий царь хранит эту тайну для себя. Может, вам известно?... А! Мы могли бы о многом потолковать. Но что поделаешь, если Посейдон — наш господин. А он бывает гневен, Посейдон, в эту пору, когда близко осеннее равноденствие с его бурями. — Хитроватый взгляд перешел на Улдина, который так и не спешился. — А ты, почтеннейший, что едешь на спине лошади, а не сзади, в колеснице, я бы отдал жирного вола, лишь бы узнать, зачем тебе это. Неужто в битве ты не свалишься наземь? И ты хочешь взять лошадь с собой на корабль!

— Я с ней не расстанусь! — отрезал Улдин.

— Но ведь кони посвящены Посейдону, не правда ли? — быстро вмешался Рид.

— Верно, верно, да только куда же ее поместить? У нас ведь уже есть парочка овец да голубки, отыскивающие землю. А плыть до дома нам не один день, знаете ли. И еще скажу вам между нами, что плавали мы не одной торговли ради. Так-то так, да не так. Нет-нет, мы приставали в Аварисе и торговали, и люди мои отдыхали в харчевнях за мясной похлебкой, верно, верно. Только кое-кто из нас сплавал дальше по реке в Мемфис, столицу их, если знаете, со словечком от моего царевича, и вот я везу ему словечко в ответ. И рискнуть, что я его не доведу, никак невозможно: я ведь служил царской семье и мужем, и мальчиком, когда мой царевич еще не родился.

— Так ты и будешь поджаривать нас на солнце весь день, пока сюда не явятся кочевники? — завопил Улдин.

— Успокойся, — сказал ему Олег и посмотрел на Диорея с выражением не менее хитрым, чем у ахейца. — Это правда, что мы доставим тебе лишние хлопоты, достопочтеннейший, — произнес он вкрадчиво. — Я об этом очень сожалею. Но не примешь ли ты... подарок, как заведено между благородными мужами, не иначе? Малое воздаяние за великодушную щедрость, с какой ты открыл для нас сосуд с водой. Не позволишь показать тебе и твоему царю, что мы не нищие?

Говоря, он запустил руку в свой кошель. В воздухе блеснули золотые монеты и тотчас исчезли в ловких пальцах Диорея.

— Сразу видно, что вы благородного сословия, — невозмутимо объявил ахеец. — И одно это обязывает меня помочь вам насколько в моих силах. Взойдите же на корабль, прошу вас. Прощу! Да, лошадь... Почтеннейший, если ты согласишься здесь, на берегу, принести ее в жертву Посейдону, дабы плавание

наше закончилось благополучно, то выберешь любую из моего табуна. В том я клянусь.

Улдин заворчал, но уступил. Диорей гостеприимным жестом указал на корабль.

— Сначала на Родос, — сказала Эрисса ликуяще. — Данкен, Данкен, ты увидишь нашего сына!

Растерянности Рида и ее радости Диорей быстро положил конец.

— Боясь, что нет. Я выполняю поручение царевича Тесея и не могу свернуть с пути. Покинув дельту Нила, мы отклонились так далеко на запад по причине...

— Из страха перед морскими разбойниками среди Эгейских островов! — перебила она с горечью.

— Что? Какие разбойники? Или солнце напекло тебе голову? Не обижайся, госпожа. Я знаю, как высоко ставят женщин на Крите, а ты в юности, уж верно, танцевала со священными быками, а? Иначе откуда бы у тебя такая осанка! Да-да. Ну а морские разбойники откуда же? Или, по-твоему, мы в тирренских водах? Просто при таком ветре нам лучше всего пройти к западу от Крита, а потом мимо Пелопоннеса до Афин. А уж оттуда ты легко доберешься до Родоса. Самое позднее в начале следующей весны.

Разочарование ее не смягчило.

— Ты говоришь так, словно минос и его военные корабли все еще сохраняют мир на море для честных людей! — Голос у нее стал ядовитым.

— Госпожа, тебе надо поскорее взойти на корабль и отдохнуть в тени, — сказал Диорей все с тем же добродушием. — Последний раз, когда я был в Кноссе, куда мы доставили кое-какой груз на пути в Египет в этом же плавании всего месяца назад, минос сидел в Лабиринте, а его портовые досмотрщики, как всегда, жирели, забирая его часть.

Эрисса побелела.

— И жаль, что так! — проворчал юноша, стоявший рядом с Диореем. — Отец Зевс, долго ли нам терпеть его ярмо?

На лицах его товарищей был тот же гнев.

Глава 7

Первые часы на корабле были райскими. Рид, оглушенный всем, что он испытал и пережил за последние сутки (ничего подобного он и вообразить не мог, так как ни один автор исторических романов не в силах был дать ему этого ощущения

подлинности), только к середине следующего дня наконец обнаружил, что корабль, правда, не был адом, но не более того.

Накормленный (солонина, порей, грубый ржаной хлеб, вино, смешанное с водой), овеваемый прохладным бризом, ерошившим ему волосы под ласковым ясным небом, в окружении мириадов солнечных искр, играющих тысячей оттенков подвижной синевы на белоснежных шапках пены, он сидел у борта и вспоминал гомеровское описание нескончаемых смеющихся волн. Они были меньше океанских, резвее и совсем близко от него под низким планширем. Он видел каждую морщинку, каждое заихрение и заново дивился тому, каким сложным и непрерывно меняющимся произведением искусства была каждая волна.

Корабль плыл, взрезая воду, оставляя пенный след за кормой. Палубы покачивались в медлительном ритме, дерево скрипело, звенели канаты, иногда раздавался хлопок — парус отрывался на перемену в ветре или в волнах. Воздух, свежий, бодрящий, был напоен запахом нагретой солнцем смолы, озонном, соленостью. На корме у рулевых весел как юные боги стояли два силача — судно такого размера имело два рулевых весла.

Их товарищи сидели, вольготно развальясь, либо спали под скамьями (совершенно нагие, подложив под голову свернутую тунику, но чаще закутавшись в овчину). Теснота была страшная. Однако плавание редко длилось несколько суток подряд — как правило, корабли шли вдоль берегов и каждый вечер приставали в удобном для ночлега месте.

Взгляды моряков то и дело с любопытством и страхом обращались на пассажиров. Кто знает, что за люди? Долгое время никто, кроме Диорея и его знатных помощников, не решался заговорить с ними, ограничившись невнятным приветствием. Моряки вполголоса разговаривали между собой, чем-то занимались и тишком творили знамения против дурного глаза, совершенно те же, какие наблюдал Рид, когда через тысячи лет служил в армии и, получив отпуск, путешествовал по Средиземноморью. Ну да ничего. Они преодолеют робость, убедившись, что ничего страшного не происходит. А он плывет в Афины!

Но не в те Афины, которые любит, напомнил он себе. Храмы на Акрополе, Башня Ветров, колоннада Зевса Олимпийского, уютные крохотные кафе с их долмадами, и джезвами, и крепким узо, роскошные магазины, сумасшедшие таксисты, старухи в черном, продавцы жареных кукурузных початков, веселые мужчины, у которых обязательно оказывался родственник в Бруклине, — забудь все это, потому что не осмеливаешься помнить. И забудь Аристотеля, Перикла, Эсхила, победу при Марафоне, осаду Трои и самого Гомера. Ничего этого не

существует. Разве что в каких-либо племенных песнопениях есть строки, которые когда-нибудь потом войдут в эпическую поэму и сохранятся для грядущих поколений через века и века после того, как их творцы обратились в прах. А остальное — лишь призраки... Нет, даже не призраки, а видение, стирающийся в памяти сон.

Ты плывешь в Афины царевича Тесея.

Что-то сохранится и до твоих дней. В детстве ты будешь замирать от восторга, читая, как герой по имени Тесей сразил чудовищного Минотавра... На него упала тень.

...Минотавра, которому служила Эрисса.

Она села рядом с ним, не обращая внимания на моряков, которые, потеснившись, чтобы освободить им место, поглядывали на них. Взятый у кого-то плащ она не набросила поверх туники, а прикрепила к поясу, соорудив подобие юбки.

— Зачем? — спросил Рид, указывая на плащ.

— Лучше закутаться, точно ахейка, — глухо ответила она на кефтиу и, пожав плечами, устремила взгляд на горизонт.

— Чудесно, правда? — сказал он, неуклюже пытаясь подбодрить ее. — Теперь я понимаю, почему Афродита родилась из морской пены.

— Что? — Ее глаза, обретшие цвет тусклого нефрита, обратились на него. — О чем ты говоришь?

— Но ведь ахейцы, они же... — смущенно пробормотал он. — Разве они не верят, что Богиня... любви... вышла из моря у берегов Кипра?

— Афродита? — насмешливо сказала она. — С коровьими сосками и задницей, как два бочонка? Сучка, что вечно в течке?

Рид с тревогой посмотрел на моряков у нее за спиной. Ведь вполне вероятно, что многие из них понимают критский язык. Но, видимо, в поющем воздухе никто ничего не расслышал.

— Но Богиня — да. В своей ипостаси Бритомартис, Девы, она вышла из моря, — сказала Эрисса.

Наверно, подумал он, ахейцы сохранили... сохраняют чудесный миф и свяжут его с тем, что пока всего лишь примитивный символ плодородия... После падения Крита.

Эрисса ударила кулаком по перилам.

— Море принадлежит Ей... и нам! — вскричала она. — Какие чары заставили тебя забыть, Данкен?

— Но я уже говорил, что я такой же смертный, как ты, и в более тяжелом положении, — сказал он в отчаянии. — И стараюсь понять, что произошло с нами. Ты сама вернулась во времени...

— Ш-ш-ш! — Уже овладев собой, она положила руку ему на плечо и шепнула: — Не здесь. Как только представится

случай. Но не здесь. Этот Диорей совсем не такой простак, каким прикидывается. Он следит, слушает, вынюхивает. И он — враг.

С приближением осенних бурь в море выходило все меньше судов, однако в первый же день они переговорили с двумя кораблями. Первый, выгребавший против ветра, был торговым и принадлежал жителю Кефта, хотя команда была собрана со всего Восточного Средиземноморья. Они шли из Пилоса со шкурами, которые надеялись выгодно обменять на ливанские кедры, с тем чтобы отвезти бревна в Египет, взять там за них стеклянную утварь и, возвратившись домой на остров Наксос, спокойно перезимовать там. Диорей объяснил своим гостям, что такие плавания стали выгодными с тех пор, как фараон Аменхотеп замирил свои сирийские владения. Второй, очень большой корабль, прошумел мимо, направляясь прямо к Аварису с грузом олова, выплавленного бриттами. Команда была даже еще более пестрой — трое-четверо моряков, насколько можно было заключить, глядя на них через несколько десятков ярдов волнующейся воды, были родом из северных областей Европы. Этот мир был на удивление более космополитичен, чем ему предстояло стать в дальнейшем ходе истории.

И один раз в отдалении Рид увидел объяснение такой свободы мореходства. Узкая галера располовинила горизонт. Несколько моряков Диорея выхватили ножи, угрожая ей. Другие ограничились непристойными жестами.

— Что это за корабль? — спросил Олег.

— Критская военная галера, — ответил Диорей. — Несет сторожевую службу.

— Для того чтобы помогать морякам, терпящим бедствие, — добавила Эрисса, — и укрощать морских разбойников и варваров.

— Для того чтобы утешать тех, кто хочет быть свободным! — вскричал ахейский юноша.

— Без ссор! — скомандовал Диорей.

Юноша удалился на корму, Эрисса крепко сжала губы.

Едва стемнело, ветер стих, и корабль лег в дрейф под блистающими звездами. Глядя на них, Рид вспомнил, что и они не вечны.

— Скажи мне, — спросил он Эриссу, — какое созвездие возглавляет ваш Зодиак?

— Конечно, Телец. Бык Астерия, когда его пробуждает от смерти возрождающаяся весна. — Ее тон, вначале резкий, стал благоговейным. В смутном свете он увидел, что она

поцеловала свой амулет и сотворила в сумерках знак креста — знак солнца.

«Прецессия равноденствия! — подумал он. — Я вернулся назад на две двенадцатые цикла в двадцать шесть тысяч лет. Ну, конечно, не с такой точностью». Он вздрогнул, хотя ночь была не очень холодной, и, забравшись под скамью, завернулся в овчину, которую ему одолжил Диорей.

На заре они опустили мачту, взялись за весла и паучком побежали под размеренный речитатив старшего «Рипапай! Рипапай!», поскрипывание и всплески весел по морю, сперва мерцающему голубизной, которая затем стала сапфировой и перешла в глубокую синеву. Олег сказал, что хочет поразмяться, и сел грести — по две смены подряд.

Это рассеяло настороженность моряков. Когда поднялся ветер (не такой попутный, как накануне, но Рид с удивлением увидел, как под него удавалось подставить неказистый на вид квадратный парус), они собрались вокруг русского, который сидел, болтая ногами на краю носового настила. Они угостили его неразбавленным вином и засыпали вопросами:

— Откуда ты, чужестранец? Какая она, твоя страна? Где ты побывал? На каких кораблях плавают в твоей стране? Этот твой панцирь, это оружие, они и правда железные? Но ведь железо никуда не годится, слишком ломкое, даже когда его удастся выплавить из руды, а это, я слышал, дело почти невозможное. Так как же его добывают у вас? Эй, а бабы у вас какие? А вино? Или вы там пьете пиво, точно египтяне? — Смуглые лица вспыхивали белозубыми усмешками, тела двигались в пляске мышц, над синевой разносились смех и радостные голоса.

Неужели эти простодушные, веселые ребята, эти бывалые мореходы с умелыми руками были свирепыми дикарями, как утверждала Эрисса?

Она сидела ближе к корме в глубокой задумчивости. На той же скамье сидел Улдин. Они молчали. Гунн почти ни слова не сказал со вчерашнего дня, когда ему пришлось перегнуться через борт, а ахейцы хохотали у него за спиной. Морскую болезнь он одолел, но страдал от потери лица. Или за своей непроницаемой маской он корчился от ужаса? Бесконечная вода со всех сторон, по которой не поскачешь на коне!

Диорей развалился на настиле возле Олега, ковырял в зубах и больше помалкивал. Рид с некоторой тревогой устроился рядом, прислонился к планширю и подтянул колени к подбородку. Как бы русский под воздействием обильных возлияний не допустил какого-нибудь промаха! Олег был далеко не глуп, но после

всего, что свалилось на него в столь короткий промежуток времени, соблазн расслабиться и позабыть про осторожность мог быть очень большим.

— Я из Руси, коли вы об этом спрашиваете! — Олег допил чашу и протянул ее, чтобы ему подлили. Его золотистые кудри выбились из-под повязки, глаза на красном толстощеком лице весело блестели. Он почесался под рубахой и рыгнул. — А про остальное не знаю. Давайте-ка я вам расскажу про эти земли, может, вы какие узнаете и скажете мне. Ну и мы разберемся с названиями.

Они устроились поудобнее, готовясь слушать. Он отхлебнул из вновь наполненной чаши и забасил:

— Начну с дальнего севера. Может, вы про те места слышали? Леса, леса, день едешь, два едешь, одни леса. Ну и поля, конечно. Да только в лесах этих можно всю жизнь проблуждать. Со мной раз чуть такое не приключилось, когда я был мальцом. Батюшка мой был купец, да разорился, когда сначала ляхи взяли Новгород, а потом Ярослав отбил его. Ну а после пошла у Ярослава война с родным братом, и уж тут торговать с югом и думать было нечего. Ну мы и ушли в леса, занялись охотой и звероловством. Вот я и научился, как по ним зимой ходить, можете мне поверить. У финнов есть... э... деревянные башмаки, чтобы не проваливаться в снег. Они колдуны. Научили меня, как выпевать попутный ветер, да только у меня не всегда это получается. Да и... э... христианину такое вовсе не положено.

Слушатели выразили недоумение, потому что для них его последние слова означали, что он был помазан священным маслом. Но, видимо, они решили, что его посвятили в тайны какого-то запретного культа.

— Потом мы все-таки вернулись. Настали хорошие времена, и я не могу пожаловаться на судьбу. А те денечки меня еще кое-чему научили! — Олег усмехнулся, выпил и погрозил им пальцем. — Торговля опять года на два прекратилась из-за нашей войны с Константинополем. Так я это время провел в норвежских землях: Король ихний — друг Руси. Одно время служил у Ярослава. На дочке его женился. Ну, в их краях я много связок пушнины добыл, и как в первый раз потом съездил в Константинополь, прибыль получил — о-го-го! Можете мне поверить!

— Ты про свою страну рассказывал, — напомнил кто-то из слушателей.

— А-а! Ну да, Новгород. Хотите верьте, хотите нет, а Новгород — большой порт, хотя от него до моря не близко. Пройдете на веслах из Финского залива вверх по Неве, а потом через Ладожское озеро, да вверх по Волхову к озеру Ильмень. И добро

пожаловать! Конечно, дальше уж не поплывешь. Надо сперва по суше до Днепра добраться. А тогда до самого конца водой. Если не считать порогов. Киев на этой реке разбогател и разросся, можете мне поверить. Только я-то как был новгородец, так новгородцем и останусь. Там и меха, и янтарь добывать сподручнее. Ну, так, значит, по Днепру спускаетесь вы в Черное море и поворачиваете вдоль берега на юг к Константинополю. А это город, молодцы, так уж город! Царьград, одно слово.

— Погоди-ка, — медленно сказал Диорей. — А из моря, которое ты называешь Черным, нельзя ли выйти вот в это? Через два коротких пролива с маленьким морем между ними?

Олег энергично закивал:

— Это ты верно сказал. А Константинополь стоит у внутреннего конца северного пролива.

— Но там никакого города нет! — возразил кто-то из матросов.

— Просто ты не знаешь, — высокомерно ответил Олег.

— Порази меня Зевс громом, я-то знаю! — рявкнул Диорей, внезапно посуровев. Сразу наступила тишина, нарушаемая только гудением паруса, и шипением пены, да жалобным блеянием овец в загончике под настилом. — Я по этим проливам не раз плавал! — отрезал Диорей. — Один раз до самой Колхиды добрался, что под горами Кавказа. И не только я туда плавал, а и многие другие ахейцы.

— Ты что же, с такими течениями справлялся на этой скорлупке? — воскликнул Олег. — Да я же борт могу кулаком пробить!

— Гостю не пристало рассказывать небылицы, — сурово сказал Диорей.

— Погоди! — начал Рид, протягивая руку, чтобы дернуть его за плечо.

Олег мотнул головой.

— Виноват. Много выпил. — Он заглянул в свою чашу. — Совсем забыл. Мы же попятимся во времени. И Константинополь, небось, еще не построили. Но построят. Еще как построят! Я-то бывал там. И я знаю! — Он одним глотком допил чашу и бросил ее на колени соседа.

Диорей не шевельнулся. Его лицо не выражало ничего, точно чурбак. Слушатели внизу возбужденно переговаривались. Руки хватались за бронзовые ножи, пальцы чертили магические знаки.

— Олег! — сказал Рид. — Довольно!

— А что? — пробурчал русский. — Это же правда, так? Надо бы нам в оракулы пойти!

— Довольно! — повторил Рид. — Я же тебе рассказывал, откуда я. Ну так слушайся меня.

Олег закусил губу. Рид повернулся к Диорею. Подавляя грызущую тревогу, от которой по коже у него побежали мурашки, американец виновато ухмыльнулся.

— Мне следовало предостеречь тебя, почтеннейший, — сказал он. — Мой товарищ горазд на выдумки. Ну, и конечно, то, что произошло, всякого ошарашило бы.

— По-моему, такой разговор лучше пока отложить, — заметил Диорей. — До того, как мы будем в Афинах, во дворце. Так?

Глава 8

Атмосфера осталась дружественной. Моряки, видимо, пропустили мимо ушей непонятные намеки на путешествия во времени, сочтя их недоразумением, простительным для чужестранца из таких далеких краев, какими Олег позаботился нарисовать Русь и Византийскую империю. К тому же проклятие плавание не поразило: наоборот, попутный ветер держался дольше обычного. Рид не мог решить, в какой мере ахейцы верили новгородцу — да и гунну, после того как он немного смягчил свою угрюмость. Но кто не любит увлекательных историй? Моряки, со своей стороны, радовались, обретя новых слушателей, и пустились в описание торговых плаваний там, где несли дозор военные корабли миноса, грабежей и захвата рабов в других местах, охоты во внутренних областях своей страны на оленей, вепрей, зубров и львов, которые тогда еще водились в Европе. Не забыты были и стычки с дикими горцами, а также с другими городами-государствами ахейцев, и пьяные ссоры, и оргии. Со смаком вспоминались портовые гетеры и храмы в Азии, где девственности должна отдаваться первому мужчине, который ее пожелает, и лишь тогда получает право выйти замуж. Рассказы о богах, тенях умерших, невиданных чудовищах сопровождались страшными клятвами в истинности каждого слова.

Рид избегал разговоров о своем мире и старался узнать побольше об этом. Ахейцы были земледельцами, установил он. Даже цари ходили за плугом и плотничали. Самый бедный крестьянин обладал правами, которые ревниво оберегал. Среди буйной знати (людей настолько богатых, что они могли обзавестись полным комплектом военного снаряжения Бронзового века, что позволяло им легко справляться с простыми воинами) царь («верховный жрец-вождь», мысленно определил Рид) был

всего лишь «первым среди равных». Женщины не считались равными мужчинам, как у кефтиу, — равенство, которое Диорей насмешливо назвал главенством куриц, — но их и не держали взаперти на их половине, как в классической Греции. У себя дома женщина была уважаемой хозяйкой.

Всего лишь несколько поколений назад и пока лишь в немногих своих государствах ахейцы начали постигать искусство мореходства. И Диорей был среди них исключением, ибо осмеливался несколько дней плыть напрямик, не видя берега, тогда как для кефтиу это было привычным. Зато его спутники были редкостными скотоводами и колесничими. Каждый из них великолепно разбирался в лошадях, и они часами обменивались мнениями и спорили с Улдином.

Они хранили нерушимую верность своей семье, своему племенному вождю и своему слову. Благородному мужу полагалось быть гостеприимным и щедрым во всю меру своих возможностей. Он был чистоплотен, опрятен и в хорошей физической форме. Он знал предания своего народа и законы; он ценил умение ремесленника, танцора, певца-поэта. Он смело смотрел в глаза несчастьям и смерти.

Из недостатков Рид назвал бы гордыню, которая в любой миг могла обернуться угрюмой обидой или смертельным вызовом; кровожадную любовь к битвам; абсолютную бесчувственность ко всякому низшему, — а низшими были все, кроме свободно-рожденных ахейцев и особо влиятельных чужеземцев; а еще неуживчивость, побуждавшую их разделяться на соперничающие микросоюезства, которые в свою очередь не знали покоя от внутренних раздоров и гражданских войн, приводивших к дальнейшему их раздроблению.

— Есть причина, почему Крит верховенствует над нами, — заметил Диорей, стоя на носу рядом с Ридом и следя за полетом выпущенной голубки. — И, может, самая главная. Мы не способны все разом тянуть в одну сторону. Ну да, правда, Лабиринт этого нам ни за что не позволит. Большие города на материке — Микены, Тиринф и все прочие — так они продались. Критские товары, критские обычаи, критские обряды, критское то, критское се, пока человека не вывернет! Вот бы взяли и просто передались миносу! Так нет! Он хитер, и ему другое требуется. Он сохраняет их царей-блюдолизов, чтобы они сидели в совете с нашими, строили козни, подкупали и славливали истинных ахейцев между собой. А когда кто-то задумывает вырваться на свободу, вот как мой царь Эгей; соглядатель из Микен или Тиринфа вынюхает и уползет донести в Кносс.

— А тогда что? — спросил Рид.

— Ну, тогда минос свистит своим военным кораблям, закрывает все порты и хватает корабли всех данников и — хрр! — «союзников», которые не послали ему воинов. Так что они посылают. И вот почему в будущем году еще семь юношей и семь девушек поплывут из Афин к Минотавру...

Диорей умолк, приложил руку козырьком над глазами, сощурился, а потом сказал небрежно:

— Вон он! Теперь и ты сумеешь разглядеть то, что видела птица. Вон там, на краю мира, видишь пятнышко? Вершина горы на Крите, не иначе, клянусь животом Афродиты.

Они обогнули огромный остров еще до заката. Над морем белели обрывы. За ними земля уходила вверх зелеными уступами. Волны бороздили корабли, многочисленные, как чайки, бороздившие небо. Эрисса стояла у перил и смотрела. Последние дни она ничем не выдавала печали. Но говорила только тогда, когда промолчать было нельзя, и все время сидела одна со своими мыслями. Рид подошел к ней.

Она не обернулась к нему. «Какие страхи и желание прячутся за этим гордым профилем?» — подумал он. И словно услышав его, она сказала тихо:

— Не беспокойся за меня, Данкен. Годы научили меня ждать.

К вечеру следующего дня из лиловых вод поднялся зубчатый Пелопоннес. Ни голых холмов, усеянных деревушками, ни множества теплоходов, которые помнил Рид. Темная зелень лесов, пустынное море, пустынное небо и тишина, в которой стук и плеск весел звучали слишком громко. Даже старшой, задававший темп гребцам, понизил голос. В воздухе веяло прохладой. Крылья пары журавлей в вышине вспыхивали закатным золотом.

Диорей указал на остров Кифер в нескольких милях от берега. Он выглядел точно так же, как берега материка.

— До Пирея два дня хода, а то и меньше, — сказал кормчий. — Но мы остановимся на ночлег тут, возблагодарим богов за легкое плавание, разомнем ноги и проспим ночь не в тесноте, так что можно будет ворочаться сколько душе угодно.

Пляж в небольшой бухте хранил следы былых ночлегов — закопченные кольца камней, обрывки веревок и другой пристойный мусор. Выше виднелась каменная гробница в форме улья, а напротив нее — грубо вырезанный деревянный бог, чьей наиболее примечательной чертой был фаллос. Тропинка вела под деревья — к источнику, объяснил Диорей. Но в этот вечер весь пляж был в их распоряжении. Моряки посадили

корабль на мель, сбросили с кормы якорь — большой камень, и, захватив с собой рулевые весла, зашлепали по воде на берег.

Выбравшись на пляж, Улдин зашатался.

— Это заколдованное место! — крикнул он, выхватил саблю и свирепо огляделся. — Земля тут качается под ногами!

— Скоро перестанет, — ухмыльнулся Олег. — Вот хорошее средство от этого! — И он побежал туда, где моряки разминали мышцы, бегая вперегонки, борясь, играя в чехарду и испуская боевые кличи. Диорей позволил им развлекаться полчаса, а потом приказал разбить лагерь, собрать хворост, разжечь костер.

Эрисса отошла к гробнице. Не тронув плаща, окутывавшего ее ниже пояса, она сняла тунику, обнажив грудь, сжала в руке амулет и опустила на колени, молитвенно склонив голову, так что распущенные волосы закрыли ее лицо. Диорей помрачнел.

— Жаль, я не помешал ей! — шепнул он Риду. — Заметь я вовремя, так остановил бы ее.

— А что она делает?

— Молится о вешнем сне, наверно. Я и сам хотел. Говорят, он на редкость силен, ну, муж, здесь погребенный. А теперь мне уже нельзя. Он может разгневаться, если его потревожат дважды в один вечер. А я бы часть жертвы посвятил ему! — Диорей хмуро подергал себя за бороду. — Знать бы, какую клятву она тут приносит! Это ведь не простая критянка, друг Данкен, и даже не простая сестра по обряду танца с быком. Что-то есть в ней особое. На твоём месте я бы держался от нее подальше.

Эрисса надела тунику и отошла в сторону. Казалось, она обрела внутреннее спокойствие. Рид не посмел заговорить с ней. Он все сильнее ощущал, каким чужим был для него ее мир.

Ночь наступила прежде, чем на углях костра успели поджарить овец, которых везли из Египта для этой стоянки. Жертвоприношение было недолгим, но впечатляющим зрелищем. Высокие мужчины чинно стояли в красных отблесках и скользящих тенях, поднимая оружие в честь Гермеса, покровителя путников; Диорей звучно произнес молитву, а затем торжественно заколол овец, вырезал бедренные кости и, завернув их в жир, бросился в пламя под басистые возгласы «Ксарейс! Ксарейс! Ксарейс!», которые возносились к звездам вместе с дымом и гулками ударов мечей о шлемы и бронзовые нагрудники.

Олег перекрестился. Улдин разрезал подушечку большого пальца и выдавил в костер несколько капель крови. Разглядеть в темноте Эриссу Рид не сумел.

Но она разделила следовавшую затем трапезу. Это было веселое обжорство. По кругу ходили бурдюки с вином. Потом

— На это я и надеялась, — сказала она тихо. — Найти место, священное от Ее близости, где мы сможем поговорить.

Рид страшился этого момента, но теперь вдруг понял ее покорность судьбе — не печальную и не радостную, но гордую, какой он и представить себе не мог.

Эрисса расстелила на траве свой плащ. Они сели лицом к роднику. Ее пальцы поглаживали бороду, уже покрывшую его щеки и подбородок. В лунном луче он увидел, как нежна ее улыбка.

— Каждый день ты все ближе к Данкену, которого я знала, — прошептала она.

— Расскажи мне о том, что было, — попросил он тоже шепотом.

Она покачала головой:

— Я сама не знаю. О конце я помню очень мало, только черепки, обрывки тумана: рука, утешающая меня, ласковые слова... и чародейка, чародейка, которая заставила меня заснуть и забыть... — Она снова вздохнула. — Быть может, из сострадания, если судить по тем ужасам, которые остались со мной. Я часто желала, чтобы то же покрывало было наброшено на случившееся потом.

Она до боли сжала его руку.

— Мы были в лодке, я и Дагон, думали добраться до восточных островов, найти приют в одной из колоний Кефта. Но сквозь тучи в молниях, сквозь дождь из пепла нельзя было разглядеть ни солнца, ни неба, а воды бушевали, обезумев от боли, которую им причинили. Потом завыл ветер и погнал нас, куда хотел. Мы только-только удерживались в лодке. Когда наконец стало потише, мы увидели корабль. Но это были троянцы, повернувшие домой, когда их окутала тьма. Они объявили нас пленниками и, когда добрались до Трои, продали в рабство.

Эрисса глубоко вздохнула. Какие бы силы она ни почерпнула, увидев Крит или воззвав к герою-оракулу, теперь вскрывались старые мучительные раны. Рид тоже утратил спокойствие духа и машинально вытащил трубку с кисетом.

— Возможно, толкнул его на это по доброте сердечной шаловливый мальчик, Сын Богини, — заметила Эрисса с неуверенным смешком.

К тому времени когда он объяснил, что намерен сделать, она уже могла говорить почти отвлеченно. Рид успокоил себя глотком благодетельного дыма и слушал, сплетя пальцы с ее пальцами.

— Купил меня Мидон. Он был ахейской крови — они силой и подкупами утвердились в Троаде, ты знаешь об этом? — но оказался не таким уж плохим господином. И Дагон был рядом.

Он всячески постарался понравиться Мидону, чтобы тот купил его вместе со мной, и стал у него писцом. Так что мы жили в одном доме. Я помню, как ты, Данкен, поручил меня Дагону, когда мы расставались. И ты все еще отрицаешь, что ты бог?

Когда родился Девкалион — твой сын, как я знала всем моим существом, — я дала ему это имя, потому что оно сходно с твоим, и потому что я поклялась, что и он тоже станет родоначальником целого народа*, — я не могла допустить, чтобы он вырос рабом. Я выжидала еще год, наблюдала, составляла планы, готовилась. Дагон тоже набрался терпения — ведь я убедила его, что так предначертано. Когда наконец мы бежали (я держала Девкалиона в объятиях), то не смогла задушить свою дочь от Мидона, как собиралась, — она лежала в колыбели такая крохотная! Надеюсь, он заботился о ней и она узнала хоть немного счастья.

Мы уплыли на лодке, которую давно припрятали и нагрузили провизией. Мы хотели добраться до Додеканеса кефтиу. Но ветер вновь был противным и погнал нас на север к берегам Фракии. Там мы нашли приют у диких горцев и прожили у них несколько лет. Приняли нас хорошо, потому что мы принесли им в дар вещи, которые увезли из Трои. А потом Дагон стал уважаемым человеком, потому что он умен и искусен во многих ремеслах кефтиу. А я, хотя на Атлантиде была не жрицей, но лишь танцевала с быками, научила их обрядам в честь Богини и Астерия, которые им понравились. Их ворожеи приняли меня в свой круг. От них кроме ворожбы я научилась искусству исцеления, неизвестному ни в Греции, ни на островах, — узнала свойства трав, способы лечения и наведения волшебного Сна. И благодаря этому меня почитают там, где я живу теперь. Значит, во Фракию нас забросил бог, не желавший нам зла. Так было предначертано судьбой, которую ты даровал мне.

Потом, немного разбогатев, мы смогли заплатить купцу с Родоса, чтобы он взял нас с собой. В его родном порту мы встретили моих дальних родственников, и они помогли нам устроиться. Так к нам наконец пришло благоденствие.

Но я уже не та девушка, которую ты любил, Данкен.

Наступило молчание. Пел родник. На призрачных крыльях между ними и луной пролетела сова. Рид сжимал свою теплую трубку и руку Эриссы.

* Герой древнегреческого мифа. Когда, разгневавшись на людей, Зевс наслал на землю всемирный потоп, Девкалион спасся вместе с женой, и они с помощью магии возродили людей. (Здесь и далее примеч. пер.)

— И я не тот Бог, которого помнишь ты, — сказал он наконец. — И никогда им не был.

— Возможно, в тебя вселился Бог, а потом исчез. Но мил ты не меньше.

Он положил трубку, повернулся к ней — какие бездонные сияющие глаза! — и сказал с силой:

— Постарайся понять! Мы все вернулись в прошлое. И ты тоже. Я убежден, что в эту самую минуту девушка, которой была ты, живет на еще не погибшей Атлантиде.

— И она не погибнет! — Ее голос зазвенел. — Вот почему мы присланы сюда, Данкен, — чтобы, зная грядущее, предупредить наших сородичей.

У него не хватило мужества ответить.

— Но как я тосковала по тебе! — Ее голос стал нежным. — Как томилаась! Но я теперь слишком стара, любимый мой?

И словно кто-то другой ответил:

— Нет. Ты никогда не станешь старой.

А он подумал: «Да, о Господи! Хотя бы из милосердия. Нет, не лицемерь! Ты ведь раза два позволил себе, и Пам ничего не узнала... И, Господи, Пам родится только через три-четыре тысячи лет, а Эрисса здесь, и она прекрасна...»

Но и думал это вовсе не он, а незнакомый человек, изгнанник из реального «завтра». Он был тем, кто сказал то, что сказал.

Смеясь и плача, Эрисса прильнула к нему.

Глава 9

Эгей, царь Афин, прежде был сильным мужем. Время выбелило его волосы и бороду, сморщило мышцы на крупных костях, сделало глаза подслеповатыми и свело пальцы артритом. Но все равно на троне он восседал с прежним достоинством. И, взяв в руки две полусферы ментатора, не выдал страха.

Раб, с помощью ментатора научившийся говорить на кефтиу, катался по полу. Новые слова он выговаривал с трудом, потому что губы у него распухли и кровоточили от удара тупым концом копья, который заставил его преодолеть ужас перед чародейством, перестать кричать и вырываться. Воины — телохранители Эгея и случайные гости, всего человек пятьдесят, — стояли невозмутимо, но многие украдкой проводили языком по пересохшим губам или сощуривали глаза под вспотевшим лбом. Слуги и женщины робко жались к стенам. Почувяв страх, огромные собаки — мастиффы и волкодавы — принялись рычать.

— Драгоценный дар, — сказал царь.

— Мы уповаем, он хорошо послужит тебе, господин, — ответил Рид.

— Так и будет. Но сила его еще больше — он страж и знамение. Да будут эти шлемы храниться в храме Пифона. Через десять дней да будет устроено жертвоприношение в их честь, а затем три дня пиров и игр. Эти же четверо, принесшие дар, будут царскими гостями, о чем да узнает всяк. Пусть они получают подобающее жилище, одежды, красивых женщин и все, в чем еще могут нуждаться. Пусть все воздают им честь.

Эгей нагнулся пониже с мраморного трона, устланного львиной шкурой. Прищурившись, чтобы лучше видеть чужеземцев, он договорил не так торжественно:

— Вас, наверно, утомила дорога. Не хотите ли пойти в ответственные вам покои омыться, перекусить и соснуть? Вечером мы будем пировать с вами и выслушаем ваши рассказы во всех подробностях.

Его сын Тесей, сидевший чуть ниже, кивнул.

— Да будет так! — сказал он, однако лицо царевича осталось холодным, а взгляд настороженным.

Раб, ведавший дворцовым хозяйством, пригласил гостей следовать за собой. Покидая зал, Рид получил возможность посмотреть его рассмотреть. Афины, небольшие, небогатые, расположенные вдали от центров мировой цивилизации, не могли похвастать каменными строениями, подобными микенским или тиринфским. Царский дворец на вершине Акрополя был деревянным. Но в этом веке, когда леса Греции еще не были сведены, дворец был возведен из огромных бревен. Массивные колонны поддерживали потолочные балки длиной около сотни футов. Ставни окон под потолком были распахнуты, впуская дневной свет, — как и дымоход в кровле из дранки. Но в зале царил сумрак. Висевшие за скамьями щиты и оружие уже отражали дрожащие лучи каменных светильников. Тем не менее меха, вышитые ткани, золотые и серебряные сосуды создавали впечатление варварской роскоши.

От зала отходили три крыла. В одном находились кладовые и помещения рабов, во втором обитали царская семья и ее свободные наследственные слуги, третье предназначалось для гостей. Комнаты, выходившие в коридор, были тесными каморками без дверей — их заменяла занавеска. Однако занавески были из плотной ткани и богато расшитые. Оштукатуренные стены были занавешены такими же тканями. Солома на кроватях была застелена овчинами и меховыми одеялами. Рядом с ритонами — глиняными кубками в форме рога — стояли большие сосуды с вином и водой. И в каждой каморке отвешивала поклон юная девушка.

Олег хлопнул в ладоши.

— Ого! Мне это место нравится, — захохотал он.

— Если нам не суждено вернуться, — согласился Улдин, — то стать воином Эгея будет не так уж плохо.

Раб-дворецкий указал Эриссе ее каморку.

— Э... мы с ней вместе, — сказал Рид. — И достаточно будет одной служанки! — последние слова он подчеркнул.

— Каждому по одной, господин! — ухмыльнулся дворецкий. — Таково приказание царя. Пусть спят вместе в свободной комнате. Гостей у нас мало: на суше время жатвы, а в море близки осенние бури.

Он был лысым иллирийцем, развязным, как все старые преданные слуги. «Да нет же! — внезапно подумал Рид. — Он раб и ведет себя, как заключенный, отбывающий пожизненный срок, когда его назначают старостой».

Служанки сказали, что сходят за обещанной одеждой. Не хотят ли они откушать? Не пожелают ли господин и госпожа пройти в баню, где их смиренные служительницы омоют их, разомнут им усталые члены и умастят благовониями?

— Потом, — сказала Эрисса. — Но так, чтобы мы были готовы явиться на пир царя... И царицы, — добавила она, потому что ахейские женщины не участвовали в пирах мужчин. — Сначала мы должны отдохнуть.

Когда они с Ридом остались одни, Эрисса обняла его, прижалась щекой к его плечу и грустно шепнула:

— Что нам делать?

— Не знаю, — ответил он в солнечный аромат ее волос. — До сих пор у нас не было выбора, верно? Возможно, мы окончим наши дни тут. Как справедливо заметили наши друзья, могло быть куда хуже.

Она так сильно сжала руки, что ногти впились ему в спину.

— Ты говоришь, не думая! Это же те, кто сжег... кто сожжет Кносс и уничтожит мир миноса, чтобы заняться морским разбоем!

Он ответил не сразу, потому что думал: «Вот ее точка зрения. А я не знаю. Ахейцы грубы и суровы, но ведь по-своему они прямодушны и честны, так? И как же человеческие жертвоприношения Минотавру?» Вслух он сказал:

— Ну, во всяком случае я устрою, чтобы ты вернулась во владения Кефта.

— Без тебя? — Она отошла от него, ее голос стал странным, а пристальный взгляд был устремлен прямо ему в глаза. — Так не будет, Данкен. Ты приедешь на Атлантиду, и будешь любить меня, и в Кноссе зачнешь нашего сына. Потом...

— Ш-ш-ш! — Он испуганно прижал ладонь к ее губам. Если никто другой, так Диорей, уж конечно, способен приста-

вить согладатаев к таинственным царским гостям, тем более что среди них есть знатная критянка. А сквозь занавеску на двери все прекрасно слышно. Слишком поздно Рид спохватился, что не использовал ментатор для того, чтобы они четверо могли говорить на языке, неизвестном тут. Гуннское наречие или старорусский отлично подошли бы для такой цели.

Но в пустыне им было не до того, а Диорей наверняка запретил бы чародейство на своем корабле. Да, конечно! Хотя бы просто потому, что не позволил бы тем, к кому относился с подозрением, приобрести подобное преимущество.

— Это... э... слишком священные предметы, чтобы обсуждать их тут, — сказал он вслух. — Позже мы найдем достойное место.

Эрисса кивнула:

— Да, я понимаю. Скоро... — Губы у нее скривились, она смигнула слезы. — Слишком скоро. Сколько времени ни потребуется, чтобы наша судьба постигла нас, все равно это будет слишком скоро. — Она увлекла его к ложу. — Ты не слишком устал? Пока мы вместе?

Рабыня, которая утром принесла им завтрак — остатки вчерашнего зажаренного целиком вола, — объявила:

— Царевич Тесей приглашает господина к себе, а царица просит госпожу провести день с ней и ее прислужницами.

Эрисса наморщила нос и жалобно поглядела на Рида. Ей предстоял скучный день, пусть даже прислужницы будут девушками из знатных семей, обучающимися домоводству под присмотром супруги Эгея. (Четвертой его супруги, которой, однако, скорее всего предстояло его пережить: он был уже слишком стар, чтобы свести ее в могилу ежегодными родами, начиная с четырнадцатилетнего возраста.) Рид сделал ей знак согласиться. К чему без нужды задевать обидчивых хозяев?

Тунику, плащ, сандалии и фригийскую шапку, в которые он облачился, прислал ему в подарок Тесей. Хотя ахейцы были высокими, мало кто из них достигал шести футов роста, такого обычного для сытых времен Рида. Однако царевич был пальца на два выше американца. Это удивило Рида, но он тут же понял, что причина удивления в прекрасных романах Мэри Рено, где Тесей изображается невысоким. Ну, она логически истолковала... истолкует легенду. Но в какой степени легенды отражают истину? И, кстати, действительно ли этот Эгей и этот Тесей соответствуют отцу и сыну легенды?

Должны соответствовать, безнадежно подумал Рид. Их имена связаны с падением Кносса и завоеванием Крита. А Кносс

падет, и Крит будет завоеван в недалеком будущем, когда погибнет Атлантида.

Бронзовый меч, который он прицепил к поясу, был подарком Эгея — с овальным лезвием, отлично сбалансированный, прекрасный и смертоносный. Во всяком случае упрекнуть царя и царевича в скупости было нельзя.

Тесей ждал его в зале. Если не считать убиравших ее рабов, она после пиршественного веселья накануне казалась зияюще пустой и безмолвной. (Пылающие факелы, огонь, ревущий в центральном очаге, заглушающие этот рев песнопения, топот, лиры, флейты Пана и барабаны, крики и бахвальство, гремящие в дымном воздухе. Собаки с рычанием хватали кости, брошенные им с расставленных на козлах столов; слуги метались, следя, чтобы кубки не пустели... И все это время Тесей невозмутимо расспрашивал чужеземцев.)

— Радуйся, господин! — приветствовал его Рид.

— Радуйся! — Царевич поднял бугрящуюся мышцами руку. — Я подумал, что тебе, возможно, будет интересно посмотреть окрестности нашего города.

— Ты очень добр, господин. А... мои друзья?

— Диорей, начальник моих кораблей, пригласил воинов Улдина и Олега в свое поместье. Он обещал подарить им коней, а они, в свою очередь, обещали объяснить ему устройство седла с опорами для ног, которое привез с собой Улдин.

«И он выведает у них все, — подумал Рид, — а потом постарается разлучить их со мной и Эриссой... Стремена же были изобретены через доброе тысячелетие в будущем? По-моему, я где-то про это читал. Благодаря им появилась тяжелая конница. А вдруг они приспособятся к стременам здесь и сейчас, что тогда?

Можно ли изменить время? Должна ли критская Талассократия — морская держава, столь дорогая сердцу Эриссы, — погибнуть? Должен ли я покинуть ее тут ради своего рода кровосмешения с ней же, только юной?

Если же нет... не станет ли будущее иным, чем то, в котором жил я? Родится ли тогда моя Памела? И сам я?»

Он попытался вызвать в памяти облик жены и обнаружил, что затрудняется, хотя с той минуты, когда они расстались, прошло лишь несколько дней.

— Идем! — сказал Тесей и направился к выходу. Он был широкоплеч, как того требовал его рост, но ступал легко и пружиняще. Светлая кожа, светло-каштановые волосы и борода, прямой короткий нос, сочные губы — он был очень красив. Особенно поражали глаза, широко посаженные, янтарные, львиные глаза. Отправляясь за город, он сменил богато вышитое праздничное одеяние на серое из грубой шерсти. Однако волосы

его охватывала все та же золотая повязка, и та же золотая брошь скрепляла тунику у горла. Не снял он и браслетов с широких запястий.

Задувал крепкий ветер, но он не предвещал осенней бури и гнал по небу не клочья серых туч, а пушистые облака. Их тени скользили по всему раскинувшемуся перед ними пейзажу от гор на севере и северо-западе до Саронического залива на западе. Там, на фоне зеленовато-синих волн в белых барашках, Рид различил лодочные сараи и вытасщенные на песок корабли. Это был Пирей. Уводивший туда проселок бурой лентой вился между сжатými полями и тускло-зелеными маслиновыми рощами. Вся равнина Аттики была испещрена такими полями и рощами. В отдалении он увидел два больших окруженных службами дома, видимо, принадлежавших богатым людям, и многочисленные хижины мелких землевладельцев. Хижины эти по большей части были окружены дубами или платанами. Горы густо поросли лесом.

Нет, это была не его Греция.

Он обратил внимание на множество птиц в небе. Большинство он определил лишь примерно — разные дрозды, голуби, утки, цапли, ястребы, лебеди и вороны. Люди пока еще не нанесли природе непоправимого ущерба. По булыжникам двора скакали воробы. Возле крутились собаки, но других привычных четвероногих и пернатых обитателей ферм — свиней, ослов, овец, коз, кур или гусей — видно не было. Однако работники деловито сновали между строениями, которые могли быть только загонами. Такое большое хозяйство требовало множества рабочих рук, которые без конца убирали, стряпали, мололи, пекли, варили пиво, пряли, ткали... Этими работами были заняты почти только женщины, и за изношенную юбку почти каждой цеплялся малыш — или играл в пыли у ее ног. Следующее поколение рабов! Однако были и чисто мужские занятия. Заглядывая в открытые двери строений, Рид определил кузницу, кожевню, гончарню с кругом, канатную мастерскую и плотницкую.

— Это рабы, господин? — спросил он.

— Не все, — ответил Тесей. — Вообще неразумно содержать вместе большое число несвободных мужчин. Мы их нанимаем. Главным образом афинян, но бывает, и чужеземцев, искусных в своем ремесле. — Он улыбнулся, но его улыбки словно дальше зубов не проникали. — Им не возбраняется брюхатить наших рабынь, так что все довольны.

Кроме, возможно, рабынь, подумал Рид. Особенно когда их подросших сыновей продают другим хозяевам.

Тесей надулся.

— Мы ^иобязаны держать писца с Крита. Без всякой нужды. У нас хватает людей, умеющих писать, — людей, чьи предки обучили письму критян! Но минос требует от нас этого.

Чтобы следить за доходами и расходами, решил Рид. Отчасти для установления дани, а отчасти чтобы приглядывать за афинянами. Но как же это так? Ахейцы обзавелись письменностью раньше, чем она появилась на Крите? Чепуха какая-то.

Тесей оборвал свои сетования, чтобы не сказать лишнего.

— Я подумал, не поехать ли нам в мой загородный дом, — предложил он. — По дороге можно увидеть очень много, а мне надо проследить, как продвигается обмолот и ссыпка зерна в житницы.

— Я буду очень рад, господин.

Конюшня в отличие от остальных строений была каменной — возможно, потому что лошади особенно ценились — их любили и оберегали от пожаров. Хотя лошади были более мелкими, чем в XX веке, выглядели они крепкими и выносливыми. Те, которым Тесей поглаживал морды, тихонько ржали и тыкались носом ему в ладонь.

— Запряги Брыкастого и Длиннохвостого в дорожную колесницу, — приказал он старшему конюху. — Нет, возникшего не зови. Я сам буду править.

На плоском днище колесницы за бронзовым передком и боками, украшенными выпуклыми фигурами, могли встать двое мужчин. Отправляясь на битву, Тесей в полном вооружении стоял бы позади почти нагого возничего и держал бы не вожжи, а щит и меч, рубя вражеских пехотинцев. Рид решил, что научиться этому искусству можно, только упражняясь с самого детства. У него самого все силы уходили на то, чтобы удерживаться на ногах в этой тяжелой двухколесной повозке без рессор.

Тесей щелкнул кнутом, и они загромыхали по дороге. Два колеса скрипели и грохотали. Хотя вращались они вместе с осью, лошади, видимо, тащили неуклюжую колесницу без особого напряжения. Тут Рид заметил примитивность сбруи, сводившейся к широкому ремню поперек груди, затруднявшему дыхание животного. А что, если Олег изготовит хомут?

Афины лепились по каменистым склонам Акрополя почти до самой вершины холма. По меркам того времени город был довольно большим — двадцать—тридцать тысяч жителей, хотя эта цифра могла оказаться и больше, если учитывать приходящих из внутренних областей полуострова и чужеземцев. (Он спросил у Тесея и получил в ответ насмешливо-удивленный взгляд. Ахейцы внимательно следили за очень многим, но вести счет людям им в голову не приходило.) Большая часть населен-

ной территории лежала за пределами оборонительных стен, что указывало на быстрый рост города. Дома были глинобитные с плоской крышей, нередко в три-четыре этажа. Они теснились по сторонам немощеных кривых улочек, и тут Рид наконец увидел свиней, которые соперничали с дворнягами, огромными тараканами и тучами мух из-за отбросов, выкидываемых из домов.

— Дорогу! — гремел Тесей. — Дорогу!

И все расступались перед ним — воины, ремесленники, купцы, моряки, содержатели харчевен, лавочники, писцы, рабы, гетеры, мужние жены, дети, жрецы и только Богу известно, кто из тех, чьи движения и голоса оживляют городские улицы. В мозгу Рида запечатлевались выхваченные картинки. Женщина одной рукой придерживает на голове сосуд с водой, а другой приподнимает край одежды, переступая через лужу помоев. Тощий ослик с двумя вязанками хвороста на спине, которого немилосердно хлещет крестьянин. Лавка, хозяин которой расхваливает свой товар — сандалии. Другая лавка, где покупатель и продавец как раз завершили типично сложную сделку — столько-то другого товара в обмен и столько-то металла, взвешенного на весах. Медник за работой, забывший обо всем на свете, кроме своего молотка и тесла, которое выковал. Открытая дверь харчевни, и пьяный матрос, сочиняющий небылицы об опасностях, которые ему довелось пережить. Два голых мальчугана, играющих в игру, которая очень напоминала «классики». Дородный горожанин, окруженный молодыми рабами, оберегающими его от толчеи. Приземистый смуглый бородач в широком одеянии и остроконечной шапке без полей, видимо, из Малой Азии... Да нет! Здесь они называют ее просто «Азия»...

Колесница прогромыхла по площади, где стояло несколько деревянных храмов. Потом тут будет Ареопэг. Они выехали за ворота в городской стене — кладка была более грубой, чем в микенских развалинах, которые Рид однажды посетил. (Он невольно подумал, что пройдет какой-то срок после дней Памелы, и Сиэтл и Чикаго будут лежать в руинах, окутанные тишиной, которую нарушает лишь стрекотание кузнечиков.) За «предметом» лошади свернули на ухабистую дорогу, и Тесей пустил их рысью.

Рид уцепился за поручень. Он уповал только, что коленные чашечки у него все-таки уцелеют и зубы останутся целы.

Тесей заметил его плачевное состояние и придержал лошадей. Они нетерпеливо зафыркали, но дальше пошли шагом. Царевич посмотрел по сторонам.

— Ты к этому, видно, не привык? — спросил он.

— Да, господин. Мы... путешествуем в нашей стране по-другому.

— Верхом?

— А? Да, конечно. И... э... в повозках, которые снабжены пружинами, чтобы смягчить толчки. — Рид слегка удивился, что в его запасе ахейских слов нашлась «пружина». Но, вдумавшись, понял, что сказал «металлические древки луков».

— Хм! — буркнул Тесей. — Это должно стоить очень дорого. И ведь их, наверно, хватает ненадолго?

— Мы пользуемся железом, господин. Железо и дешевле, и прочнее бронзы, если научиться его добывать и обрабатывать. И железная руда встречается много чаще, чем медная или оловянная.

— Да, так мне вчера сказал Олег, когда я рассматривал его доспехи. Ты знаешь секрет его добычи?

— Боюсь, что нет, господин. В моей стране это не секрет, но я-то занимаюсь совсем другим. Я... ну... планирую здания.

— А твои товарищи знают?

— Возможно. — Рид подумал, что при желании он мог бы экспериментальным путем научиться выплавлять железо. Основная идея заключалась в том, чтобы снабдить горн механическим поддувалом и получить пламя, достаточно жаркое, чтобы железо в руде расплавилось, а потом с помощью присадок превратить его в сталь. Вполне вероятно, что Олег в его эпоху видел, как это делается, и способен по памяти изготовить нужное оборудование.

Некоторое время они ехали молча. Колесница двигалась настолько медленно, что удерживать равновесие Риду было легко, однако толчки отдавались в ногах все так же болезненно. Стук колес теперь почти заглушался шумом ветра в платанах справа и слева от дороги. Он хлестал по щекам холодными руками и заставлял хлопать плащи. Стая ворон пробивалась навстречу ветру. На солнце их черное оперение блестело, как полированное, но затем тучка заволокла светило, и все вокруг сразу потемнело. Дым стлался по крыше глинобитной хижины. Женщины сгибались на пшеничном поле, срезая серпами колосья. Ветер прижимал их грубую коричневую одежду к бедрам. За ними шли двое мужчин, собиравших колосья в копны, и они порой подцепляли копьями задравшиеся подолы.

Тесей, небрежно держа вожжи в правой руке, повернулся и уставился на Рида янтарными глазами.

— Мне еще не приходилось слышать рассказа такого жуткого, как твой, — сказал он.

Американец криво улыбнулся:

— Мне самому было очень жутко.

— Смерч унес вас через весь мир из стран, таких отдаленных, что мы про них даже не слышали, в колеснице чародея... Ты правда веришь, что это случилось? Что вы не отмечены Роком?

— Я... не думаю... что это так, господин.

— Диорей доложил мне, что вы, четверо, как-то странно говорили, будто вы не только из других краев, но и из других времен. — Звучный голос оставался ровным, но безжалостно требовал ответа, а рука легла на рукоять меча. — Что это значит?

«Вот оно!» — сказал себе Рид. Во рту у него пересохло, но свой заранее отрепетированный ответ он произнес достаточно твердо.

— Мы сами плохо понимаем, господин. Подумай, как мы растерялись, да и до сих пор в себя до конца не пришли. И запутались в счете дней. Но и как же иначе, правда? В наших странах нет общего для них царствования или событий, от которых вести отсчет. И мне подумалось, что волшебная повозка, быть может, летела не только через расстояния, но и через годы. Я просто предположил такое, но я не знаю.

Отрицать наотрез он не решился. Слишком много намеков было обронено, да и дальше любой из них мог допустить обмолвку. Тесей и Диорей разбирались в тайне времени ровно столько же, сколько сам Рид, — везде и всегда тайна эта оставалась одинаковой. Им, привыкшим к изречениям оракулов, пророчествам и рассказам о неумолимых предопределениях Рока, идея хроокинеза не должна была представляться такой уж немислимой.

Так почему же не объяснить им всю правду? Из-за Эриссы!

Голос Тесея стал жестче:

— Я бы не так тревожился, если бы ты не делил ложе с критянской.

— Господин, — горячо сказал Рид, — она, как и все мы, была унесена по бессмысленной случайности.

— Так ты от нее откажешься?

— Нет, — ответил Рид. — Не могу! — Ему пришлось в голову, что это так и есть. Он поспешил добавить: — Наши страдания связали нас прочными узами. Ведь ты, господин, не оттолкнул бы товарища? К тому же между вами и Критом теперь мир?

— Более или менее, — ответил Тесей. — Пока.

Он замер, погрузившись в свои мысли, а потом внезапно заговорил:

— Выслушай меня, гость мой Данкен. Я не хочу ни в чем умалить твою честь, но чужестранца, подобного тебе, легко

обмануть. Так дай же я объясню тебе истинное положение вещей. А оно таково: Крит сидит в этой части Всемирного моря, как паук в паутине, и эллинам надоело быть мухами, которых ловят и высасывают досуха. Каждое наше царство, достижимое с моря, должно преклонять колени, платить дань, посылать заложников, держать лишь столько кораблей, сколько позволяет минос, не предпринимая ни единого плавания, не дозволенного миносом. Нам нужна свобода.

— Прости чужестранца, господин, — рискнул Рид, — но ведь эта дань — лес, зерно, ремесленные изделия — думается мне, освобождает критян от других занятий и тем самым покупает вам защиту от морского разбоя, следовательно, более помогая вам, нежели препятствуя. Ведь так?

Тесей сердито фыркнул:

— Морским разбоем называет это минос. Но почему нашим юношам нельзя отличиться в бою и разбогатеть, взяв левантийский корабль, груженный золотом, или хеттский городишко? А потому что это причинило бы критянам неудобство в их торговле с этими странами, вот почему! — Он помолчал. — Или, например, почему моему отцу или мне не дозволяется объединить всю Аттику? Почему нельзя другим ахейским царям объединить их племена? Что не потребует большой крови. Но нет! Минос препятствует этому хитросплетением договоров — пусть «варвары» пребывают разделенными, а потому слабыми, — насмешливо закончил он, употребив слово, равносильное современному «непросвещенные туземцы».

— Равновесие сил... — начал Рид.

— А весы держит минос! Слушай! В горах на севере и на востоке отсюда обитают настоящие варвары. Они рыщут у наших пределов точно волки. Если мы, ахейцы, не объединимся, в конце концов они на нас нападут и победят. А где «сохранение цивилизации», когда свитки сгорают вместе с городами?.. Цивилизация! — продолжал Тесей после минутного молчания. — Или мы такие неотесанные чурбаны, что не можем соучаствовать в ней на равных правах? Это ведь аргивяне решили, что старые жреческие письма, какие были приняты на Крите, слишком сложны и неудобны, а потому придумали новые, настолько удобные, что теперь, наверно, половина писцов в Кноссе — аргивяне.

Так вот ответ на загадку линейного письма А и линейного письма Б! У Рида слегка закружилась голова. Не греческое завоевание в дни Гомера — то есть пока еще не оно! — но просто использование удобного чужеземного новшества! Как Европа заимствовала цифры у арабов, обои у китайцев или байдарки у эскимосов. И не для того ли он сам плыл в Японию? Видимо, в

Кноссе, да и в других критских городах жило немало ахейцев. Естественно, именно среди них находили писцов, искусных в линейном письме Б, и столь же естественно, что писцы предпочитали пользоваться родным языком, к которому были приспособлены письма.

Потенциальная пятая колонна?

— Хотя сам я это высоко не ставлю, — продолжал Тесей. — Выдавливает значки на глиняных табличках или марать ими папирус — это не достойно мужчины.

— А что достойно, господин? — спросил Рид.

— Пахать, сеять, жать, строить, охотиться, плавать по морю, воевать, тешиться с женщинами, сделать свой дом надежным для родичей и оставить своим потомкам славное имя! А для нас, царей, еще и укреплять и защищать царство.

Одна из лошадей шарахнулась в сторону. Около минуты Тесей вожжами и кнутом умирал понесшую было упряжку. После этого он держал вожжи в обеих руках, смотрел прямо перед собой и монотонно ронял слова, не поворачивая головы.

— Позволь, я расскажу тебе одну историю. Это не тайна. Лет пятьдесят назад каледонцы с союзниками отправились на юг Крита, разорили несколько городов, да так, что их и поныне не отстроили заново. Им это удалось потому, что они сохранили свои приготовления в тайне, и еще потому, что три миноса подряд были любителями наслаждений и не занимались военным флотом. К тому времени, видишь ли, лесов на Крите осталось мало, а потому бревна для кораблей приходилось возить издалека и, как ты догадываешься, урезая расходы на удовольствия и роскошь.

Затем флот был поручен новому начальнику. На следующий же год он сокрушил каледонцев с теми кораблями, которые у него были. А тут воцарился новый минос и помог Реаклею, этому начальнику, увеличить флот. Они порешили подчинить себе всех ахейцев, у которых были морские порты, позволявшие им покушаться на Талассократию. И они добились своего отчасти силой оружия, а отчасти срамливая нас между собой.

Так вот, двадцать семь лет назад мой отец Эгей попытался положить конец этой зависимости и объединить Аттику. Он поднял восстание. Оно было подавлено. Минос позволил ему остаться царем-данником, чтобы избежать долгой войны, которая могла распространиться и на другие области. Однако условия его были очень жесткими. Так теперь каждые девять лет семь афинских мальчиков и семь девочек из самых знатных наших семей отправляются в Кносс и остаются там заложниками, пока не прибудут новые семеро и семь.

— Как? — спросил Рид. — Разве их... не приносят в жертву Минотавру?

Тесей повернул голову и взглянул на него.

— О чем ты говоришь? Минотавр — сам жертва. Неужто ты не понял всей хитрости этого плана? Заложники покидают Афины в самом впечатлительном возрасте. А на родину возвращаются взрослыми, готовыми участвовать в самых важных наших собраниях и возглавить самые влиятельные наши семьи — но до конца своих дней остаются выкрашенными в цвета Крита.

Вот так. Но уже тогда Диорей был хитрым советником. Без него мы не сумели бы добиться хотя бы таких условий. В те дни у моего отца не было живых сыновей, и, разумеется, сыновей моего дяди взяли в заложники первыми. Диорей уговорил моего отца поехать в Трезену, что на конце Аргонидского полуострова. Тамашний царь был его родственником и давним союзником. Он согласился, чтобы мой отец тайно сочетался с его дочерью и зачал наследника. Вот так родился я.

Рид подумал, что в этом мире, где царства нередко разделялись непроходимой глушью и обмен вестями был затруднен, подобное действительно можно было скрыть.

— Я вырос в Трезене, — продолжал Тесей. — Они там тоже данники Крита, но так бедны, что редко видят критские корабли. Бедны? Нет, богаты мужами и мужеством! У меня еще не пробился на щеках первый пушок, а я уже помогал истреблять разбойников и опасных зверей в глухих местах полуострова.

Диорей часто навещал меня, а пять лет назад вернулся в Афины вместе со мной. Я потребовал, чтобы меня признали наследником. Мои двоюродные братья, критские прихлебатели, не хотели меня признать. Мои сторонники держали руки на мечах, а потом минос уже ничего сделать не мог.

Или не счел нужным, подумал Рид. Разве империи, озабоченные тем, как поддерживать мир у своих границ и на торговых путях, обращают внимание на династические споры среди подвластных и покорных племен? Пока не оказывается, что уже поздно, и им остается только сожалеть о своем попустительстве.

— Каковы твои намерения, господин? — Он решил, что может задать такой вопрос.

Тяжелые плечи под развевающимся плащом поднялись и опустились.

— Поступить наилучшим образом. Скажу тебе вот что, Данкен. Я не в таком уж полном неведении о том, что происходит в Талассократии. Я там бывал. И не только как царский сын, которого кормят медовыми словами и которому показывают только то, что придворные хотят ему показать. Нет. Я приезжал

туда под разными именами — как торговец, как простой матрос. Я смотрел, слушал, знакомился с людьми, учился.

Тесей опять повернулся и устремил на Риду свои страшные глаза.

— Запомни, — сказал он, — я ни одного опасного слова сегодня не произнес. В Кноссе знают, что у нас на материке не все спокойно. И еще они знают, что им ничто не угрожает, пока число их военных кораблей будет больше, чем общее число кораблей, которые они разрешают иметь ахейцам. А потому позволяют нам ворчать. И даже порой бросают косточку-другую — как-никак мы способствуем процветанию их торговли, платим им дань, служим для них заслоном от горцев. Я ничего тебе не сказал сверх того, что критский посол и его писец во дворце слышали уже десятки раз, — ничего сверх того, что я высказал первому советнику миноса, когда посетил Кносс как царевич.

— Но я не стал бы доносить на тебя, господин, — возразил Рид, жалея, что ему не хватает дипломатичности.

— Видно, ты новичок в этой игре! — буркнул Тесей. — Кто знает, каковы твоя сила, твоя мудрость и тяготеющий над тобой Рок? Но я хочу, чтобы ты знал правду.

«Правду, какой видишь ее ты, — подумал Рид. — А это не та правда, которую видит Эрисса. Ну а я... я все еще слеп».

— Мне досаждают мысли о том, что тебе может нашептать твоя критская наложница, — сказал Тесей. — Или какой она может причинить тебе вред своими заклинаниями. Диорей предупредил меня, что она чародейка и ближе многих к Великой матери богов.

— Я... не знал, что ты... что ты считаешь ее Богиню, господин.

Маска жесткого практичного политика исчезла с лица Тесея, точно солнце, скрывающееся за горизонтом пустыни. Его охватил первобытный ужас, и он прошептал:

— Она очень могущественна и очень стара. Если бы мне найти оракула, который сказал бы, что Она всего лишь супруга отца Зевса... Хой! — Он прикрикнул на лошадей и щелкнул кнутом над их спинами. — Вперед!

Колесница затряслась на ухабах.

Глава 10

Случай поговорить без свидетелей представился через три дня, когда Диорей вернулся в Афины с Олегом и Улдином. Эти три дня были для Риды нескончаемым вихрем впечатлений —

зрелища, звуки, запахи, песни, рассказы, внезапные потрясающие открытия того, что на самом деле подразумевал этот миф или та поэтическая строка. И ночи... по молчаливому согласию они с Эриссой, шепчась на ложе, не упоминали о своей судьбе ни единым словом. На время тревога, культурный шок и даже тоска по дому отошли куда-то на задний план.

Русский и гунн чувствовали себя еще лучше. Олег не устал говорить о тех новшествах, которые он может внести в очень многое, а особенно в кораблестроение и металлургию, и, следовательно, разбогатеть. С обычной своей угрюмостью Улдин выразил тоже почти энтузиазм. В Аттике оказалось множество быстрых норовистых лошадей как раз в том возрасте, когда их лучше всего объезжать под седло, а также и юношей, готовых испытать себя в искусстве конников. Дайте ему два-три года, сказал гунн, и он обучит конницу, которая сметет любого врага, когда отправится в завоевательный поход.

Все это говорилось в зале перед Эгеем, Тесеем, Диореем и военачальниками. Рид откашлялся.

— Вы думаете, мы уже никогда не вернемся в свои страны? — спросил он.

— А как? — возразил Улдин.

— Это необходимо обсудить. — Рид собрался с силами. — Господин мой царь, мы четверо должны многое решить между собой и, главное, — как можем мы выразить нашу благодарность тебе. Прийти к согласию будет нелегко, слишком уж мы не сходны меж собой. Боюсь, в многолюдии и шуме твоего дворца нам это не удастся. Ты не подумаешь о нас плохо, господин, если мы где-нибудь уединимся?

Эгей заколебался. Тесей нахмурился. Диорей улыбнулся и сказал вкрадчиво:

— Разрази меня громом Зевс, конечно, нет! Вот что! На завтра я приготовлю повозку с удобными сиденьями, запасом пищи и питья, и надежный воин отвезет вас, куда вы укажете. — Он поднял ладонь. — Нет, не отказывайте мне, друзья. Что бы я ни сделал для тех, кто ходил со мной по морю, все будет мало. И неразумно покидать город с красивой женщиной, когда лишь двое из вас владеют мечом.

«Вот так! — подумал Рид угрюмо. — И все!»

Им никогда не позволят поговорить с глазу на глаз.

Но когда он сообщил про это Эриссе, она почему-то даже не огорчилась.

Осенняя погода оставалась удивительно приятной — бодрящий воздух, солнечные лучи, вспыхивающие золотом на высохшей траве, и начинающая бронзоветь и краснеть листва. В запряженной мулами повозке ехать действительно оказалось при-

ятно. Возничий, дюжий молодой человек по имени Пенелей, говорил со своими пассажирами учтиво, но глаза его, когда он смотрел на них, были как две голубые льдинки. Рид не сомневался, что его приставили к ним не только из-за могучих мышц, но еще и потому, что он, видимо, отличался остротой слуха и знал кефтиу.

— Куда? — осведомился он, когда они, погромыхивая, выехали за ворота дворца.

— В какое-нибудь тихое место, — сказала Эрисса, опередив остальных. Там, где можно отдохнуть одним.

— Хм-м... Роща Перибойи? Мы доберемся туда как раз ко времени дневной трапезы. Если ты, госпожа, служишь Ей, как мне сказали, то сумеешь предупредить нас, чтобы мы ничем не оскорбили нимфу.

— Да-да! Прекрасно! — И Эрисса повернулась к Олегу. — Расскажи мне все про поместье Диорея! Ничего не упусти! Я все дни провела взаперти. О нет, милостивая царица была со мной очень ласкова, но обычаи ахейцев не сходны с обычаями Крита.

Рид понял, что она что-то придумала, и сердце у него забилось чаще.

Находить безобидные темы для разговора было нетрудно — запас сведений, которыми они могли поделиться друг с другом и о своих странах, и о днях, проведенных в Афинах, казался неисчерпаемым. Но даже если бы дело обстояло по-иному, Рид не сомневался, что Эрисса нашла бы выход. Она ничуть не кокетничала, но втягивала Олега, Улдина и Пенелея в разговор, задавая интересные вопросы и высказывая мнения, которые требовали новых ответов. («Если ваши корабли, Олег, настолько крепче наших, что... как ты сказал?... варяги переплывали реку Океан, значит, ваше дерево тверже нашего, а гвозди и скобы вы делаете из железа, верно?») Выслушивая ответ, она наклонялась поближе к говорившему. И невозможно было не замечать ее классического лица, изменчивых, как море, глаз, полукрытых губ, поблескивающих между ними белых зубов, точеной шеи, вызолоченных солнцем волос и того, как ахейский плащ под ветром плотнее облегал ее груди и тонкую талию.

«Она знает мужчин, — думал Рид. — Ах, как она их знает!»

Священная роща оказалась порослью лавров, окружавших лужайку. В центре ее лежал большой валун, он, видимо, символизировал нимфу Перебойю, так как форма его отдаленно напоминала женский лобок. По одну сторону рощи тянулись посадки маслин, по другую простиралось ячменное поле. Вдали под солнцем простирался кряж Гиметта. Ветер терялся в деревьях, и листья их словно нашептывали колыбельную, засохшая трава была густой и теплой. Тут царили мир и тишина.

Эрисса опустила на колени, произнесла молитву, разломив хлеб и половину положила на валун, чтобы нимфа могла покормить своих птиц.

Потом поднялась со словами:

— Мы тут желанные гости. Принесите наши припасы и вино из повозки. А ты, Пенелей, не снимешь ли ты шлем и нагрудник? Подойти сюда незаметно не сможет никто, а в присутствии нимфы не подобает носить оружие.

— Прошу у нее прощения, — ответил воин, который не слишком огорчился предлогу снять тяжелые доспехи и отдохнуть.

От скромного дружеского обеда они получили большое удовольствие.

— Ну а теперь пора и поговорить о делах, — сказал Улдин.

— Попозже, — ответила Эрисса. — Я придумала лучше. Нимфа к нам благосклонна, и если мы ляжем и уснем, она может ниспослать нам пророческий сон.

Пенелей приподнялся и снова сел.

— Я спать не хочу, — сказал он. — А кроме того, мой долг...

— Ну конечно. Но разве твой долг не требует, чтобы ты узнал для своего царя все, что сможешь, об этих странных делах? Ведь так?

— Хм-м-м... да.

— И она может быть к тебе милостивей, чем к нам. Это же твоя страна, а не наша. Наверно, она будет довольна, если ты почтишь ее просьбой ниспослать тебе совет. Идем же! — Эрисса взяла его за руку, легонько потянула, и он послушно встал. — Вот сюда, где солнце освещает камень. Сядь, откинься, почувствуй ее тепло. А теперь... — Она вынула спрятанное на груди бронзовое зеркальце. — А теперь гляди на этот знак Богини. Матери всех нимф.

Она опустила перед ним на колени. Он ошеломленно переводил взгляд с ее лица на блестящий диск и обратно.

— Нет, — прошептала она. — Смотри только на зеркало, Пенелей, и в нем ты увидишь то, что повелит Она. — Зеркальце в ее руке медленно поворачивалось.

«Боже ты мой!» — подумал Рид и отвел Олега с Улдином за камень.

— Что она делает? — с тревогой спросил русский.

— Ш-ш-ш! — прошипел Рид. — Садитесь и ни звука. Это священнодействие!

— Боюсь, языческое это дело. — Олег перекрестился. Однако вместе с гунном бесшумно опустился на землю.

Сквозь лепечущие листья пробивались солнечные лучи. На встречу им словно курения поднималось благоухание сухой травы. В шиповнике гудели пчелы. Из-за камня доносился воркующий голос Эриссы.

Когда она вышла к ним из-за валуна, утреннее веселое оживление исчезло без следа. Она просто его сбросила. Лицо ее было одновременно и серьезным, и ликующим. Белая прядь в ее волосах выделялась на их темном фоне точно венец.

Рид вскочил.

— Тебе удалось? — спросил он.

Она кивнула.

— Он проснется, только когда я ему прикажу. А потом будет думать, что уснул вместе со всеми нами и увидел сон, который я ему нашептала. — Она пристально посмотрела на американца. — Я не знала, что тебе известен Сон.

— Так что это за колдовство? — с трудом выговорил Олег.

«Гипноз! — ответил про себя Рид. — Но только она владеет им куда искусней всех гипнотизеров моего века, о каких я только слышал. Видимо, все зависит от свойств личности».

— Это Сон, — ответила Олегу Эрисса. — Я навожу его на больных, чтобы облегчить их боль, и на одержимых, чтобы изгнать из них злых духов. Он не всегда наступает, когда я его навожу, но Пенелей человек простой, а я всю дорогу старалась его успокоить.

— Я видел, как шаманы делали то же, что ты, — кивнул Улдин. — Не бойся, Олег. Только вот я никак не думал, что когда-нибудь встречу шаманку!

— А теперь поговорим, — сказала Эрисса.

Ее суровость подействовала на Рида, как удар меча, — он вдруг понял, что на самом деле она не перепуганная жертва машины времени, не тоскующая по родному дому изгнанница, не пылкая и нежная любовница, которую он, как казалось, узнал до конца. Все это были лишь волны над морской глубиной. Она стала чужой той девочке, которая его помнила, — рабыня, вырвавшаяся на свободу, скиталица, сохранившая жизнь среди дикарей, хозяйка в доме, который сама создала, целительница, ворожея, жрица и пророчица. Внезапно его охватил благоговейный страх, словно ее троичная Богиня действительно спустилась сюда и воплотилась в ней.

— На что обречена Атлантида? — спросила она затем.

Рид нагнулся и налил себе вина, чтобы заглушить страх.

— Разве ты не помнишь? — пробормотал он.

— Конца не помню. Только месяцы до этого — твои и мои — на святом острове и в Кноссе. Они не забыты. Но я не стану говорить про то, что, как я знаю теперь, еще будет для

тебя, каким было для меня. Это свяшенно. А скажу вот что: я расспрашивала, какой сейчас год, и сложила годы, протекшие с тех пор, как нынешний минос воссел на престол, или со времени войны между Критом и Афинами. И я вычислила, что мы находимся в двадцати четырех годах до того дня, когда меня унесло с Родоса в Египет. Ты скоро покинешь это время, Данкен.

Красная кожа Олега посерела, Улдин замкнулся в прежней невозмутимости.

Рид отхлебнул едкого красного вина. Он не смотрел на Эриссу, а устоялся на вершину Гиметта над деревьями.

— Что последнее ты помнишь ясно? — спросил он.

— Весной мы поехали в Кносс, мы, сестры по обряду. Я танцевала с быками. — Ее размеренный безразличный тон смягчился. — Потом появился ты, и мы... Но Тесей уже был там, и другие, кого я помню лишь очень смутно. Может быть, от счастья я ничего не замечала. И наше счастье все еще живет во мне... — Ее голос стал совсем тихим. — И будет жить, пока я жива, а тогда я возьму его с собой в дом Богини.

Вновь она преобразилась в вещунью на совете:

— Нам необходимо представить себе грядущее более ясно, чем позволяют мои туманные воспоминания о конце или рассказы о нем, которые я слышала позже. Что можешь рассказать ты?

Рид сжал чашу до боли в пальцах.

— Твоя Атлантида, — сказал он, — это вулканический остров примерно в шестидесяти милях к северу от Крита?

— Да. Мне кажется, название «Остров Столпа» ему дали из-за того, что над ним часто стоит столб дыма, вырывающийся из горы. Атлантида — это обитель ариадны, которая властвует над свершением обрядов и празднествами во всем царстве, как минос властвует над всеми человеческими делами.

Обитель ариадны? Так, значит, как и минос, это не имя, а титул? «Святейшая»?

— Я знаю, Атлантида сгинет в огне, пепле, буре и трясении земли, — сказала Эрисса.

— Значит, тебе известно все, что известно мне, или почти, — с горечью ответил Рид. — До моего века дошли лишь разрозненные обрывки. Для нас это случилось слишком давно.

Он прочел несколько научно-популярных книг о теориях и раскопках, которые начали вести серьезно только при его жизни. Несколько островков — Тира и совсем мелкие вокруг — Санторинская группа, примечательная лишь тем, что служит напоминанием о древнем вулканическом взрыве, перед которым бледнеет взрыв Кракатау. Однако в последнее время несколько ученых... — да, Ангелос Галанопулос и другие —

выдвинули гипотезу... Если воссоздать праостров, то очертания его необыкновенно напомнят Атлантиду, какой ее описал Платон. Известно также, что под пеплом и лавой погребены древние стены. И город этот, возможно, сохранился даже лучше, чем Помпея — та его часть, которая уцелела в катастрофе.

Бесспорно, Платон стремился всего лишь придать занимательность своим диалогам «Тимей» и «Критий», расцветив их фантазией. Он ведь поместил свой погибший континент посреди океана — немыслимо большой и немыслимо далекий — для того чтобы вести войну с Афинами. Однако есть основания полагать, что он опирался на устные сказания, на те смутные отблески Минойской империи, которыми пронизана классическая легенда.

Предположим, приводимые им цифры неверны. По его утверждению, история эта дошла до него от Солона, который услышал ее от египетского жреца, объяснившего, что он опирается на записи, сделанные на другом, более раннем языке. При переводе с египетского на греческий ничего не стоит увеличить числа выше ста вдесятеро, а время, отсчитываемое в месяцах, превратить в такое же число лет.

Логика вынуждала Платона поместить его Атлантиду за Геркулесовыми Столпами. В Средиземном море для нее просто не хватило бы места. Но отнимите заведомо придуманные внутренние области. Уменьшите на один порядок площадь города — и очертания приобретут сходство с Санторинской группой. Замените годы на месяцы, и дата гибели Атлантиды окажется где-то между 1500 и 1300 годами до нашей эры.

А это включает 1400 год до нашей эры (плюс-минус несколько десятилетий) — год, каким археологи датируют разрушение Кносса и падение Талассократии.

Не могу же я сказать ей, думал Рид, что прочитанное меня хоть и заинтересовало, но не настолько, чтобы поискать еще книги об этом, и уж тем более съездить туда!

— О чем вы говорите? — рявкнул Улдин.

— Мы знаем, что ее остров разрушится, — ответил Рид. — Это будет самым страшным, что когда-либо случалось в этой части мира. Гора лопнет, с неба посыплется камни и пепел, тьма разольется до самого Египта. Поднимутся волны, которые потопят критский флот, а другой защиты у Крита нет. Землетрясение разрушит города, и ахейцы смогут вступить в них победителями.

Они задумались в странном тихом покое священной рощи. Ветер замер, жужжали пчелы... Наконец Олег, насупив пшеничные брови так, что они почти заслонили глаза, спросил:

— А ахейские корабли почему не утонут?

— Так они будут дальше оттуда! — догадался Улдин.

— Нет, — возразила Эрисса. — За прошедшие годы я слышала много рассказов. Корабли захлестывали волны, швыряли на берег и разбивали в щепы. На берег Пелопоннеса и западный берег Азии обрушилась стена воды. Но афинский флот остался цел. Тесей до конца своих дней хвастал, как Посейдон защитил его.

Рид кивнул. Он кое-что знал о цунами.

— Вода поднималась под кораблями, но несла их на себе, — объяснил он. — В открытом море такая волна очень пологая. Наверно, корабли критян находились в гавани или возле берегов, которые охраняли. И волна вышвырнула их на сушу.

— Как случается в сильном прибое, — пробормотал Олег, поживаясь.

— Только в тысячу раз хуже, — сказал Рид.

— И когда это должно случиться? — спросил Улдин.

— В начале будущего года, — ответила Эрисса.

— Она говорит, что весной, — пояснил Рид, поскольку у русских календарь был другим, чем у нее, а гунны, возможно, вообще обходились без календаря.

— А-а! — помолчав, произнес Олег. — Значит, так.

Он шагнул к Эриссе и неуклюже погладил ее по плечу.

— Жаль мне твоих земляков, — сказал он. — А помочь никак нельзя?

— Кто может остановить злых духов? — возразил Улдин.

Эрисса смотрела куда-то вдаль.

— Но к нам духи были милостивы, — продолжал гунн. — Мы тут с теми, кто победит.

— Нет! — вспыхнула Эрисса. Стиснув кулаки, она поглядела на них. Ее глаза горели. — Так не будет! Мы можем предупредить миноса и ариадну. Пусть людей с Атлантиды и прибрежных городов увезут в безопасное место! Пусть флот выйдет в море... и заставит остаться в гавани проклятые афинские корабли. Тогда царство уцелеет.

— Кто нам поверит? — вздохнул Рид.

— И можно ли изменить грядущее? — спросил Олег таким же тихим потрясенным голосом. Рука его взметнулась, чертя кресты в воздухе.

Улдин вздернул плечи.

— А надо ли? — сказал он твердо.

— Как? — спросил Рид, растерявшись.

— А почему бы ахейцам и не победить? — сказал Улдин. — Люди они крепкие. И духи к ним милостивы. Какой полоумный пойдет против них?

— Замолчи! — пробасил Олег. — Ты говоришь опасные слова.

Эрисса сказала невозмутимо, как воплощение судьбы:

— Мы должны попытаться. И мы попытаемся, я знаю. — Она посмотрела на Рида. — Скоро и ты узнаешь.

— В любом случае, — сказал архитектор, — Атлантида хранит единственную нашу возможность вернуться домой.

Глава 11

Вечером хлынул дождь, принесенный бурей. Он хлестал по стенам, барабанил по кровле, бурлил между булыжниками. Ветер, завывая, стучал дверьми и ставнями. Глиняные жаровни в зале не могли справиться со знобящей сыростью, а факелы, светильники и огонь в очаге почти не отгоняли ночную тьму. Тени льнули к потолочным балкам, уродливо металась между воинами, которые, сидя на скамьях, беззвучно переговаривались и бросали тревожные взгляды на группу перед тронами.

Эгей кутался в овчину и молчал. Волю царя изъявляли Тесей, плотно сидевший справа от него, и Диорей, стоявший слева. Среди тех, кто стоял перед ними, Олег и Улдин тоже молчали.

Рид и Гафон ни о чем не сговаривались, они и виделись всего-то один раз, когда по требованию этикета странных чужеземцев представили Гласу миноса. Но едва критянин вошел в дверь и снял промокший плащ, его взгляд встретился со взглядом американца, и они сразу же стали союзниками.

— Какое дело ко мне оказалось столь неотложным, что нельзя было подождать с ним до утра? — спросил Гафон после церемонного обмена приветствиями.

Он говорил вежливо, но без почтительности, так как представлял здесь царя, которому Эгей платил дань. Не совсем правитель, но больше, чем посол, он наблюдал, он осведомлял Кнос обо всем, он следил, чтобы афиняне точно соблюдали все условия вассального договора. Внешность его была типичной для уроженца Крита — тонкие черты лица, большие черные глаза, фигура, сохраняющая юношескую стройность и в зрелые годы. Волнистые черные волосы ложились челкой на лоб, двумя заплетенными косицами обрамляли уши и тщательно расчесанными прядями ниспадали на спину до пояса. Он не носил ни усов, ни бороды и был чисто выбрит — насколько позволяли щипчики и серповидная бронзовая бритва. Считааясь главным образом с погодой, а не с предубеждениями жителей материка, он сменил простую юбочку своих соотечественников на многоскладчатое одеяние, достигавшее лодыжек. Оно выглядело

египетским — владения фараона и миноса давно поддерживали тесную связь.

Тесей наклонился вперед. Отблески огня легли на его рубленое лицо, отразившись в хищных глазах.

— Наши гости пожелали увидеть тебя безотлагательно, — заявил он резко. — Они рассказали нам о пророческом сне.

— Дело Богини не терпит промедления, — объявил Рид. (Эрисса научила его нужным формулам и сказала, что спешка придаст их рассказу убедительность.) Он поклонился Гафону. — Глас Владыки, ты слышал о том, как вихрь принес нас из наших разных стран. Мы не знаем, было ли то чародейство, шалость каких-то духов или же веление божества. Если верно последнее, то какого же? И что требуется от нас?

Сегодня утром мы уехали из города в поисках спокойного места, где могли бы обсудить все это. Возничий, которого нам дал царь, посоветовал выбрать рощу нимфы Перебойи. Там госпожа Эрисса по обряду кефтиу вознесла молитву Богине, которой служит. Вскоре нас сковал сон, длился он несколько часов, и нам было ниспослано видение. Пробудившись, мы убедились, что нас всех посетило одно сновидение — да, и нашего возничего тоже.

Олег переминался с ноги на ногу, то скрешивая руки на груди, то опуская их. Он ведь видел, как Эрисса внушала этот сон Пенелею. Улдин насмешливо скривил губы — или это просто отблески так легли на его испещренное шрамами лицо? В дымоход хлестнуло дождем, огонь в очаге зашипел и заметался, выкашливая волны сизого дыма.

Гафон сотворил знамение, оберегающее от злых духов. Однако взгляд его, устремленный на Рида, сохранял пронизательность и не замутился суеверным ужасом, который сквозил за усталостью и болью Эгея, сдерживаемой яростью. Тесея и бдительной настороженностью Диорея.

— Несомненно, сон был ниспослан божеством, — сказал Грифон ровным голосом. — И что же вы увидели во сне?

— Как мы уже рассказали господам нашим здесь, — ответил Рид, — нам явилась женщина, одетая как высокорожденная критянка. Лица ее мы не видели либо не можем его вспомнить. В пальцах она сжимала по змее, их туловища вились вдоль ее рук. Она сказала шепотом, так что голос ее сливался с шипением змей: «Только чужеземцы из чужедальности обладают силой донести слово о том, что дома разделенные вновь воссоединятся, что море будет пронзено и оплодотворено в тот час, когда Бык сочетается с Совой, но горе тем, кто не услышит!»

В зале воцарилась тишина, только снаружи ревела буря. В эпоху, когда все верили, что и боги, и мертвые обращаются к людям с пророчествами, никого не удивило, что видение было ниспослано тем, кто уже был отмечен знаком судьбы. Однако слова оракула необходимо было истолковать тщательно и верно.

Рид и Эрисса не посмели выразиться яснее. Предсказания оракулов всегда были темными и двусмысленными. Диорей, наверно, обвинил бы их во лжи, если бы его воин не подтвердил, что они говорят правду. Но все равно у него могли остаться сомнения.

— Как ты истолкуешь это, Глас? — спросил Тесей.

— Как думают те, кому оно было ниспослано? — парировал миноец.

— Мы верим, что нам повелено отправиться в вашу страну, — заявил Рид. — Мы считаем — с полным уважением к нашим добрым хозяевам, — что обязаны предложить службу тому, кто властен и над ними.

— Если бы воля богов была такой, — возразил Тесей, — они привели бы за вами в Египет корабль с Крита.

— Но тогда бы чужестранцы не попали в Афины, — возразил Гафон. — А пророчество указывает, что им как будто предначертано... воссоединить разделенные дома... Недоброжелательство царило между нашими странами, и время не принесло улучшения. Эти люди явились из такой дали, что их нельзя заподозрить в пристрастиях, как было бы в ином случае. Они и правда могут стать посредниками, дабы воля богов осуществилась. Если Бык Кефта сочетается с Совой Афин, если молния Зевса оплодотворит воды Нашей Владычицы... Это указывает на союз. Может быть, на царственный брачный союз между Лабиринтом и Акрополем, который породит великого царя? Да, эти люди должны обязательно поехать в Кносс для дальнейших толкований. И немедленно. Осень еще не настолько взяла власть, чтобы добрый корабль с умелой командой не смог доставить их туда.

— А я говорю — нет! — внезапно крикнул Улдин.

«Подлец!» — свирепо подумал Рид. Но тут же его гнев угас. Гунн ведь знал, что они обманывают, знал, что их цель — добраться до страны, чье падение предсказано. В роще он ожесточенно доказывал, что встать на сторону обреченных — да к тому же мореходов! — уже безумие, но добавить к этому еще и кошунство способны лишь те, в кого действительно вселились злые духи. Его удалось уговорить хотя бы хранить молчание, только когда Рид объяснил, что, не побывав на Атлантиде, они теряют последний шанс вернуться домой. Теперь страх,

видимо, убедил его, что ради этого зыбкого шанса рисковать все-таки не следует.

— Но почему? — сердито спросил Олег у гунна.

— Я... ну... — Улдин выпрямился. — Ну, я обещал Диорею кое-что сделать для него. Или богам нужны нарушенные обещания?

— А действительно ли мы знаем их волю? — вмешался Тесей. — Пророчество может иметь смысл, обратный толкованию высокочтимого Гласа. Предостережение о беде, которую навлечет новое противоестественное сочетание! — В гуще его бороды весело блеснули зубы.

Гафон весь напрягся при этом прямом намеке на непристойную историю, которую рассказывали ахейцы о зачатии первого Минотавра.

— Мой государь не будет доволен, узнав, что предназначенное ему слово было сокрыто от него, точно пара шлемов, — заметил он.

Тупик. Каждая сторона хотела заполучить странных чужеземцев, их знания, которые обещали столько полезных новшеств, и их несомненно гигантскую ману. Но ни та ни другая не хотела открытой ссоры. Пока.

Диорей выступил вперед и вскинул руку. Его выдубленное лицо пошло складками от широкой улыбки.

— Господа мои, — сказал он, — и друзья! Вы согласитесь выслушать меня? — Царевич кивнул. — Я просто старый мореход и еще выращиваю коней, — продолжал Диорей. — Нет у меня ни ваших мудрых голов, ни ваших познаний. Но случается, что умный человек стоит у кормила, гадает о том, что его ждет впереди, и плывет неизвестно куда, пока тупоголовый его товарищ не взберется на мачту и не посмотрит, а что там впереди. Верно? — Он снова просиял улыбкой и зажестиковал, подлаживаясь к зрителям. — Ну так вот, — протянул он под аккомпанемент дождя, стучащего ветра и шипящего пламени, — что мы видим тут? А видим мы, с одной стороны, что боги не против того, чтобы эти добрые люди жили среди нас, афинян, поскольку ничего дурного пока от этого не приключилось. Так? Но, с другой стороны, минос вправе увидеть их — если это не опасно, — и боги, быть может, нынче подали знак, чтобы они отправились в путь. Так мы полагаем. — Он лукаво приложил палец к ноздре. — Но знаем ли мы это твердо? В воде тут полно мелей, товарищи, а ветер дует с берега! Я скажу: гребите осторожно и почаще меряйте глубину... и ради Кефта, Глас Гафон.

— И что же ты предлагаешь? — нетерпеливо спросил миноец.

— Скажу напрямик, как неотесанный старый дурак. Давайте сначала узнаем, что думают те, кто знает о богах — и особенно о богах кефтиу — побольше нас. Я говорю про ариадну и ее совет на Атлантиде...

Тесей выпрямился и громко хлопнул себя ладонью по колену. Дыхание со свистом вырвалось между его губ. Рид не мог понять, почему царевич вдруг пришел в такой восторг.

— ...и еще я хочу сказать, что опасно отсылать их всех вместе, да еще когда вот-вот начнется время бурь. Почему не послать одного, кто будет говорить за всех своих друзей, а в числе их, я надеюсь, можно назвать каждого, кто сейчас тут? И... думаю, все согласны, что лучше всего поехать Данкену? То есть я хочу сказать, что он самый мудрый среди них, не в обиду Олегу и Улдину. И не в обиду госпоже Эриссе, когда она узнает о моих словах. Ведь она не может знать более того, что известно ариадне. А Данкен явился к нам из самой дальней страны, он тот, кто сумел понять, что говорил умирающий чародей. Он умеет высекать огонь пальцами. Добавлю только, что они ищут у него объяснения тайн, и правильно делают. Так пусть же он будет говорить с ариадной на Атлантиде. Вдвоем они, уж конечно, поднимут этот запутавшийся якорь. Так?

— Так, клянусь Аресом! — не выдержал Тесей.

Гафон задумчиво кивнул. Несомненно, он считал это предложение компромиссом, который позволял афинянам оставить у себя заложников и использовать их знания, более практичные, чем мудрость Рида. Однако дело было очень важным, очень темным. Оно требовало осмотрительности, а духовная жизнь кефтиу была во власти ариадны.

Рид знал, что это было предопределено. Им вновь овладело ощущение неминуемости, как в ту ночь на Кифере. Но теперь он показался себе крохотной каплей дождя, которой играет ветер.

Они оставили светильник гореть. Смутное сияние ласкало Эриссу, словно его рука.

— Свет его придает мне юный вид? — прошептала она сквозь слезы.

Рид поцеловал ее в губы и в ямочку у горла. В холодной камерке она была такой теплой! По шелковистой коже, когда они прикасались друг к другу, пробегала легкая дрожь, от нее веяло благоуханием лужайки, посвященной нимфе.

— Ты прекрасна! — Вот единственное жалкое слово, которое он нашел.

— Уже завтра...

День прошел в приготовлениях к отплытию. Он и она провели его вместе — и пусть кто хочет думает, что хочет!

— В такое время года откладывать нельзя.

— Я знаю, знаю. Хотя ты мог бы. Тебе ведь не суждено погибнуть в море, Данкен. Ты благополучно доплывешь до Атлантиды. Ведь один раз ты уже доплыл! — Она спрятала лицо у него на груди, и он почувствовал, что оно влажно от слез. Ее волосы рассыпались по его груди и плечу. — Я стараюсь отнять у той девушки несколько дней? Да. Но это бесполезно. Ведь так? Ах, как я рада, что мы ничего не знаем о том, что случится с нами весной. Я бы этого не вынесла.

— Я верю, что ты способна вынести все, Эрисса.

Несколько минут она лежала, глубоко дыша. Потом приподнялась и, глядя на него сверху вниз, сказала:

— Но ведь не обязательно будет только чернота. Мы ведь даже можем спасти мой народ. Что, если мы лезвие, которым боги возвращают искривившейся судьбе ее правильную форму? Ты постарайся, Данкен, там, где ты будешь? Как я буду стараться здесь, ожидая твоего возвращения.

— Да, — обещал он. И в эту минуту был до конца честен.

Хотя и не верил, что им удастся спасти ее мир. А если бы они и были способны... если бы люди и правда могли сводить звезды с предначертанных путей, то он бы ни за что не обрек Битси остаться навеки нерожденной. И все-таки, все-таки неужели невообразимо, что в этой клетке времени вдруг отыщется незапертая дверь?

Эрисса мучительно старалась улыбнуться. И сумела.

— Тогда не будем больше сетовать, — сказала она. — Люби меня до зари.

Только с ней он узнал, что такое — любить.

Глава 12

Неясность ожидающей его судьбы не мешала Риду в изумлении предвкушать минуту, когда он ступит на берег погибшей Атлантиды.

Она вставала из моря, в этот день более зеленого, чем голубого, с белыми барашками, бегущими точно облачка в небе над ними. Почти круглый, чуть больше одиннадцати миль в поперечнике, остров поднимался из воды крутыми ярусами.

Обнаженный камень обрывов и отвесных скал был черным или тускло-красноватым с контрастной полосой бледной пемзы внизу. Надо всем вздымался конус горы в потоках бесплодной лавы, засыпанной пеплом. По склону к пока еще спящему кра-

теру вилась тропа. Над волнами довольно близко к берегу торчал еще один вулкан, много ниже.

На первый взгляд плоды человеческой деятельности живописностью не отличались. Определение, мелькнувшее в голове Рида, было «прелестно». Хранящие почву впадины были все в по-осеннему охристых лоскутах полей; но на склонах виднелось куда больше плодовых садов и рощ — маслины, инжир, яблони и виноградники, сверкавшие теперь золотом и багрянцем. А крутые склоны были оставлены травам, колючему душистому кустарнику и почти карликовым дубам и кипарисам, которым слишком тонкий слой почвы и соленые ветры не позволяли подняться во весь их рост. Рид с удивлением увидел на пастбищах не вездесущих коз, а стада крупного рыже-белого скота. Но тут же вспомнил, что это святой остров кефтиу и что Эрисса танцевала — танцует, сейчас танцует! — вот с этими круторогими быками.

Крестьянские хижины были разбросаны на большом расстоянии друг от друга. Они были такими же, как в Греции, да и по всему Средиземноморью — глинобитными, почти кубическими, с плоской кровлей. У многих были наружные лестницы, но окон в наружных стенах почти не было. Дом строился вокруг внутреннего дворика, где сосредоточивалась жизнь семьи. Однако жилища кефтиу отличались штукатуркой пастельных тонов и яркими узорами на стенах.

В прибрежных водах кишели рыбацьи лодки, но единственным мореходным судном был корабль Диорея. Темное облако над южным горизонтом обозначало Крит.

Рид плотнее запахнулся в плащ. И это — Атлантида?

Корабль прошел на веслах мимо островка, который между мысами, завершавшимися отвесными обрывами, охранял вход в бухту шириной в милю. Рид увидел, что большой вулкан поднимается из середины бухты. А затем понял, почему этого места легенды не забудут никогда.

Справа по носу на встающих из волн холмах раскинулся город. По величине он не уступал Афинам, но был спланирован куда тщательнее и радовал глаз пестротой красок. Стены вокруг не было — она не требовалась. У пристани было пусто — большую часть судов уже вытащили на берег, где им предстояло дожидаться весны. Рид заметил чуть дальше искусственно расширенный пляж, где днища перевернутых судов очищались и красились, однако многие уже лежали под навесами, готовые к зиме. Пара военных кораблей с кормой в форме рыбьего хвоста и носом, как орлиная шея, стояли у причала в боевой готовности, напоминая о могуществе царя морей.

Тут в укрытом от ветра сердце острова сверкающая синяя вода была спокойной, воздух теплым, бриз приятным. Воду бухты бороздили лодки под парусом. Яркая раскраска, женщины с детьми в числе пассажиров наводили на мысль, что это прогулочные яхты.

Диорей указал на Привратный остров:

— Нам, собственно, надо туда. Но прежде причалим у города и получим позволение посетить ариадну.

Рид кивнул. В святилища не пускают кого попало. Островок выглядел истинным произведением искусства. В садах на выровненных уступах еще цвели на клумбах цветы, соперничая бронзой и золотом с осенней листвой. Вершину увенчивал сложный комплекс зданий, высотой всего в два этажа, но обширных, сложенных из циклопических плит, выкрашенных белой краской. На этом фоне было выписано множество фигур: люди, быки, осьминоги, павлины, обезьяны, химеры — две процессии, танцующая, протянулись по сторонам главного входа к четырехугольным столбам справа и слева. Столбы были выкрашены в ярко-красный цвет. Эрисса как-то объяснила Риду, что колонна — это священный символ. Еще один символ был вделан в золото притолоки — двойная секира. Третья эмблема венчала крышу — пара огромных вызолоченных рогов.

— Долго нам придется ждать? — спросил Рид, про себя грустно удивляясь тому, как в самый разгар судьбоносных событий значительную часть времени поглощают житейские мелочи. Хотя все время плавания он был молчалив, терзаемый предчувствиями и подозрениями, избавиться от часов и часов пустой болтовни ему не удалось. (И ни единого серьезного разговора! Диорей искусно избегал их.)

— Нам? Нет, — ответил афинянин. — Как только она узнает, что мы прибыли от царевича Тесея.

То, что он назвал наследника, а не царя, заставило Рида внимательнее взглянуть на острое седобородое лицо.

— Так они добрые друзья? — резко спросил он.

Диорей неторопливо и со смаком сплюнул за борт.

— Ну, — сказал он по завершении этой операции, — они раза два встречались. Ты же знаешь, царевич много путешествовал. Ну и навещал ариадну. Было бы неучтиво, верно? А она не воротит нос от нас, ахейцев, как ты мог бы подумать, и нам это полезно. В жилах у нее течет и каледонская кровь, хотя родилась она в Кноссе. Да, думается, нас встретят хорошо.

У пристани собрались любопытные — ведь уже никто не ждал кораблей с материка. В толпе царило веселое оживление: на бронзовых лицах сверкали в улыбках зубы, энергично жести-

кулировали руки, слышался смех. И никаких признаков бедности. Атлантида, несомненно, богатела не только обычными способами, но и потому, что была местом паломничества. Впрочем, греки с заметной завистью говорили Риду, что все царство миноса находится в таком же цветущем состоянии.

Конечно, по нормам времени самого Рида, даже богатые тут жили очень скромно. Но в какой степени истинное благосостояние измеряется обилием всяких технических штучек? Плодородный остров в богатом море, мягкий климат, красивая природа, ни войны, ни даже ее угрозы — что еще нужно человеку?

Когда миноец трудился, то трудился усердно, нередко пренебрегая опасностями. Но его насущные потребности удовлетворялись скоро. Государство, получая пошлины, дань и доходы с царской собственности, от него ничего не требовало. И сколько он трудился, зависело лишь от того, каким количеством тогдашних предметов роскоши хотелось ему обзавестись. И он всегда оставлял себе достаточно времени для безделья, купания, занятий спортом, рыболовства, веселых пирушек, любви, религиозных обрядов и радости. Инстинктивно Рид почувствовал, что кефтиу в 1400 году до нашей эры располагали куда большим досугом, а возможно, и куда большей индивидуальной свободой, чем американцы в 1970 году нашей эры.

Начальник порта походил на Гафона, но носил типичный критский наряд — белая плотно обмотанная набедренная повязка, верх которой прикрывал бронзовый пояс, сапожки с обмотками, что-то вроде тюрбана на голове, ожерелье на шее, браслеты на запястьях и лодыжках. В руке он держал знак своей должности — жезл с двойной секирой наверху, а его тюрбан украшало павлинье перо. Другие мужчины одеты были примерно так же, но с меньшей изысканностью. Большинство обходилось без головных уборов, некоторые носили шапочки. Многие предпочитали башмаки или сандалии, а то и разгуливали босиком. Набедренные повязки пестрели узорами; пояса преимущественно были кожаными, а не металлическими, зато их носили и женщины, и даже дети, в остальном совершенно голые. Пояса эти обеспечивали осиную талию, модную у кефтиу. Только люди в годах давали свободу брюшку.

— Критские девки — одно загляденье, друг, что так, то так! — Диорей ткнул Рида локтем в бок и ухмыльнулся. — А? И чуть не любая ляжет на спину, если угостить ее медовыми словами или винцом, а то подарить какой-нибудь блестящий пустячок. Своим дочерям я не позволил бы так вольничать, но морякам такое на руку, а?

Костюм большинства женщин исчерпывался юбкой по лодыжку. Это были простолюдинки, которые несли кто припасы с рынка, кто выстиранную одежду, кто кувшин с водой, а кто и младенца. Но попадались среди них и модницы в юбках колоколом с оборками и в вышитых корсажах (иногда в блузе из тонкой ткани под ним, но чаще без нее), которые приподнимали, но не прятали груди. Они щеголяли множеством усаженных самоцветами украшений из меди, олова, бронзы, серебра, золота и янтаря и кокетливыми маленькими сандалиями и таким разнообразием шляп, каким во времена Рида могли похвастать разве что Елисейские поля в Париже. Румянили они и пудрили тальком не только лицо. Когда ахейские моряки выкрикивали по их адресу смачные приветствия, самые молоденькие принимались хихикать и махали им в ответ платочками.

Диорей с Ридом обяснили начальнику порта, что они прибыли с поручением к ариадне, и он поклонился.

— Конечно, почтеннейшие, — сказал он, — я тотчас отправлю лодку с вестником, и, полагаю, она примет вас завтра же. — Он внимательно посмотрел на Рида, явно недоумевая, что это за чужестранец. — А тем временем не окажете ли вы честь моему дому?

— От всего сердца благодарю тебя, — ответил Рид, и Диорей тоже принял приглашение, но без всякой радости, так как уже предвкушал буйный вечерок в приморской гостинице.

Тротуаров не было. По сторонам улиц теснились дома, отделенные от мостовой двумя рядами лавочек. Однако сами улицы были широкими, достаточно прямыми и вымощены хорошо отесанными плитами. Рыночную площадь украшала потрясающая мозаика с узором из осьминогов и лилий. В центре площади бил фонтан, возле которого играли детишки под присмотром матерей или нянек. Чистота поддерживалась с помощью сложной дренажной и канализационной системы. Царящая вокруг суэта приводила на память афинскую, но казалась более упорядоченной, беззаботной и веселой. И тут можно было увидеть много такого, чего не знали ахейцы, не принявшие критскую цивилизацию, — лавки, торгующие товарами из таких дальних стран, как Британия, Испания, Эфиопия и Индия; рыночные писцы; зодчий, набрасывающий на папирусе дом, который брался построить; школа, из которой как раз высыпали ученики — мальчики и девочки вместе — со стилосами и восковыми табличками для домашних заданий, причем, словно бы, не только дети из зажиточных семей; слепой лирник с чашей для подаваний у ног, который в ожидании, не положат ли в чашу еды, играл и пел:

— *Как шквал с дождем в сиянье дня,
Пронзенный копьями лучей,
Нес вихрь твоей любви меня.
Как шквал с дождем в сиянье дня,
Ты в памяти живешь, маня.
Вернись и снова гребни взбей,
Как шквал с дождем в сиянье дня,
Пронзенный копьями лучей.*

Дом начальника порта был таким обширным, что ему для вентиляции потребовалось два внутренних дворика. Стены были расписаны фресками в живом и естественном критском стиле — животные, растения, морские волны. Полы из цемента с мелкими камешками были устланы циновками, и входившие снимали обувь у порога. Мебель привела бы Памелу в восторг: деревянные лари, кровати и кресла, каменные круглые столы; светильники, кувшины, жаровни самых разных форм и величины. Работа была изумительной, краски гармоничными. В нише стояла терракотовая статуэтка Богини в ее ипостаси Реи-Матери. Вся семья, совершив омовение перед обедом, опустилась на колени и испросила Ее благословения.

После угощений за столом Эгея Рид с особенным удовольствием ел превосходно приготовленные дары моря, овощи, пшеничный хлеб, козий сыр, медовые лепешки на десерт. Все это запивалось отличным вином. Застольная беседа была такой, которую поддерживает цивилизованный хозяин дома, интересующийся астрономией и естественной историей и сажающий за стол с гостями свою жену и детей. Никто не упился, и в отведенных им спальнях гостей не ждали рабыни. (Собственно говоря, хотя повсюду в Талассократии рабов было множество, на священную Атлантиду их ввозить запрещалось. И в служанки обычно брали дочерей бедных родителей. Они работали за стол и кров, но под конец наделялись приданым.)

Лежа на слишком короткой кровати, Рид не переставал удивляться тому, что от кефтиу, блюстителей порядка и мира, организаторов торговли, которая приносила благосостояние всюду, куда добирались их корабли, чистоплотных, дружелюбных, благовоспитанных, образованных, одаренных, человечных во всех смыслах слова, в памяти людской сохранился лишь чудовищный получеловек-полубук, пожиравший людей в жутком лабиринте. Но, подумал он, историю пишут победители и творят легенды тоже они.

Рид открыл глаза. Ради свежего воздуха он не стал закрывать дверь во внутренний дворик. Ночь была ясная, полная

шепчущих звуков, усыпанная звездами. Но половину их черной громадой заслонял вулкан. И он начал дымить.

Лидра, ариадна Атлантиды, прикоснулась ко лбу Рида.

— Во имя Богини и Астерия будь благословен!

Церемониально приветствие прозвучало еще суше из-за настороженности, таившейся в ее глазах. Он поклонился.

— Прости чужестранца, госпожа, не знающего, как надлежит себя вести, — сказал он неловко.

В длинной, тускло освещенной комнате наступило молчание. В дальнем южном ее конце дверь, выходившая в световой колодец, была закрыта из-за дождя. Напротив зияла чернота — коридор, уходящий в глубину храма-дворца. Фреска на южной стене изображала все три ипостаси Богини вместе — Дева, Мать, Старуха. На северной стене люди с орлиными головами и крыльями вели мертвых в судилище. В этих картинах был весь критский реализм без критской жизнерадостности. В мерцающих отблесках светильников фигуры, казалось, шевелились. Перед ними в унылой полутьме завивались дымки жаровен, благоухающие сандалом, но пощипывающие ноздри.

— Что же, садись, если хочешь! — Верховная жрица опустилась на подушки своего мраморного трона.

Рид сел на табурет у его подножия. Что дальше? Накануне его с Диореем приняли с церемониальной вежливостью. После двое прислужников повели американца знакомиться с той частью храма-дворца, куда допускались посторонние, а ариадна затворилась с афинянином на несколько часов. Вечером, когда они вернулись в дом начальника порта, Диорей уклонялся от прямого ответа. «Ей хотелось узнать, что нового случилось в наших местах. Ну а мне было приказано заручиться помощью святилища для смягчения некоторых условий договора. Например, нам надо бы увеличить число военных кораблей для защиты нашей торговли в Понте Эвксинском, куда критяне дозоров не посылают. Она примет тебя завтра наедине для беседы. Ну а теперь выпей-ка еще чашу, коли наш хозяин будет так любезен, и хватит говорить о делах».

Рид исподтишка посмотрел на Лидру. Ей, ему сказали, было под сорок. Высокая, чопорно прямая, худошавая до костлявости. Очень худое лицо, серо-голубые глаза, изогнутый нос, сурово сжатые губы, сильный подбородок. Каштановые волосы начинали тускнеть, груди обвисать, хотя она во многом сохранила фигуру танцовщицы с быком — фигуру своей юности. На ней была пышная юбка с высоким корсажем, высокий головной убор без полей, на руках — золотые змеинные браслеты, такие же, как

на изображениях Реи. С плеч ниспадал серо-голубой плащ. Из-за своей ахейской туники и бороды Рид ощутил себя варваром...

Или ему не по себе потому, что он ей не доверяет? Перед отъездом он выбрал минуту спросить у Эриссы:

— До моего времени дошел рассказ о том, что ариадна... Одна из ариадн... помогла Тесею убить Минотавра. Что было на самом деле?

Эрисса пожала плечами:

— Я слышала... то есть услышу... будто он сговорился с ней. Твердо известно лишь, что после случившегося она помогла ему совершить жертвоприношение, а потом уплыла на его корабле. Но какой у нее был выбор? Ему она была нужна, чтобы придать завоеванию Кносса хоть какое-то подобие законности, и он мог ее принудить. В Афины она так и не попала. Он оставил ее со всеми, кто ее сопровождал, на острове Наксос. Там, отчаявшись, они отступили от чистой веры и создали тайный культ. Разве такое с ней обхождение не доказывает, что в заговор с ним она не вступала и была... и есть... и будет невинной?

— Но я слышал, что Тесей навещал Атлантиду несколько раз и между ними часто происходит обмен вестями.

Эрисса печально усмехнулась:

— А почему бы ему и не обхаживать духовную главу Таласократии? Ее дед и правда был каледонцем. Но не опасайся, что она станет служить какому-нибудь суетному делу. Еще почти девчонкой ей в пещере на горе Иокаста было видение. С тех пор она всегда называла себя невестой Астерия. Когда дни ее танцев с быками миновали, она принесла клятвы жрицы, — а среди них, не забывая, есть обет целомудрия — и служила Богине так истово, что ее избрали повелевать Храмом. Хотя она тогда была гораздо моложе всех, кто повелевал там до нее. Я хорошо помню, какой строгой она была, как сурово следила за выполнением всех обрядов и как бранила нас, сестер по обряду, за тщеславие, легкомыслие и распушенность. — Тон ее стал серьезным: — Твоя задача — убедить ее, что ты пришел с добром, а не со злом. И тебе будет нелегко, милый мой Данкен.

«Да, правда!» — подумал он теперь, глядя на беспощадное лицо.

— Это дела важные и касаются они того, что боги скрыли от смертных, — сказала Лидра. — Говорю я не о безделках вроде твоей подательницы огня, или железа, или умения ездить на спине лошади, о чем рассказывал Диорей. Это просто человеческие выдумки. Но вот лунный диск, который ты несешь на руке...

Накануне он показывал свои часы и заметил, с каким благоговейным страхом смотрели на них младшие жрицы. Хотя люди научились с помощью солнца и звезд отсчитывать такие корот-

кие единицы времени, как часы, эти два лезвия, которые неумолимо срезали каждый наступающий миг, заставляли вспомнить Диктинну, Жницу. Он не упустил случая.

— Этот амулет, госпожа, не просто ведет счет времени, но еще и обладает пророческой силой. Я хотел преподнести его миносу, но теперь вижу, что место его здесь. — Он снял часы и вложил ей в руку. Ее пальцы судорожно сомкнулись вокруг них. — Пророческий сон был ниспослан нам, чужестранцам, не случайно. Я вижу впереди грозную опасность. И мне поручено предостеречь твой народ. Открыть это афинянам я не посмел.

Лидра положила часы и поднесла к губам священный талисман — двойную секиру.

— О чем ты? — спросила она глухо.

«Вот оно! — подумал Рид. — Что, если он сейчас уничтожит мир, из которого явился, как летнее солнце — утренний туман над рекой? Или он бессильно бьет крыльями в клетке времени?»

Надеюсь, ни то и ни другое, думал он под грохочущий стук своего сердца. Я надеюсь обрести влияние, необходимое, чтобы сделать... то, что потребуется, лишь бы найти путешественников из будущего, когда они явятся, и с их помощью вернуться к моей жене и моим детям. А в обмен неужели мне не удастся спасти для Эриссы кусочек ее мира? Или хотя бы вернуть ее в тот мир, который она спасла для себя?

Это мой долг. Но, кажется, и мое желание».

— Госпожа! — торжественно произнес он пересохшими губами. — Мне были ниспосланы видения ужасов, видение гибели. Мне было показано, как гора Столпа разваливается на части с такой силой, что Атлантида погружается в море. Огромные волны топят флот, землетрясение рушит города, и царский остров становится добычей людей, которые выпускают на волю хаос.

Он мог бы добавить многое, что в свое время вычитал из книг, еще не написанных: жалкое восстановление под властью новых правителей, несомненно ахейцев, не желавших поддерживать мир ни на море, ни на суше. Далее, гомеровская эпоха. Но могут ли великолепные строки прославленных поэм на самом деле возместить десятилетия войн, пиратства, разбоя, насилий, резни, пожаров, нищеты и изобилия рабов на рынках? А затем — вторжение с севера, которое тревожит самого Тесея, — дикие дорийцы железным оружием сокрушат Бронзовый век с такой полнотой, что от наступивших затем темных столетий даже легенд почти не осталось.

Лидра, некоторое время молчавшая, наконец заговорила:

— Когда должно это случиться?

— В начале следующего года, госпожа. Если начать приготовления...

— Погоди! Бестолковые поиски спасения могут оказаться причиной гибели. Боги не раз прибегали к окольным путям, когда хотели уничтожить.

— Госпожа, я говорю лишь о том, что атлантидцам следует переехать на Крит, а жителям прибрежных городов удалиться подальше от моря. Нужно обезопасить флот...

Светлые глаза впились в его лицо.

— Ты мог быть введен в заблуждение, — медленно произнесла она. — Враждебным божеством, или злой чародейкой, или просто горячкой. Или даже можешь лгать ради какой-то своей выгоды.

— Диорей, госпожа, наверно, рассказал тебе обо мне все.

— Как видно, не все. — Лидра подняла ладонь. — Погоди! Я тебя ни в чем не обвиняю. То, что я о тебе слышала, то, что я вижу в твоих глазах, внушает мне мысль, что ты, видимо, честен — в свою меру. Но велика ли она? Как по-твоему, неизвестный? Нет, подобное решение требует приготовлений очищения, молитв, обращения к оракулам, обдумывания и розысков — таких глубоких, таких тщательных, на какие только способны смертные. Я не позволю торопить себя. По твоим же словам, у нас есть еще много месяцев, чтобы выбрать наиболее мудрый план действий. — С категоричностью, какую он наблюдал у редких мужчин, она закончила: — Ты останешься здесь, где в святилище нет доступа злему и где ты будешь рядом для дальнейших бесед. В крыле, назначенном для странствующих служителей Богини, тебе отведут удобный покой.

— Но, госпожа, — попытался возразить он, — мои друзья в Афинах...

— Пусть остаются там. Во всяком случае до тех пор, пока мы не узнаем побольше. Но не бойся за них. И в зимние месяцы я найду не один случай послать туда вестников, которые увидят и расскажут. — Ариадна изобразила улыбку. — Ты не пленник, человек издалека, — продолжала она. — Можешь свободно посещать большой остров, когда не будешь нужен здесь. Но я хочу, чтобы у тебя всегда был проводник... Дай подумать... Достаточно будет танцовщицы, сестры по обряду, молодой и веселой, чтобы разгонять твое уныние.

Рида удивило спокойствие, с каким она приняла его предостережение. Может быть, Диорей сумел вывести достаточно, чтобы заранее ее предупредить? Или она наделена нечеловеческим самообладанием? Голос Лидры оборвал нить его размышлений:

— Я говорю о послушнице из благородной семьи. Ее имя можно истолковать как предзнаменование. Потому что ее зовут так же, как женщину, твою спутницу, о которой мне говорили. Эрисса.

Глава 13

Бык наклонил голову, взрыл передней ногой землю и ринулся вперед. Он бежал по огороженному лугу все быстрее. Земля содрогалась и гудела под тяжестью его рыже-белой туши.

Девушка ждала в грациозной позе. Для церемонии она оделась, как юноша, — пояс, юбочка и мягкие сапожки. Темные волосы были заплетены в косу, чтобы прядь случайно не упала на глаза. Рид впился ногтями в ладонь.

Солнечный свет, падавший с белесого неба, отражался от трезубцев в руках стражников, которые в случае необходимости должны были прийти на помощь танцовщице. Они небрежно расположились за жердяной изгородью. А Рид под прохладным ветром, напоенным запахом сухих трав и майорана с горных лугов Атлантиды, чувствовал только запах собственного пота, который стекал каплями по его щекам, повисал на усах и делал солеными пересохшие губы, когда он проводил по ним языком.

Эти рога были нацелены на Эриссу.

Но ей ничто не угрожает, отчаянно убеждал он себя. Пока.

У него за спиной склоны уходили к морю, поблескивающему далеко внизу, — пожухлая трава, зеленые кусты, там и сям купы корявых деревьев. Перед ним был луг для репетиций, а за лугом обрывы, а у подножия обрывов — город, бухта, священный островок и еще один: чернота, вздымающаяся над искрящейся синевой, — вулкан. Над кратером стоял столб дыма, столь плотный, что он поднимался вертикально почти на тысячу футов, и только там ветер пригибал его, разметывал и уносил на юг в сторону невидимого Кносса.

Бык почти ударил девушку. Позади нее шестеро сестер по обряду закружились в быстром танце.

Эрисса прыгнула. Правая и левая рука ухватили левый и правый рог. Под кожей девушки заиграли мышцы. Рид, не веря глазам, смотрел, как она взметнулась всем телом, взмахнула ногами, устремленными в небо, разжала руки, сделала сальто, оттолкнулась носками от широкой спины, приземлилась с пируэтом и, пританцовывая, присоединилась к танцующим. А над рогами уже взвилась другая стройная фигурка.

— Эта хороша! — сказал стражник, кивая на Эриссу, и подмигнул Риду. — Но клятвы жрицы она не принесет, как пить дать. И у того, кто возляжет с ней, хлопот будет... Э-эй! — Он вспрыгнул на верхнюю жердь, готовый кинуться к быку, который с громким мычанием дернул головой и отбросил в сторону одну из танцовщиц. Товарищи прыгнули следом за ним.

Но тут к быку подбежала Эрисса, дернула его за ухо и упорхнула. Он повернулся к ней, нагибая голову. Она еще раз пролетела над ним. Танец возобновился. Стражники перевели дух и вернулись на прежнее место.

— Я уж думал, он озлился, — заметил тот, что заговаривал с Ридом прежде. — Но он просто во вкус вошел. Случается.

Рид с усилием вдохнул воздух. Колени у него подгибались.

— А часто... Вы многих... теряете? — прошептал он.

— Нет, очень редко. Да и те, кого заденет рог, обычно выздоравливают. То есть тут, на Атлантиде. Мальчишки обучаются на Крите и, говорят, многие калечатся. Мальчишки ведь народ бесшабашный. Больше думают, как себя получше показать и самим прославиться, чем о том, как почтить богов должным образом. А вот девушки, девушки кроят, чтобы обряд в Ее честь был совершен безупречно, а потому всегда внимательны и соблюдают все правила.

Бык, который кидался на каждую танцовщицу, отделявшуюся от общей группы, замедлил бег и остановился. Бока у него влажно блестели, он хрипло дышал.

— Хватит! — решил распорядитель, взмахнул трезубцем и крикнул: — Все с луга! — Обернувшись к Риду, он объяснил: — Неприятности обычно случаются, когда бык устает. Играть он больше не хочет и рассвирепеет, если его начнут принуждать. А то просто позабудет, что ему положено делать.

Девушки легко перемахнули через изгородь. Бык зафыркал.

— Ворота пока не открывайте, пусть поостынет, — приказал распорядитель. Он равнодушно-внимательным взглядом обвел обнаженные юные груди и стройные ноги, тоже влажно блестящие. — На сегодня хватит, малышки. Надевайте плащи, чтобы не простыть, и марш к лодке.

Они послушно накинули плащи и убежали, болтая и хихикая, как и положено в стайке двенадцати-тринадцатилетних девочек. Зато бык был опытным ветераном. Нельзя совместно обучать людей и животных, если ни те ни другие не знают, чего ожидать.

«Так вот в чем секрет минойской корриды! — подумал Рид. — Судя по тому, что я читал, никто в мое время не понимал, каким образом это было возможно. Значит, быков специально отбирали не за медлительность, как предположила Мэри Рено, а за сообразительность, и начинали тренировать еще телятами.

Тем не менее это опасно. Неверное движение, припадок ярости... Допускают к подготовке далеко не всех, кто мечтает о славе, наградах, влиянии. Нет, пролитая кровь — дурное предзнаменование. (Кроме крови лучшего быка, которого приносят в жертву после игр.) Вот в чем, видимо, причина — за каждым религиозным правилом кроется конкретное обоснование — почему девушкам не разрешается танцевать, когда у них менструации, и почему они должны оставаться девушками. Утренняя тошнота сыграет дурную шутку с быстротой и координированностью движений, за которые в мое время любая школа дзюдо присудила бы им черные пояса, так ведь? И в том же заключается объяснение, почему они тренируются тут, а юноши на Крите. Сведите вместе молодых, красивых, физически совершенных...»

— Ну как, понравилось? — с улыбкой спросила подошедшая Эрисса.

— Ничего подобного я никогда не видел, — ответил он с запинкой.

Она остановилась перед ним. Плащ у нее был перекинут через руку. Указания распорядителя ее не касались — она была опытной наставницей начинающих.

— Я пока не хочу возвращаться, — сказала она. — Стражники их отвезут. А мы с тобой потом найдем лодку. — Она отбросила за плечо упавшую на грудь косу. — Ариадна ведь велела мне быть твоей проводницей.

— Ты очень добра.

— Нет. С тобой интересно.

Он не мог отвести от нее глаз. Эрисса в семнадцать лет! Тоненькая, грациозная, еще не помеченная временем и горем, с распущенными волосами... Ее улыбка угасла. Краска разлилась по щекам, горлу, груди. Она набросила шерстяной плащ на плечи и закуталась в него.

— Почему ты так на меня смотришь?

— Прости, — пробормотал Рид. — Просто я... никогда еще не видел близко девушку, которая танцует с быками.

— А-а! — Она повеселела. — Я самая обыкновенная. Вот погоди, когда мы поедем весной в Кносс на празднества! — Она зашпилила плащ у горла. — Так идем?

Он зашагал рядом с ней.

— Ты живешь тут каждую зиму? — спросил он, чтобы прервать молчание. Ответ он уже знал от нее сорокалетней.

— Да. Помогаю обучать новеньких. И быков тоже. И сама разминаюсь после летнего безделья. Лето я провожу в Кноссе или в нашем загородном доме. А иногда мы даже путешествуем. Мой отец богатый человек, у него есть несколько кораблей, и если он плывет в какое-нибудь приятное место, то берет с собой нас, своих детей.

— Хм-м... А как он отнесся к тому, что ты захотела стать танцовщицей?

— Пришлось немножко подластиться к нему. Хуже было с матушкой. Хотя, конечно, родители не могут помешать, если ты решила. Зова, как Лидра, наша ариадна, я не слышала. Просто мне казалось это таким увлекательным, таким волнующим! Ты возмущен? Только не сомневайся: я очень счастлива, что служу нашей Владычице и Астерию. Но вот стать жрицей не хочу. Я хочу иметь много детей. И, знаешь, танцовщица знакомится со всеми завидными женихами Талассократии. Взять ее в жены такая честь, что она может выбрать любого. Наверно, этой весной я буду танцевать на празднике в последний раз... — Ее веселый щебет оборвался, она схватила его за руку. — Данкен, что с тобой? У тебя губы скривились, точно ты вот-вот заплачешь. Что случилось?

— Ничего! — буркнул он. — Вспомнил старое горе.

Она продолжала идти, не выпуская его руки. Никто на Атлантиде не осмелится причинить ей вред, подумал он. Огороженный луг остался далеко позади, тропа уводила их все ниже по склону. Ветер колыхал траву и кусты, вздыхал в древесных ветвях. Рид ощущал аромат ее тела, согретого солнцем, теплого, как солнечные лучи, припекавшие его спину, теплого, как пальцы, переплетенные с его пальцами.

— Расскажи мне о себе, — попросила она. — Ты, наверно, важный человек, если ариадна оставила тебя тут.

Лидра приказала ему молчать о предсказанной им катастрофе. Он был вынужден признать, что это пока имело смысл, — паника никому пользы не принесет. Она хотела бы скрыть и его чудесное появление в Египте, но он указал, что это невозможно. Слух успел распространиться по Афинам, и моряки Диорея, прежде чем отплыли, уж наверно, не преминули рассказать про такое в атлантических харчевнях и веселых домах.

— Не думаю, что сам я так уж много значу, — ответил Рид своей спутнице. — Но я попал сюда издалека, таинственным образом и надеюсь получить совет от верховной жрицы.

Он рассказал ей свою официальную версию: ни намек на путешествие во времени, зато много об Америке. Она слушала с

широко открытыми глазами. А он говорил и пытался вспомнить лицо Памелы. Но не мог и видел только лицо Эриссы. Юной Эриссы.

— Ты останешься здесь, пока я тебя не отпущу, — сказала Лидра.

— Но говорю же тебе, необходимо предупредить миноса, — возразил Рид.

— Твое слово будет значить для него больше моего? — холодно отрезала она. — Я еще не убеждена, что ты говоришь правду, изгнанник!

Да, подумал он, нормальному человеку трудно поверить в конец мира.

Они стояли на крыше храма в холодных сумерках. Металлически поблескивала бухта. Большой остров и город тонули в мутной мгле — до освещения улиц должны были пройти века и века. Но небо было освещено — тускло-багровыми отблесками на дыме, поднимающемся из вулкана. Иногда из его глотки вылетали снопы искр и слышалось подземное ворчание. Рид сказал:

— Разве все это не подтверждает истинность моих слов?

— Он и прежде говорил, — ответила ариадна. — Иногда он выплевывает камни, пепел, раскаленные скалы и гремит голос Астерия. Но торжественная процессия к вершине, молитвы, жертвоприношения, брошенные в его глубину, всегда его успокаивали. Неужто он разрушит святилище своей Матери, своей Невесты и Оплакивающей его?

Рид покосился на нее. Голову ей скрывал капюшон, на фоне темного неба смутно рисовался острый профиль, но он разглядел, что она смотрит в вулкан с напряжением, далеким от ее спокойного тона.

— Тревогу простых людей ты сможешь усыплять до последнего дня. Но свою тревогу?

— Я молюсь о ниспослании мне знака.

— Но какой будет вред, если ты отошлешь меня в Кносс?

— А какая польза? Слушай, чужеземец. Власть моя не над людьми, а над священными тайнами. Но это не значит, будто мне не известно то, что происходит в Талассократии и в иных местах. Иначе как бы я могла достойно служить нашей Владычице? А потому, конечно, лучше тебя понимаю — если ты не солгал о том, откуда ты, — как опасно было бы последовать твоим советам. Увести людей и оставить города пустыми на много дней? Ты представь себе, что это значит — увести такие толпы, обеспечить их пищей и кровом, не позволить поддаться

слепому страху перед грозящими ужасами, а потом смотреть, как они умирают сотнями и тысячами от какой-нибудь моровой язвы. Ведь во временных лагерях она обязательно поразит их. А флот тем временем далеко в море, рассеян на большие расстояния из страха, как бы корабли не разбились друг об друга, и, значит, бессилен. Но чужие корабли быстро доставят весть об этом на материк. И вдруг ахейцы вновь восстанут, заключат союз и нападут на наши берега? И тут, если твое пророчество окажется ложным, какая ярость во всем царстве, какие насмешки над храмом, над троном и даже над богами! А может быть, и мятеж, который сломает уже треснувшие опоры царства! Нет, то, на чем ты настаиваешь, требует многих размышлений.

Рид нахмурился. Доводы ее выглядели основательными.

— Именно поэтому нельзя долее откладывать начало приготовлений, — умоляюще сказал он. — Как мне доказать, что я говорю правду?

— А ты можешь найти доказательство?

— Ну... — Мысль эта пришла ему еще в Афинах, и он подробно обсудил ее с Олегом. — Да, могу. Если ты, госпожа, убедишь правителя города, а это-то, конечно, в твоих силах...

Вулкан снова заворчал.

Сарпедон, владелец небольшой верфи, единственной на Атлантиде, запустил пятерню в седые редеющие волосы.

— Уж не знаю, — сказал он. — У нас ведь тут не то, что в Кноссе или Тиринфе, знаешь ли. Мы больше чиним, а не строим. Да и то лишь лодки. — Он уставился на папирус, который Рид расстелил на столе. Потом провел пальцем по линиям чертежа. — Хотя... А нет! Материалы-то откуда взять?

— Правитель выдаст лес, бронзу, канаты и все, что еще потребуется, из царских хранилищ, — не отступал Рид. — Он только ждет твоего подтверждения, что построить такое судно можно. А построить его можно. Я видел такой корабль в бою.

Это было ложью — конечно, если не считать кинофильмов. (Мир кинофильмов, свет, вспыхивающий от поворота выключателя, моторы, небоскребы, космические ракеты, антибиотики, радиотелефоны, часовой прыжок по воздуху от Крита до Афин... Нереальный, фантастичный, стирающийся в памяти сон. Реальностью была эта захламленная комнатуха, этот человек в набедренной повязке, поклоняющийся быку, который есть солнце, скрип деревянных колес, цокот копыт неподкованного осла, доносящиеся с улицы — улицы погибшей Атлантиды. Реальностью была девушка, вцепившаяся ему в локоть и с замиранием сердца ждущая, какое еще новое чудо он сотворит.) Но он читал

книги, и хотя кораблестроителем не был, как архитектор располагал достаточными инженерными знаниями для такой задачи.

— Угу-у! — протянул Сарпедон, подергивая себя за бороду. — А вообще-то интереснейшая штука.

— Я не понимаю, зачем она, — робко сказала Эрисса. — Прости, не понимаю.

— Сейчас корабль — это всего лишь средство добираться из одного места в другое, — объяснил Рид.

Она замигала. Ресницы у нее были длиннее и гуще, глаза более сияющие, чем они станут к сорока годам, когда начнется увядание.

— Но корабли так красивы! — воскликнула она. — И посвящены нашей Владычице Глубин Морских. — Вторая фраза была данью обычаям, а первая вырвалась из самого сердца.

— Ну а для войны? — Рид вздохнул. — Подумай сама. Камни из пращи, стрелы, дротики — вот все, чем ты угрожаешь врагу на море до того, как сцепишь его корабль со своим. А тогда — обычный рукопашный бой, точно такой же, как на суше, только в тесноте и на качающихся досках. — Он с неохотой перевел взгляд на Сарпедона. — Я не спорю, корабль, который я замыслил, потребует больше материалов для постройки, чем обычная галера, — сказал он хозяину верфи. — И особенно много бронзы для носа. Но ведь сила Крита всегда была в кораблях, а не в копьях, верно? Все, что пойдет на пользу военному флоту, сторицей вернет Талассократии любые расходы. Смотри. — Он постучал пальцем по чертежу. — Один только таран сулит верную победу. Ты знаешь, как тонки корпуса. Такой нос обладает особой прочностью. При ударе он утопит противника. И солдаты не нужны, только моряки. Подумай, сколько людей это сэкономит! А раз такой корабль в морском бою может разбивать вражеские корабли один за другим, то их понадобится меньше, чем обычных галер. Значит, число военных кораблей можно будет сократить. И в целом материалов потребуется даже меньше.

— Но у нас же не осталось врагов, — с недоумением заметила Эрисса.

«Как бы не так!» — не сказал Рид. А сказал он следующее:

— Но вы принимаете меры, чтобы воспрепятствовать подготовке нападения. И рассылаете дозорные корабли против морских разбойников. Эти дозорные корабли оказывают помощь судам, терпящим бедствие, что полезно для торговли и тем самым для вашего процветания. И ведь немало кораблей плавает туда, где минос не управляет, а местные жители могут поддаться жадности. Правда? Ну хорошо, — продолжал он. — Такой длинный корпус обеспечивает быстроту. А это странное корми-

ло и странная оснастка позволят плыть против ветра, если только он не очень свирепый, и дадут отдых гребцам — у вас ведь они очень устают, так как должны налегать на весла не только в тихую погоду. Значит, это корабль не только непобедимый, но способный плавать куда дальше любых из ваших. И опять-таки это значит, что для каждого данного плавания их потребуется меньше. А сбереженные материалы помогут сделать царство сильнее и богаче. Правитель весьма заинтересован, — закончил Рид. — Как и ариадна.

— Так и я тоже, — ответил Сарпедон. — Руки чешутся попробовать, кланусь хвостом Астерия... э... прошу прощения, сестра по обряду. Но я не могу обещать, выйдет ли толк. И работа даже в лучшем случае пойдет медленно. И не только потому, что у нас нет таких больших приспособлений, какие требуются. Главное, ты и представить себе не можешь, какой это закоснелый народ — и плотники, и парусники, ну, словом, все. Нам придется с дубинками над ними стоять, не иначе, чтобы они не начали на свой лад переделывать. Очень уж работа непривычная. И конечно, — добавил он рассудительно, — у нас будет много всяких промахов, трудностей с мелочами, которые заранее не предусмотреть. А моряки еще поупрямее будут. Ты их не заставишь переучиваться, как с кораблями обращаться. Так лучше тебе подобрать юношей, которым не терпится испробовать чего-нибудь новенького. Теперь, когда зима позакрывает торговые пути, таких в городе немало сыщется. Но на их обучение тоже уйдет время.

— Время у меня есть, — буркнул Рид.

Лидра его не отпустит. И ведь по-своему она права: какое-нибудь весомое доказательство его правдивости было необходимо. Правда, она как-то странно колебалась, прежде чем дать согласие на его план. Он продолжал:

— Правитель не требует от тебя ручательства, Сарпедон, что корабль этот будет таким, каким я его описал, а только чтобы все не оказалось впустую... Ну, чтобы он не утонул, едва будет спущен на воду, чтобы в случае необходимости его можно было перестроить во что-то более привычное. А это ты, конечно, способен сам определить, верно?

— Думается, могу, — пробормотал владелец верфи. — Думается, могу. Кое-что надо обсудить подробнее. Скажем, как уравновесить такой тяжелый нос. И еще мне нужна модель, чтобы разобратись с этими дурацкими парусами на носу и на корме. Однако... да, нам нужно будет еще потолковать.

— Отлично. Мы непременно договоримся.

— Как хорошо! — Эрисса обвила рукой талию Рида.

«Совсем не так хорошо, как я надеялся, — подумал он. — Однако поможет мне занять часы без тебя, краса моя, а это необходимо, не то я с ума сойду от всяких мыслей. Так я приобрету больше влияния, больше свободы, чем теперь, и, быть может, сумею убедить миноса спасти... то, что удастся. А главное, на борту такого вопиющего анахронизма меня заметят и спасут путешественники во времени, которые, возможно, придут для наблюдений за катастрофой. Нас с тобой на борту, Эрисса?»

Подошло Рождество.

Риду было трудно называть праздник зимнего солнцеворота иначе, во всяком случае мысленно. И вот Дева Бритомартис дала жизнь Астерию, которому предстояло умереть, чтобы воскреснуть весной, летом и все время сбора урожая царствовать со своей супругой Реей и наконец отступить и исчезнуть перед старухой Диктинной. У атлантидцев, думал Рид, было меньше причин ликовать в свой зимний праздник, чем у обитателей угрюмых северных стран. Но они жили в большой близости со своими богами и отмечали этот день процессиями, музыкой, танцами (после того как девушки кончали танец с быком на городской арене), обменом подарками и добрыми пожеланиями, а в заключение — пирами, которые нередко переходили в оргии. Радостные приготовления начинались еще за месяц.

Эрисса водила Рида повсюду, насколько позволяли ее обязанности и его дела на верфи. Его целью было подыскать подходящую команду для будущей галеры, однако в эти дни его и ее наперебой зазывали на чашу вина, на трапезу и для дружеской беседы в любые часы до поздней ночи. И причина заключалась не просто в том, что ее присутствие сулило удачу дому, который она посещала, а он был знаменитостью — и пользовался бы еще большей популярностью, не будь он таким замкнутым и склонным к грустным раздумьям. Просто атлантидцы радовались каждому новому человеку, каждой новости, как свойственно общительным, гостеприимным людям.

Часто он заражался веселостью своих хозяев и Эриссы. Может быть, отыщется способ спасти их, думал он. Постройка галеры продвигалась успешно и сама по себе была очень увлекательна. Так что, выпив несколько ритонов приятного вина, чувствуя на себе взгляд Эриссы, озаренной мягкими лучами светильников, дослушав рассказ старого морехода о том, как он плавал в Колхиду, на Оловянные острова, в Янтарное море... и как один раз буря пригнала его, черт побери, не иначе как в будущую Америку, где он три года строил новый корабль, когда ему наконец удалось заручиться помощью Раскрашенных Людей, и переплыл на нем реку Океан... Рид расслаблялся и, в свою

очередь, начинал им рассказывать о собственной родине то, что им было легче всего понять.

А потом, когда они шли к своей лодке и факелы в их руках, брызгая смолой, то выхватывали Эриссу из ночного мрака, то снова погружали в тень, ему начинало казаться, что он и сам толком не понимает то, о чем рассказывал.

Следующий день после солнцеворота занялся ясный и тихий. В городе и крестьянских хижинах люди отсыпались после бурного празднования, на островке — от церемоний и обрядов. Рид, участие которого и в том и в другом было самым ограниченным, проснулся рано. Он вышел побродить по росистым тропинкам сада и увидел поджидавшую его Эриссу.

— Я надеялась, что ты выйдешь, — произнесла она еле слышно, и длинные ресницы опустились. — Сегодня... свободное время... для всех. И я подумала... я упаковала корзинку с едой... Я подумала, что мы могли бы...

Они направили лодку не в город, а дальше в известную ей бухточку. Им пришлось плыть в тени вулкана, но и он в этот день был спокоен. В прозрачной воде шныряли серебристые рыбки. Привязав лодку, они перешли через кряж — самый узкий на Атлантиде — и спустились к морю. Эрисса знала эти холмы не хуже, чем всех быков, которые в отдалении величественно дремали на совершенно безлюдных лугах возле набитых сеном кормушек. Тропа вывела их к заливику на южном берегу, с трех сторон загороженному высокими обрывами. С четвертой до горизонта простиралась сверкающая синева. У берега вода была зеленой, золотистой и такой прозрачной, что видны были мелкие камешки на дне в десятке ярдах от песчаного пляжа, на который ласково накатывались маленькие волны. Ветра не было. Темные обрывы впивали солнечный свет и отражали его.

Эрисса расстелила скатерть, разложила на ней хлеб, сыр и яблоки, а потом поставила сосуд с вином и две чаши. На ней была простая юбка. Плащ и сандалии она сбросила — в этом укромном уголке было очень тепло.

— Какой вокруг мир, — сказала она.

Рид тяжело вздохнул, Эрисса посмотрела на него.

— Почему ты грустишь, Данкен? Потому что никогда не вернешься к себе домой? Но... — Он заметил, что она покраснела и наклонилась над скатертью, переставляя чаши. — Ты же можешь найти новый дом. Ведь правда?

— Нет, — ответил он.

Она испуганно посмотрела на него:

— Почему? Тебя ждет кто-то?

И он вдруг понял, что никогда не говорил с ней о Памеле.

— Я тебе не говорил... — пробормотал он. — Так приказала ариадна. Но я думаю... я знаю, что попал сюда не случайно.

— Ну конечно! — шепнула она. — Ведь ты был принесен по воздуху, а это чародейство...

Он не решился ничего добавить. Они молча смотрели друг на друга.

Он подумал: «О, находить объяснения несложно, и уж у Памелы (нечестно — у меня!) их набралось бы с десяток. Эта девушка созрела для любви, и тут являюсь я, таинственный и, следовательно, притягательный чужестранец. А я познакомился с ней, какой она будет, и влюбился так же, как влюблялся в прошлом — моем прошлом. Не слишком глубоко и ненадолго, так что это только оттеняло удовлетворение, которое я находил в браке с Памелой. Но как может любая женщина выстоять против девушки, какой она была? Да и любой мужчина тоже?»

Он подумал: «Внезапно у меня появилась новая цель — избавиться ее от того, что пришлось перенести той Эриссе».

Он подумал: «Эти глаза, эти полуоткрытые губы! Она хочет, чтобы я поцеловал ее, она ждет. И она права. Но не больше... сегодня на большее я не осмелюсь, не осмелюсь сказать ей всю правду. Пока. Но ведь та Эрисса говорила, что мы... Но это в том будущем, от которого я должен ее оградить... Опять размышления! Я слишком много размышляю, я впустую растрачиваю эти дни на размышления».

Он наклонился к ней. Вверху пронзительно крикнула чайка. На её крыльях вспыхнул солнечный свет.

Глава 14

— Да, у твоих друзей все хорошо, — сказал Диорей. — Они шлют тебе приветы.

Рид старался сдерживать раздражение. Они сидели вдвоем в дальнем помещении храма, куда американец увел афинянина, когда Лидра отпустила того после долгой беседы с глазу на глаз. Улыбка Диорея оставалась невозмутимо благодушной, он удобно развалился на каменной скамье.

— А чем они занимаются? — спросил Рид.

— Ну, Улдин объезжает лошадей и обучает юношей для своего конного отряда. Вернее, собирается. Тут много всяких помех, а главное, у него всего одно седло: говорит, что не нашел ни единого шорника, который справился бы с такой работой. Олег, хм-м... занялся постройкой корабля — как и ты, если

дошедшие до меня слухи верны. Мне бы очень интересно было взглянуть, какой корабль заложил ты.

— Боюсь, это невозможно, — ответил Рид. — Государственная тайна.

Тут он солгал, но у него созрело намерение потребовать, чтобы строительство запретили посещать посторонним. Зачем способствовать врагу? А Тесей — враг, который разгромит солнечный мир Эриссы, если не удастся внести в историю благую поправку.

Нет, даже не это. Разве легенды и мифология через три-четыре тысячелетия спустя не обретут точно такую же форму, если минойский Крит просуществует чуть дольше? Совсем чуточку, всего лишь на жизненный срок девушки! Неужели просить этого у богов неразумно?

— Зачем ты приехал? — спросил он. — И с отборной командой?

Он узнал, что они были не простыми моряками, но царскими телохранителями, которые держались особняком и с атлантидцами даже не разговаривали.

— Ну, что касается второго, — неторопливо ответил Диорей, — так простые моряки зимой в море не пойдут. Слишком опасно. — И словно в подтверждение его слов завыл ветер и дождь принялся хлестать снаружи стены, внутри занавешенные богатыми тканями. — Олег говорит, что построит корабль на все времена года, но пока мы должны обходиться тем, что у нас есть, верно?

— Но ты не сказал мне, зачем ты приехал.

— И не скажу. Не могу. Прости, друг, но это дело не для посторонних ушей. И очень возможно, что ты еще не раз меня здесь увидишь. А скажу я тебе вот что: твое пророчество повелевает Афинам и Кноссу сблизиться. Отлично! Но вот как? Что это будет за союз и на чьих условиях? С какой стати миносу освободить нас от дани и прежней зависимости? А зависть других? К каким сварам может привести она? И еще много такого же. Все надо обсудить, а государственные дела не вершатся у всех на глазах. Ну а раз ариадна расположена к Тесею, так ты, конечно, согласишься, что начать переговоры лучше с ней, верно? Скажем, они друг друга прощупывают. — Диорей ухмыльнулся. — И она еще в соку, мужчине есть что пощупать. И, кстати, я слышал, что сам ты тут обзавелся лакомым кусочком.

— Эрисса — сестра по обряду! — вспыхнул Рид.

— А кем была твоя возлюбленная с тем же именем, а? Мне начинает казаться, что тут все не так просто. И ведь ты меня про нее даже не спросил!

«Неужели я побоялся?» — подумал Рид, а вслух сказал:

— Ну, так как же она?

— Тоже неплохо. Сначала куксилась, а последнее время... Помнишь Пенелея? — Диорей ткнул Рида локтем и подмигнул. — Так она от него получает все, что ей требуется. Тебе же все равно, а?

— Да, — глухо ответил Рид.

Старшая Эрисса прошла через многие руки. Спасти он надеялся девушку.

— Нет, — ответила Лидра, — я не скажу тебе о моих переговорах с Тесеем. Твой вопрос дерзок.

— Но ведь Тесей тоже несет беду.

Она посмотрела на него с высоты своего трона.

За ее сухощавой фигурой и суровым лицом Судья Грифон ожидал мертвых.

— Откуда ты знаешь?

— Из... из пророческого видения.

— А как же тогда повеление искать союза? — Ее голос был резким, как щелканье бича. — Или ты солгал?

Светильники мерцали в холодной пустоте, где кроме них двоих шевелились только тени. Но за дверью ждали стражники. Невооруженные — на священный остров запрещалось привозить оружие. Однако четверо сильных мужчин без труда справятся с Данкеном Ридом.

— На Крите преступников отправляют в каменоломни, — сказала Лидра. — И живут они недолго. Да и рады, что недолго.

— Я не лгал... госпожа. И... и просил, чтобы ты приняла меня до отъезда Диорея потому лишь, ч-ч-то подозреваю его и его господина...

— Почему? Эгей восставал, но он теперь слабый старец. Тесей сразил своих двоюродных братьев, выросших на Крите, но с тех пор вел себя, как подобает верному клятвам царевичу. Таким же он будет и царем.

— Я слушал, что они, ахейцы... что они говорили...

— О да! Они ворчат, они бахвалятся, кое-кто, конечно, замышляет что-нибудь, но дальше? Тесей сумеет держать их в руках, и уж тем более если он хочет обрести в Талассократии более высокое место для себя и своего царства. — Лидра угрожающе ткнула пальцем в Рида. — Ты стараешься сеять раздор, чужестранец? Кому ты служишь?

Он подумал: «Придется сказать ей правду, как ни велик риск. Иного выхода нет».

— Госпожа, — начал он медленно, — я ни в чем тебе не солгал, хотя, правда, сказал не все. Но вспомни, прошу, что я

тут совсем чужой. Мне нужно было разобраться в том, что здесь и как. Что хорошо, что дурно, где явное, где тайное. Убедиться, что ты сможешь поверить всему, в чем я тебе откроюсь. И этого я до сих пор не знаю. Но ты меня слушаешь?

Она кивнула.

— Пророчествовать я способен потому, — сказал он, — что я из будущего.

— Как так? — Она нахмурилась, стараясь понять. Язык кефтиу не подходил для выражения таких идей. Однако она уловила суть быстрее, чем он ожидал. И, хотя сотворила священное знамение и поцеловала свой амулет, осталась странно спокойной. Может быть, для нее, живущей в мире мифов и тайн, это было просто еще одно чудо? — Да, — произнесла она негромко — теперь многое становится ясным.

Некоторое время она слушала молча, но потом перебила:

— Так Кносс и правда падет? И от Талассократии останутся только темные легенды? — Обернувшись, ариадна долго смотрела на изображение Судьи. — Ну что же, — почти прошептала она, — все преходяще.

Рид говорил о том, что считал главной задачей. Кое о чем он промолчал, и в первую очередь утаил, что две Эриссы были одной. Его пугали последствия, которыми могла обернуться для девушки его откровенность. Поэтому он просто не стал упоминать о времени, из которого явилась их спутница. Имя Эрисса было довольно распространенным, а у Лидры и без того хватало о чем подумать. Умолчал он и о том, что, согласно легенде, она предаст миноса и будет предана в свою очередь. Это было слишком оскорбительным, а потому опасным.

— Из твоих слов следует, — сказала Лидра глухим голосом, — что боги предназначили Тесею сокрушить морскую державу.

— Нет, госпожа. Полностью я уверен лишь в том, что через несколько месяцев вулкан уничтожит Атлантиду, что Крит будет завоеван и что, согласно легенде, какой-то Тесей убьет какое-то чудовище в Кноссе. Возможно, тут правда смешалась с вымыслом. Я уже убедился, что в легенде много лжи. Никогда не существовал Минотавр, полубык-получеловек, а просто ежегодно в жертву приносят священного быка. Зато афинских мальчиков и девочек в жертву не приносят, но, наоборот, окружают их всяческими заботами. Ариадна не дочь царя. Лабиринт — это не переплетение подземных коридоров, где заключен Минотавр, а главный дворец вашего царя-жреца, обитель Двойной Секиры. Я мог бы назвать еще много несоответствий. Но ты же поняла, зачем я все это говорю! Почему бы Талассократии и после гибели этого острова не просуществовать еще века и века?

— Если божественная воля сокрушит святыню святынь, значит, боги гnevаются на народ миноса, — ответила Лидра негромко.

— Да, конечно, это может лишить людей мужества, — согласился Рид. — Но я клянусь, госпожа, что причины будут столь же естественными, как... как камень, случайно упавший на голову человека.

— Но это же значит, что ему было суждено погибнуть от камня!

Рид предостерег себя: «Ты имеешь дело с чуждым мироощущением. Не пытайся убеждать!» Вслух он сказал:

— Мы не можем быть уверены, что именно суждено Криту. Астерий повелел смертным храбро бороться до конца. Увезти людей с Атлантиды — вот как можем бороться мы.

Лидра сидела неподвижно, словно статуя, изваянная из того же мрамора, что и трон, и в тусклом мерцающем свете лицо ее казалось таким же белым.

— Воины с материка, — продолжал Рид, — могут захватить ваши покинутые города и горько пожалеют, когда придет гибель! Но мы должны предусмотреть и постараться предупредить такую возможность. Все — и старая легенда, и то, что мне довелось увидеть и услышать сейчас, — заставляет меня опасаться Тесея. — Он помолчал. — Вот почему, госпожа, я спросил, какую весть он прислал тебе.

Лидра продолжала хранить неподвижность и непроницаемость. Рид уже испугался, не дурно ли ей, но тут она наконец заговорила:

— Я дала клятву молчать. Ариадна не может нарушить свою клятву. Однако ты и сам можешь догадаться, что он... хотел бы улучшить свои отношения с Лабиринтом... и не прочь заручиться моим содействием.

— Диорей именно это и сказал мне, госпожа. Э... э... а ты не могла бы потомить его в неизвестности? Затянуть переговоры, помешать ему действовать, пока все не кончится?

— Данкен, ты был выслушан. Решать должна ариадна. И приму я тебя теперь нескоро.

Внезапно плечи Лидры поникли. Она провела ладонью по глазам и зашептала:

— Не так легко быть ариадной. Я думала... я поверила, когда в священном месте мне было ниспослано видение... Я верила, что удел жрицы — нескончаемое счастье и что верховная жрица живет в вечном сиянии Астерия. А вместо этого? Бесконечное совершение обрядов, одно и то же, одно и то же... Свадьбы, мелкие интриги, старухи с седыми волосами на подбородке всегда рядом и от них некуда деваться, а девушки являют-

ся и танцуют с быками, и возвращаются домой, чтобы выйти замуж... — Она выпрямилась. — Довольно. Уходи. И ни слова о том, что было сказано между нами.

На следующий день они снова посетили свой заливчик.

— Давай искупаемся, — предложила Эрисса и, сбросив одежду, заплескалась в воде прежде, чем он успел ответить. Ее волосы черным веером колыхались над хрустальной прозрачностью, в которой белело ее тело. — Боишься, что холодно? — крикнула она и обрызгала его с головы до ног.

Какого черта? Он последовал за ней. Вода и правда была ледяной. Чтобы согреться, он принялся взбивать ее руками и ногами. Эрисса нырнула, ухватила его за щиколотку и утопила. Началась схватка под аккомпанемент смеха и отфыркивания.

Когда они вышли на пляж, ветер обжег их холодом.

— Я знаю средство от этого, — сказала Эрисса и кинулась в его объятия. Они упали на одеяло. Она злокозненно засмеялась. — А! Ты думаешь о средстве посильнее?

— Я... я ничего не могу поделать. О боги, как ты красива!

Она сказала очень серьезно и доверчиво:

— Я твоя, когда захочешь, Данкен.

Он думал: «Мне сорок, а ей семнадцать. Я американец, она минойка. Я из Атомного века, она — из Бронзового. Я женат, у меня есть дети, а она девственница. Я старый дурак, а она весна, которой до нее в моей жизни не было никогда».

— Для тебя это будет плохо, ведь так? — едва сумел выговорить он.

— Но что лучше? — Она прижалась к нему.

— Нет, погоди. Не шути. Тебе ведь придется расплачиваться, так?

— Ну... пока я тут и танцую, то считаюсь посвященной Богу. Только мне все равно! Мне все равно!

— Но мне нет. Лучше оденемся.

Он думал: «Мы должны стараться уцелеть. До каких пор? Пока не узнаем, уцелеет ли ее страна. А потом, если уцелеет, останусь ли я тут? А если не уцелеет, увезу ли я ее с собой? Но сумею ли я? И имею ли право?»

Она надела юбку и тунику, и они снова сели на одеяло. Она прильнула к нему и принялась тереть его бороду.

— Ты же всегда печальный? Там внутри? Ведь правда? — спросила она.

— Мне кое-что известно о грядущем, — ответил он, не осмеливаясь говорить яснее. — И во мне живет боль.

— Бедный милый Бог! Нет, я верю, что ты Бог, пусть ты в этом не признаешься. — Неужели ты обречен переживать каждое горе дважды? Но почему не каждый счастливый час? Посмотри, небо синее, а вода зеленая, и песок напитан солнечным светом, и вот чаша вина... Нет, дай я поднесу ее к твоим губам. Я хочу, чтобы эта твоя рука обняла меня, а вот эта лежала вот тут...

Постройка корабля продвигалась, но ценой постоянных компромиссов — из-за предрассудков кефтиу и их потребностей, из-за ограниченных возможностей технологии их века, из-за того, что о некоторых аспектах гидродинамики Рид, как он убеждался на опыте, имел лишь самое слабое представление. В результате галера оказалась меньше размерами, не такой маневренной, а главное, не столько разительным анахронизмом, как он надеялся.

Тем не менее ему было чем гордиться. Длина около восьми-десяти футов, узкий корпус с килем из огромного выдолбленного бревна в основании. Приподнятая палуба с планширями, под которой располагались скамьи гребцов. Заостренный таран находился на ватерлинии, был обшит бронзой и укреплен тяжелыми брусьями. Двадцать весел по каждому борту разделялись шверцами, которые оказались более практичными, чем шверты или фальшкили. Для управления служил настоящий румпель. Две мачты с косыми парусами. Мачты были невысокие — так стоял Сарпедон и, возможно, вполне разумно, учитывая низкие борта, малый балласт и удары тараном в бою. Рид использовал гафели, чтобы увеличить площадь парусов — и кливера, и спинакера. Однако минойская ткань, неплотная, растягивающаяся, обвисающая, легко пропитывалась водой и не могла дать такого эффекта, как парусина или дакрон.

В результате ему самому пришлось учиться управлять своим детищем, пока он обучал этому свою команду. Но вскоре они уже выходили в учебные плавания каждый день, если позволяла погода. Команда состояла из тридцати сильных веселых юношей от семнадцати до двадцати с небольшим лет, влюбленных в эту новинку, твердо решивших научиться управлять своим кораблем так, чтобы выписывать петли вокруг посудин старых хрычей, которые ворчат на дурацкую заморскую выдумку. Теперь, когда они уже не нуждались в его наставлениях, Рид часто оставался на берегу с Эриссой. Их общее время истекло с неумолимой быстротой, к тому же один из его моряков, стройный юноша из благородной семьи, который глаз не мог оторвать от Эриссы, носил имя Дагон.

Однако в день заключительного испытания она взошла на борт вместе с Ридом. Предстояло проверить таран, после чего корабль мог быть освящен. Правитель предоставил им старую посудину, которую владелец продал, так сказать, на слом, сочтя невыгодным платить за починку, которую затем произвел Сарпедон. Выйти на корабле-цели в залив согласилась команда из завистливых юнцов и старых моряков-скептиков, которые решили посрамить глупых новаторов. Оба судна сопровождали лодки, готовясь подбирать тех, кто окажется в воде.

Погода была ясной, дул крепкий бриз, и белые барашки бежали и бежали мимо горы Столпа, над которой теперь почти все время стоял столб дыма, раздираемый на клочья веселым ветром. В небе тянулась стая аистов, возвращавшихся из Египта в родные северные края как вестники весны. Галера неслась, кренясь на волнах. Борта ее были ярко расписаны алыми и синими полосами, на парусах были вышиты дельфины. Шипела пена, поскрипывал корпус, пели снасти.

Эрисса, стоявшая рядом с Ридом на палубе у носа, захлопала в ладоши. Ветер развеивал ее волосы, прижимал юбку к бедрам.

— Ой, посмотри! — вскричала она.

Галера как раз завершила поворот под перестук гиков, гафелей и блоков, описав полукруг перед носом старого корабля, который полз на веслах, поскольку ветер не задувал ему прямо в корму.

— Хватит ваших плясок! — донесся до них крик его кормчего. — Покажите себя в деле!

— Да, пожалуй, пора, — сказал Рид Сарпедону. — Мы ведь уже доказали, что зацепить нас крючьями им не успеть.

Они обменялись неуверенным взглядом. Юноши на веслах воинственно завопили.

Галера развернулась, паруса были опущены, мачты уложены, весла подняты. Команда корабля-цели с тревогой подняла собственные весла. Они знали, что происходило при столкновении. Оба корпуса ломались вместе с ребрами гребцов, не успевших отбежать от борта.

Рид ушел на корму.

— Ты помнишь учения? — сказал он кормчему. — Целься в центр, но немного отводи, не то мы с ними не расцепимся. Задача в том, чтобы пропороть обшивку и тут же отвернуть.

— Как бык медведя рогами, — засмеялась Эрисса.

— Да не будет это дурным предзнаменованием для тебя, госпожа! — сказал кормчий.

— Да сохранят ее боги! — отозвался Дагон со скамьи как раз под ними. Эрисса улыбнулась ему. Рид посмотрел на гибкую стройную фигуру юноши. А вот его фигура... нет, он неплохо сохранял форму. И ведь Эрисса сжимает его руку!

Галера заскользила по волнам. Напев старшого все учащался, вода бурлила и пенилась под веслами, и галера рвалась вперед. Внезапно цель оказалась до ужаса близкой. Как было приказано, старый корабль попытался уклониться, но руль с румпелем был настолько эффективнее двух рулевых весел, что спастись он не мог.

Команда Риды много раз отрабатывала этот маневр на сетях, подвешенных между двумя бревнами. Весла с внутренней стороны вскинулись вертикально, с внешней продолжали взрывать воду. Удар и треск оказались не такими сильными, как ожидал Рид. Отвалить удалось не без труда — тут явно требовалось побольше практики, — но в конце концов удалось осуществить и этот маневр. А корабль тем временем перевернулся и остался далеко в стороне. Деревянный, не нагруженный, он не утонул, и волны уже принялись разбивать днище, невысоко поднимавшееся над поверхностью. Победители испускали торжествующие вопли, побежденные не отзывались — они думали только о том, как побыстрее доплыть до лодок. Рид и Сарпедон тщательно осмотрели галеру.

— Никаких повреждений не видно! — объявил хозяин верфи. — Этот один корабль может разогнать целый флот. — Он облапил американца. — Что ты сотворил! Что ты сотворил! К нему подбежала Эрисса.

— Нет, ты Бог! — всхлипнула она. Поцеловаться на людях они не посмели, но она опустила на колени и обняла его ноги.

Вновь Атлантида кипела приготовлениями к празднику. На этот раз к важнейшему из всех. Воскресение Астерия знаменовало воскресение всего мира и всех мертвых в нем.

Сначала Бог должен умереть и быть оплаканным. За сорок дней до весеннего равноденствия кефтиу укрывали алтари, огораживали пещеры и родники, проносили по улицам три священных символа, перевернутых и закутанных в черную ткань, а сами рвали одежды, скрежетали зубами и молили Диктинну о милосердии. Затем тридцать дней большинство воздерживалось от мяса, вина и любовной близости, а в жилищах, не угасая, горели светильники, чтобы тени любимых умерших могли найти дорогу домой.

Нет, деловая жизнь не замирала. В конце концов суда уже начали выходить в плаванья. И самые благочестивые кефтиу не

могли подолгу корчить постные физиономии. А последние десять дней из этих сорока отдавались чудеснейшему празднику. Бог еще не покидал царства теней, не возвращался к своей Невесте, которая была ему матерью и бабушкой, но людское радостное предвкушение обеспечивало возвращение Бога.

Даже на священном острове под чинной торжественностью бурлило веселое возбуждение. Скоро корабль увезет девушек в Кносс танцевать с быками и юношами. Скоро-скоро! Эрисса ежедневно тренировала своих учениц. Рид стоял у изгороди и грыз ногти.

Почему Лидра все еще отказывается принять его? Не настолько же она занята! Бог свидетель, для Диорея у нее время находится в избытке, стоит афинянину прибыть с очередной вестью. Почему они никак не готовятся к эвакуации?

Когда Рид набрался смелости обратиться к ней с несколькими словами, понятными только ей и ему, она сказала, что советуется с миносом. И правда, корабли постоянно пересекали шестидесятимильный пролив с письмами, которые везли ее старые верные слуги, все неграмотные, все умеющие молчать. Она сказала, что дело это обсуждается, она сказала... она сказала...

Тем временем вулкан выбрасывал дым, и все чаще и чаще — пламя. Мелкий пепел осаживался на луга. Иногда ночью можно было увидеть, как из жерла поднимается расплавленная лава, и утром на черных склонах появлялись новые гротескные наплывы, а из трещин вырывались белые клубы пара. Земля содрогалась, и воздух рокотал. В харчевнях люди толковали о предосторожностях, которые следовало принять на случай большого извержения. Но, как замечал Рид, никто ничего не делал. Естественно, они не представляли себе грядущий взрыв. Он и сам не мог его вообразить.

Если бы можно было их предостеречь!

Ну, в худшем случае недостатка в крепких мореходных лодках не будет. На острове почти у каждой семьи была такая лодка, и хватит двух-трех часов, чтобы загрузить ее провизией и выйти в море. Но долго оставаться в море они не могут, а он не знал точно, когда упадет топор, зато знал, что у него и Эриссы почти не осталось времени стоять на вершине холма, так тесно обнявшись, что Памела и дети не могли встать между ними. И она шепчет: «Мы поженимся сразу после праздника, мой милый, мой Бог!», а за его спиной ворчит вулкан и озаряет ее лицо, не позволяя забыть о себе.

Вновь пошел дождь, но тихий, как весенняя туманная дымка, пробуждая землю. Даже если бы он продлился до утра,

то не помешал бы процессии девушек спуститься к кораблям, которые отвезут их на Крит. Но пока за его прохладой и влажными им рожденными запахами лежала непроницаемая ночь.

Лидра смотрела на Рида, осененная Судьей Грифоном. В мерцании светильников ее черное одеяние казалось еще одной тенью в зале, полной теней, а лицо выглядело пугающе белым. С высоты трона она произнесла:

— Я намеренно послала за тобой в столь поздний час, изгнанник. Нас здесь никто не услышит, кроме стражников за дверью.

Рид похолодел. Их не подслушают — дверь слишком толста. Но не настолько, чтобы стражники не слышали ее зова. А они преданы ей душой и телом.

— Госпожа, что ты задумала? — спросил он.

— А вот что, — ответила ариадна. — Ты думаешь, будто отплывешь завтра со своей взбалмошной Эриссой, верно? Но тому не бывать. Ты останешься здесь.

Внезапно он понял, что у его клетки нет дверей.

— Ты не был откровенен, — продолжала она. — Или ты воображал, что мы с Диореем не будем разговаривать о тех, с кем тебя нашли в Египте, и не поймем того, что ты стараешься скрыть об этой женщине? Тут замешаны сокровенные тайны. Но если ты не сказал всей правды, как же мы можем верить тебе в чем-либо? Как можем верить, что ты не враг избранника богов царевича Тесея?

— Госпожа! — услышал он собственный крик. — Тесей видит в тебе оружие. Едва ты перестанешь быть ему нужна, он тебя бросит!

— Замолчи, или тебе не жить! — взвизгнула она. — Стража! Стража!

Он понял, понял! Давным-давно в ее одиночество вторгнулся мужчина с львиными глазами и обещал ей то, на что никто другой не осмелился: он сделает ее своей царицей, если сможет, но для этого пусть помогает ему добиться падения ее царя...

«Отчего я не догадался? — мысленно стenal Рид. — Оттого, что не привык к дворцовым интригам... но, главное, оттого, что не хотел разрушить светлый маленький рай, который она позволила мне создать только для меня одного! — мысленно шептал он. Все стало ясно. Она передавала Диорею, а значит, и Тесею все, что ей говорил я, Лидра выполняла свое обещание — оказывала помощь метекам и недовольным на Крите. И схватила меня теперь, чтобы я не проговорился.

Сколько весенних ночей, пока ее послушницы грезили и шептались о юношах, которых им суждено встретить, сколько таких ночей, сколько лет молилась она о подобном случае? И каким богам?»

Глава 15

Корабли все прибывали и прибывали. Уже у пристаней Пирея не осталось места, и они бросали якоря в гавани. Среди них — и большой корабль Олега. На песок его можно было бы вытащить, хотя и с трудом, но русский старался как мог оградить свое детище от зевак, воров и болтунов. Матросы почти все жили в палатках на берегу и пешком ходили в Афины на поиски развлечений. Но каждый день в приморских лагерях оставалось много народа.

На кострах жарился нехитрый ужин, и дым завивался вокруг Эриссы, которая шла твердым шагом, не обращая внимания на непристойные шуточки, летевшие ей вслед. Несколько ахейцев попытались втянуть ее в разговор. Она прошла мимо, словно не замечая, но их взгляды жгли ей спину. Женщина — и миловидная! — идет надменно, без провожатых? Кто она, если не городская шлюха, явившаяся сюда подзаработать? Однако она пропускает мимо ушей все предложения! Так, может, ее ждет у себя в палатке не простой матрос? Только тут ведь никто из важных персон не живет! Они устроились в городе, в гостиницах, а самые знатные и во дворце... Воины пожимали плечами и возвращались к своим вертелам, игральным костям, состязаниям в беге и борьбе, к обычному бахвальству.

Она подошла к стоявшим у берега лодкам. Перевозчики, расположившиеся рядом, сразу оживились при ее приближении.

— Кто отвезет меня вон на тот корабль? — спросила она, указывая на творение Олега.

Взгляды обшаривали ее с головы до ног. В бородах влажно блестели зубы.

— Это для чего же? — спросил один насмешливо.

— Чем заплатишь? — засмеялся его товарищ.

— Моя лодка оттуда, — вмешался третий, — и я тебя отвезу, если отработаешь, договорились?

Эриссе вспомнились фракийские варвары, родосские горожане и еще многие. Она выпрямилась, раскрыла глаза так, что радужки оказались в белых кольцах, и усилием воли заставила себя побледнеть.

— Мое дело касается духов, — произнесла она ледяным голосом чародейки. — Уймись! — Она грозно указала

пальцем. — Не то мужество ваше, коим вы более похваляетесь, нежели пользуетесь, почернеет и отвалится!

Они в ужасе попятились, дрожащими руками творя спасительные знамения. Она кивнула матросу Олега, и он едва не на четвереньках помог ей сесть в лодку, оттолкнулся и навалился на весла как бешеный, ни разу не подняв на нее глаз.

Эрисса подавила вздох. Как легко подчинить других, когда перестанешь бояться за себя!

В воде отразились красная физиономия Олега и вызолоченная солнцем борода. Он нагнулся над бортом.

— Кого черт... Да это ты, Эрисса! Господи помилуй, я же тебя месяца два не видел! Добро пожаловать, добро пожаловать! Эй вы! — взревел он. — Спустите веревочную лестницу для госпожи.

Он отвел ее в каюту, усадил на койку, налил вина, которое по его приказанию принес матрос, и чокнулся чашей о ее чашу.

— Рад тебя видеть, девонька!

Каюта представляла собой тесный закуток, захламленный его вещами, и он сел на койку рядом с ней. Окошек не было, но в открытую дверь падал свет, позволяя рассмотреть его лицо. Было жарко. Она ощущала тепло, исходившее от его мохнатого, облаченного в тунику тела, впивала запах его пота. Волны пошлепывали по корпусу, и корабль плавно покачивался. Снаружи топали ноги, кричали голоса, скрипел такелаж — подготовка к выходу в море продолжалась и без его присмотра.

— Гляди веселее, а? — пробасил Олег. Эрисса схватила его свободную руку.

— Олег! Эти корабли, которые собирает Тесей, — куда они поплывут?

— Так ты же знаешь! Об этом объявляли. Поход за добычей в тирренские воды.

— Но это правда? Так неожиданно... столько союзников...

Он прищурился на нее с жалостью:

— А, понимаю! Боишься за Крит? Ну, послушай! Никто в Аттике, не говоря уж о прочих ахейцах, ни за что не решится напасть на земли под покровительством миноса. Они же не полоумные. Однако руки у них чешутся, и минос находит выгодным иной раз дать им волю — пусть-ка отведут душу на людях, от которых нельзя получить никакого товара, кроме рабов, и которые сами горазды разбойничать. Верно?

— Но именно в этот год!

Олег кивнул:

— Потому-то я и поддержал этот замысел, когда спросили мое мнение. Если и правда на берег придет огромная волна, как говорит Данкен, не хочу я, чтобы все эти добрые корабли разби-

лись, а в особицу мой новый красавец драмон. Уйти с ними надо от греха подальше. До чего же мне не терпится показать Данкену мою работу! Помнишь, он говорил, что нам надо построить что-нибудь наиновейшее, чтобы колдуны-временщики нас заметили.

— Кто предупредил миноса о гибели Атлантиды? — сердито спросила Эрисса.

— Так ты же сама слышала, как Диорей рассказывал, что он видел и делал на Атлантиде. Данкен там почетный гость. Я подпоил парочку матросов Диорея для верности. Все правильно. Значит, он уже извещил миноса. А тут в Афинах мы ничего знать не можем. Если критяне намерены оставить свои города пустыми, а флот рассеять по морю, они же не станут заранее всех об этом оповещать, так? Для чего напрашиваться на неприятности? Не удивлюсь, если Гафон по приказу миноса надудел Тесею в уши о совместном ахейском походе аж за Италию. Подальше от соблазна, ха-ха-ха!

— Так почему же я помню, что моя страна погибла в эту весну? — спросила она.

Олег погладил ее по волосам, точно отец.

— Может, ты не помнишь. Ты же сама говорила, что о времени, когда это произошло, помнишь неясно и отрывками.

— Зато все, что было потом, я помню очень ясно!

— Ну так, может, Господь передумал и отправил нас сюда, чтобы спасти Крит. — Олег перекрестился. — Нет, я ничего такого утверждать не дерзаю. Кто я? Жалкий грешник, думающий о честных барышах. Но служитель Божий как-то сказал мне, что людям дается выбор и до Страшного Суда никакая гибель заранее не назначается. А пока нам надлежит осмотрительно следовать путем, который мы избираем, проверяя каждый шаг.

Ладонь, скользившая по ее волосам, напомнила ей о новой седой пряди, которая вплелась в них за эту зиму. На Атлантиде эти кудри отливали черным глянцем, как полуночное небо.

— Не забывай одного, — сказал Олег. — Во всяком случае мы держали язык за зубами, и афиняне будущего не знают. Если они во что-то и поверили, так в то, что им лучше поддерживать с Кноссом хорошие отношения. И ведь Тесей не возглавит этот поход, хотя сам его подготовил. Какие еще тебе нужны доказательства? Думается, он решил занять воинственный дух ахейцев, пока сам будет в отъезде. Если бы он ждал, что Крит постигнет гибель, неужели бы сам, по своей воле отправился туда?

— Вот эта новость меня и напугала так, что я решила поговорить с тобой, Олег. — Эрисса уставилась на переборку. —

Когда царевич объявил, что на этот раз сам отправится заложником...

Русский кивнул:

— Да. Я ведь тоже слышал предположения Данкена и встревожился. Но потом я подумал: во-первых, что сможет Тесей с разбойниками и недовольными, каких он сумеет собрать, что он сможет сделать в собственном городе миноса? Их всех перебьют, и только. Во-вторых, как я уже сказал, у него ведь нет причин полагать, что Лабиринту угрожают стихии. В-третьих, если он ищет признания в Талассократии, так есть ли для этого способ лучше? Несколько лет прожить там в почете — ведь они будут стараться заручиться его дружбой, пока он не вернется домой. В-четвертых, я опять-таки не удивлюсь, если на все это ему намекнул Гафон. Видишь ли, если Данкен предостерег миноса против Тесея, естественно, минос предпочтет, чтобы царевич жил в Лабиринте, где за ним будет легче следить. И в-пятых, девонька, флот в Тирренское море поведет вот этот драмон. На нем поплывет Диорей, так что я смогу следить за ним!

Он слегка обнял ее за плечи и добавил:

— Да, мы тут в опасном мире. Только мир ведь всегда был и всегда будет таким. Но, по-моему, у тебя есть причины приободриться.

Он был бы рад, если бы она осталась у него подольше, но когда Эриссе не удалось убедить его, что он ошибается, она заторопилась обратно. Возвращаясь в Афины, она свернула в придорожную кипарисовую рощу, чтобы выплакаться там. А потом пошла дальше, надеясь, что по ее лицу ничего нельзя будет заметить.

Управляя колесницей Диорея, своего начальника, Пенелей, как и другие воины, объезжал отдаленные хижины, созывая мужчин. Он вернулся на другой день после того, как Эрисса разговаривала с Олегом. С воплями радости катил он на Акрополь — стучали копыта, сверкала бронза, плащ от быстрой езды вился у него за спиной, а его полуголые прислужники бежали за ним в пыли. Эрисса стояла в толпе слуг, бросивших работу, чтобы посмотреть на это великолепное зрелище. Солнечный свет, отраженный его шлемом и нагрудником, ужалил ее глаза.

«Сегодня? — подумала она. — В эту самую ночь? Очень похоже. И Улдин вернулся угрюмей, чем раньше».

Она с какой-то особой ясностью воспринимала окружающее — тени между булыжниками, мухи над благоухающими навозными кучами у конюшни, серебристость дранки на крыше

дворца, пронизанный солнцем курящийся дым, твякающая собачонка, хитоны и туники вокруг, хотя те, на ком они были надеты, казались безликими теньями, а их говор — бессмысленным шумом. Ее мысли холодно парили над ними, наблюдая, взвешивая, сопоставляя. Но в сердце у нее властвовало ощущение Рока, родившееся зимой.

Накануне на какое-то мгновение в ней пробудилась надежда... Нет, она не сдастся. Она знает, что отъезд Тесея в Кносс узором вплетен в ткань судьбы. Ей не известно, как именно, не знает она, и какое отношение к происходящему может иметь ариадна. Ей не удалось убедить Олега, что эти двое сговорились. Несомненно, ее неудача — тоже часть узора, который продолжает ткать судьба. Но ей известно, что так или иначе она свидится с Данкеном перед концом. Ибо месяц за месяцем, вглядываясь в гладь зеркальца, бродя ощупью в тумане смутных воспоминаний, она узнала лицо, которое было среди тех, что окружали ее в тот последний миг, — свое собственное лицо.

Так, значит, она сама была чародейкой, изъывшей последние часы из воспоминаний, которым предстояло питать ее все дальнейшие годы?

Но почему она так поступит? И поступит ли? Где тут смысл? А вдруг это — единственная ниточка, потянув за которую, то есть отказавшись поступить так, она распутает весь клубок? Если бы она, отброшенная на четверть века назад в этот год, знала, что может в этом доме сказать себе юной...

Всю свою жизнь с Дагоном она расспрашивала путешественников, как и уцелевших кефтиу, что же, что произошло? Ей в ответ рассказывали разное, но основа почти всегда была одной. Не успели Тесей и остальные заложники прибыть в Кносс, как разразилось землетрясение и море уничтожило флот миноса. Тесей собрал отряд (утверждая, что так ему повелел оракул) и захватил разрушенную столицу. Вскоре к нему на помощь прибыли собственные корабли и корабли его союзников. Они уцелели, так как находились в открытом море. Покорив то, что осталось от главных городов Крита, он отправился домой, забрав с собой ариадну. Во многих историях упоминалось, что это, видимо, произошло не против ее воли.

В прошлом — ее прошлом, которое пока еще лежало в будущем, — Эрисса считала это неправдоподобным. Такое поведение не гармонировало с той Лидрой, которую она знала. К тому же на Наксосе Тесей доказал, что жрица для него ничего не значила. Бедная женщина кончила дни, приобщившись к тайному культу одной из тех темных древних религий, последователи которых предавались то оргиям, то самоистязаниям. Тесей в дальнейшем объединил под своей властью большую область,

А то, что конец его тоже был несчастливый, служило плохим утешением.

Эрисса кивнула. Узор вырисовывался все яснее. Он вырисовывался на протяжении зимы — ведь Диорей посещал Атлантиду. Значит, ариадна и правда помогала Тесею, как повествовали древние легенды, которые рассказывал ей Данкен. Несомненно, ее на это толкнули сведения, полученные из будущего.

Но заговорить об этом Эрисса не могла — ей бы просто перерезали горло. Олег же и Улдин почти все время отсутствовали, занятые своими делами, а когда возвращались ко двору, поговорить с ними наедине ей не удавалось. Повторить же хитрость, к которой она прибегла в роще Перебойи, было слишком опасно: во дворце к ней относились с большой подозрительностью.

Накануне, когда почти все придворные и воины покинули дворец, она воспользовалась случаем, чтобы добраться до Олега. Но ей не удалось втолковать русскому, каким образом сказочка, рассказанная тем, кто назвался изгнанником из дальнего будущего (и, бесспорно, имел в запасе немало удивительного), может оказать воздействие на людей, верящих в судьбу. Сам Олег не верил — это ему запрещал его странный бог. Тесей и Лидра — которым не хватало веры в их высокое и свободное предназначение — готовы были поставить все, что имели, жизнь афинского царского дома и сами Афины на безумную (с точки зрения Олега) уверенность, что все произойдет именно так, как следует. Но он-то знал, что и Тесей и Диорей люди столь же разумные и хладнокровные, как он сам, а потому отмахнулся от опасений Эриссы.

К тому же, хотя он оценил утонченную роскошь Крита и, возможно, не прочь был бы жить там, хотя он искренне привязался к ней, к Эриссе, что для него была ее родина? Если он не сумеет вернуться домой, то наладит для себя новую жизнь в Греции — и уже начал ее налаживать.

Постройка корабля, всякие хлопоты мешали ему думать об узоре судьбы. Эрисса же, втянутая в будничную жизнь ахейских женщин, располагала временем, чтобы размышлять, разбираться в кое-каких парадоксах и медленно ткать собственную паутину, нити которой ей скоро предстояло собрать воедино.

Да, очень возможно, что именно в эту ночь.

Пенелей пришел в их комнату после заката — раньше, чем она ожидала. Эрисса с улыбкой встала навстречу ему, разметаив волосы по египетскому одеянию, которое он ей подарил.

— Я думала, ты останешься за чашей вина в зале, ведь ты едва вернулся, — сказала она.

Он захохотал. Светильник озарял его крупную мускулистую фигуру и лицо, немного раскрасневшееся от возлияний. Но глаза оставались ясными, а походка твердой. Лицо под золотистыми кудрями сохраняло мальчишескую округлость, борода была шелковистой.

— Завтра я, может, посижу и подольше, — сказал он. — Но по тебе я соскучился больше, чем по пирушкам.

Они обнялись. Его руки и губы были уже не такими неуклюжими, как в первое время, а она прибегла ко всем известным ей уловкам. Но ее сердце леденит холод Рока. А если что-то ее и согревало, то лишь мысль, что этот путь приведет ее к Данкену.

— Не томи, нимфа, не томи меня! — гортанно произнес Пенелей.

Обычно она позволяла себе получать удовольствие от его объятий. Почему бы и нет? Отчасти — но только отчасти! — она ведь соблазнила Пенелея, чтобы заглушить грызущее ощущение неудовлетворенности, пока ей приходилось полупленницей ждать в Афинах. Вначале он страшился и благоговел. (Диорей, заметив, что происходит, всячески его поощрял — что может быть лучше, если преданный ему человек будет жить с этой женщиной и следить за ней, а в случае надобности то и положит конец ее козням. Хотя неизвестно, чего она ищет тут и какова ее сила, но, конечно, она чародейка и враждебна Афинам.) Позднее к Пенелею вернулась уверенность в себе, но на свой эгоистичный ахейский манер он оставался внимателен к ней. И был ей скорее приятен.

Но в эту ночь ей предстояло пустить в ход все свое искусство, оставаясь бесчувственной. Она должна ублажать его, пока им не овладеет тихая приятная дремота, и не дать этой дремоте перейти в естественный сон.

Светильник уже угасал, когда Эрисса приподнялась на локте.

— Отдохни, возлюбленный, — проворковала она и повторяла эти слова снова и снова, а ее пальцы медленно гладили его кожу. Когда же в его глазах, в которые она неотрывно глядела, появилось остекленение, она начала опускать и поднимать свои веки точно в такт биению его сердца.

Он быстро подчинился ей. Даже в священной роще навести на него Сон оказалось нетрудно. Именно это толкнуло ее остановить выбор на нем из всех неженатых воинов во дворце и соблазнить, едва она задумала свой план. И с каждым разом, когда она творила чары, делая вид, будто убаюкивает, снимает головную боль или навевает приятные сновидения, он подчинялся все быстрее и легче. У нее не возникало сомнений, что он выполняет все запреты, которые она не забывала каждый раз ему внушать: «Никому не рассказывай о том, что сейчас происходит

между нами; это наша бесценная и святая тайна, и лучше забудь, что я не просто нашептываю тебе ласковые слова, — забудь до следующего раза!»

Теперь она смотрела на него в тускнеющем мерцающем свете. Лицо его было слишком сильным, чтобы полностью расслабиться, хотя что-то из него исчезло, исчезло из полузакрытых глаз. Но это нечто оставалось где-то близко. Оно затаилось во мраке черепа, подобно домашней змее, из тех, которых кефтиу прикармливали, веря, что это души умерших близких. Пройдут часы, змея пробудится и развернет кольца. Но на неверные звуки отзовется сразу и зашипит.

Во власти Сна человек верит и подчиняется тому, что ему говорят, — но до известного предела. Однако она полагала, что постоянное повторение ее приказов сдвинуло этот предел дальше обычного. Правда, человек во Сне никогда не сделает того, что наяву считает неправильным или опасным. Вот почему в эту ночь ей следовало быть осторожной, как никогда.

Масло в светильнике почти выгорело. Кошачьим движением Эрисса встала с постели и наполнила его. В комнате было жарко и душно от запахов масла, дыма и пьяного дыхания. За дверной занавеской прятались мрак и безмолвие.

Эрисса наклонилась над воином.

— Пенелей, — произнесла она тихим размеренным голосом, — ты знаешь, я твоя женщина, я хочу служить тебе и ничего более. Но ты знаешь, что я еще служу и Богине.

— Да, — ответил он глухим монотонным голосом, как всегда говорил под властью Сна.

— Выслушай меня, Пенелей! Богиня открыла мне, что божественному решению — Ее и Зевса — соединить наши народы в нерушимом союзе грозит опасность. Если свершится запретное, на них ляжет вечное проклятие. Поведай мне, что задумано, дабы я могла предостеречь.

С затаенным вниманием она ждала ответа в надежде, что Диорей ему доверился. Конечно же, не только царевич и начальник флота знают о подлинном плане, если он отличен от объявленного во всеуслышание. Пенелей, хотя и молод, отличался сдержанностью, а потому ему могли открыть правду, чтобы он внимательней следил за тем, что делает и что выведывает его наложница.

Ответы, которых она добивалась от него, еще усилили ощущение неизбежности. Лидра в сговоре с Тесеем, и всю зиму ее подручные втягивали в заговор недовольных в Кноссе и привозили туда своих людей; историю будущего узнали от слишком доверчивого Данкена Рида; пророческий сон в роще Перебойи перетолкован так: сама Богиня желает торжества Афин; решено

захватить столицу и приказать флоту повернуть на Кефт; предусмотрены меры, как скрыть враждебные приготовления, если землетрясение не разрушит Лабиринт в предсказанное время; от миноса все скрыто; Данкена под каким-нибудь предлогом в нужный момент заключат под стражу...

Эрисса не позволила себе тратить время на горькие мысли. Да и многое она давно уже подозревала.

— Слушай! — сказала она. — Ты ведь помнишь, какие опасения внушил тебе чужеземец Улдин. Так узнай же: Посейдон разгневан неподобающим обращением с лошадьми — на посвященных ему животных ездят верхом точно на ослах! — и найдет гибель на флот, если святотатство не прекратится раз и навсегда. В искупление Улдина должно убит. Но тайно, ибо, если объяснить причину, на Крит будут посланы вестники.

Она неторопливо повторяла одно и то же, кое-что добавляя, пока не почувствовала, что прочно запечатлела ложное убеждение в незащищенном рассудке. Заход луны и восход солнца приближались с каждым вздохом, но она знала, что снова увидит Данкена. Наконец она оставила Пенелея на ложе в темноте, а сама пошла «за господином твоим Диореем, чтобы мы вместе могли решить, что следует сделать».

Усыпанный камышом пол коридора охлаждал ее босые подошвы, огонек светильника отбрасывал причудливые тени. Комната гунна была немного дальше по коридору. Она вошла. Улдин храпел рядом с новой рабыней. Его первая уже должна была скоро родить. (У меня второго ребенка от Данкена не будет, мелькнула у Эриссы мысль, точно летучая мышь, кружащая в сумерках. Ведь родив моего последнего от Дагона, я, кажется, стала бесплодной. Ну да будь по-другому, я бы не сумела сделать здесь то, что сделала, так что мне следует утешиться мыслью о Девкалионе. Или же, когда все это кончится, Рея сжалится надо мной и ниспошлет...) Гунн по-прежнему брил голову, оставляя три длинные пряди, и по-варварски носил серьги. Грубое, испещренное шрамами лицо было безобразно. Но у кого еще искать помощи?

Эрисса потрясла его за плечо. Он мгновенно проснулся, и она, прижав ладонь к его губам, зашептала:

— Я навела на Пенелея Сон и узнала страшное!

Он кивнул и вышел следом за ней раздетый, однако сжимая свой железный меч.

В начале зимы, когда она еще жила одна, тоскуя по Данкenu, ей вспомнилось, как Данкен упомянул, что в будущих веках дарийцы с севера победят афинян, потому что их железное оружие будет дешевым и доступным каждому, полное же бронзовое

вооружение мог себе позволить только знатный человек. И потому позже она спросила Пенелея: «Мудро ли поступят военачальники, если позволят Улдину обучить конных лучников, как он намеревается? Стоит этому новшеству распространиться, и оно обречет на гибель военные колесницы, а с ними и государство, где главенствуют владыки колесниц. Разве не так?» Время от времени, пока он находился во власти Сна, она укрепляла в нем эту мысль.

На первый взгляд могло показаться, что она вбивает лишь маленький клинышек, однако он подействовал. Пенелей рассказал о пришедшей ему мысли Тесею, Диорею и другим, и они в свою очередь задумались. Нет, они не запретили Улдину продолжать обучение всадников, но под разными предложениями перестали оказывать ему содействие, до того как примут окончательное решение. Так что последнее время Улдин сидел без дела и копил злость.

И вот теперь от Пенелея, который принимал его за Диорея, гунн узнал о плане убить его. И не заподозрил, что Эрисса не просто заставила Пенелея открыть этот замысел, но прежде сама внушила воину эту мысль. Пенелею было приказано забыть о ее роли, а знакомство Улдина с искусством шаманов оставалось самым поверхностным.

— Ангх! — пробурчал он, а потом перевел глаза на нее (единственное движение на каменном лице) и спросил:

— Почему ты меня предостерегла?

— Еще я узнала, что они думают напасть на Крит, едва он будет ввергнут в хаос и останется без защиты. Нашим предостережениям не позволили достичь ушей миноса. Это мой народ, и я хочу спасти его! А добраться туда одна я не сумею.

— Да, мне с самого начала это плавание в Тирренском море казалось странным!

— Улдин, подумай еще вот о чем! — воскликнула Эрисса, схватив его за руку. — Тут у них есть причины бояться воинов вроде тебя. Поэтому они тянут время и мешают тебе. Крит, защищенный морем, так не поступит. Наоборот, он будет рад коннице, чтобы поддерживать порядок на материке. И тем более если ты явишься к ним как спаситель.

Он мгновенно принял решение.

— Ну хорошо. Может, ты ошибаешься, но если нет, то мешать было бы глупо. Хотя умирает человек, только когда это назначено богами. — Блеснувшая усмешка сделала его лицо почти красивым. — К тому же плыть по морю мне придется куда ближе.

— Иди готовься, — сказала Эрисса.

Когда гунн ушел, она нагнулась к Пенелею и зашептала:

— Спи сладко, любовь моя. Все сделано, все хорошо. — Кончики ее пальцев, точно крылья бабочки, коснулись его век и закрыли их. — Спи подольше. Забудь, о чем мы говорили. Боги и осторожность равно запрещают, чтобы об этом узнал кто-нибудь еще, кроме твоего господина Диорея. Спи. Проснись освеженным. Меня не ищи. Меня послали с поручением. Спи крепко, Пенелей.

Его дыхание стало еще более ровным. Подчиняясь порыву, неожиданному для нее самой, она поцеловала его, потом начала поспешно собирать одежду, драгоценности, утварь, оружие, а также покрывала, чтобы увязать в них все это.

Вернулся Улдин в своей старой вонючей одежде. Он кивнул на ложе:

— Прикончить его?

— Нет! — Эрисса спохватилась, что ответила слишком громко. — Нет. Тогда они кинутся в погоню за нами много раньше. Следуй за мной!

Дворец и город они покинули без помех. Поскольку в Афинах было полно царских воинов, никто не счел нужным выставить часовых. Почти полный диск луны плыл в небе еще довольно высоко. (Когда так бывало в дни праздника Астерия, кефтиу считали это предзнаменованием особенно удачного года, припомнилось Эриссе. И ощущение, что она — лишь облеченное плотью оружие Рока, не помешало слезам обжечь ее глаза.) Перед ними лежала дорога в Пирей, пустая и серая между осеребренными полями и тенями деревьев с серебряными макушками. Звезд почти не было видно. Прохладный воздух хранил неподвижность. И звук их шагов казался очень громким. Понизив голос, они коротко обсудили, как поступить.

— Пешее хождение! — один раз с отвращением буркнул Улдин.

На пляже, где на песке лежали корабли и ценные грузы, стражники не спали. Улдин позволил Эриссе выбрать подходящую лодку — пятнадцать футов длиной с парусом и мачтой. Достаточно маленькую, чтобы в случае надобности он один мог грести или орудовать кормовым веслом, но и достаточно большую, чтобы доплыть на ней до Атлантиды. Надеялись они отчасти на попутный ветер и всецело — на умение Эриссы определить направление в открытом море.

Улдину пришлось покричать, прежде чем его требование предоставить им лодку с припасами было исполнено, но требовать он умел, а воины все еще считали, что он у царя в большой милости. Эрисса стояла в стороне, неузнаваемая в хитоне и плаще Пенелея. Сочиненная ею история о тайной вести, которую надо

доставить безотлагательно, показалась настолько убедительной, что к Диорею за подтверждением посылать не стали. Ее это не удивило, как и не удивил ровный попутный ветер, который надул их парус, едва они вышли из бухты, Ведь она помнила, что после катастрофы эта самая лодка уносила ее с Дагоном в Трою.

На заре ветер затих. Лодка замерла в почти зеркальном море, простиравшемся темно-синей пеленой к розовеющему востоку. На западе вставали мрачные лесистые горы Арголиды, где в Трезене родился Тесей. Вдали за кормой низкой полосой тянулась Аттика. Кое-где виднелись бело-зеленые острова. Эрисса пошевелила кормовым веслом, ставшим бесполезным, и сбросила плащ, потому что с зарей воздух заметно теплел.

— Лучше перекусить сейчас, — сказала она. — Потом руки у нас будут заняты.

— Или свободны, — проворчал Улдин, сидевший у мачты. — На одной нашей силе мы далеко не уплывем. Когда снова подует ветер?

— Думаю, скоро. А потом нас ждут полуденное затишье, хороший ветер во вторую половину дня и вечером и почти безветренные ночи.

— Анкх! А флот отплывает завтра. Они пойдут на веслах и нагонят нас. И тот, кто первый заметит нашу лодку, наверно, захочет взглянуть на нее поближе.

— Но я же сказала, что мы зайдем за острова, а если понадобится, то и укроемся там. Мы увидим галеру прежде, чем нас с нее заметят.

— Значит, в лучшем случае нам плыть и плыть дни и дни. — Улдин почесал грудь, поймал вошь и раздавил ее между зубами. — И, может быть, встретить смерть в пути.

— Раз мне суждено свидеться с Данкеном, о чем я тебе давно говорила...

— Да только не сказала, что и я с ним свижусь! — Внезапно у нее захолонуло сердце: он вытащил кинжал и наставил острие на нее. — Слушай. Ты вещунья. И думается, плывем мы к твоему любовнику. Так что, сдается мне, ты меня заманила обманом, а то и чарами. И выбросишь, как изношенную пару штанов, чуть только я тебе не буду нужен.

— Нет, Улдин... я...

— Помолчи. Я могу попытать удачу и остаться с тобой или же повернуть и выдать тебя Тесею, чтобы они тебя убили, после того как выпытают все, что тебе известно, и поискать удачу с ним. Что мне выбрать?

Она собралась с духом. Она же знала! И, стиснув кулаки, тяжело дыша, ответила:

— Меня! Ты должен!

— Должен я делать только то, что обязан. А тебе я не обязан ничем. — Брови Улдина чуть разгладились. — Вот чего я хочу. Обменяться с тобой кровной клятвой. Верность до смерти — твоя мне, моя тебе именем всех наших богов, злых духов, предков, скрепленная надеждой на продолжение рода и нашей кровью, которую мы смешаем. Тогда я буду знать, что могу доверять тебе. Я никогда не слышал о такой клятве между мужчиной и женщиной. Но ты особая.

От облегчения ей чуть не стало дурно.

— Ну конечно, Улдин. С радостью.

Он ухмыльнулся:

— Особая-то особая, да не во всем. Не бойся, я не встану между тобой и тем, кого ты ищешь, когда ты его найдешь. Можем и это оговорить в клятве. Но пока мы много дней проведем в лодке вдвоем под угрозой, что в любой из них нас убьют, а времени свободного, вот как сейчас, у нас будет хоть отбавляй. Так сделай меня счастливым.

Она уставилась на него и сказала умоляюще:

— Нет-нет!

— Как хочешь! — Он пожал плечами. — Это цена моей клятвы, ты же за свою тоже запросила цену!

Она попыталась вспомнить юную девушку, которая танцевала с быками и полюбила Бога. Но ничего не вспомнила. Дорога назад была слишком длинной.

«Ну что же, — подумала она. — Олег был прав: куда бы ни вела дорога, идти по ней надо шаг за шагом».

— Будь по-твоему, — сказала она вслух.

Глава 16

С Ридом обходились даже почтительно. Лидра объяснила стражам, что его преследуют видения — ложные и грозящие бедой, как она установила. О них он не должен говорить ни слова, а если попытается, пусть ему сразу заткнут рот кляпом. Но в остальном он должен оставаться в своем покое, и только. Вернувшись, она снимет с него заклятие.

Впрочем, поскольку паломников на острове не осталось, Рид мог свободно ходить по всему крылу, а под охраной — так и прогуливаться по саду. Оттуда он наблюдал, как корабли отплывали в Кносс.

Первой тронулась в путь галера ариадны — белая, широкая, со священными Рогами на носу, Столпом на середине и Двойной Секирой на корме. Он увидел весело толпившихся на

палубе девушек и попытался высмотреть Эриссу — она будет грустной, тихой... Но расстояние оказалось слишком большим для уже немолодых глаз. Затем отчалили два сопровождающих военных корабля, а за ними потянулись корабли и лодки состоятельных атлантидцев, которые могли позволить себе такую поездку. Все они сверкали свежей краской и были украшены флажками. Цветочные гирлянды обвивали перила. Ветер доносил обрывки песен, вплетавшиеся в речитатив старших. На фоне черной горы краски казались особенно яркими.

Рид удивился, не заметив своей галеры с тараном, но тут же сообразил, что Лидра, конечно, нашла повод оставить команду на берегу. Появление такого корабля могло бы вызвать слишком много вопросов, а то и вынудить ахейский флот убраться во-свои.

Так что нас обоих оставили здесь, Дагон, подумал он.

Корабли прошли пролив и скрылись из виду. Это был первый день десятидневного праздника.

На второй день жрицы, оставшиеся в святилище, отправились на лодках в город для свершения обрядов. Рид увидел церемонию освящения рыбацких лодок. Получив благословение, лодки отошли от берега, повернули и вновь направились к берегу, где им был оказан торжественный прием. Примерно в эти же минуты Эрисса должна была высадиться на Крите...

На третий день он увидел, как из города вышла процессия и начала подниматься по склону, а через несколько часов он смотрел, как процессия, извиваясь, возвращается в город с быками, под звуки музыки и с плясками. Страж, расположенный поболтать (из-за Рида он лишился возможности участвовать в празднестве, но ариадна растолковала ему, какую честь и заслугу он приобретает, присматривая за несчастным), объяснил, что это скромное подражание Великому Приглашению быков в Кносс. В эту ночь вулкан устроил фейерверк, страшный и великолепный, но на рассвете затих.

На четвертый день начались игры с быками. Им предстояло продолжаться до конца праздников. На Атлантиде участие в них принимали только девушки — наставницы и те сестры по обряду, которых сочли достаточно подготовленными. В большинстве городов зрелище было довольно скромным. Ведь все лучшие танцоры и танцовщицы Талассократии отправлялись в Кносс. Там в последний день юноши и девушки, признанные лучшими, будут танцевать с лучшим быком, которого минос затем принесет в жертву, и воскресший Астерий сочетается со своей Невестой, дабы породить себя же.

«Заслужит ли Эрисса гирлянду из священных лилий? — подумал Рид и вздрогнул. — Нет. Конец слишком близок. Я погибну вместе с Атлантидой, а она...

Эрисса уцелеет и обретет свободу».

Пятый день он почти весь пролежал на ложе, глядя в потолок и размышляя. «Чего я добился? Ничего. И принес только вред. Олег и Улдин хотя бы обладают практическими знаниями, полезными для этого века. Они сумеют устроить свою жизнь. А я?.. Я допустил, что все решения принимались за меня. Я самодовольно упивался тем, что я сын века науки, и, позволив заморочить себя, рассказал врагам ее народа именно то, что им было нужно знать. Это я повинен в падении Талассократии! Ужасы, которые суждено будет пережить моей Эриссе, исходная их причина — опять-таки я... Моей Эриссе? Я не сумел сделать счастливой мою законную жену. Но, разумеется, меня достало воспользоваться верой и тоской женщины, невинностью девушки! Атлантида, поторопись! Уйди поскорее на дно!»

На шестой день после бессонной ночи он вдруг понял, что пьеса до конца не доиграна. Он и Эрисса — юная Эрисса — еще должны встретиться, и свидетель Бог, который еще только будет сотворен, он в любом случае обязан сделать все, чтобы вернуться домой. Это его долг. Тут он осознал, что долг вовсе не только беспощадные требования, как он всегда считал, но и оружие защиты.

Значит, бежать! Но как? Он завел разговор с Велеем, добродушным стражником. А нельзя ли им все-таки посмотреть танцы с быками и, может быть, поднять ритоны на веселой пирушке?

— Нет, господин, ариадна отдала строгий приказ. Мне очень жаль, господин. Я и сам бы рад. У меня там жена и детишки. И очень грустят, что я не праздную с ними. Младшенькая, небось, плачет, где ее папочка. Ей два с половиной года, господин, а такая миленькая! А уж умница! Вот я тебе расскажу...

Ночью его разбудила Эрисса.

Ему снился сон. Он хотел построить противоатомное убежище, третья мировая война казалась неизбежной, а Атлантида была первоочередной целью, но Памела сказала, что такой расход они себе позволить не могут — необходимо заняться зубами Марка, а кроме того, где они найдут место для всех этих быков, которые ревели и старались забодать ту, чье лицо он не видел, а она вспрыгнула между рогами, которые были из железа и лязгали...

Рид сел на постели. Его глаза застлал черный мрак. Он подумал — воры — и попытался нащупать выключатель. Звуки в

коридоре завершилился глухим ударом об пол. Он был в храме Тройственной Богини, и его судьба свершалась.

— Данкен! — услышал он шепот. — Данкен, где ты?

Он сбросил ноги на холодный пол, ощупью двинулся вперед и ударился о табурет.

— Я здесь, — хрипло отозвался он. Комнаты тут имели настоящие двери. Он отворил свою и увидел дальше по коридору светильник в руке Эриссы.

Она кинулась бегом, и огонек чуть было не погас от быстроты ее движения. Но, остановившись перед ним, она сумела только выговорить «Данкен!» и медленно прикоснулась пальцами к его щеке. Она вся дрожала. На ней была грязная туника и нож у пояса. Волосы заплетены, как у сестер по обряду во время танца. На фоне сумрака вокруг резко выделялись седые пряди в ее волосах — прежняя и новая. Рид заметил, что она похудела. Лицо у нее было обветренным, на лбу и вокруг глаз появились новые морщинки.

Его тоже сотрясала дрожь. Перед глазами все кружилось. Эрисса свободной рукой обвила его шею и притянула голову к себе на грудь. Грудь была теплой и, казалось, благоухала, как у юной девушки, несмотря на резкий запах пота, рожденный физическим напряжением.

— Оденься! — приказала она. — Нам надо уйти, пока сюда кто-нибудь не вошел.

Отпустив его, она обернулась и вскрикнула. В полутьме Рид разглядел Улдина. Гунн скорчился над распростертым телом Велея. Кудри атлантидца слиплись от крови. Гунн ударил его рукоятью сабли по виску, а теперь подsunул колено ему под затылок и занес лезвие над его горлом.

— Нет! — Даже в такой миг Эрисса не забыла поставить светильник на пол, затем на том же движении повернулась, прыгнула и взмахнула ногой. Ее пятка ударила гунна в челюсть и опрокинула на пол. Зарывав, он вскочил на ноги и пригнулся для нападения.

— Нет! — повторила Эрисса, словно борясь с тошнотой. — Мы свяжем его, заткнем ему рот кляпом, спрячем в пустой комнате. Но убийство? Достаточно и того, что мы явились с оружием на Ее остров.

Улдин выпрямился. На миг оба застыли. Рид напряг колени и скользнул к ним, прикидывая, удастся ли ему поднырнуть под лезвие сабли. Но гунн опустил ее.

— Мы... обменялись... клятвой, — прохрипел он.

Поза Эриссы была позой танцовщицы, приготовившейся ускользнуть от рогов. Теперь она тоже выпрямилась.

— Я должна была тебя остановить, — объяснила она. — Я ведь предупредила, что убивать без прямой необходимости не дозволено. А кроме того, мы так только ускорим погоню. нарежь полоски из его набедренной повязки и свяжи его покрепче. Данкен, ты сумеешь найти свою одежду без светильника?

Рид кивнул. Света, падающего в комнату через открытую дверь, будет достаточно. Улдин плюнул на бесчувственного Велея.

— Ладно, — сказал он. — Но помни, Эрисса, ты мне не вождь. Я дал клятву стоять за тебя, и только. — Он усмехнулся им обоим. — А теперь ты заполучила своего Данкена, и я больше не жеребец для твоей кобылы.

Она ахнула. Рид торопливо вернулся в свою комнату. Шаря в полутьме, он облачился в свой критский костюм — сапожки, обмотки, юбочку и шапку, подаренную ему здесь. А поверх них надел ахейскую тунику и плащ.

Вошла Эрисса. Он не сразу заметил в полутьме, что голова ее низко опущена.

— Данкен, — прошептала она. — Я должна была добратсья сюда. Любой ценой.

— Ну конечно! — Они быстро поцеловались, но он подумал: скоро я увижу ее юную!

Когда они вышли в коридор, Улдин волок бесчувственного стража к открытой двери соседней комнаты. Рид остановился как вкопанный.

— Надо спешить, — сказала Эрисса.

— А нельзя нам взять его с собой? — спросил он. Они посмотрели на него с недоумением. — Дело в том... — Он запнулся. — Это хороший человек... и у него есть маленькая дочка... Нет, я понимаю...

Они вышли через боковую дверь на широкую лестницу. Обрамлявшие ее сфинксы смутно белели в лучах низкой луны, которые словно одели инеем спускающиеся к морю сады и дальние вершины. Озаряли они и бухту до подножия горы. На севере сверкала Большая Медведица, и Рид нашел Полярную звезду. Но в эту эпоху она еще не стала путеводной. Теплый воздух был неподвижен и напоен запахами весеннего пробуждения земли. Цвиркали цикады.

Рид легко представил себе, как Эрисса с Улдином проникли во дворец-храм. Охрана не ждала нападения, и на ночь в коридоре оставался один человек следить за комнатой пленника ариадны. Если бы тот попытался бежать, страж сумел бы его задержать, пока из внутреннего здания не подроспела бы подмога. Эрисса попросту открыла боковую незапертую дверь, заглянула

в коридор и подозвала Велея. Она ведь хорошо знала и дворец, и порядки в нем, и нужные слова, чтобы обезоружить подозрения стража. А когда он подошел ближе, из-за ее спины на него выпрыгнул Улдин.

Эрисса задула светильник, который вряд ли принесла с собой. (Наверно, Велей взял его, направляясь к двери, и Эрисса успела выхватить из руки падающего стража светильник, прежде чем он разбился о плиты пола. У многих ли хватило бы сообразительности и быстроты для подобного?)

— Идем, — сказала она теперь. Рид ожидал, что она возьмет его за руку, но Эрисса пошла вперед. Улдин подтолкнул Риду и пошел сзади. По скрытым в смутной тьме дорожкам они спустились к морю — но не к пристани, а к небольшому пляжу, на котором лежала вытасенная на песок лодка.

— Столкни нас, Улдин, — негромко распорядилась Эрисса. — Данкен, ты поможешь мне грести? Он все время хлопает веслами по воде, а нам нужна тишина.

Так, значит, последние сотни ярдов она гребла одна!

Гунн, забираясь на борт, загремел опущенной мачтой, и Рид похолодел. Но никто их не окликнул, всюду царило безмолвие. Островок Богини по-прежнему дремал в священном покое. Весла чуть слышно поскрипывали, чуть слышно плескала вода под лопастями.

— Держи на середину бухты, — сказала Эрисса Улдину, чей черный силуэт вырисовывался на корме.

Когда они подняли весла, чтобы передохнуть под луной возле горы на черном зеркале воды, Эрисса сказала:

— Данкен, всю эту зиму... — Она прижалась к нему, а он подумал... В голове у него вихрем кружили разные мысли... Он заставил себя понять, что она вытерпела ради него, и пробудил в себе всю нежность, на какую был способен.

Объятие длилось недолго. Улдин крикнул, и Эрисса высвободилась из рук Риды.

— Нам надо решить, что делать дальше, — сказала она прерывающимся голосом.

— Д-да. Обменяемся сведениями, — пробормотал Рид. — Что произошло?

Коротко, без обиняков она рассказала ему обо всем, что было, и кончила так:

— Мы причалили у города сегодня. Улдин остался в лодке. Так его сочли рабом-чужеземцем, которому запрещено осквернять священную землю Атлантиды. Не то начались бы расспросы. Я сошла на берег рассказать о бедствиях, которые мы претерпели на море, и купить за браслет приличную одежду. — Рид

вновь напомнил себе, что это был мир без денег — слитки металлов более или менее служили стандартной мерой обмена, но употреблялись они не так уж часто... И слишком поздно подумал, что мог бы испробовать это новшество. — Я видела танцы! — Ему редко доводилось слышать столько страдания в человеческом голосе. Эрисса слотнула и продолжала: — А потом, когда люди вышли праздновать на улицах, узнать, что случилось с тобой, было нетрудно. Вернее, узнать то, что было сообщено им. Ведь рассказ, будто ты ищешь уединения для благочестивых размышлений, мог быть только ложью. Но раз тебя оставили в храме, то находиться ты должен был в комнатах для паломников. Я знала, как пробраться туда, когда все уснут. В лодке я надела старую одежду, чтобы поберечь новую. И вот мы увезли тебя.

— Я бы не сумел, — пробормотал он. — И я был таким дураком, что проболтался. — Он был рад, что луна светит ему в спину и не освещает его лица. Когда он кончил говорить, Эрисса схватила его руку.

— Данкен, так было суждено. Откуда ты мог знать? Это я, я должна была догадаться... предостеречь, найти способ, чтобы мы бежали из Афин, прежде чем...

— Натяни узду! — буркнул Улдин. — А сейчас что нам делать?

— Плыть на Крит, — ответила Эрисса. — Я найду дом моих родителей, где... нам дадут приют. А мой отец пользовался... пользуется доверием во дворце.

По спине Рида пробежала дрожь, у него похолодели кончики пальцев.

— Нет, погодите... — сказал он. Его вдруг озарило. — На этой лодке мы доберемся туда только через несколько дней и с пустыми руками. Но вон там новая галера. И ее команда. Я знаю, где живет каждый. И у них нет причин не доверять мне. Галера будет говорить за нас, а может быть, и сразит Кефт... Поторопимся! — Его весло врезалось в воду. И почти сразу же — весло Эриссы. Она гребла точно в такт с ним. Вскоре у него заныли руки, дыхание стало прерывистым.

— Но храм помешает! — сказала Эрисса.

— Мы должны выйти в море до того, как в храме что-нибудь заподозрят, — пропыхтел Рид. — Дай подумать. — После некоторого молчания он продолжил: — Да, так! Один оповестит двоих, те тоже — и так далее. Они послушаются — во всяком случае придут на пристань. Ну а тот, с кого я начну, последует за нами, куда мы ни скажем, хоть на край света. Дагон...

Он замолчал — весло Эриссы на миг застыло в воздухе, но затем снова погрузилось в воду.

— Дагон! — сказала она. И это было все.

— С чего начнем? — спросил Улдин, и Рид объяснил свой план.

Они привязали лодку рядом с галерой и выбрались на берег. Нигде не было видно ни души. В лунном свете смутно белели дома, улицы были провалами черноты. Завывали собаки. Пробежав вверх по склону, Рид почувствовал, что у него подгибаются ноги, каждый вздох обжигал легкие. Но нельзя допустить, чтобы Эрисса заметила его слабость и... и этот мерзавец Улдин тоже.

— Ну вот! — Весь дрожа, он прислонился к глинобитной стене, стараясь справиться с головокружением. Улдин принялся стучать кулаками в дверь. Время тянулось нескончаемо долго.

Наконец, заскрипев, дверь приотворилась. Служанка сонно мигала, держа в руке светильник. Рид уже успел собраться с силами.

— Поторопись! — воскликнул он. — Мне необходимо увидеть твоего господина. И молодого господина. Сейчас же. Дело идет о жизни и смерти.

Она его узнала, но в страхе попятилась, и он удивился. Что в выражении его лица могло ее напугать? Ведь Эрисса и Улдин стояли чуть в стороне, куда лучи светильника не достигали.

— Да, господин. Сейчас же, господин. Войдите, пожалуйста, а я сбегаю сказать.

Она проводила их в атриум.

— Подождите здесь, господин. И госпожа с другим господином тоже.

Комната была красиво обставлена — в доме ведь жила богатая семья. Одну стену украшала прекрасная фреска с летящими журавлями, у другой перед статуей Богини горела свеча. Эрисса стояла, не двигаясь, Рид расхаживал взад и вперед, а Улдин присел на корточки. Потом Эрисса медленно опустилась на колени перед статуей. Она судорожно сжала руки — даже в мерцающем свете Рид увидел, как побелели ее ногти.

Вошли Дагон и его отец. Эрисса поднялась с колен. Вероятно, только Рид заметил прерывистость ее дыхания и краску, которая прихлынула к ее щекам и тотчас отхлынула. Но она хранила полную неподвижность, лицо ее было непроницаемым. Дагон посмотрел на нее, отвел глаза, снова посмотрел. Между его большими темными глазами под путаницей черных кудрей пролегла морщинка недоумения.

— Достопочтенный Данкен! — Отец Дагона поклонился. — Ты оказываешь честь нашему дому. Но что привело тебя сюда в столь необычный час?

— Причина странная и ужасная, — ответил Рид. — Нынче ночью Богиня прислала этих двоих, и они объяснили мне смысл моих частых снов.

Он импровизировал. Истина потребовала бы больше времени, чем было у них в распоряжении. Эрисса, знатная миноика, проживающая в Микенах, и Улдин, торговец с Понта Эвксинского, были встревожены вещими снами. Они обратились к одному оракулу и получили повеление отправиться на Атлантиду и предостеречь чужеземца, гостящего в храме, что ему должно поверить в свои сны. В доказательство грядущего бедствия им было сказано, что в пути они станут свидетелями человеческого жертвоприношения. Видимо, говорят они, подразумевалась гибель корабля, на котором они плыли, — погибли все, кто был на нем, и спаслись лишь они двое. Ахейский рыбак на острове, куда их вынесло море, отвез их сюда в лодке — что само по себе чудо! — но сказал, что не смеет выйти на священный берег. И когда они съездили за Ридом, рыбак тотчас уплыл.

Мешкать нельзя. Все, кто обладает светской или духовной властью, сейчас в Кноссе. Рид обязан известить их и миноса о предсказании как можно быстрее. Повеления ариадны утратили силу. Пусть на новую галеру погрузят провиант и соберут ее команду, чтобы незамедлительно отправиться в путь. Ибо сон предвещает, что Атлантида скоро погибнет среди огня и бушующих вод.

Пусть жители прервут празднование, пусть выйдут в море на всех кораблях и лодках, пусть ожидают там. Иначе они разделят участь тех моряков, которых разгневанные боги уже низвергли в пучину.

— Я... — Хозяин дома покачал головой. — Не знаю, чему и верить.

— И я не знал, — ответил Рид, — пока Богиня не послала мне этот последний знак.

Он сочинял и убеждал почти машинально, думая совсем о другом. Ведь он твердо знал, что доберется до Кносса, где его ждет юная Эрисса. Но теперь он взял себя в руки. Хозяин и его сын, разбуженная хозяйка дома, младшие дети и слуги, жавшиеся у дверей, обрели реальность: они могли любить, страдать и умереть. Он сказал Дагону:

— Крит тоже будет сильно разрушен. Но ведь ты поможешь мне спасти Эриссу?

— Да, о да! — Юноша бросился к двери бегом. Его остановил голос отца:

— погоди! Дай мне подумать...

— Медлить нельзя, — ответил Дагон, но на мгновение задержался, глядя на Эриссу. — Ты похожа на нее, — сказал он.

— Мы с ней в родстве, — ответила она слабым голосом. — Поторопись!

Отправиться в путь до рассвета галера не могла. Но все равно собрать команду и доставить на борт необходимые припасы раньше не удалось бы. Провизию каждый принес из дома, воду взяли из городских цистерн. Так распорядился Рид, который не рискнул обратиться к начальнику порта. Он и без того обливался потом, пока его мальчишки один за другим прибегали на пристань с факелом в одной руке (луна уже зашла за западный край), ведром или узлом в другой. Узел мог быть зажат под мышкой или вскинут на плечо. Когда они, громко топая, взбегали по сходням, пламя факелов стлалось по ветру, точно хвост кометы. На пристани собирались их близкие — водоворот неясных фигур в сумраке, тревожные голоса, которые становились все тревожнее, едва спрашивающие получали страшный ответ. На шум вышли обитатели ближайших домов. Однако большинство дверей оставалось закрытыми — хорошо посправажив, люди спят крепко.

Некоторые решили уехать немедленно, и немало суденышек отплыли даже раньше галеры. Но родители Дагона остались. Они решили до начала танцев с быками обходить дома, а тогда потребовать, чтобы обо всем объявили глашатаи. Нападение на Велея, когда о нем узнают, не слишком поможет делу, не говоря уж о светских и духовных властях, раздраженных тем, что все произошло у них за спиной. Но, может быть, пример ста с лишним горожан, которые уже доверились морю, окажется сильнее, чем... Может быть... может быть...

«Мы сделали здесь все, что было в наших силах, — думал Рид. — Будем предупреждать и в других местах. Нам предстоит проплыть шестьдесят миль, а скорость наша три-четыре узла. Афинская лодка, которую мы тащим на буксире, немного ее снижает, но это неважно, так как в любом случае мы доберемся туда ночью и должны будем ждать до утра».

Восток заметно побледнел. Корабельная команда отвязала канаты, и все заняли свои места.

Перед глазами Рида продолжали стоять родители Дагона — они махали им вслед, держась за руки; но тут он подумал: через сутки я увижу Эриссу!

Она подошла к нему, когда солнце уже поднялось высоко. Их окружало сияющее голубое утро — безоблачный небесный свод вверху, а внизу зыбкие сапфиры, лазурь, аметисты и бирюза среди белого кружева пены. Попутный ветер чуть накренил галеру, доски настила прогибались, как спина лошади, мчащейся галопом. Шипели волны у носа, поскрипывали и свистели снасти. Надутый спинакер заслонял солнце, но повсюду вокруг него яркие лучи высекали искры, мерцали и размягчали смолу, наполняя воздух ее терпким запахом. Два дельфина кружили рядом с галерой, словно играя с ней в салочки. Узкое обтекаемое тело устремлялось прямо на нее, а когда столкновение уже казалось неизбежным, дельфин уворачивался, изящно, точно танцуя с быком. Над мачтами хрипло перекликались чайки.

Впереди смутная дымка обозначала Крит. За кормой на горизонте треугольным пятном темнел конус горы Столпа — последний привет Атлантиды.

— Данкен!

Он обернулся. Как и он, она надела критский костюм. Ее волосы колыхались на ветру, который охлаждал его обнаженную грудь. Внезапно гребцы, отдыхающие на скамьях внизу, рулевой и два дозорных на мачтах отодвинулись в неизмеримую даль.

— Можно я постою тут с тобой? — спросила она.

— Эрисса, о боги! — Он притянул ее к себе. Они не поцеловались, но она положила голову ему на плечо.

— Я так по тебе тосковала! — прошептала она.

Ему нечего было ответить.

Она опустила руки и встала рядом с ним у перил.

— Страшно снова плыть на этом корабле, — сказала она. — После стольких лет! И не знаю, призрак ли это или я сама!

— На Кноссе тебе будет трудно, — сказал он.

— Да. Отец с матерью, наш дом, слуги... У нас была ручная обезьянка Баловник. Это я ее назвала... Но так суждено. И мне будет дано вновь свидеться с моими умершими. Не в-в-зыскана ли я милостью судьбы? — Она вытерла глаза.

— И свидеться с самой собой, — сказал он.

— Да... — Она обеими руками схватила его за плечо и прильнула к нему. — Данкен, согласишься ли... Способен ли ты вообразить, что я ревную? Я страшилась, как ты помотришь на меня, меня старую... Но ночью бодрствовать в доме моего отца, зная, что теперь, именно теперь я переживаю самые счастливые часы в моей жизни...

Гора развалилась.

Глава 17

Рида оповестил об этом вопль дозорного. Он резко повернул голову. Конус уже не торчал из моря. На его месте стремительно разрасталась жуткая стена ночи.

Секунду спустя их настигла первая взрывная волна. Невидимый кулак ударил в тело Рида и опрокинул на палубу. Галера качнулась, нос зарылся в воде, и через борт хлынул бешеный каскад. Рев был таким чудовищным, что из простого звука превратился в целую Вселенную, которая оказалась чудовищным молотом.

Галера выпрямилась, но продолжала качаться. А чернота все росла и уже заполонила половину небосвода. Несколько минут солнце светило тускло-красным светом, потом исчезло вовсе. Черноту прорезали зигзаги гигантских молний или целые их полотнища, отливающие свинцовой синевой. Раскаты грома сливались с агонизирующим ревом Атлантиды.

Рид заметил в небе раскаленную глыбу больше галеры, которая стремительно падала вниз. Одной рукой он вцепился в перила, другой схватил Эриссу. Глыба рухнула в море в полумиле от них. В неизмеримую высоту взметнулся огромный столб воды. Белый на фоне черной мглы, озаренный молнией, он рассыпался брызгами и рухнул вниз. Поднявшийся ветер разметывал стеклянные его осколки. Он рухнул, и море закипело. Рид увидел устремившуюся на них волну. Выше их мачт, с белым оскалом гребня, она обладала собственным голосом, словно рокотал товарный поезд. Он крикнул:

— Поверни ее носом. Навстречу! Не то конец!

Рев, грохот, гул, вой, свист поглотили его голос и выплюнули назад. В секунду сумасшедшей растерянности он сообразил, что кричал по-английски.

Но рулевой понял. Он навалился на румпель, и галера, раскачиваясь, отяжелевшая от залившей ее воды, все-таки успела повернуться вовремя. Но едва-едва. Вода бешеным потоком обрушилась на нее. Ослепленный, оглушенный, Рид судорожно стискивал пальцы, пока волна перекатывалась через него. Если нас не смоеет, подумал он, мы захлебнемся прямо тут. Я задыхаюсь, ребра вот-вот треснут! Галера накренилась то вправо, то влево. Среди поломанных скамей лежала опрокинутая мачта. Следующая волна опрокинула вторую мачту.

Всюду вокруг сыпались раскаленные камни, и над морем поднимались струи пара. Один такой камень упал на палубу и покатился по ней, подпрыгивая, оставляя обугленные метки там, где соприкасался с досками. Юноша у румпеля отчаянно

закричал. Услышать его было невозможно, но молния вырвала его из тьмы — открытый рот, растянутые веки, руки, вскинутые не то с мольбой, не то в попытке защититься. И тут камень накатился на него. Он был раздавлен, и следующая волна омыла то место, где он стоял.

Дозорные тоже исчезли. Рид разжал руки и пополз на корму. Кто-то должен был встать у руля. Эрисса прыгнула к гребцам, которые застыли в ожидании. Он увидел, как она по пояс в воде била и царапала их, заставляя взяться за весла и за ведра, чтобы вычерпывать воду. Но ему некогда было смотреть по сторонам: румпель противился его усилиям, как взбесившийся конь.

Снова вулканический взрыв потряс воздух. И опять. И опять. Он был слишком оглушен, чтобы считать их или хотя бы думать о чем-либо, кроме того, что он должен держать нос навстречу волнам. Двое матросов выбрались на палубу с топорами и убрали обломки мачт. Заработали весла, и у галеры появились шансы уцелеть, которые увеличивались по мере того, как из нее вычерпывали воду и она обретала все большую маневренность.

Под черным небом вздымались черные волны, отливая медью при вспышках молний, когда каждая капля над гребнями словно застывала в полете. Удар грома на миг перекрывал нескончаемый рев, вой и свист, и возвращалась непроницаемая мгла. В воздухе стоял запах серы и ядовитых паров.

С неба посыпался пепел, и хлынул дождь. Гонимые ветром струи жалили, как стрелы, — и это была не чистая вода, а колючая жидкая грязь. Новый грохот и drobный треск возвестили о еще одном взрыве, но на этот раз они уступали громкостью реву бури.

К нему подошла Эрисса, подтянувшись на палубу, потому что все трапы были сломаны. Рид заметил ее, только когда она встала рядом с ним — сквозь грязный кислый дождь он не видел почти ничего. Нос был скрыт тьмой, и он управлял галерой, полагаясь на инстинкт и на те молнии, которые на миг разрывали эту тьму и оглушали его раскатами грома. Эрисса потеряла юбку, сбросила сандалии, и ее наготу прикрывали только волосы и облепивший ее пепел. Она положила ладонь на его руку, сжимавшую румпель, и почти прижала губы к его уху, но он лишь с трудом расслышал ее слова:

— Позволь, я помогу тебе.

— Спасибо! — Физически он в помощи не нуждался. Галера слушалась руля, а ветер и волны едва ли могли стать опаснее.

Но ему стало легче оттого, что она здесь с ним — здесь, на качающейся, захлестываемой дождем палубе.

Бу-ум! Он увидел белый освещенный молнией профиль Эриссы на фоне страшного неба. Она взглянула на него и посмотрела в сторону носа, словно думала только о том, как им плыть дальше. Снова все почернело, выл ветер, гремели волны, гром грохотал, словно колеса ахейской боевой колесницы.

Крит возник внезапно. Над бешеным кипением волн вдруг встали береговые обрывы. Рид навалился на румпель. Эрисса добавила свои усилия к его — снова румпель не поддавался и вырывался, превращая галеру в игрушку грозных течений.

— Так скоро! Не может быть! — воскликнула Эрисса. Голос ее терялся в реве, вое и шипении черного дождя.

— Нас несло цунами, — ответил он, не надеясь, что она расслышит. А, неважно! Необходимо было одно: отвернуть от этого берега. Бешеные потоки, которые уже исполосовали обрывы, унося с собой целые деревушки и их обитателей, теперь старались выбросить его корабль на рифы. Вновь вспыхнула молния, и Рид увидел вынесенную высоко на берег военную галеру, от которой успел остаться только остов.

Атлантида погрузилась в морскую пучину. Рид вдруг подумал о дочке Велея с грустной надеждой, что девочка погибла сразу же, даже не успев позвать отца. Морская империя миноса была сокрушена. Тесей и его разбойники, наверно, уже захватили разрушенный землетрясением Кносс. В тумане усталости и ноющей боли Рид с недоумением спросил себя: а ради чего продолжать борьбу?

Да ради того, что заставило бороться Эриссу, теперь дважды потерявшую свой народ. А может, просто из гордости, мелькнуло в его измученном мозгу: презреть манящий соблазн смерти и вети бой после Рагнарека*.

И они отвернули от грозных бурунов. Оставив Эриссу у румпеля, Рид спустился с палубы проверить свою команду. Кроме юноши, раздавленного раскаленным камнем, еще восьмерых смыло за борт. Несколько человек валялись без сознания между скамьями. Остальные гребли или отливали воду, как автоматы, глядя перед собой пустыми безнадежными глазами. Улдин скорчился у борта, укрыв лицо руками от сверкающих молний. Когда Рид потряс гунна за плечо, того стошнило.

* В скандинавской мифологии — гибель богов в последней битве, когда солнце почернеет и будет трястись земля.

Ну что же, тупо подумал Рид, отойдем на безопасное расстояние в море, соорудим плавучий якорь из паруса и реев, если буксируемой лодки окажется мало, и отдохнем. «Уснуть — и видеть сны»*... Но какие?

Дым все еще чернил небо, но за ним склонялся к западу шар солнца цвета запекшейся крови. Крит маячил бесформенной туманной громадой на буро-сером краю видимости. Ветер стих, дождь кончился, воздух давил густотой и смрадом. Волны шлепали галеру, раскачивали ее и катились дальше. Вода была темной и почти вязкой от пепла.

На севере, где прежде была Атлантида, вздымалась кошмарная чернота. Молнии чертили на ней магические, тут же гаснущие знаки, но гром доносился сюда, как глухой непрерывный ропот.

Они все собрались на палубе: сорок один минойский юноша — нагие или в лохмотьях, скорчившиеся на коленях, чумазые, в кровоточащих царапинах, оставленных камнепадом, опустошенные не утомлением (несколько часов отдыха вернули силы молодым телам), а тем, что их Атлантида исчезла. Улдин сидел среди них на корточках. Он вздрагивал от каждой дальней зарницы и рокота, но лицо в шрамах хранило угрюмое упрямство. Перед ними в мокрых ахейских туниках стояли Рид и Эрисса.

Американец принуждал себя говорить:

— Нам было дано предвидеть гибель вашего родного острова и захват Кефта варварами. Мы пытались предупредить ваших близких и миноса, но потерпели полную неудачу — разве что лодки и корабли, вышедшие в море вместе с нами, все-таки уцелели. Так что нам делать теперь?

— А что нам осталось? — всхлипнув, спросил кто-то из юношей.

— Жизнь! — ответила Эрисса.

— Мы могли бы вернуться в Афины, — сказал Улдин. — Как бы то ни было...

Дагон вскочил и ударил его по губам. Улдин с ругательством выпрямился и обнажил саблю. В руках юношей засверкали ножи. Эрисса прыгнула к Улдину и повисла на его правой руке.

— Остановись! — закричала она. — Кровное братство!

— Не с ним! — процедил гунн сквозь зубы. Дагон приготовился к нападению, сжимая в кулаке нож.

* Фраза из монолога Гамлета в трагедии У. Шекспира «Гамлет».

— Нет, с ним! — презрительно возразила Эрисса. — Он греб, пока ты корчился и визжал, точно евнух.

Она отпустила его руку. Улдин словно сразу замкнулся в себе. Он, пошатываясь, отошел, опустил на корточки и больше не произнес ни слова.

Эрисса вернулась к Риду. В тусклом красноватом свете он увидел, что ноздри ее раздуваются. Она гордо откинула голову.

— Ты... ты не должна была, — пробормотал он. — Но я как всегда не успел.

Эрисса повернулась к гребцам.

— Не сдавайтесь! — сказала она. — Повсюду в этих водах на островах есть наши колонии. Им пришлось тяжело, но многие уцелели. Если мы больше не управляем морями, то можем управлять собственной жизнью, пока она длится. Мы найдем место — по-моему, для этого лучше всего подойдет Родос, — где сможем начать заново. Во имя Богини.

— Дряни, которая предала нас? — проворчал плачущий юноша.

Дагон осенил себя священным знаменем и крикнул:

— Замолчи! Или тебе мало было Ее гнева?

— А что она может сделать хуже того, что сделала? — отозвался тот.

— По закону, — сказала Эрисса им всем, — люди должны отчитываться в своих поступках перед богами, но не боги перед людьми. Я не говорю, что это справедливо. Но сделать ничего нельзя. Лабиринт пал, и я не покину Богиню в час ее нужды.

Дагон отошел к борту и уставился сквозь мглу на Крит.

— Ну, так поплывем к Родосу, — сказал он. — Но прежде... там ведь твоя тетка, Эрисса...

Она кивнула:

— Там много дорогих нашему сердцу, а у нас тут много провизии и места. Как по-вашему, не попробовать ли нам спасти кого-нибудь?

— Столько, сколько сумеем, — ответил Дагон, и даже в этом тусклом свете Рид разглядел, как он покраснел. — Но раньше всех — девушку Эриссу.

Она положила руку ему на плечо и долго всматривалась в его лицо.

— Это сказал Дагон, — произнесла она с каким-то удивлением.

— Ты... — Рид переступил с ноги на ногу. — Т-т-ты думаешь, мы можем высадить на берег отряд? — проговорил он, заикаясь.

— Да, — ответила она с холодным спокойствием, отличавшим ее все последние часы. — Этот мыс мне знаком — мы

можем добраться до гавани Кносса еще до вечера. Что бы сейчас ни делал Тесей, что бы он уже ни сделал, в городе, конечно, еще царит хаос. Вооруженные решительные люди проложат себе путь. — Большие устремленные на него глаза были того же прозрачного зеленоватого цвета, какой вновь зимой обретет море. — Ты знаешь, что так и будет.

Он кивнул. «Проиграть я могу, — мелькнула у него мысль, — только после того как вновь найду девушку, чей образ танцует среди этих похоронных туч. А потом... что же, потом нам уже не будет известно, чего нам ждать впереди».

Но он отвел Эриссу-женщину в сторону и зашептал:

— Ты в этом году не помнишь никого на Родосе, кто мог быть тобой?

— Нет, — ответила она.

— Но в таком случае?

— В таком случае живой я туда, наверно, не доберусь, — ответила она спокойно. — Или случится что-то еще. Ведь уже случилось что-то еще — во всяком случае тот Кносс, где, как я помнила, мы были с тобой вместе, больше нас не ожидает. Но неважно. Сделаем, что сможем, сначала для девушки... — Эрисса замолчала. — Странно думать, что сейчас я мучаюсь и мне нужна помощь. — Она глубоко вздохнула. — Сначала сделаем, что сможем, для нее и всех, кого найдем. А потом мы... ты и я... Как знать? Вдруг мы будем счастливы? Или сумеем терпеть...

Глава 18

От гавани мало что осталось: фундаменты зданий, обломки кораблей, изуродованные трупы, расшвырянные грузы, залитые грязью улицы. Пыль серой пеленой запылила все недавно яркие стены. Солнце еле пробивалось сквозь мглу над высотами, где прежде стоял Кносс. Там клубился дым. Город горел.

Рид и Эрисса взяли с собой только шесть человек. Лишенной мачт галере были необходимы гребцы. Так к чему рисковать их жизнью на берегу? К тому же отряд побольше привлечет к себе внимание, а по своей малочисленности все равно не сумеет отразить нападение. Кроме Дагона и Улдина с ними были Ашкель, Тилиссон, Харай и Ризон. Полный набор доспехов они взять на борт не успели и теперь должны были обойтись нагрудниками. Оружие исчерпывалось мечами, ножами и парой коротких копий. Одно из них судорожно сжимал Рид — он знал, что меч и нож у него в руке будут и вовсе бесполезны.

Они причалили к свае, оставшейся от пристани, и кое-как перебрались через груды обломков. Отхлынувшие волны напители землю водой, и на берегу они по лодыжки проваливались в липкую грязь, громко хлопавшую под их сандалиями. В воздухе стояла густая пыль, забиваясь в ноздри и в рот. Пот, вызванный неестественно жаркой духотой, промывал канавки в налипшей на кожу грязи.

Вокруг было полное безлюдье. На следующий день Тесей; несомненно, придет сюда своих людей встретить ахейский флот. Но пока он, конечно, занят тем, чтобы навести в Кноссе хоть какой-то порядок.

— Он утвердился там, — сказала Эрисса. — Захватил Лабиринт и своей рукой убил миноса, нашего доброго старого миноса. Его воины всю ночь рыскали по городу, расправляясь с жителями, забирая многих для продажи в рабство. Назавтра он соберет своих сторонников среди обитателей острова и принесет в жертву быка для доказательства, что царь теперь он. Ариадна будет стоять рядом с ним. Так мне рассказывали много лет спустя люди, которые видели все это своими глазами. Сейчас эти сведения могут нам помочь.

— Да ладно! — буркнул Улдин. — Разве могло быть иначе? А не встречаться с его дозорами мы бы все равно постарались.

— Но если такой дозор встретится с нами, тем хуже для него, — проворчал Дагон.

— Сначала мы пойдем в твой дом, — сказал Рид Эриссе. — Заберем девушку и всех, кого найдем там. От них мы, наверно, узнаем поточнее, что происходит. А на обратном пути постараемся спасти и других.

«Только это нам по силам, — подумал он. — Подобрать тех или иных людей. Но как же так? Она говорила, что мы с ней... в доме ее отца в Кноссе, где еще царил мир... Так где же мы с ней?.. Как? Когда? Или время все-таки подвержено изменениям?

Уж лучше нет. Не то нас могут обнаружить и убить теперь же. Я бы ни за что не рискнул на эту вылазку, если бы не был уверен, что нам суждено спасти танцовщицу, а потом потерять ее».

Он посмотрел на Эриссу. В меркнувшем свете ее фигура четко рисовалась на фоне полуобвалившейся стены. Она шла легко и упруго, словно навстречу быку. В ее медальном профиле ему почудилась безмятежность. Он подумал: она дерзнет!

Две-три мили дорога круто уходила вверх. Сюда цунами не достигли, и почти все платаны по ее сторонам уцелели, хотя некоторые были вывернуты с корнями и повсюду валялись обло-

манные сучья. За платанами по обеим сторонам прежде стояли хижины земледельцев и загородные дома богатых людей, но теперь все они лежали в развалинах. Тоскливо мычала корова — звала теленка? Кроме нее Рид нигде не видел ни единого живого существа. Впрочем, уже смеркалось и рассмотреть что-либо чуть дальше от дороги было трудно.

Однако Кносс он увидел издалека — рыжие и багряные отблески ложились на тучи, возвещая гибель столицы. А затем они увидели языки пламени — во многих местах над черными изломами развалин. Когда проваливалась крыша, взметывались вихри искр — словно над кратером вулкана. Маленький отряд Рида шел туда, и рев огня становился все слышнее, едкая вонь дыма все сильнее.

Кносс не был укреплен. К чему береговые крепости подданным царя морей? А там, где полагалось быть городским воротам, дорога просто разветвлялась на несколько улиц. Столица была сходна с городом на Атлантиде, лишь заметно превосходя ее размерами. Эрисса указала острием копья на одну из улиц.

— Сюда, — сказала она.

Уже сомкнулся ночной мрак. Рид пробирался среди пляски теней, спотыкаясь об обломки, а иногда ощущая под ногой труп, укрытый темнотой. Сквозь треск огня иногда доносились пронзительные вопли. Он вглядывался в клубы дыма, но никого не увидел, если не считать женщины, которая сидела, раскачиваясь, на пороге дома. Она не отозвалась на его взгляд и продолжала смотреть прямо перед собой. Мужчина, лежавший рядом с ней, был убит мечом. Не замечала она и оседавшие на нее сажу и пыль.

Внезапно Дагон остановился.

— Быстрей! Сюда! — прошипел он, и секунду спустя они услышали то, что его юный слух уловил раньше, — тяжелые шаги, лязг металла. Пригнувшись в глубокой тени боковой улочки, они смотрели, как мимо проходит ахейский дозор. Только двое были в полном вооружении — колышущиеся плюмажи, сверкающие шлемы, ниспадающие с плеч плащи, нагрудники, щиты. Видимо, все это привезли на Крит тайно. Остальные семеро в обычной одежде были вооружены кто чем — мечами, короткими копьями, топорами, а кто-то держал пращу. Двое были критянами.

— Клянусь Астерием! Эти... предатели! — Меч Ашкеля угрожающе блеснул. Двое его товарищей с трудом помешали ему ринуться в бой. Дозор скрылся за углом.

— Наверно, больше нам они не встретятся, — сказала Эрисса. — У Тесея мало воинов. Все горе в том, что у нас не осталось никого сразиться с ними. Военачальники, которые

могли бы собрать воинов, конечно, были сразу же застигнуты врасплох и убиты. А простые воины без начальников способны только убежать! — Она пошла дальше.

Вновь им пришлось смотреть на мертвецов и окаменевших от горя женщин. Раненые хрипло молили о помощи, и самым тяжким было проходить мимо, не отзываясь. Или самым тяжким было замечать убегающие тени — кноссцы считали их тоже грабителями, насильниками, охотниками за рабами...

Они вышли на площадь, и Эрисса остановилась.

— Вот мой дом! — В первый раз ее голос дрогнул.

Здания вокруг пострадали относительно мало. В дрожащем свете отдаленного пожара видны были трещины на фасадах, сорванные двери, стенная роспись, покрытая сажей и пылью, но стены выстояли, кровли не провалились. Рид с трудом разглядел, что стену дома, на который указывала Эрисса, украшала картина, изображавшая танец с быками на лугу среди лилий.

Эрисса схватила его за руку, и они пошли через площадь.

Внутри дома чернела ночь. Постучав тупым концом копья, заглянув внутрь в пустоту опустошения, Рид сказал медленно:

— Боюсь, тут никого нет. Дом, видимо, ограбили. Наверно, его обитатели бежали.

— Куда? — хрипло спросил Дагон.

— Я могу вам ответить, друзья, я могу вам ответить, — донеслось из глубины дома. — Погодите, я сейчас вам расскажу. Разделенное горе легче переносить.

Шаркая, к дверному проему приблизился морщинистый старик, он мигал подслеповатыми глазами. Эрисса ахнула:

— Балан!

— Да-да... А ты знаешь Балана? — спросил он. — Старого Балана, такого дряхлого, что его не стоило уводить для продажи... А хозяйева-то отпустили его на покой, потому что он верно служил доброму господину долгие-долгие годы. Вот так-то. Дети прибежали ко мне, чтобы я им сказки сказывал... Никого не оставили, никого...

Эрисса уронила копье и обняла старика.

— Балан, милый ты мой! — произнесла она невнятно. — Помнишь Эриссу?

— Помню, как не помнить. И не забуду до конца моих дней, сколько их там ни осталось. Надеюсь только, что он будет с ней добр. Она ведь может его приворожить, знаешь ли. Ее же все любили. Только не знаю... нет, не знаю... Те, что пришли за ней, говорили что-то про него и про ариадну.

— За кем? — вскрикнул Дагон.

— Так за Эриссой же. Чуть земля кончила трястись, еще тьма стояла и ветры выли. Она рассказывала про человека, ко-

торого встретила на Атлантиде. Просто руки можно было греть у ее счастья... А тут землетрясение... а отец ее недужил, знаешь ли. Грудь у него болела. Совсем ослабел. И не мог идти. Ну, она и осталась с ним. А тут они выбили дверь и вошли. Их за ней прислали. Тесею, говорят, требуется Эрисса. А им требовались дорогие вещи и рабы. И они всего набрали, когда связали мою маленькую Эриссу, а она-то думала получить в награду гирлянду и сыграть свадьбу с чужеземцем, которого полюбила. Вот старого Балана они не увезли. И его господина тоже. Господин умер, сразу умер, чуть эти ахейцы ворвались в опочивальню и схватили госпожу... Сказали, что много за нее не получишь, но молоть зерно она еще может и не один год. Вот господин и умер. Лежит там. Я его обрядил, как положено. А теперь жду, чтобы пойти за ним. Я бы пошел с остальными, упрашивал воинов, чтобы меня с ними не разлучали, а они только хохотали. Вот и осталось бедняге Балану сидеть рядом с господином, дожидаясь своего часа...

Эрисса потрясла его за плечи.

— Куда их увели? — крикнула она.

— А? А? — Старик прищурился. — А ты на нее похожа. Да-да, — прошамкал он. — Но ты с ними не в родстве, верно? Я же всю их родню знал, всех до единого. Каждого двоюродного, каждого племянника, каждого младенчика по всей Талассократии. Когда они приезжали сюда гостить, уж непременно старику Балану все новости рассказывали, а я ничего не позабывал... Их заперли где-нибудь с другими пленными и охрану поставили. Боюсь, вам их не выручить.

— И Эриссу? — воскликнул Рид. — Ее тоже?

— Да нет же, нет! Или я вам не сказал? С ней по-другому вышло. Тесей, наш завоеватель... то есть царь Тесей, потребовал ее для себя. Он сразу послал за ней воинов, чтобы она не успела убежать. Они говорили, что проложили дорогу к нашему дому мечами. И были все в крови. Вот как торопились! А почему, не знаю. Всех остальных братьев, сестер, малолеток, слуг они забрали заодно с остальной добычей. Но приходили они за Эриссой. Так она, наверно, в Лабиринте. А теперь можно я вернусь к господину?

Гора Юктас, где был погребен Астерий, где в пещере Лидру посетило видение, черным горбом вырисовывалась на фоне туч. Они направлялись ко дворцу сверху — путь наиболее безопасный, — и Рид рассматривал озаренные пожаром ниже по склону циклопические стены, высокие колонны, широкие лестницы, занимающие огромную площадь, величественные даже в

полуразрушенном виде. Во внутренних дворах кое-где рдели сторожевые костры.

— Мы с ума посходили, — проворчал Улдин. — Сами лезем в волчье логово, в норы, где проплутаем без толку до зари.

— Кровное братство! — ответила Эрисса. Балан отказался отправиться на галеру, и с той минуты она словно надела личину. Двигалась она с той же стремительной гибкостью, но ее лицо и голос вполне могли принадлежать медному великану Талосу, который, если верить легендам, некогда охранял Крит. — Я хорошо помню эти залы и переходы. И находить там дорогу нам будет легче, чем нашим врагам.

— Ради одной дуры, девчонки...

— Вернись на корабль, если боишься, — презрительно бросил Дагон.

— Да нет, я пойду с вами.

— Если она почему-то важна для Тесея, значит, не менее важна она и для нас, — заметил Тилиссон. — Ну и, может быть, мы сумеем убить парочку-другую ахейцев.

Они продолжали осторожно пробираться вниз по склону. Рид шел впереди с Эриссой. Он видел ее только как тень, как путеводный силуэт, но, наклоняясь поближе, касаясь туники из грубой шерсти, улавливая ее аромат среди дымного смрада, думал: она здесь. Она существует. Она не та девушка, которой была, но она та женщина, которой стала та девушка.

— Предстоит ли нам идти дальше? — шепнул он.

— Мы дошли до конца.

— Да? И именно так, как сейчас?

— Да. Я знаю теперь, что на самом деле произошло в эту ночь. Если мы не исполним своего долга, так, возможно, я больше не встречу тебя, Данкен. Возможно, у нас так и не будет тех минут, которые уже были нашими.

— Ну а опасность, которой мы подвергаем наших друзей?

— Они здесь во имя своего народа. Час этот не принадлежит только тебе и мне. Тилиссон сказал правду. Подумай сам! Зачем Тесей приказал разыскать эту девушку во что бы то ни стало? Потому что в ней тайна: ей суждено вернуться к самой себе. Он... и, наверно, Лидра... не может допустить, чтобы враг, обладающий неведомой Силой, остался на свободе. Но, захватив ее, они постараются, чтобы она послужила их целям, верно? А она ведь юная слабая девушка, Данкен, и может подчиниться их воле. Свободных кефтиу на малых островах можно покорить. Но если избранница Богини ускользнет от него, Тесей устрашится. Он удержит свою руку, удовольствуется объединением Аттики, а Эгейское море оставит в покое. — На миг в ней заговорило злорадство: — Да, он так оробеет, что не посмеет

обратить веру в Богиню на пользу себе, как вознамерился. И бросит ариадну там, где она никому не сможет вредить.

— Ш-ш-ш! — предостерегающе шепнул Улдин.

По садовым дорожкам они пробирались ползком. За кустами Рид увидел ближайший костер. Он отбрасывал свет на плиты двора, на упавшую колонну и на ряд огромных глиняных сосудов для хранения зерна вдоль стены. У костра сидели двое ахейцев и пили. Царский раб то и дело подбегал наполнить их чаши. Для него мало что изменилось. Третий ахеец, видимо, нес сторожевую службу — он был в полном вооружении и стоял. Огненные блики играли на бронзе его доспехов. Он хохотал и перекидывался шутками со своими товарищами. Рид расслышал слова:

— ...завтра или послезавтра придут корабли с подкреплениями, вот тогда и займемся розысками по-настоящему. Глядишь, Гиппомен, ты найдешь девчонку, которая от тебя сбежала...

В углу двора американец заметил двух спящих. Он прокрался совсем близко от них и увидел, что это критяне. Праздничные венки на их лбах увяли, осенняя остекленевшие глаза и глубокие раны на горле. Кровь их, прежде чем свернуться, успела разлиться большой лужей.

Прижимаясь к стене, Эрисса провела их к неохраняемому боковому входу. В коридоре было темно, как в могиле. Но вскоре они свернули в поперечный проход, где на порядочном расстоянии друг от друга горели светильники. От двери к двери на стенах радовались жизни быки, дельфины, пчелы, чайки, цветы, юноши, девушки — ну, словом, все, кому и чему доступна эта радость. Эрисса кивнула:

— Я так и думала! Уж ариадна позаботилась проложить нить света, чтобы враги не заплутались в парадных коридорах!

Тени вздымались и съеживались, точно насмешливые демоны, но воздух здесь был прохладный и живительно свежий. Они направились в ту часть дворца, где, по мнению Эриссы, скорее всего могли найти предмет своих поисков. Какое движение, какая суэта, должно быть, царили в этих коридорах и помещениях всего день назад!

Из-за угла донесся голос, хлестнувший Рида, как удар хлыста. Тесей!

— Ну, дело сделано. Я не знал, смогу ли.

И Лидра:

— Но я ведь сказала, что мое присутствие укрепит тебя.

— Да. Я все время слышал твои молитвы. Но дозволено ли было испытывать наслаждение? А я испытывал. Куда большее, чем ожидал.

— Но впредь ты не станешь, ведь так? У тебя есть я!

— Ну довольно.

Рид рискнул заглянуть за угол. Десятках в двух шагах от угла у двери стояли два воина в доспехах, упираясь копьями в пол. Их щиты и мечи у пояса блестели в лучах светильника. По коридору удалялись Тесей с ариадной. Царевич был только в тунике, на боку покачивался меч. Его золотая грива, казалось, блестела ярче бронзы, и шел он походкой человека, завоевавшего больше, чем просто царство. Ариадна в одеянии критской жрицы цеплялась за его руку.

«Что происходит?» — подумал Рид с ледяным спокойствием.

— Быстрее! Убьем их! — шепнул Ашкель.

— Нет. Это сам Тесей, — ответила Эрисса. — И, значит, на его зов сразу сбегутся воины.

— Погибнуть, убивая Тесея... — Ризон поднял меч.

— Остановись. Мы здесь, чтобы спасти девушку! — напомнил Дагон. — Подождем, чтобы он со своими воинами ушел подальше.

Они замерли. И каждому казалось, что остальные слышат, как стучит его сердце.

— Идем! — приказала Эрисса.

Рид первым выбежал из-за угла. Ахеец охнул и метнул копье. Оно вонзилось Хараю в живот. Кровь забила фонтаном. Юноша упал, стараясь сдержать крик боли.

Рид взглянул на безбородое сереющее лицо и подумал (все происходило в каком-то замедленном темпе, и времени подумать хватало): кажется, рассечена артерия. Так лучше. Во всяком случае он избежал мучительной смерти от перитонита.

Второй ахеец выставил копье. Рид взмахнул своим, точно дубинкой, стараясь отбить нацеленный на него наконечник. Дерево стукнуло о дерево. Эрисса вцепилась в древко и повисла на нем. Ахеец выпустил копье и выхватил меч. Тилиссон метнулся к нему. Легким движением щита ахеец отклонил критское лезвие, а сам нанес удар сверху. Тилиссон отшатнулся, прижав к груди расплоскованную руку.

— Сюда! На помощь! На помощь! — кричали оба ахейца.

Улдин бросился к одному. Рассекая воздух, свистнула его сабля. Бронзовый меч промахивался — гунн прыгал из стороны в сторону, испуская пронзительный боевой клич, раздиравший уши. Подскочил Ризон и, обхватив щит обеими руками, оттянул его вниз. Улдин захохотал и взмахнул саблей. Голова ахейца покатилась по полу. И замерла, уставившись на собственное туловище. Длинные волосы сразу пропитались кровью. Наверно, в Афинах какая-то женщина, какие-то дети будут его оплакивать.

Дагон дрался со вторым ахейцем. Теперь к нему присоединились Улдин, Ризон и Ашкель. Ахеец отступал, отбиваясь мечом и щитом. Лязгал металл о металл, воздух с хрипом вырывался из легких. Дверь уже не охранялась.

Рид дернул ее. Она сразу открылась, и он вошел в комнату, которая, видимо, служила святилищем. Богиня в человеческий рост из слоновой кости, золота и серебра протягивала к ним руки с вьющимися змеями — душами умерших. Позади нее на стене был нарисован солнечный бык Астерий, справа — осьминог, обозначавший флот, слева — сноп пшеницы, символ мира и богатой жатвы. Перед алтарем горел единственный светильник. Рядом спиной к двери стояла на коленях юная Эрисса. Поникшее лицо скрывала волна черных волос. Под коленями была юбка, сорванная с нее руками, которые затем испещрили синяками ее груди.

— Эрисса! — Рид, спотыкаясь, подбежал к ней.

Но старшая Эрисса оттолкнула его, нагнулась и обняла девушку. В юном лице, прижатом к начинающему стареть, Рид увидел ту же пустоту, что и в лицах своих гребцов после взрыва Атлантиды. Она глядела на него, не узнавая.

— Что произошло? — умоляюще пробормотал он.

Старшая сказала:

— А как ты думаешь? Считалось, что ее судьба сплетена с твоей. Ее сила была в девственности. Тесей опасался их. И отнял. Думаю, ему посоветовала Лидра. Мы ведь знаем, что она ему помогала.

Рид подумал тупо: «Ну конечно... отцом ее первого сына был высокий светловолосый мужчина...»

Вопль и гулкий удар об пол возвестили конец боя за дверь. Поддерживая Эриссу, Эрисса сказала нежно:

— Идем, девочка. Часть твоей боли я исцелю.

Снаружи донеслись крики — воины в другой части дворца слышали шум.

Рид выглянул за дверь. Второй ахеец лежал мертвым на трупе Харая. Но вдаль по коридору бежали воины — человек десять. А они все без доспехов, и Тилиссон ранен.

К двери подскочил Дагон.

— Быстрее! Мы их задержим. Отведите ее на корабль.

Улдин сплюнул:

— Иди с ними, критянин! Все уходите. Вам нужны все ваши силы. Я не пропущу их.

Эрисса с белыми прядями в волосах, поддерживая девушку, которая шла точно во сне, сказала:

— Цена слишком большая.

Афиняне остановились в нерешительности, собираясь с духом. Вероятно, до них доходили кое-какие слухи. И Рид понял: ради уцелевших кефтиу та, что танцевала с быками и еще остается носительницей Силы, не должна вновь попасть в руки их царевича.

Но они не трусы и вот-вот перейдут в нападение.

Улдин снова сплюнул:

— Гунн и десяток косолапых возникших! Неплохо. — Он посмотрел на Эриссу. — Я предпочел бы умереть в степи, где цветут васильки, при свете солнца верхом на коне, — сказал он. — Но ты сдержала свою часть клятвы. Прощай!

Он уже поднял щит убитого ахейца и теперь встал посередине коридора, подняв саблю.

— Чего вы ждете? — крикнул он и разразился градом непристойных насмешек.

Эрисса дернула Рида за тунику.

— Идем, — сказала она.

Увидев, что они уходят, афиняне двинулись вперед — четверо в ряд. Те, кто шел сзади, подняли копья. Улдин подпустил их совсем близко. Внезапно он присел, прикрывая голову щитом, и ударил по ноге, где между юбочкой и ремнями сандалии виднелась кожа. Раненый с воплем упал, а Улдин стремительно повернулся и подсек второго. О его щит зазвенели мечи. Он молниеносно выпрямился, опрокинув того, кто стоял перед ним, на соседа. Они упали, а сабля Улдина дважды опустилась. В него вонзилось копьё, но он, казалось, даже не заметил и, ворвавшись между ними, рубил направо и налево. Потом они всем скопом навалились на него, но потребовалось еще немало времени, чтобы покончить с ним, и те, кто уцелел в этом бою, навсегда сохранили на память о нем то или иное увечье.

Галера вышла в море, увозя беженцев — тех, кого Рид и его товарищи повстречали на обратном пути. Искать других времени не было. За ними, наверно, уже гнались. У самого порта их заметил патруль, и они сражались, пятась, — наносишь удар, отражаешь удар, снова пятаешься в темноту, — пока не добрались до своей лодки. Там они остановились и отражали натиск ахейцев, пока с галеры не подплыло подкрепление и оставшиеся в меньшинстве враги не были изрублены на куски. Рид сохранял тупое безразличие. К тому же он понимал, что только так можно было перевезти кноссцев на галеру.

Отойдя от берега, они получили возможность передохнуть. В гавани царя морей не осталось ни единого корабля. Измученные, они легли в дрейф.

Поднимался ветер. К утру он, конечно, раздует пожары в городе в ревущую огненную стихию, следы буйства которой сохранятся и через три с лишним тысячи лет, когда начнутся раскопки Кносса. А ближайшие дни сулили бурю за бурей, пока атмосфера не вернется в обычное состояние. Однако до зари галера могла оставаться в дрейфе. Рид взял на себя обязанность вахтенного. Он знал, что в любом случае не уснет.

Он поднялся на палубу и встал на носу там, где стоял с Эриссой утром. (Утром? Меньше одного оборота Земли тому назад?!) На корме смутно чернели тела спящих моряков и беженцев. Кто-то ворочался, кто-то стонал во сне. Галера покачивалась под ударами волн, становившимися все более сильными, все более громкими. Ветер жаркими порывами налетал с юга, еще царапая кожу вулканическим пеплом, который кружил между Грецией и Египтом, пока наконец весь не осел на сушу и в море. Но ветер уже не дышал прежним смрадом.

Укрытая полоской парусной ткани, горела свеча. Юная Эрисса лежала на соломенном тюфяке. Старшая Эрисса одела ее. Она смотрела вверх, но Рид не мог решить, сознает ли она что-нибудь. Лицо у девушки было сонным. Женщина стояла над ней на коленях и, не замечая, как ветер треплет ее волосы и плащ, нежно ворковала:

— Спи, спи, спи. Все хорошо, деточка моя. Мы с тобой. Мы тебя любим.

— Данкен! — еле слышно произнесли губы, прежде как два розовых лепестка, а сейчас распухшие и кровоточащие от удара кулаком.

— Вот Данкен! — Женщина поманила, и Рид был вынужден подчиниться. Не мог же он помешать Эриссе создать то, что поможет ей остаться в живых два следующих десятилетия?

И все-таки было странно слушать, как она рассказывает про дни и ночи, которых не было и никогда не будет. И, может быть, к лучшему. Никакой реальности не дано быть настолько прекрасной.

Дагон не должен узнать правды и не узнает. Эрисса ему почти ничего не скажет. Он решит, что в эту ночь ее просто избили, а вот прежде на Атлантиде она и Бог, которого звали Данкен...

Сквозь насыщенные пеплом тучи пробились первые лучи зари. Эрисса отодвинулась от лица дремлющей девушки, встала и сказала с бесконечной усталостью:

— Мы еще не свободны.

— Что? — Он замигал. Его веки казались колючими, как ветер. Все его тело ныло от утомления.

— Она и Дагон еще должны уплыть на нашей лодке, ты знаешь сам, — сказала женщина с седыми прядями в волосах. — Иначе Тесей разыщет ее и использует для своих целей. Вот тогда наш выкуп будет уплачен. — Она внезапно подняла руку, указывая: — Посмотри!

Его взгляд скользнул мимо обрывов Крита на горизонте, по морю, катившему черные волны, и задержался на западе, там, откуда быстро приближался ахейский флот. Во главе плыл колосс, который мог быть только творением Олега.

Глава 19

Русский построил наиболее близкое подобие самого большого византийского корабля в его собственном веке. Вдвое длиннее и втрое выше галеры Рида, он нес две мачты с латинским парусным вооружением. Но ветер был противным, и драмон шел на ста веслах, расположенных в два яруса. Острый нос разбивал волны, точно они были судами противника. На носовой и кормовой палубах стояли две огромные катапульты. На длинных стрелах справа и слева над бортами висели каменные глыбы, чтобы сбрасывать их на врагов. В средней низкой части корабля по бортам были установлены щиты, чтобы защищать гребцов. Над скамьями толпились вооруженные воины.

— Тревога! — закричал Рид. — Проснитесь! Проснитесь!

Его команда с трудом выбиралась из вязкой трясины сна. Только Дагон, казалось, сохранил энергию. Он подбежал к Риду с Эриссой.

— Что нам делать? — воскликнул он. — У них силы свежие, у этих псов. И они могут поставить паруса. Нам от них не уйти. А когда нас схватят... — Он посмотрел на спящую девушку и застонал.

— Мы пойдем прямо на большое судно, — ответил Рид. — Им командует мой друг, и он не станет сражаться с нами, едва узнает нас... То есть надеюсь, что не станет.

Женщина с седыми прядями закусил губу.

— А вы, молодые... Надо подумать. Не отходи от нее, Дагон. Она отвела Рида в сторону.

— Что-нибудь случится не так, — прошептала она тоскливо.

— И я боюсь того же, — согласился он. — Но ведь выбора у нас нет, верно? И... вспомни, на что мы надеялись. Уж конечно, путешественники во времени, наблюдающие где-то неподалеку, заметят корабль, не принадлежащий этой эпохе, и приблизятся выяснить, в чем дело. Тем более что таких кораблей

здесь теперь два. Причем тот бросается в глаза даже больше нашей галеры. Мы обязательно должны сблизиться с ним.

Он посмотрел вверх, но увидел только тучи, серые, бурые и черные. Ближе к югу они громоздились башнями, которые пронизывали молнии. Надвигалась новая буря... Но, естественно, у наблюдателей из будущего скорее всего есть средство оставаться невидимыми.

— Если нас не спасут... — начал он и запнулся.

— Тогда мы пройдем своим путем вместе... — Их взгляды обратились на юную пару у носа — на спящую с улыбкой девушку и на юношу, скорчившегося возле нее. — Или мы умрем, — закончила Эрисса. — Но они будут жить. Как бы то ни было, меня посетила удача. И молюсь, чтобы и для тебя это было удачей.

Веса пришли в движение. Перехватить драмон следовало прежде, чем какой-нибудь обычный корабль перехватит их галеру. Ахейские корабли плыли, не соблюдая никакого строя и далеко друг от друга, — идее настоящего военного флота теперь, когда единственный такой флот в мире был уничтожен, предстояло возродиться только через века и века. Тем не менее они не могли не заметить галеры столь непривычной формы, да к тому же и с несомненно минойской раскраской. А приблизившись, они увидят на борту кефтиу — законную дичь.

Палуба накренилась. Волны заплескивали через борта, обливая почти нагих гребцов, которым приходилось то и дело отталкивать растерянных мужчин, дрожащих женщин, плачущих детей. Свистел ветер, принося отзвуки далеких раскатов грома.

— Ты ведь не боишься, Данкен? — спросила Эрисса.

— Нет, — ответил он, с удивлением заметив, что сказал правду. И подумал: может быть, я научился храбрости у нее.

Драмон изменил курс. Видимо, его начальник тоже решил пойти на сближение. Моряки там суеились, что-то кричали, но ветер относил их голоса в сторону. И различить знакомые фигуры и лица было пока еще невозможно.

И тут...

— Господи! — крикнул Рид. — Они заряжают катапульты!

— Значит, мы погибнем! — пробормотала Эрисса сквозь стиснутые зубы. — Они увидели наш таран и трусили.

Пылающий шар — большой ком пакли, пропитанный смолой и подожженный, — полетел по широкой дуге, посланный афинской катапультой. Рид растерянно подумал: Олег попробовал открыть тайну греческого огня. И вот что получилось! А вслух он крикнул:

— Вперед! Надо сойтись с ним! Показать ему, что это мы...

Первые два шара с шипением погасли в море. Третий упал на палубу. Там находились только Рид с Дагоном, обе Эриссы и рулевой, который с воплем тут же спрыгнул вниз. Винить его Рид не мог: высушенные просмоленные доски вспыхнули, как порох. Американец тоже спрыгнул в хаос внизу.

— Гребите! Гребите! — заорал он. — Эй, кто-нибудь, помогите мне! — Он схватил ведро для вычерпывания, опустил в море и передал на палубу Эриссе-женщине.

Она выплеснула ведро на огонь, но крикнула:

— Все зря! Упал еще один, а ветер раздувает пламя.

— Тогда отправь молодых!

— Да-да. Проснись, Эрисса. Дагон, иди за мной!

Они пробрались на корму к Риду. Среди общего смятения лишь двое заметили, что он подтянул лодку к борту. Тилиссон протолкался к нему и сказал, стараясь перекричать шум:

— Но в ней мало места и...

Рид кивнул,

— Да. Поплывут в ней только они двое. — Он кивнул на молодую пару.

— Я? Брошу вас и сбегу? — заспорил Дагон.

Рид посмотрел ему в глаза.

— Ты не бежишь! — твердо сказал он. — Ты выполняешь важнейший долг, пусть и не знаешь какой. — Правой рукой он сжал руку юноши, левой обнял за плечи девушку, которая очнулась от дремоты и с ужасом смотрела вокруг, стараясь понять, что происходит. Над ним ревел огонь, пожирая палубу на носу. Беженцы прижимались к бортам и стонали.

— Эрисса, — сказал он девушке, — отправляйся в путь. Терпи. Знай, что в конце я позову тебя. — Он мог только поцеловать ее в лоб. — Дагон, всегда будь с ней! Прощайте!

Эрисса-женщина быстро обняла их. Они перебрались в лодку. Дагон по-прежнему не понимал, почему они не могут взять с собой еще кого-то. Но прежде чем он успел возразить, Рид отвязал чалку. Волны и ветер сразу же отогнали лодку от галеры. Она выглядела пугающе хрупкой в своем одиночестве. Дагон уже ставил мачту. Но тут дым пылающей палубы скрыл его и юную Эриссу.

— Ты начальник, — сказал Тилиссон, — но можно спросить, почему ты не позволил спастись больше никому?

— У меня есть на то причины, — ответил американец. Главной он не назвал: этим двоим, быть может, легче было бы умереть, чем оказаться в рабстве, вырваться из которого могли лишь самые дерзновенные.

Эрисса сказала странным голосом:

— Теперь мы свободны.

«Свободны умереть, — подумал Рид. — Мы отослали этих детей, не просто чтобы был сыгран последний, он же первый акт, и даже не для того, чтобы отнять у варваров талисман, который придал бы им смелость уничтожить остатки цивилизации. Мы отослали их, просто чтобы они остались жить. Галера обречена на гибель, а с ней скорее всего и мы. Но я тоже буду бороться до конца, Эрисса!»

— Идем! — сказал он Тилиссону. — Помоги мне навести порядок.

Криками, кулаками, пинками они восстановили подобие дисциплины. Кноссцы сгрудились в середине, атлантидцы взялись за весла, которые были привязаны к борту ремнями и потому волны их не унесли. Горящая галера начала набирать скорость.

— Поднимемся на нос, покажемся им, — сказал Рид Эриссе.

Они уже приближались к драмону. Сквозь дым и летящие по ветру брызги можно было различить лица. Диорей возле носовой катапульты отдает распоряжения, а Олег, черт побери, Олег стоит рядом с ним — могучий, в кольчуге. Рид вспрыгнул на носовой планширь и ухватился за штевень. Огонь за спиной жег ему спину.

— Олег! — завопил он. — Ты не узнаешь нас?

— Боже мой! — завопил в ответ Олег на родном языке. — Данкен! Эрисса! А я все думал... Стой, ребята! Спускай лодку, гребите туда!

Рид увидел, как Диорей покачал головой. Он как будто услышал слова ахейца: «Они слишком опасны. Надо покончить с ними, пока возможно».

Олег взревел от возмущения и вскинул топор. Два воина бросились к нему, его топор свистнул в воздухе, они отступили. Диорей что-то крикнул остальным.

— Держись, мы сейчас! — закричал Рид, а потом обернулся к гребцам и к Ашкелю на корме с рулевым веслом, которым они наспех заменили румпель. — Наша последняя надежда! Протаранить это чудище, совладать с ними, захватить их лодки!

Ответом ему был дружный хриплый клич. Под чумазой потной кожей вздулись мышцы. Галера рванулась вперед. Рид оттащил Эриссу в более безопасное место.

Олег на драмоне пробился к Диорею. Афинянин выхватил меч и прыгнул на русского. Топор Олега вышиб меч из его рук. Секунду спустя косой удар топора по нагруднику сбросил

Диорея в море. Бронзовые доспехи сразу утянули его под воду. Олег стремительно повернулся к воинам.

Галера врезалась в драмон под жуткий треск ломающихся весел. Таран пронзил борт. Огонь с носа галеры тут же перекинулся на палубу и снасти драмона. Рид ухватил абордажный крюк, раскрутил его над головой, зацепил борт и на руках вскарабкался по веревке. А в мозгу у него мелькнуло: обоим анахронизмам пришел конец. В этом веке ничего подобного больше никто не построит... Не раньше, чем ахейцы, аргивяне, данаи, дорийцы станут греками, сохранив в жилах и кровь древних мореходов кефтиу...

Из туч спустилось перламутровое сияние.

Глава 20

Смуглый любезный человек сказал:

— Нет, мы про вас ничего не знали. Наши сведения о том, как нас унесло из здесь-сейчас и как затем вы были спасены, лежат в нашем собственном будущем, вы понимаете? Экспедиции во времени организуются очень редко, и на посещение ближайшего прошлого энергию не тратят. Но вы не ошиблись, предположив, что эта катастрофа, почти уникальная геологически и приведшая к столь значительным последствиям, не могла не привлечь внимания наблюдателей. И верно рассчитали, что мы заметим два корабля-анахронизма и догадаемся о случившемся. Так ни в коем случае не думайте, будто вы — марионетки, повторяющие одно и то же. Вы сумели выжить, сумели спастись благодаря самим себе. Слабые погибли бы, глупцы так и остались бы в прошлом... Нет, мы глубоко сожалеем, но разыскивать лодку не можем — район слишком обширен, погода бурная, а наши средства ограничены. И если осмыслить все вместе взятое, хорошее вместе с дурным, то захотели бы вы отказаться от собственного прошлого, будь это возможно? Ведь оно рождает ваше будущее.

Ваших друзей с Атлантиды и из Кносса мы вернули на Крит в горы, куда завоеватели явятся еще не скоро. Воспоминания о вчерашнем дне стерты в их памяти. Им внушено, что они пытались бежать и потерпели кораблекрушение. Сделано это только для того, чтобы избавить их от ненужных страхов и сомнений, которые мешали бы им наладить свою жизнь заново. И тут опять вся честь принадлежит вам, потерпевшим времекрушение, так как вы обеспечили спасение и им. Благодаря вам археологи отыщут под лавой Санторина очень мало скелетов.

Ахейские моряки? Они практически ничего не видели. Как вам известно, приближаясь, мы затемнили сознание всех на борту. Через несколько минут они очнулись, и ближайшая галера успела подобрать их, прежде чем разбитый корабль пошел ко дну.

Однако остальной флот увидел явление разгневанных богов столь грозное, что Тесей, вернувшись в Афины, выбросит ментатор в море. А это весьма важно. Но гораздо важнее, что вы в самую минуту его торжества освободили девушку, которая для него была знамением победы над древней Матерью Богов. Утешьтесь же мыслью о том, что теперь он не только пощадит колонии Крита, но в целом будет неплохим царем, и микенская культура станет достойным порождением минойской и заква-ской культуры Эллады.

Естественно, мы очень благодарны вам за сообщение о поломке корабля пространства-времени. Он будет отремонтирован и возвращен в исходную точку. Да, вас тоже можно вернуть. Как раз потому, что контрольные поля не сработали, вызвав поломку, в вашем распоряжении (фигурально выражаясь) оказался туннель, оставленный аппаратом в континууме. Запущенный по нему аппарат вернет вас точно в ту точку — момент, в который вы были захвачены, поскольку весь процесс повторится в обратном порядке.

Ремонт потребует времени, так как наши возможности невелики. А вы перенесли тягчайшие испытания. Наша база находится на Черном море в достаточном отдалении от района бедствий. Если хотите, мы доставим вас туда отдохнуть, набраться сил и решить, как вы намерены распорядиться жизнью, которую обрели вновь.

Олег несколько заплетающимся языком сказал сентиментально:

— Последняя ночь вместе, а? Не стану вам ее портить. Ну да и все эти недели я вас не слишком допекал. А скучать по вас я буду, хотя и очень хочу вернуться домой.

Он по-медвежьи облапил их и побрел спать.

Эрисса и Рид остались одни. Экспедиция будущников обитала не в палатках, а в здании из арок — воздушных, многоцветных и неразрушимых, точно радуги. Они стояли на террасе над склоном, который уходил вниз к лесу, благоухающему запахом лета, осеребренному луной, и широкой тихой водной глади за ним. Вверху мерцали россыпи звезд. Пел соловей.

— Я, кажется, предпочел бы остаться, — неловко пробормотал Рид.

Она покачала головой:

— Мы ведь обсуждали это, милый. Изгнание и тебе и мне было бы слишком тяжело. А мысль о любви, которая ждет нас дома и которую мы предали бы?

— Все так бессмысленно! — сказал он, терзаясь из-за близкой разлуки. — Мы же только вновь замкнули круг, ничего не совершив. Единственно ты узнала, что основа твоей жизни была ложью.

— Да нет же, нет! — Эрисса положила руку ему на плечо и посмотрела на него с глубокой серьезностью и нежностью. — Неужели ты не понял и я должна тебе снова объяснять? Мы прожили эти полгода и, если встретили горе, обрели друг в друге радость, которая останется с нами до смерти. А наша победа? Ведь это же была победа, раз мы и те, о ком мы заботились, сумели пережить конец мира и даже спасти частицы этого мира для того, который придет ему на смену. Пусть у нас была лишь одна дорога, замкнувшаяся на себе же, но мы ее прошли. Теперь я вижу, что мы никогда не были рабами судьбы, ибо судьбу эту выковывала для нас наша воля. Я придумала для тебя сказку. Юным в страдании нужны сказки. Но я выросла из них, и правда все-таки лучше. Нет, Данкен, мне было больно, невыносимо больно. И я всем сердцем благодарю тебя. Ведь ты доказал мне, что Девкалион в самом деле мой любимый старший сын, что его жизнь — залог того, что ненависть кончается. А Дагюн, мой муж? Теперь, лежа в его объятиях, я всегда буду помнить, как он оберегал ту девушку. И ты больше не мой Бог, ты мой любимый друг, а это гораздо больше. Но он — мой мужчина на всю мою жизнь.

Она помолчала, потом сказала медленно:

— Безоблачного счастья не существует. Но теперь я буду счастливее, чем раньше. И хотела бы, чтобы это было дано и тебе, Данкен.

Он поцеловал ее.

— Я верю, что будет так, — ответил он. — Ты исцелила меня от хромоты, о которой я даже не знал.

Она улыбнулась:

— Эта ночь принадлежит нам. Но, милый мой, с кем я скоро станусь, прежде еще раз скажи мне о том, что грядет.

— Через тысячу лет Афины воссияют славой, которая будет радовать человечество до конца его существования на Земле. И тайное семя этой славы — наследие твоего народа.

— Такое утешение помогает жить. Моя страна была тем, чем станет их страна. А теперь будем вдвоем, только вдвоем.

Он споткнулся, упал и минуту лежал на вибрирующей палубе, ожидая, пока пройдет головокружение.

Надо поскорее встать и уйти в нашу каюту, думал он. Пока меня кто-нибудь не увидел. Пусть я побрился, постригся и меня снабдили одеждой, имитирующей одежду, модную в эти годы двадцатого века, однако мне не легко было бы объяснить некоторые изменения в моей внешности!

Он встал и выпрямился. К нему вернулись силы и спокойствие. Вокруг мерцал и шуршал пеной Тихий океан. Он попытался сплести из лунного света образ Эриссы, но это было не легче, чем вспомнить недавний сон.

«А ведь она помогла мне обрести все! — подумал он. — Научила меня тому, что значит быть женщиной и, следовательно, что значит быть мужчиной».

Он спустился по трапу. Памела полусидела на своей койке, разделяя одиночество с детективным романом в мягкой обложке. Свет лампы озарял ее волосы и фотографии детей. Она подняла на него глаза.

— О! — сказала она робко. — Ты вернулся раньше, чем я ждала.

Рид улыбнулся ей. Он вспомнил, как раньше на палубе думал о поэте, который погиб молодым во имя бессмысленных причин, но прежде прожил столько, сколько дано немногим.

*И я спокоен был вполне,
Меня не била дрожь,
Когда я видел, как ко мне
Ты через луг идешь.
И не догадывался я,
Мне не сказал другой,
Что и тогда, любовь моя,
Любовь была тобой.*

Памела внимательно посмотрела на мужа и села прямо.

— Но на тебе же не твоя куртка, — сказала она. — И...

— Понимаешь, я разговаривал с вахтенным, мне очень понравилась его куртка, ему — моя, так что мы обменялись, — объяснил он. — Вот взгляни! — Он снял куртку и бросил к ней на колени.

Она невольно принялась ее рассматривать, щупать незнакомую материю. А Рид тем временем снял все остальное, надел

халат и под его прикрытием убрал имитации поглубже в ящик, чтобы потом выбросить за борт.

Памела опять подняла на него глаза и сказала удивленно:

— Данкен! Ты же похудел, а я и не замечала. И на лице складки.

— Неужели? — Он сел на койку рядом с ней и подсунул ладонь под ее подбородок. — Пора нам положить конец этому отчуждению. Берись за весла, товарищ! А если не умеешь грести, я тебя научу.

«Надо ее отвлечь, — думал он. — Я расскажу ей всю правду, но не сейчас. Она не поверит. Да и у нас есть вещи поважнее. Я ощущаю в себе столько нового! Понимание должного, дух, который не сдастся, смелость радоваться жизни».

— О чем ты? — умоляюще спросила она.

— Я хочу сделать мою женщину счастливой, — ответил он.

Содержание

От издательства	7
Операция «Хаос», роман, <i>перевод с английского Т. Голубевой</i>	9
Танцовщица из Атлантиды, роман, <i>перевод с английского И. Гуровой</i>	219

МИРЫ ПОЛА АНДЕРСОНА

Собрание фантастических произведений в 30 томах

Том восьмой

Составитель *А. Новиков*
Ответственный за выпуск *Е. Чупов*
Редактор *Е. Барина*
Технический редактор *К. Козаченко*
Корректоры *Н. Дундина, А. Хиришфельде*
Операторы компьютерной верстки
Н. Амосова, Е. Глуховская
Оформление шмуцтитилов: *М. Ермаков*

Качество печати соответствует диапозитивам,
предоставленным издательством.

ЛР № 062455 от 23.03.93.

Подписано в печать 2.08.96. Формат 84×108/32.

Гарнитура Таймс. Печать высокая.

Усл. печ. л. 20,16.

Тираж 10 000 экз. Заказ № 2352. С 177

Издательство «Полярис»

Латвийская Республика, LV-1039, Рига, а/я 22

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Тверском ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР
Комитета Российской Федерации по печати.
170040, г. Тверь, проспект 50-летия Октября, 46

Операция «Хаос»

Немногим удастся привлечь к себе внимание Князя Тьмы. Но капитан Стивен Матучек, раз за разом расстраивающий планы Брага, вынужден спуститься за своей похищенной дочерью в ад. Помогут ли ему силы волка-оборотня?

Танцовщица из Атлантиды

При аварии машины времени троих людей из разных эпох забрасывает в далекое прошлое. Прекрасна страна Атлантида, и мудра ее ариадна... но вулкан уже начинает дымиться, предвещая взрыв.

